

ЕНИСЕЙСКИЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ЧТЕНИЯ

Сборник научных статей по материалам
XIV Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием

ВЫПУСК IV

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Сибирский федеральный университет
Юридический институт

ЕНИСЕЙСКИЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ЧТЕНИЯ

сборник научных статей по материалам
XIV Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием
(19–24 сентября 2022 г.)

Электронное научное издание

Красноярск
СФУ
2022

УДК 34
ББК 67.3
Е63

Е63 Енисейские политико-правовые чтения : сборник научных статей по материалам XIV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (19–24 сентября 2022 г.) [Электронный ресурс] / отв. ред. Г.Л. Москалев. – Электрон. дан. – Красноярск: Общественный комитет по защите прав человека, 2022. – Систем. требования: PC не ниже класса Pentium I; 128 Mb RAM; Windows XP/7/8/10; Adobe Reader V8.0 и выше. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-9500618-8-2

Представлены статьи участников XIV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Енисейские политико-правовые чтения», которая состоялась в Юридическом институте Сибирского федерального университета 19–24 сентября 2022 года. Предназначено для преподавателей и обучающихся юридических вузов и всех, кто интересуется современными проблемами права.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

ISBN 978-5-9500618-8-2

УДК 34
ББК 67.3

© Сибирский федеральный университет, 2022
© Оформление Г.Л. Москалев, 2022

Электронное научное издание

Подписано в свет 28.10.2022. Заказ № 8
Тиражируется на машиночитаемых носителях

Красноярская региональная общественная организация
«Общественный комитет по защите прав человека»
660075, г. Красноярск, ул. Маерчака, д. 6

УДК 347.23

**ПРИБРЕТЕНИЕ БЕСХОЗЯЙНОЙ НЕДВИЖИМОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫМ
ОБРАЗОВАНИЕМ: ПРАВО ИЛИ ОБЯЗАННОСТЬ?**

© **К.А. Арыкова**

Сибирский федеральный университет

Практически в каждом муниципальном образовании существуют объекты недвижимости, обладающие признаками бесхозяйных вещей и нуждающиеся в учете и должном содержании. В настоящее время правовой режим бесхозяйной недвижимости определяется статьей 225 Гражданского кодекса [1], редакция которой была изменена Федеральным законом от 21 декабря 2021 года [2]. В ней по-прежнему предусматривается, что такое имущество принимается на специальный учет по заявлению органа местного самоуправления, а по истечении года – уполномоченный орган местного самоуправления может обратиться в суд с требованием о признании права муниципальной собственности на эту вещь. Новая редакция статьи 225 выделяет среди прочих бесхозяйных объектов недвижимости линейные объекты, в отношении которых предложены особенные правила приобретения права собственности. Для реализации правил о бесхозяйной недвижимости, как и ранее, необходимо совершение уполномоченным лицом двух юридических действий: обращение с заявлением о постановке ее на специальный учет и обращение в суд с требованием о признании права собственности. Однако ни в действующем законодательстве, ни в сложившейся судебной практике нет однозначного ответа на вопрос – является ли совершение этих действий, а в особенности, приобретение в собственность бесхозяйной недвижимости, обязанностью муниципального образования или его правом? Между тем решение этого вопроса имеет большое общественное значение. Наличие на территории муниципального образования бесхозяйной недвижимости не только ухудшает общий уровень благоустройства территории, но и может создавать опасность для жизнедеятельности граждан.

Предложенное законодателем решение вопроса породило дискуссию в доктрине, а также противоположные правовые позиции в судебной практике.

Так, О.Н. Садиков, анализируя порядок обращения бесхозяйной недвижимости в муниципальную собственность отмечает, что «статья 225 ГК не

обязывает орган местного самоуправления предъявлять такой иск» [3, с. 186]. Исследователь гражданского права А.Б. Елизаров придерживается аналогичного мнения и добавляет, что «специальный закон (ст.ст. 14, 15 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г.) также не содержит не только требований к органу местного самоуправления о выявлении бесхозяйного имущества и обращении с заявлением в суд с требованием о признании на него права собственности, но и не предоставляет ему таких полномочий» [4, с. 18].

Схожая позиция изложена в монографии под редакцией К.А. Иванова, в которой делается вывод, что «возбуждение процедуры признания имущества бесхозяйным (а в дальнейшем – и признание права муниципальной собственности) – лишь право, а не обязанность органов МСУ» [5, с. 8].

Поддерживает данную позицию и Эмиль Маркварт, который полагает, что «трактовка принятия бесхозяйного имущества в муниципальную собственность как обязанности, в корне противоречит, как нормам частного (гражданского), так и публичного (муниципального) права» [6, с. 8].

Доктринальная позиция указанных авторов находит свое подтверждение и в сложившейся судебной практике. Верховный Суд РФ неоднократно высказывал мнение о том, что необращение администрации муниципального образования в регистрирующий орган с заявлением о принятии на учет объектов недвижимости в качестве бесхозяйных нельзя квалифицировать как незаконное бездействие, т.к. указанной обязанности действующим законодательством не предусмотрено (Определение Верховного Суда РФ от 02.06.2017 № 303-КГ17-6033). В то же время, Верховным Судом РФ была высказана и противоположная правовая позиция: постановка бесхозяйной недвижимой вещи на учет по заявлению органа местного самоуправления, на территории которого она находится, является обязательной. Однако последующее оформление права муниципальной собственности на бесхозяйную вещь не является обязанностью органа местного самоуправления (Определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 18.06.2020 № АПЛ20-114).

Стоит отметить, что суды первой и апелляционных инстанций также «лояльны» к муниципалитетам в части определения их полномочий. Они, как правило, признают диспозитивный характер норм статьи 225 ГК РФ и полагают, что постановка на учет и последующий прием в собственность бесхозяйной недвижимости лишь право муниципалитета (Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 15.09.2014 по делу № А45-10295/2014, Решение Центрального районного суда города Волгограда от 28.12.2011 по делу № 2-

7210/2011, Решение Нерюнгринского городского суда Республики Саха (Якутия) от 05.04.2017 № 2-408/2017).

В противовес приведенной выше точки зрения существуют доктринальные позиции, полагающие, что постановка на учет и приобретение права собственности на бесхозяйную недвижимость является обязанностью органа местного самоуправления.

Т.С. Этина, ссылаясь на ранее действующее Положение о принятии на учет бесхозяйных недвижимых вещей, утвержденное Постановлением Правительства РФ от 17.09.2003 N 580 (далее – Положение), отмечает, что «в п. 5 разд. 2 Положения, основанием постановки на учет указано заявление органа местного самоуправления. Представляется, что данное положение закона носит императивный, а не диспозитивный характер, т. е. предписывает в обязательном порядке постановку на учет бесхозяйных недвижимых вещей и с этой целью требует подачи заявления соответствующим органом местного самоуправления» [7].

Я.Г. Дубова, анализируя вопрос бесхозяйности тепловых сетей, отмечает, что ОМСУ обязан совершить действия по подаче заявления «о постановке на учет имущества в качестве бесхозяйного в силу возложенных на него Законом полномочий. Поэтому ОМСУ, уполномоченные управлять муниципальным имуществом, обязаны принимать меры по постановке на учет бесхозяйного недвижимого имущества, в том числе тепловых сетей, и тем самым создавать необходимые условия для контроля и надзора за ними» [8].

Связывает между собой как единое целое процедуру постановки на учет и приобретения права собственности З.К. Кондратенко. По её мнению, «целью постановки на учет имущества как бесхозяйного является признание на него в дальнейшем права муниципальной собственности» [9, с. 98]. Таким образом, если имущество поставлено на учет, муниципалитет, следуя этой логике, обязан приобрести право собственности на имущество. Однако, указанные действия, на наш взгляд, не могут быть причиной и следствием. Несмотря на то, что это последовательные действия, они являются совершенно разными юридическими фактами. Так, постановка на учет не может обуславливать приобретение права, хотя бы потому, что за время ожидания (1 год или 3 месяца с момента постановки на учет) объект может быть принят во владение оставившим его собственником, приобретен в собственность в силу приобретательной давности, может погибнуть, орган местного самоуправления может быть реструктуризирован (например, администрация сельского поселения упразднена) или же и вовсе бюджет муниципалитета не будет рассчитан на затраты по содержанию нового объекта недвижимости.

В судебной практике представления об обязанности муниципалитета получили достаточно обширную поддержку: суды обязывают муниципалитет совершить действия по постановке на учет и приобретению права собственности в случае если спор идет об объектах коммунальной сферы – тепло-, водо-, электро-, газо-снабжение и др. (Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 19.05.2021 по делу № 88-11600/2021, Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 21.07.2021 № 88а-6003/2021, Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 31.03.2022 № 88а-12867/2022 по делу № 2а-256/202). Аргументируется такой подход тем, что «принятие в собственность бесхозного недвижимого имущества обусловлено общественно значимыми целями» (Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21.02.2022 № 88а-3791/2022); отсутствие собственника влечет неисполнение органом местного самоуправления установленных законом обязанностей по обеспечению безопасности, предупреждению чрезвычайных или аварийных ситуаций в границах поселений, отнесенных к вопросам местного значения (Решение Арбитражного суда Омской области от 16.06.2020 по делу № А46-3968/2020; Решение по делу № А27-8450/2019 Арбитражный суд Кемеровской области; Решение Третьяковского районного суда Алтайского края от 17.02.2022 по делу № 2а-52/2022 и др.). Правда, различаются резолютивные части таких судебных актов: либо «муниципальное образование должно принять бесхозное имущество на учет и в дальнейшем признать на него право муниципальной собственности, а также обеспечить его эксплуатацию, т.е. взять на себя затраты на содержание объекта» (Решение Арбитражного суда Кемеровской области от 03.03.2021 по делу № А27-9855/2020, Решение Дульдургинского районного суда Забайкальского края от 28.01.2022 по делу № 2а-51/2022); либо только - «обязать организовать постановку на учет бесхозного недвижимого имущества (Решение Шилкинского районного суда Забайкальского края от 12.01.2022 по делу № 2-65/2022), (Решение Хилокского районного суда Забайкальского края от 16.12.2021 по делу № 2а-509/2021).

Используемая в судебной практике аргументация продиктована публичными интересами, которые действительно требуют особого внимания со стороны законодателя. Признание того, что рассматриваемые функции местного самоуправления – это право, снимет какую-либо ответственность с муниципалитета и обречет объект недвижимости на неопределенную судьбу как в правовом, так и в фактическом смысле. В то же время нельзя не учитывать, что муниципалитеты уклоняются от приобретения бесхозной недвижимости

из-за отсутствия необходимых условий, в том числе и финансовых, для содержания и эксплуатации этих объектов.

В этой связи в литературе предложены некоторые варианты решения проблемы совершенствования действующего механизма приобретения права муниципальной собственности на бесхозную недвижимость. А.Б. Елизаров предлагает «принять поправки к действующим федеральным законам, которые бы императивно закрепляли обязанность органов местного самоуправления выявлять бесхозное имущество и обращаться в суд о признании такового имуществом муниципального образования либо собственности иных лиц на условиях возмездности» [4, с. 18]. Аналогичного мнения придерживается Е.В. Филлипова [10, с. 375]. Данные поправки, на наш взгляд, не решат проблему с бесхозной недвижимостью как таковой, они лишь могут уменьшить количество судебных процессов. Муниципалитеты по-прежнему будут затягивать процедуру учета и принятия в собственность бесхозной недвижимости в виду ограниченности их ресурсов.

Вряд ли повысит эффективность законодательства и реализация предложения установить сроки обращения для постановки на учет [11, с. 68]. Полагаем, что могут возникнуть сложности с определением начала течения срока – с момента, когда объект стал обладать признаками бесхозной недвижимости или с момента выявления бесхозного объекта. К тому же это не снимает проблему отсутствия у муниципалитета заинтересованности в объекте недвижимости.

Более взвешенными представляется предложения о расширении круга лиц, имеющих полномочия по приобретению права собственности на бесхозные вещи: различные публично-правовые образования (Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования) в зависимости от их компетенции, либо любые заинтересованные физические и юридические лица [12, с. 96; 13, с. 236]. Расширение субъектного состава лиц, имеющих данные полномочия, может снять нагрузку с муниципального образования.

Руководствуясь вышеизложенным, полагаем возможным сделать следующие выводы:

1. исходя из буквального толкования норм о бесхозной недвижимости следует признать, что законодатель действительно не сформулировал обязанности муниципального образования по приобретению бесхозной недвижимости в собственность. Однако толкование соответствующих норм должно осуществляться исходя из их смысла, целей, преследуемых при их установлении, на что неоднократно обращали внимание Конституционный Суд

РФ (см. решение Конституционного Суда РФ от 19.10.2021), Высший Арбитражный Суд РФ (Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах») и Верховный Суд РФ (Решение Верховного Суда РФ от 30.05.2017 № АКПИ17-203; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2021 № 309-ЭС21-6955(1-3) по делу № А60-36897/2020 и др.). Цели, достижение которых обеспечивает норма ст. 225 ГК РФ о поступлении бесхозной недвижимости в муниципальную собственность – это обеспечение жизнедеятельности населения соответствующего муниципального образования путем устранения бесхозности, заброшенности объектов недвижимости, вовлечения их в создание достаточного уровня благоустройства территории, ее безопасности и комфорта. Довольно распространенное на практике уклонение органов местного самоуправления от обращения в муниципальную собственность такой бесхозной недвижимости, являясь экономически оправданным и целесообразным в виду недостаточности средств для их содержания, невозможности обеспечения их эксплуатации, вступает в противоречие с общим благом, нарушает интересы населения определенного муниципального образования, и потому недопустимо;

2. решение назревшего вопроса требует внесения следующих изменений в действующее законодательство:

- следует изменить формулировку нормы п.3 ст. 225 ГК РФ, закрепив обязанность органа местного самоуправления обратиться с заявлением о постановке на учет бесхозной недвижимости в разумный срок с момента ее выявления на территории муниципального образования;

- определить, что орган местного самоуправления обязан принимать в муниципальную собственность только такие объекты бесхозной недвижимости, которые предназначены для решения вопросов местного значения: относятся к объектам ресурсоснабжения или представляют опасность для жизни и благополучия населения данного муниципального образования.

Полагаем, что указанные изменения позволят разграничить полномочия органов государственной власти и местного самоуправления в указанной сфере, а также создать единообразное применение правовых норм в сфере бесхозной недвижимости.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ : принят Гос. Думой 21 октяб. 1994 г.

URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 28.08.2022).

2. Федеральный закон "О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации" [Электронный ресурс] от 21 дек. 2021 г. № 430-ФЗ; принят Гос. Думой 08 дек. 2021 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404036/ (дата обращения: 28.08.2022).

3. Садилов Гражданское право России. Общая часть: Курс лекций (ответственный редактор - О.Н. Садилов). - М. Юристъ, 2001. 333 с.

4. Елизаров А.Б. Административно-правовой статус бесхозяйного имущества // Сибирское юридическое обозрение. 2010. №13. – С. 16-18.

5. Муниципальное управление бесхозяйным имуществом / ИУРП РАНХиГС [Центр местного самоуправления; отв. ред. К.А. Иванова]. – М. : Изд-во «Проспект», 2020. – 66 с.

6. Эмиль Маркварт, Э. Признание права муниципальной собственности на бесхозяйное имущество / Э. Эмиль Маркварт, С. С. Исупова // Местное право. – 2010. – № 5. – С. 3-50.

7. Этина, Т. С. Процессуальные аспекты признания права муниципальной собственности на бесхозяйную недвижимую вещь / Т. С. Этина // Вещные права: система, содержание, приобретение : сборник научных трудов в честь профессора Б. Л. Хаскельберга / под редакцией Д. О. Тузова. – Москва : Издательство "Статут", 2008. – С. 402-418.

8. Дубова Я.Г. Определяем состав общего имущества в МКД // Жилищно-коммунальное хозяйство: бухгалтерский учет и налогообложение. 2018. N 12. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.08.2022).

9. Кондратенко, З. К. Приобретение права частной собственности на бесхозяйные объекты незавершенного строительства на основании приобретательной давности в России и странах СНГ / З. К. Кондратенко // Марийский юридический вестник. – 2015. – № 4(15). – С. 96-103.

10. Филиппова, Е. В. Бесхозяйный объект недвижимого имущества как особая категория объектов муниципальной собственности в России / Е. В. Филиппова // Заметки ученого. – 2022. – № 6. – С. 373-376.

11. Гряды Э. А. Основания приобретения права собственности на бесхозяйные недвижимые вещи // Власть Закона. - 2013. № 2 (14). – С. 63-76.

12. Кабанова, И. Е. Бесхозяйное недвижимое имущество как угроза общественной безопасности на территории муниципального образования / И. Е.

Кабанова // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2020. – № 5(224). – С. 93-97.

13. Виниченко Ю.В. Бесхозяйность вещей: DE JURE vs. DE FACTO [Электронный ресурс] // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. №40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/beshozhaynost-veschey-de-jure-vs-de-facto> (дата обращения: 20.08.2022).

УДК 343

ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 284.1 УК РФ

© А.Ю. Бойцова

Сибирский федеральный университет

Федеральным законом от 23.05.2015 г. N 129-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в Главу 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» была включена статья 284.1 УК РФ, предусматривающая ответственность за осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности.

В первоначальной редакции объективная сторона состава преступления, предусмотренного статьей 284.1 УК РФ, предусматривала руководство деятельностью такой иностранной или международной организацией либо участие в ее деятельности на территории Российской Федерации, если это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние два раза в течение одного года.

Термин «руководство» и «участие» действующее уголовное законодательство не раскрывает. Однако Верховный суд Российской Федерации в Постановлении Пленума от 28.06.2011 N 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» в пункте 15 разъясняет, что судам следует понимать под этими терминами. Поскольку преступления экстремистской направленности также предусмотрены Главой 29 УК РФ, можно считать, что эти разъяснения с некоторыми уточнениями распространяются на все содержащиеся в ней составы преступлений. Поэтому

под руководством организацией следует понимать осуществление на территории Российской Федерации управленческих функций в отношении такой организации, ее части или структурных подразделений, а также отдельных ее участников. Руководство, в частности, может выражаться в разработке общих планов деятельности организации, в подготовке к совершению действий, направленных на достижение уставных целей иностранной или международной неправительственной организации.

В качестве альтернативного варианта объективной стороны законодатель выделял также участие в деятельности на территории Российской Федерации указанной иностранной или международной неправительственной организации. В соответствии с п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 N 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» под участием в деятельности организации надлежит понимать вхождение в состав такой организации с намерением участвовать в ее деятельности для достижения целей, участие в подготовке мероприятий этой организации, а также выполнение лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности таких организаций. Поэтому, например, влажная уборка помещений такой организации не может считаться участием в ее деятельности, поскольку она не связана никоим образом с достижением указанных целей.

Объективная сторона первоначального варианта объективной стороны этого преступления имела двойную административную преюдицию. Для привлечения к уголовной ответственности лицо, будучи привлеченным к административной ответственности по ст. 20.33. КоАП РФ, должно было вновь совершить аналогичное административное правонарушение в период, когда оно считалось подвергнутым административному взысканию. Совершение третьего аналогичного административного правонарушения в течение одного года считалось юридическим фактом, порождающим признак общественной опасности у этого деяния, которое становилось преступлением.

Федеральным законом от 01.07.2021 г. N 292-ФЗ «О внесении изменения в статью 284.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» эта статья была кардинально изменена. Как сказано в пояснительной записке к законопроекту № 1165661-7, «профильной комиссией Государственной Думы установлены многочисленные факты прохождения российскими гражданами за пределами территории Российской Федерации обучения на тренингах по влиянию на избирательные кампании, организации массовых беспорядков, несанкционированных политических акций, в том числе с привлечением несовершеннолетних, осуществлению антироссийских информационных акций

и формированию в российском обществе терпимости к употреблению наркотических средств путем пропаганды их употребления и легализации наркотиков» [1].

В новой редакции законодатель изменил содержание объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 284.1 УК РФ. Исключив такое деяние как руководство организацией, законодатель сохранил уголовную ответственность за участие в ее деятельности (часть 1). Двойная административная преюдиция для этой разновидности объективной стороны заменена однократной, что заметно усиливает репрессивность данной новеллы УК РФ

Кроме того, в объективную сторону без административной преюдиции были включены предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для обеспечения деятельности такой организации (часть 2).

В части 3 ст. 284.1 УК РФ, теперь также без административной преюдиции, предусмотрена уголовная ответственность за организацию деятельности на территории Российской Федерации указанной иностранной или международной неправительственной организации. В соответствии с пунктом 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 N 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» под организацией деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации... следует понимать действия организационного характера, направленные на продолжение или возобновление противоправной деятельности запрещенной организации (например, созыв собраний, организация вербовки новых членов). Представляется, что это толкованием можно применить и к пониманию содержания термина «организация деятельности иностранной или международной неправительственной организации». В соответствии с частью 3 ст. 33 УК РФ организатором признается лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением. Отсюда можно сделать вывод о том, что руководство иностранной организацией, чья деятельность признана нежелательной на территории Российской Федерации, является разновидностью организации ее деятельности, что также должно квалифицироваться по части 3 статьи 284.1 УК РФ.

В целом объективная сторона действующей редакции статьи 284 .1 УК РФ включает в себя: участие в деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на

территории Российской Федерации, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние (часть 1), предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для обеспечения деятельности такой организации (часть 2), организация деятельности на территории Российской Федерации указанной иностранной или международной неправительственной организации (часть 3).

Список использованных источников:

1. Законопроект № 1165661-70 внесении изменения в статью 284-1 Уголовного кодекса Российской Федерации (об уточнении ответственности за осуществление деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности) [Электронный ресурс] // URL <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1165661-7>

УДК 347

**RATIONAL USE OF STUDIES IN DYSLEXIA
TAKES THE PERSPECTIVE OF ARTICLE 24 OF THE COPYRIGHT ACT**

© Wang Yufeng

Changchun University of Science and Technology

On October 23,2021, the 13th session of the National People's Congress standing committee officially approved the about for the blind, visually impaired or other print dyslexia access to published works of Marrakech treaty (hereinafter referred to as the Marrakech treaty), according to the provisions of the treaty, it will deposit ratification for three months in our country, as the world's first copyright human rights treaty, for dyslexia to enjoy social and cultural rights and interests [3]. To meet the basic requirements of the Marrakesh treaty, fully reflect the rapid development of communication and publishing industry and innovation trend, protect the legitimate cultural rights and interests of dyslexia, effective June 1,2021, the copyright law of the People's Republic of China on the rational use of dyslexia rules from the original "published works to braille" modified to "to dyslexia to perceive the published works". This change not only caters to the basic principles of the Treaty of

Marrakesh, but also expands the protection scope of rational use, better protects the interests of China's dyslexia, reflects China's outstanding contribution and progress in the cause of the disabled, and shows China's international image that attaches great importance to human rights protection. But at the same time, due to our legislative ability and judicial practice level, it is difficult to clarify the basic connotation of the concepts of the authorized subject, the beneficiary subject and the scope of works, which may cause judicial difficulties. Therefore, this article changes from article 24 of the Copyright Law, draws lessons from the international experience, combines with the local national conditions, and puts forward the corresponding reasonable measures on the basis of the detailed elaboration of the new Copyright Law.

1. Rule change for fair use by dyslexia

In terms of its origin, China's new Copyright Law has changed the original "reasonable use system for the blind" into the current "reasonable use system for dyslexia" for the following three reasons.

1.1 Expansion of the protection object based on the domestic legislative system

In order to effectively protect the legitimate rights and interests of the disabled, China has no discrimination provisions in Article 45 of the Constitution and Article 42 of the Law on the Protection of Disabled Persons, in order to enable the disabled to fully enjoy the same cultural, sports and recreational activities as normal people. However, because of time limitations, however, China's copyright law in the original article 22 of the rational use of disabled beneficiary subject is limited to the blind, not able to fully fit article 45 of the constitution and other relevant provisions of the legislative principle, ignore the other reading of the blind outside the demand for information barrier-free access and communication. According to the official statistics released by the China Disabled Persons' Federation, the number of people with visual disabilities in China has reached about 15 percent of the total number of Disabled Persons with disabilities. Therefore, the new "copyright law" to the reasonable use of the disabled benefit subject extended to a wider dyslexia, not only for the whole dyslexia group can participate in the social, cultural, entertainment activities provides a fair, barrier-free system basis, but also with the constitution and other related laws formed a more tacit understanding system cycle.

1.2 Risk prevention and control based on the innovation of publishing technology

On the whole, the social and cultural human rights protection is the basic principle of the rational use of the system for dyslexia, but as a superstructure, the law is deeply affected by the economy and culture, so the rational use of the system for dyslexia is actually a process of historical evolution. To be specific, due to the restrictions of science and technology and economy, supplemented by the feasibility

of publishing form, the original Copyright Law of China only stipulates the reasonable use of the blind people when setting up the reasonable use system for dyslexia. But with the continuous development of science and technology, economy, especially the advent of multimedia and 5G era, limited to the traditional publishing form of the rational use of Braille not only appeared the high production cost, long production cycle, carrying is not convenient, but also exposed no way to compatible with advanced technology and many other legal defects. Therefore, the current "copyright law" will apply the rational use system of dyslexia form from traditional paper form extended to broader digital, network as the main characteristics of the new form of publishing, not only for the later system to expand the publishing form, cleared the potential infringement risk, but also with the basis of the principle of equality.

1.3 Native application based on international treaties

The Treaty of Marrakesh aims to play the role of information and communication technology, solve the global book shortage of dyslexia, and effectively protect the cultural rights and interests of dyslexia. As early as in 1991, the copyright law, China specially added in the rational use of the blind, not only that, after the Marrakech treaty, our country in order to fit the spirit of the treaty, the current copyright law is also specifically used in the Marrakech treaty, the original blind rational use system for a broad dyslexia rational use system, laid the foundation for the treaty in our country.

Applicable dilemma of rational use in dyslexia

Although with the signing of the Treaty of Marrakesh, the Copyright Law of China has been revised accordingly, there are difficulties in the following aspects due to the lack of theoretical accumulation and judicial practice in this field.

2.1 The beneficiaries are unknown

Reasonable definition of the beneficiary subject is the premise of the application of the reasonable use system of the Copyright Law, but there are the following problems in how to define the beneficiary subject:

2.2.1 Issues of legislative cohesion

The concept of dyslexia in Article 24 of the Copyright Law of China is closely related to the Constitution and the Law on the Protection of Disabled Persons in China, but Article 45 of the Constitution and Article 2 of the Law on the Protection of Persons with Persons are quite different. Therefore, it is doubtful whether the concept of dyslexia in the Constitution and relevant laws can be directly cited in defining the concept of disabled persons in Article 24 of the Copyright Law. Second, our country in article 24 of the "copyright law" of the dyslexia reasonable use regulation is in the Marrakesh treaty on the basis of the new terms, but because the international terms in order to gain widespread international recognition so usually

define the concept is broad and general, so there is no way to dyslexia concept scope brings clear guidance.

2.2.2 Problems with cognitive choice

Currently the world's cognitive for the dyslexia choice is mainly two ways: one is based on the empirical investigation, "most of the public think that the blind belongs to dyslexia, and deaf, hands and feet or elderly people do not belong to the dyslexia" the other is according to the legislation, the beneficiaries of the new copyright law can adapt to the Marrakech treaty. The above two cognitive approaches are important ways to define the beneficiaries, with great theoretical value and practical significance. Therefore, whether it needs to be recognized or the basic spirit of international treaties should be clarified as soon as possible [4].

2.3 The authorized subject is not standardized

The premise of the application of the rational use system for dyslexia also needs to define the scope of the authorized subject. How to define the authorized subject in the rational use system of the dyslexic copyright may have the following problems:

2.3.1 Clear question of the authorized subject

Under the Treaty of Marrakesh, the body of authorization to produce accessible works are entities authorized or recognized by the government to provide education, guidance training, adaptive reading, or information channels to beneficiaries in a non-profit manner [1]. Britain, the United States and other Marrakech treaty signatories in their relevant laws are clearly explained, but our country the copyright law article 24 is not like the above countries are authorized subject should have a special qualification and whether should have specified in the behavior of non-profit characteristics, the specific definition of the provider and no relevant specification.

2.3.2 The adaptation problem of the change of the authorization subject

In order to unify the differences in publishing forms and fully reflect the characteristics and advantages of China's socialism, in the era of paper media, China Braille Society has become the only legal authorized subject of book publishing for dyslexia in China. With the continuous development of the media era, audio publishing and digital publishing have gradually replaced the status of text publishing and paper publishing in the publications of dyslexia. This rapid technological innovation gradually makes it difficult for China Braille Society, as a paper media, to fully meet the reading needs of dyslexia. In a disguised way, it makes the possibility of dyslexia and non-dyslexic people to acquire knowledge very different, and it is urgent to further explain and improve relevant laws and regulations.

2.3.3 Beneficiaries agent related regulations vacancy

Some scholars will be from the Marrakesh treaty scope of subject is divided into subject, of course, the subject of the agent and legal auxiliary person, of course,

subject refers to the dyslexia, agent is under the treaty of the specific dyslexia caregivers or caregivers, the legal auxiliary person is to provide barrier-free format version of the specific authorized subject. At present, from the international scope, the adult guardianship system gradually reflects the development from the medical guardianship mode to the human rights guardianship mode. As the signatory of the Marrakech Treaty, China should fully consider the world trend and establish the adult guardianship model of the human rights model. The beneficiary or the agent of the Treaty of Marrakesh may, if capable, create its own accessible format version without waiting for the provision of the authorized subject.

As mentioned above, our country's law should expand the scope of barrier-free format version, make it can cover new audiobooks, information network works, etc, if according to the provisions of article 4 of the Marrakesh treaty, convert it into the domestic law of our country, the agent will others published books recorded for dyslexia can fall into the scope of reasonable use. However, because of the broad provisions of the current Copyright Law, it is impossible to know whether the agent if this act constitutes infringement. Theoretically, "for personal learning, research or appreciation, use others have published works" is the current "copyright law" article 24, paragraph 1 of the first content, so the beneficiary to make barrier-free format version certainly does not constitute infringement, but as its agent can make the barrier-free format has become the current copyright law must face the problem. If the agent of dyslexia can be granted the right to make a barrier-free format version, it can, to some extent, promote the role of families as a basic social unit in social pressure, and enhance the possibility of dyslexia to obtain information.

2.3 The scope of the works is too wide

The scope of the prescribed works of article 24 of the new dyslexia of the Copyright Law is relatively broad, only limited to the published works, including written works, audition works, music works and other types of works. As the main basis for our terms of reasonable use, the Treaty of Marrakesh limits works to text, symbols or related graphic materials. Of course, in order to adapt to technological changes, it also separately stipulates that parties can include audiobooks. The United States, Japan and the United Kingdom signed the treaty have shrunk in their respective domestic laws. Such as in the American copyright law will work type limited to the dramatic literature, the Japanese copyright law in published limits also with the conditions of visual perception, the British copyright law excluded music works and database, prevent dyslexia can access to barrier-free content way and normal way to cross and contradiction. Because China's Copyright Law on the limitation of works is only published works, which may make the barrier-free format and the normal format appear to cross and compete mutually. This is particularly true in the field of

audiobooks and music works, and further doubts will arise about whether audiobooks or music works on commercial platforms can be provided directly and free to dyslexia.

3. Legal basis for rational use by dyslexia

Due to the judicial practice, legislative level, national restrictions, the benefit subject guidance, authorization subject specification missing, scope is too wide, and these problems can not be well solved in the short term, so the need to start from dyslexia rational use of basic jurisprudence to alleviate the above problems.

3.1 Equality: the legal justice confirmed by the beneficiary subject

In view of the beneficiary is not clear, we can resort to the principle of equality of the beneficiary. This kind of equality justice can both invoke the equality in the sense of private law, that is, the equal right of civil subjects regardless of whether their physical integrity is complete or not. Or invoke the Marrakech treaty, namely create new copyright restrictions and exceptions, aims to improve visual impairment or other print dyslexia access accessibility format works lack of resources, make visual impairment or other print dyslexia as normal readers have adequate access to published works or public information. Therefore, if there is no way to clearly determine the beneficiary, the judicial organ can refer to the standard of the normal reader, and argue that if the attribute of the subject of the dispute is not affirmed, the scope of the beneficiary, it will suffer from the crisis of equality, so as to alleviate the non-standard situation of the beneficiary.

3.2 Balance: the legal justice regulated by the authorized subjects

New copyright law article 24 of article 22 and no provisions on authorized subject, only stipulated to dyslexia can perceive barrier-free way to provide its published works, but this is not to say that for authorized subject does not need to limit, but need to comply with the reasonable use of regulation reflects the balance of justice. First of all, on the one hand, copyright itself has a strong private right property, and through the exclusive right to the creators or the communicators, it provides a strong incentive effect for the creators to create and the communicators to actively spread. But at the same time, the protection of copyright also involves social culture, economy, science and technology and other fields, and has a strong public interest nature, so it can not simply protect the rights and interests of the private law, but should find a balance and balance. This makes the rational use of the dyslexia authorized subjects need to be strictly defined; in the source of power, the authorized subject must be legally authorized; in the behavior nature, the authorized subject must be published in a non-profit way; and in the behavior boundaries, the authorized subject must engage only in the behavior related to the accessible works.

3.3 Rationality: the standard for defining the scope of the work

In order to alleviate the dilemma of the copyright field because the definition scope of article 24, Item 12 of the Copyright Law is too broad in the application of the law, the rationality analysis of rational use by dyslexia can be resorted to in jurisprudence. First of all, from the special rationality analysis, dyslexia reasonable use rules the main basis is the principle of human rights protection, and if you want to fully meet the needs of dyslexia for barrier-free format, need from the characteristics of dyslexia itself and the diversity of its needs, so the legislation for the work of the broad problems, can be based on the actual needs of dyslexia rationality. Second, from the general rationality analysis, as a reasonable use system, dyslexia reasonable use terms under the premise of meet the principle of human rights protection also need to meet the overall reasonable use system, that is to say, need to refer to the new introduction of the copyright law three-step test: only under special circumstances of use, reasonable use shall not conflict with the normal use of works, shall not damage the legitimate rights and interests of the copyright owner. Through the three-step test set up in the Berne Convention, the general rationality of the rational use clause of dyslexia as an important part of the rational use system is enhanced.

4. Relief of rational use of dilemmas in dyslexia

The gist of legislation is not only legal justice, but also judicial justice and efficiency in practice. Therefore, in view of the possible dilemma of rational use of dyslexia, the author has the following suggestions.

4.1 Beneficiaries are clear: the coordination and application of international law and domestic law

In view of the difficulties caused by the unclear beneficiaries of the Copyright Law, the author believes that:

First of all, in terms of connotation, article 3 of the Treaty of Marrakech can be directly quoted to clarify the scope of the beneficiaries. This is mainly because the Treaty of Marrakech, as a relatively complete treaty, has a systematic and sound interpretation of the definition of dyslexia, and it requires the member States to use its standards as the minimum standard for the rational use of dyslexia in China. As one of the member states that signed the Treaty of Marrakech, China can fully use article 3 of the Treaty of Marrakech to fill in the rational use rules of dyslexia in China.

Secondly, China's relevant security system for the disabled has been constructed with the support of the Constitution, the Law on the Protection System of the Disabled and other relevant laws and regulations. Although our country's constitution and the protection for the disabled and the new copyright law adopted by the concept of dyslexia is not exactly the same, but from the point of the path, our country with the constitution and the protection for the disabled as the core of the

system for the disabled in the copyright law about the concept of dyslexia has a congenital advantage. For example, on the one hand, people who have been identified as disabled by the law and have certain dyslexia can not be identified twice, reduce the secondary identification and improve the efficiency of judicial trial; on the other hand, the judiciary prevents the narrow scope of the beneficiaries.

Finally, China can implement the registration hierarchy system of dyslexia and conduct standardized management of dyslexia. The author thinks that our country should set up the authorized subject for dyslexia group special management system, after the organization set up by the organization according to the above subject a complete set of dyslexia standards, and to meet the standard of dyslexia records, and then give the proof of dyslexia, with this proof can obtain the corresponding protection. In this way can avoid dyslexia group disorder, difficult to manage the phenomenon, but also facilitate the relevant departments and institutions to provide corresponding help to dyslexia, social public welfare organizations can also regularly visit and condolences to specific people, promote the supervision and management work, for dyslexia to provide better services and a more comprehensive guarantee.

4.2 Specification of authorized subject: the reference and adjustment of international treaties and foreign experience

In view of the problems caused by the lack of norms for authorized subjects, the author believes that:

First of all, the norms should be adjusted on the basis of the authorized subject of the Treaty of Marrakesh as stipulated in Article 2 according to China's actual national conditions. The Marrakesh treaty stipulated in the second article of the authorized subject concept of the basic conditions is "government authorized or recognized, non-profit" this is in practice in the public library, China blind press, disabled persons federation and after the education of the disabled related non-profit institutions as clear legal authorized subject is consistent. But due to the limitation of professional nature and function, pure the first three authorized subject has no way to fully meet the domestic tens of millions of people with dyslexia for the basic needs of cultural entertainment, the government needs to provide more legal authorized subject to provide more barrier-free reading works, to encourage the public to more actively participate in dyslexia book publishing and other public welfare undertakings.

Secondly, draw on the advanced experience of foreign countries, adapt to the vigorous development of publishing technology, and appropriately expand the obligations of the authorized subject. This is mainly because of: 1, with the advance of The Times, publishing technology is constantly developing, compared with the traditional braille publishing, now digital publishing and voice publishing in the service of dyslexia is also conducive to normal readers to access and share, in order to

balance the public interests and private interests, Japan, New Zealand and other countries only get clear legal authorized subject to provide and issue barrier-free format, increase the government regulation, reduce the phenomenon of free rides.², the obligation of the authorized subject is no longer limited to make and provide barrier-free format, starting from the purpose and efficiency, should also provide dyslexia such as audiobooks, if there is no way to publish audiobooks, publishing subject should communicate with audiobooks press, appropriate compensation through audiobooks to provide the barrier-free reading format.³ In order to form a virtuous circle and protect the legitimate rights and interests of dyslexia, the authorized subjects who provides barrier-free format should also be required to undertake the corresponding supervision and management work.

Finally, the survival ability of the providers of accessible works should be enhanced to stimulate their creative motivation. 1. A sound government subsidy mechanism should be established to help market participants obtain indirect profits, further expand their capital investment and provide better barrier-free format works, otherwise it is difficult to form an efficient and recyclable long-term incentive mechanism. 2. It shall be allowed to collect part of the necessary fees by themselves, and even non-profit legal persons shall have the right to collect the necessary administrative fees. Although the collective management organization is defined as a non-profit legal person in the Copyright Law, it does not prevent it from charging a certain proportion of the management fee for the work license fee, so as to extend its management time and enhance its management quality.³ Strengthen supervision over non-governmental authorized providers to prevent possible abuse of rights. Only by increasing the supervision of illegal authorized subjects can the stability of the barrier-free format market be fully protected and the government's real-time protection of dyslexia can be enhanced.

4.3 Definition of the scope of the works: the mutual cooperation of international treaties and basic jurisprudence

In view of the problem that the scope of works in the new Copyright Law is too broad, the author believes that:

First of all, in the specification, the scope of the works stipulated in Article 2, Item 1 and Item 2 of the Treaty of Marrakech can be directly applied. This is mainly because: 1. The Treaty of Marrakesh expressly stipulates that the provisions in the treaty fall under the minimum standards required by the joint drafting, and meet the requirements of the member States.² On the premise of the minimum standards, the Treaty of Marrakesh also allows the member states to establish their own regulations on audio-visual and musical works. This is because, on the one hand, dyslexia people themselves still have normal hearing, so providing barrier-free reading through

hearing does not infringe on the legitimate rights and interests of dyslexia, but can reduce the time consumption of Braille touch reading. Music works, on the other hand, audio-visual works between dyslexia and normal readers can universal, but if its general extension to normal people, may be in the name of barrier-free format by normal readers, seriously affect the legal use of the copyright owner, this is in violation of the Bern convention three-step inspection, broke through the original intention of the rational use system.

Secondly, the "three-step test method" of the reasonable use system is used to expand the scope of the work appropriately. Although all audiobooks, music works and radio can not be generally included in the reasonable use rules of accessible readers, we can make full use of the "three-step test" to reasonably define the reasonable use of accessible publication of such works in special cases [2]. For example, modify audio-visual works into commentary works that are strongly different from the original text version or them into musical works that are more suitable for dyslexia to appreciate. When readers appreciate the original audio-visual works, it is difficult for readers to perceive the pictures and colors to distinguish the characters and the background, which will greatly hinder the dyslexia people's cognition of the overall plot and affect their appreciation mood. Based on the realistic needs of China to protect the legitimate cultural rights and interests of dyslexia, reasonable users should be given the right to provide specific oral works. In the process of adapting the original audio-visual works into oral images, a large amount of creative wisdom is condensed. Different implementation subjects may produce different oral manuscripts for the same audio-visual works, and a certain degree should be given creative space in the creation process. Article 2 of the Treaty of Marrakesh provides for a certain degree of modification to meet the special needs of the dyslexia, while respecting the integrity of the original work. Therefore, if such an adaptation is necessary, the oral images should be a legitimate adaptation, if not a complete copy of the original audio-visual works.

Finally, the evasive technical measures are improved. At present, the world has entered the information age, and more works begin to spread on the Internet, so the right owners of the works often take certain technical measures to avoid the possibility of infringement. However, it is obviously unreasonable to prevent the visually impaired from enjoying the convenience and efficiency brought by digital transmission technology because of the development of The Times. Therefore, countries around the world do not oppose providing the exception of information network transmission for the visually impaired, so that the dyslexia can obtain the corresponding works from the Internet. However, China's current Copyright Law stipulates that in order to protect the legitimate rights and interests of copyright

holders, necessary technical measures can be set to avoid infringement, but there are no exceptions and restrictions for dyslexia to appropriately avoid technical measures due to the rational use of their works. Therefore, the author believes that the relevant avoidance measures should be added to protect the more comprehensive interests of dyslexia.

In response to the international changes brought about by the Treaty of Marrakesh and in line with the international legislation, the rational use system of Article 24 of the Copyright Law of China has been a revolutionary change to the rational use rules for dyslexia. However, the change of legislation for our country barrier-free reading publishing industry, is just a beginning, next, to play the effect of this article also need to combine the systematic provisions of general provisions, and combined with the actual situation of the country, reasonable transformation of the spirit of the treaty, according to article 24, paragraph 12, paragraph 12 of special legislation to specify its applicable conditions [1]. At the object level, the published works stipulated in this item should not be limited to the paper works in the form of print, and according to the published works created by the barrier-free format is not limited to the form, in order to stimulate and encourage barrier-free format market production and distribution subject, more guarantee the reading freedom of dyslexia, do not have to introduce commercial inaccessibility as the premise and necessary. At the subject level, first of all, expand the legal subject authorized by the government to provide relevant works, and secondly, the relevant legislative vacancy of the beneficiary agents helps to associate with the private replication provisions, give full play to the role of families in meeting the cultural needs of dyslexia, and fill the lack of the government and related enterprises. In terms of providing behavior, the difference between the existing law and the old practice law should be clarified in the supporting legal interpretation. Providing behavior is no longer limited to replication and publication, but should include distribution, broadcasting, information network communication and other aspects. Under the new format of works, such as audio works, it should also include adaptation. And, according to the new law "three-step inspection" should be general terms in the subject, object, behavior three applicable requirements premise, in the Marrakech treaty was approved under the new background, China should further explain the copyright law, or in the form of a single law of reading disorder rational use system for further systematic provisions, more accurately and systematically to make up for the current loopholes and defects, realize the balance between copyright private rights protection and benefit to social welfare.

References:

1. Tiger Hu Chen. Copyright fair use clause interpretation // Journal of Soochow University. Law Edition. 2022. № 9 (01).
2. Xiong Qi. Local law interpretation of copyright conversion use // The Jurist. 2019. № 2.
3. Xu-dong Yang. The perspective of takes Article 24 of the Copyright Law // China Publishing. 2021. № 23.
4. Zhao flash. Research on the rational use of works by Dyslexia in China. Lanzhou : Lanzhou University, 2018.

УДК 343.35

**СОВЕТ ФЕДЕРАЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОРЯДКА ФОРМИРОВАНИЯ**

© **О.Е. Волков**

Сибирский федеральный университет

Частью 1 ст. 95 Конституции РФ [5] установлена двухпалатная структура российского парламента, что обеспечивает, с одной стороны, представительство всего населения РФ, и интересы отдельно каждого субъекта федерации, с другой. Такой подход наиболее полно способствует реализации принципа федерализма. Одновременно в соответствии со статьей 94 Конституции РФ Федеральное собрание, частью которого и является Совет Федерации, является представительным и законодательным органом Российской Федерации [5]. Если о вопрос о роли верхней палаты российского парламента в системе разделения властей как законодательного органа весьма ясен, то остается сомнительным вопрос надлежащего уровня его (обозначенной конституционно) представительности. Порядок формирования Сената является актуальной проблемой ввиду того, что от него зависит эффективность функционирования верхней палаты в законодательном и представительном аспектах.

В соответствии с Федеральным законом «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» от 22.12.2020 N 439-ФЗ (далее – 439-ФЗ) в РФ сейчас действует «делегирующий» порядок формирования Совета Федерации, в соответствии с которым кандидат наделяется полномочиями высшим должностным лицом субъекта федерации

или законодательным органом субъекта федерации в зависимости от того является он представителем от исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации или представителем от законодательного органа государственной власти субъекта Российской Федерации соответственно [10]. Кроме того, после поправок в Конституцию РФ 2020 года в Совет Федерации могут входить не только бывшие Президенты (при реализации ими такого права), но также 30 «федеральных» сенаторов, 7 из которых могут быть назначены пожизненно [5,10]. Полагаю, что установленный порядок формирования не отражает сущность Совета Федерации как представительного органа, ввиду фактически отсутствующей представительности. Есть только косвенная представительность, когда избранные народом лица наделяют полномочиями выбранных уже ими кандидатов в сенаторы Российской Федерации. Кроме того, поскольку верхняя палата парламента служит не только ограничителем нижней, но и, как следует из федерального устройства нашего государства, призвана отражать интересы субъектов РФ, не представляется окончательно ясной необходимость существования возможности назначения Президентом РФ представителей Российской Федерации в Сенате, 7 из которых могут быть назначены пожизненно, не говоря уже о необходимости занятия экс-президентами такой должности.

Конституционный Суд РФ в своем Заключении от 16.03.2020 г. о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации (далее – Заключение КС РФ) указал на то, что при увеличении числа представителей РФ, назначаемых Президентом, в составе Сената, а также предоставлении Президенту РФ, прекратившему исполнение своих полномочий (окончание срока/отставка), полномочий сенатора РФ *явное численное преобладание* в Совете Федерации представителей от субъектов РФ сохраняется, что не дает оснований поставить под сомнение федеративную основу двухпалатной модели российского парламентаризма [11]. В целом, это все, что Конституционный Суд сказал про нововведение. Однако определенные моменты остаются достаточно сомнительными. Например, что подразумевается под «явным численным преобладанием»? Иными словами, до какой степени самостоятельность Совета Федерации может быть дискредитирована путем «разбавления» воли Совета Федерации потенциальным лично-зависимым

контингентом? И неужели «удельный вес» федеральных сенаторов не сможет повлиять на решение вопроса о, скажем, прекращении по представлению Президента Российской Федерации полномочий Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, заместителя Председателя Конституционного Суда РФ и судей Конституционного Суда РФ? Полагаю, что до определенной степени. А не деформирует ли это независимость суда? Способно ли такое положение дел повлиять в конечном итоге на содержание заключений Конституционного Суда РФ о соответствии положениям Конституции РФ не вступивших в силу положений законов о поправке к Конституции РФ? Возможно. А возможно ли, как еще более далеко идущее последствие, опосредование института конституционного контроля, осуществляемого Конституционным Судом РФ по запросу Президента РФ? По крайней мере, в п. 4.2. Заключения КС РФ сказано, что введение института конституционного контроля направлено «...на разрешение возможных конституционных споров между Федеральным Собранием и Президентом РФ...».

И всё это при том, что у Совета Федерации есть полномочия, не обозначенные конституционно, но прописанные в Регламенте палаты, например:

- 1) назначение судей Экономического суда СНГ;
- 2) назначение 1/3 членов Центральной избирательной комиссии Российской Федерации;
- 3) назначение 10 членов Высшей квалификационной коллегии судей РФ – представителей общественности [8].

Заметим также, что в Постановлении от 18.01.1996 г. № 2-П тот же Конституционный Суд РФ указывал, что органы законодательной и исполнительной власти в пределах своей компетенции действуют независимо друг от друга, каждая ветвь власти формируется как самостоятельная, а полномочия одной ветви власти по прекращению деятельности другой допустимы только при условии сбалансированности таких полномочий, обеспечиваемой на основе законодательных решений. Возможно ли это, если налицо потенциальное отсутствие полноценной самостоятельности верхней палаты российского парламента, в дополнение к тому, что исполнительная власть формирует почти половину состава верхней палаты? Полагаю, что нет.

Все это приведет не только к увеличению нагрузки на федеральный бюджет (ведь это означает увеличение штата, предоставление дополнительных помещений, соответствующей техники, зарплат и т.д.), но и уже фактически снизило потенциал представительности верхней палаты [3], вместе с тем ослабив его роль в законотворческом процессе, поскольку теперь, помимо

Председателя у Президента в Сенате появилось немаленькое количество лично зависимых назначенцев, что само по себе влияет на расстановку сил в Сенате при принятии того или иного решения.

Между тем, хотелось бы отметить, что выборность не только создает прямую нравственную связь между парламентом и народом, но также усиливает независимость представительных органов [7]. Задача выборных лиц – доведение до правительства мнения и жалоб избирателей и доведение до избирателей точки зрения правительства [12]. Прямые выборы являются вариантом необходимым, позволяющим доносить на федеральный уровень наиболее значимые общественные вопросы, а также осуществлять посреднические функции между государством и народом.

В 1995 году Государственной Думой обсуждалось множество проектов формирования верхней палаты. Основные три проекта можно описать следующим образом [2]:

- 1) прямые выборы из предложенных исполнительными и законодательными органами власти кандидатов;
- 2) делегирование членов Совета Федерации органами государственной власти субъектов;
- 3) «должностное» формирование, при котором в Сенат входили первые лица регионов по должности.

Представляется, что ни один из приведенных вариантов не воплощает должный уровень представительности Сената.

Претворенный в жизнь третий вариант хоть и был удачным разрешением полемики по поводу термина «формирование» (*прим. – в данной статье термин «формирование» используется в широком смысле*), при том, что неплохо воплощал представительную природу Сената, но все же был справедливо подвергнут критике ввиду необходимости концентрации работы на местах. Кроме того, такой порядок формирования явно нарушал принцип разделения властей, поскольку в законодательной власти присутствуют представители исполнительной.

Первый же вариант, в сущности, имеет те же недостатки, что и второй, ведь здесь снова нет института представительности в чистом виде. К тому же немного рассмотренный выше второй вариант имеет тот же недостаток, что и третий: влияние исполнительной ветви власти на формирование законодательного органа. Однако стоит отдать этим проектам должное: верхняя палата формировалась из представителей регионов, наличие назначаемых Президентом сенаторов, представляющих Российскую Федерацию, не предполагалось.

Возвращаясь ко второму варианту, то помимо вышесказанного хотелось бы обратить внимание на достаточно низкий уровень политической воли Совета Федерации при таком (текущем) порядке формирования. Если проанализировать количество отклонённых Советом Федерации законов, то становится видна связь между принципом формирования Сената и характером его работы. Например, как показывают исследования специалистов, за период работы Государственной Думы с 1996 по 2003 годы (первый и второй созывы), большую часть которого Сенат состоял из глав высших органов государственной власти субъектов РФ, из 1826 принятых нижней палатой законов верхняя отклонила 325 (18%). Однако с 2004 года, то есть когда применялся уже только делегирующий порядок, то из примерно 7206 принятых законов были отклонены примерно 1% [4]! Более того, судя по электронной статистике законодательного процесса за 2022 год, до сих пор был отклонен только один законопроект.

Кроме того, рассматривая время работы первых двух созывов можно увидеть и другие примеры активной политической воли Совета Федерации. К примеру, в 1994 году Сенат отказал главе государства в освобождении от должности Генерального прокурора, а спустя время – назначить новую кандидатуру. В 1996 Председатель Совета Федерации выразил несогласие с Президентом по поводу роспуска Государственной Думы в связи с денонсацией Беловежских соглашений. В 1998 году верхняя палата не согласилась с Президентом по поводу освобождения от должности Генерального прокурора [6], преодолела совместно с Государственной Думой вето Президента на Федеральный закон «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» [4].

Помимо уже сказанного, такая статистика может объясняться и тем, что с 2004 по 2012 годы сенатором от исполнительной власти субъекта был назначенец губернатора, назначаемого в свою очередь законодательным органом субъекта по представлению Президента РФ, что делало сенатора косвенно зависимым от Президента. А возможно дело в том, что верхняя палата стала своего рода «почетной чрезвычайно высокой пенсией» [1].

Полагаю, самым удачным вариантом порядка формирования Совета Федерации, отражающим его представительную природу, отраженную в ст. 94 Конституции РФ, вариант, изложенный в утвержденном Указом Президента РФ от 11.10.1993 № 1626 «Положении о выборах депутатов Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации», в соответствии с которым было необходимо проведение выборов на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании [8]. В Сенат избиралось

по два депутата от каждого субъекта РФ на основе мажоритарной системы по двухмандатным избирательным округам в рамках административных границ субъектов. При этом депутатом Совета Федерации мог в целом любой гражданин РФ, которого выдвигали группы избирателей или избирательные объединения [3].

Помимо прочего прямая выборность поставит верхнюю палату в непосредственной близости от избирательного корпуса, что положительно скажется на реализации принципа разделения властей, объеме компетенций и политическом весе верхней палаты.

Возможно, стоит рассмотреть вариант с ассиметричным количеством представителей от каждого региона: чем больше население субъекта, тем больше у него представителей. Это позволило бы упрочнить взаимодействие между государством и населением. Также полагаю, что необходимо отказаться от института «сенаторов – представителей РФ», равно как и от права экс-президента войти в состав Сената, а также от института «пожизненных сенаторов».

Список использованных источников:

1. Авакьян, А.С. Совет Федерации: четверть века проблем формирования палаты / А.С. Авакьян // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2020. - № 1. – С. 3-20.
2. Булаков, О.Н. Развитие Совета Федерации Российской Федерации / О.Н. Булаков // Образование и право. – 2021. - №10. – С. 32-3.
3. Виноградов О.В., Кокорин И.С. Теоретические и правовые проблемы формирования Совета Федерации Российской Федерации / О.В. Виноградов, И.С. Кокорин // Ленинградский юридический журнал. - 2019. - №2 (56) – С. 57-64.
4. Дресвянин, Д.А.. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: место в системе разделения властей и перспективы совершенствования порядка формирования / Д.А. Дресвянин // Вопросы российской юстиции. – 2021. - № 11. – С. 147-169.
5. Конституция (Основной закон) Российской Федерации. Принята всенар. голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

6. Краснов М.А., Шаблинский И.Г. Российская система власти: треугольник с одним углом / М.А. Краснов, И.Г. Шаблинский. – М.: Институт права и публичной политики. – 2008. – 232 с.

7. Лазаревский, Н.И. Народное представительство и его место в системе других государственных установлений / Н.И. Лазарев // Конституционное право: сб. науч. тр. – СПб.: Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1905. – С. 179-252.

8. Миерхольд, А.А. Конституционная эволюция порядка формирования и полномочий Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации / А.А. Миерхольд // Lex Russia. – 2018. - № 11. – С. 134-144.

9. О выборах в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: указ Президента РФ [Электронный ресурс] : указ Президента от 11.10.1993 № 1626 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

10. О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [электронный ресурс]: федер. закон от 22.12.2020 № 439-ФЗ ред. от 01.04.2022 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

11. О соответствии положениям глав 1, 2, 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного закона в связи с запросом Президента Российской Федерации: заключение Конституционного суда Российской Федерации [Электронный ресурс] : закл. Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» - Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

12. Оливер, Д. Реформа избирательной системы Соединенного королевства / Д. Оливер // Современный конституционализм. По материалам советско-британского симпозиума. – М.: изд.во ИГиП АН СССР, 1990. – С. 120-126.

13. По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного Закона) Алтайского края [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации: от 18.01.2006 № 2-П // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

УДК 343.9

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА В СТРУКТУРЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО
ПОРТРЕТА ЛИЧНОСТИ КОРРУПЦИОННОГО ПРЕСТУПНИКА В СФЕРЕ ПУБЛИЧНЫХ
ЗАКУПОК**

© М.А. Волкова

Сибирский федеральный университет

Личность преступника широко исследуется криминологами и традиционно включается в предмет криминологии. «Успешное предупреждение преступлений возможно лишь в том случае, если внимание будет сконцентрировано на личности преступника, поскольку именно личность – носитель причин их совершения», – отмечают Ю. М. Антонян и В. Е. Эминов [1, с. 8]. Детерминанты преступности воздействуют на личность, которая под их влиянием совершает преступление. Различные субъективные и объективные факторы формируют у индивида криминальную направленность и мотивы для совершения преступления, что играет решающую роль при принятии окончательного решения о возможности такого деяния. При этом необходимо заметить, что каждый человек имеет собственные уникальные свойства личности, благодаря которым одни и те же жизненные обстоятельства не могут одинаково воздействовать на каждого человека. Как справедливо подчеркнул И. М. Мацкевич, «одни и те же трудности разными людьми преодолеваются по-разному. Индивидуальная жизнь является автономной и обособленной» [10, с. 1426].

В научной литературе отмечается, что «при изучении личности преступника криминология активно использует достижения других наук, прежде всего социальных» [11, с. 93]. Так, криминологи черпают знания о личности преступника из таких наук, как философия, история, социология, психология и др. Использование знаний, полученных учеными различных отраслей наук, способствуют комплексному изучению личности преступника, поскольку каждая наука изучает личность исходя из собственного предмета исследования с использованием специальных научных методов. Применение знаний других наук помогает рассмотреть личность преступника объективно, основываясь на всестороннем исследовании его свойств и качеств и создавать криминологические портреты типичных коррупционных преступников (в зависимости от используемой исследователем типологии). В рамках настоящего исследования изучению подлежит такой тип личности преступника, как

«коррупционный преступник», и его подтип «коррупционный преступник в сфере публичных закупок».

В связи с реализацией активной государственной политики в сфере противодействия коррупции, в последние годы научные исследования в данной области приобрели актуальность. В том числе исследователи не обходят стороной изучение личности коррупционного преступника. Вклад в изучение личности коррупционного преступника внесли следующие авторы: Ю. М. Антонян и В. Е. Эминов [2]; Л. А. Букалерева и О. А. Кузнецова [4]; Р. В. Жубрин [7]; М. В. Кроз и Н. А. Ратинова [8] и др.

Большой вклад в изучение личности коррупционного преступника внес коллектив ученых Университета прокуратуры Российской Федерации. Так, в 2019 году опубликована монография, содержащая результаты большого междисциплинарного исследования личностных характеристик таких преступников [9].

Следует согласиться с точкой зрения, что «личность коррупционного преступника в качестве объекта криминологического исследования включает в себя устойчивую систему социально значимых характеристик (социально-демографических, психологических, уголовно-правовых) лица, совершившего коррупционное преступление, его поведение, социальные отношения» [7, с. 17]. Следовательно, можно выделить три основных элемента характеристики личности коррупционного преступника, необходимых для составления его криминологического портрета: уголовно-правовая характеристика; социально-демографическая характеристика; психологическая характеристика.

Важной составляющей познания личности коррупционного преступника является изучение *психологических характеристик* данной группы лиц. Коррупционное поведение в большинстве случаев основывается именно на внутренних качествах и свойствах личности. Для преступников данного вида коррупционное поведение часто является нормальным и привычным способом взаимодействия. В связи с этим считаем справедливым следующее утверждение: «ядро личности коррупционного преступника – это совокупность стойких нравственно-психологических свойств личности коррупционного преступника (корруптера или коррупционера)» [3, с. 136].

Ю. М. Антонян и В. Е. Эминов отмечают, что «личность коррупционера отличается от личности законопослушного гражданина негативным содержанием ценностно-нормативной системы и устойчивыми психологическими особенностями, сочетание которых имеет криминогенное значение и специфично именно для преступников» [2, с. 88]. Исходя из этого, для изучения личности коррупционного преступника необходимо обозначить

особенные психологические качества, отличающие его от законопослушной личности.

Прибегая к межотраслевым связям, при рассмотрении свойств и качеств личности коррупционного преступника считаем целесообразным обратиться к результатам психологических исследований, проведенных специалистами, владеющими необходимыми для этого компетенциями.

Е. Ю. Федоренко отмечает, что психология коррупционного поведения основывается на процессах естественных (принятых) в обществе. Такими процессами автор называет:

«взаимный обмен, предполагающий симметричность взаимодействия, например, вы чувствуете себя обязанным, если вам оказали услугу или помогли в чем-либо, и с большей вероятностью ответите взаимностью в симметричной ситуации» [12, с. 49];

«стремление соответствовать нормам референтной группы, способствующее переживанию уверенности в принятии и поддержке, уменьшению тревоги; стремление к соблюдению традиций как понятных устойчивых схем поведения и отношений, например, подношения денег врачам, как правило, осуществляются без какого-либо принуждения и вымогательства с их стороны – просто потому, что "так принято"» [12, с. 49].

Первый указанный процесс представляет собой общественно полезное качество социализированной личности – реализация чувства благодарности за оказанную помощь и поддержку. Второй же процесс может рассматриваться как укоренившиеся в сознании человека коррупционные традиции. Так, социальная природа человека подразумевает, что в процессе социализации принятые в обществе ценностно-нормативные установки становятся частью сознания личности. В связи с этим коррупционные традиции в процессе социализации становятся приемлемой формой взаимодействия личности с обществом, формируют коррупционные стереотипы отношения к власти и деформируют правосознание личности.

Р. Р. Гарифуллин рассматривает коррупцию как разновидность психологической зависимости. В качестве одного из видов такого заболевания он называет «взяточманию». В данном случае исследованию подлежит один из видов личности коррупционного преступника – взяточник. Автор указывает, что «взяточмания как специфическая форма клептомании является болезнью со всеми признаками, которые имеют место при наркомании, алкоголизме, игромании и других деструктивных патологических зависимостях» [6, с. 9].

Изучение информации, касающейся расследования крупных уголовных дел о коррупционных преступлениях, совершаемых должностными лицами как в

России, так и в других странах, позволяет согласиться с такой точкой зрения. Например, в январе 2021 года в новостных лентах появилась информация о приведении в исполнение в Китае смертного приговора в отношении крупного коррупционера – бывшего председателя государственной компании по управлению активами China Huarong. Средства массовой информации сообщали, что «Лай Сяомина приговорили к смертной казни 5 января. Суд установил, что он незаконно растратил более 25 млн юаней (примерно \$3,9 млн), получил взятки на 1,79 млрд юаней (примерно \$280 млн), а также долгое время сожительствовал с другими женщинами, хотя у него уже была жена.

Китайские СМИ пишут, что у Лай Сяомина было более 100 квартир и столько же любовниц. По некоторым сообщениям, он устраивал своих возлюбленных на высокие посты в 33 предприятиях, работающих под эгидой госкомпании по управлению активами» [5]. Представляется, что подобное поведение не укладывается в рамки психологической нормы и является ярким проявлением коррупционной зависимости и иных психологических деформаций.

Р. Р. Гарифуллин выделяет четыре степени «взяточности» [6, с. 10]:

1) разовое получение вознаграждения, после чего взяточник об этом не думает и даже забывает;

2) возникновение зависимости – взяточник ждет получения вознаграждения, прокручивает это событие в голове;

3) появление депрессивных признаков (плохое настроение по утрам, нарушение сна, изменяются ценности, многие из них перестают радовать) – взятки становятся приоритетной целью, только при получении взятки наступает состояние комфорта, также имеет место стойкая периодичность, проявление активности в поиске взяткодателя и разработке эффективных коррупционных схем;

4) постоянное существование в потоке коррупционных финансов, отрыв от реальности, потеря чувства сопереживания и радости, сами деньги (взятки) уже не приносят положительных эмоций, но и отказаться от такого поведения человек уже не может (вернуть человека в реальность и заставить отказаться от коррупционного поведения возможно только с помощью применения мер государственного принуждения – привлечения к уголовной ответственности).

Исходя из такого подхода, своевременное не пресечение коррупционного поведения приводит к негативным последствиям не только для общества и государства, но и для самого коррупционера, формируя у него психологическое расстройство (зависимость).

Большое значение для познания психологических характеристик коррупционных преступников имеет исследование М. В. Кроза и Н. А. Ратиновой, результаты которого вошли в основу указанной выше монографии Университета Генеральной прокуратуры Российской Федерации. На основании исследования с применением нескольких психологических методов основной группы (коррупционных преступников) и контрольной группы (законопослушных граждан) были сформированы ценные выводы о соотношении их психологических качеств. Так, выявленные авторами психологические закономерности можно разделить на две группы: общие качества, свойственные обеим группам (сходства), и качества, отличающие одну группу от другой (различия) [8]:

К общим качествам, свойственным как коррупционным преступникам, так и законопослушным гражданам, относится низкая значимость материальных ценностей (она находилась либо в самом конце ранжированных списков ценностей или в его нижней части). Наиболее значимые ценности: свобода, семья, любовь, дети, здоровье, образование, новые знания, расширение кругозора, материальные ценности, развлечения, общественное признание, переживание прекрасного, высокие запросы и власть; важными человеческими качествами считают: ответственность, честность, образованность и самостоятельность; высокая значимость таких нравственных ценностей, как совесть, мораль, порядочность, и одновременно низкая ценность закона и власти; высокий уровень психоэмоциональной устойчивости, волевого самоконтроля, оптимизма.

К качествам, свойственным только коррупционным преступникам, относится прагматизм. Это характеризуются как прагматичные люди, нацеленные на получение конкретного результата в любой деятельности, которой они занимаются; значимость закона для них ниже всех ценностей «благополучия» и «престижа».

К качествам, свойственным только законопослушным гражданам, относятся следующие: для них важнее, чтобы их работа представляла интерес сама по себе; наличие некоторого среднего уровня жизненного комфорта для них ценнее, нежели выполнение требований закона, а достижение высокого материального положения, богатства, в свою очередь, менее значимо, чем требования закона.

Из указанных характеристик следует, что общих качеств между коррупционными преступниками и законопослушными гражданами больше, чем их отличий. В этой связи особо актуально звучит тезис Н. В. Щедрина: «Коррупция – это тот червячок, который живет в каждом из нас» [13, с. 157]. В

этом простом утверждении кроется весь смысл психологической природы коррупционного поведения.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в целях формирования эффективной системы предупреждения коррупционных проявлений необходимо продолжение проведения междисциплинарных исследований особенностей личности коррупционных преступников в различных сферах, в том числе в публичных закупках.

Список использованных источников:

1. Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника. Криминологическое исследование: монография. Москва : ИНФРА-М, 2022. 368 с.
2. Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Портреты преступников: криминологический анализ: монография. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2022. 240 с.
3. Бикеев И. И., Бикмухаметов А. Э., Газимзянов Р. Р., Кабанов П. А., Максимов С. В., Мартынович Т. С., Райков Г. И., Садеев М. М., Фролова И. И., Чирков Д. К. Коррупция и антикоррупционная политика (экспертиза): словарь / Под общ. ред. П. А. Кабанова, Г. И. Райкова, Д. К. Чиркова. Москва: Академия экономической безопасности МВД России, 2010. 139 с.
4. Букалерова Л. А., Кузнецова О. А. Терминологические подходы к определению понятия «личность коррупционера» // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2016. № 3 (42). С. 44-50.
5. В Китае казнили экс-главу госкомпании за коррупцию и многоженство [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/world/748478>
6. Гарифуллин Р. Р. Взяткомания как одна из причин взяточничества: психологический анализ (психологические и психотерапевтические подходы к проблеме взяточничества и взятокмании) // Russian Journal of Economics and Law. 2012. № 4 (24). С. 9-14.
7. Жубрин Р. В. Личность коррупционного преступника как объект криминологического исследования // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 5 (61). С. 11-17.
8. Кроз М. В., Ратинова Н. А. Психологическое исследование личности коррупционного преступника // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 2 (64). С. 95-104.
9. Личность коррупционного преступника : монография / под общ. ред. Р. В. Жубрина; Университет прокуратуры Российской Федерации. Москва : Проспект, 2019. 383 с.

10. Мацкевич И. М. Криминологический портрет преступника (теоретические проблемы составления) // Lex russica (Русский закон). 2008. Т. 67. № 6. С. 1424-1444.

11. Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Криминология (Общая часть) : учебное пособие. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. 284 с.

12. Федоренко Е. Ю. Психологический взгляд на коррупционное поведение // В сборнике: Актуальные вопросы противодействия коррупции в сфере образования. Сборник научных статей по материалам IV Сибирского антикоррупционного форума. Ответственные редакторы И. А. Дамм, Е. А. Акунченко. 2019. С. 48-54.

13. Щедрин Н. В., Дамм И. А., Акунченко Е. А. Актуальные проблемы антикоррупционного просвещения и антикоррупционного образования // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11. № 3. С. 147-160.

УДК 343.34

ГРУППОВОЙ ИНТЕРЕС КАК ОПРОВЕРЖЕНИЕ ПРЕЗУМПЦИИ НАЛИЧИЯ ЦЕЛИ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРИ КОНКУРСНОМ ОСПАРИВАНИИ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ СДЕЛОК

© Ф.А. Воронов

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина

В текущей редакции п. 2 ст. 61.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) с учетом разъяснений Постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» при конкурсном оспаривании фраздаторных сделок применяется опровержимая презумпция наличия цели причинения вреда.

Указанная презумпция применяется в случае, если оспариваемая сделка должника совершена в условиях его неплатежеспособности, а также при наличии одного из условий, предусмотренных абзацами 2-5 п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, в частности, если оспариваемая сделка совершена в пользу или в отношении заинтересованного лица.

До недавнего времени заинтересованность или аффилированность участников сделки была своего рода негативным маркером, указывающим на потенциальную недействительность обеспечительной сделки, который запускал ее дополнительную проверку со стороны суда, лиц, участвующих в деле о банкротстве, на предмет ее соответствия условиям нормального гражданского оборота.

Ситуация несколько изменилась в контексте оспаривания сделок, так называемого, перекрестного обеспечения, то есть такого обеспечения, которое член корпоративной группы выдает по обязательствам другого члена, при этом не являясь должником по обеспечиваемому обязательству.

Как отмечено Верховным судом РФ [1], опровержением наличия цели причинения вреда и наличием в совершении сделки разумного экономического мотива может служить наличие группового интереса в ее совершении, то есть в ситуации выдачи должником обеспечения по обязательствам группы должник пренебрегает своим персональным интересом и интересами его кредиторов ради достижения группового (коллективного) интереса. Выдача такого обеспечения является легитимной и не противоречащей закону в случае, если она не привела к банкротству должника непосредственного его выдавшего.

Кроме того, в приводимых правовых позициях отмечается, что «реализация группового интереса способствует не только процветанию корпоративной группы, но в то же время и каждого ее участника, в том числе того, который, формально пренебрегая своими персональными интересами, совершил для себя (и своих кредиторов) не выгодную сделку» [1].

Представляется, что Верховный суд РФ в указанных позициях выработал следующее правило: не может быть признана недействительной такая обеспечительная сделка, которая совершена в интересах его корпоративной группы, если она сама по себе не привела к его банкротству, даже если в результате ее совершения причинен вред как должнику, так и его персональным кредиторам.

Групповой интерес в этом случае заключается в привлечении внешнего, как правило заемного, финансирования и расходование его в нуждах предпринимательской группы.

Стоит отметить, что ранее указанная логика применялась Верховным судом РФ по спорам о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц (дело общества «СПАР Липецк») [2] по основаниям доведения должника до состояния банкротства (п. 1, 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве), что является обоснованным, поскольку в указанных спорах проверяется на

соответствие закону, принципам разумности и добросовестности конкретное бизнес-решение менеджмента.

Таким образом, Верховный суд РФ фактически произвел экстраполяцию правовой позиции из области института субсидиарной ответственности в область института оспаривания сделок, что является спорным, исходя как из конструкции соответствующих правовых норм, так и существа правового регулирования указанных институтов.

Например, если предположить, что совершение обеспечительных сделок в интересах группы является вредоносным для персональных кредиторов должника в ситуации его банкротства, то это не презюмирует наличие оснований для привлечения директора совершившего ее к субсидиарной ответственности, поскольку такое решение является вполне адекватным с точки зрения хозяйственного оборота и нормального поведения директора в ситуации отсутствия банкротства должника.

Следовательно, само по себе конкурсное оспаривание такой сделки не порождает у лица ее совершившего или одобрявшего субсидиарную ответственность по обязательствам должника и не презюмирует невозможность удовлетворения требований кредиторов, а также не может служить основанием для привлечения такого лица к субсидиарной ответственности.

По нашему мнению, к высказанным правовым позициям по вопросу действительности сделок перекрестного обеспечения стоит относиться с особой осторожностью.

Во-первых, противоречивым является само допущение (процитированное выше) о безусловной выгоде должника, которую он получает от состояния нахождения в группе лиц, если он совершает персонально невыгодную сделку в интересах группы.

Сайфуллин Р.И. выделяет следующую классификацию обеспечительных сделок [3]: нисходящее обеспечение – обеспечение, которое предоставляется акционером (участником) подконтрольному обществу, восходящее обеспечение – обеспечение, предоставляемое подконтрольным обществом акционеру (участнику), перекрестное – обеспечение, которое предоставляется одним членом корпоративной группы по обязательствам другого члена.

Если в первом случае экономический мотив и отсутствие цели причинения вреда персональным кредиторам акционера (участника) при выдаче обеспечения является очевидным – получение внешнего финансирования влечет увеличение капитализации подконтрольного общества, следовательно, увеличение реальной стоимости пакета акций (долей) участника, то во втором и

третьем случае мотивы выдачи такого обеспечения являются неочевидными, следовательно, они подлежат дополнительному раскрытию.

Таким образом, утверждение о том, что любая обеспечительная сделка, совершенная должником по обязательствам члена одной с ним корпоративной группы, является выгодной для должника, поскольку оно выгодно группе, является фикцией.

В ситуации именно перекрестного обеспечения лицо, которое возражает против недействительности такого обеспечения и опровергает наличие цели причинения вреда должнику, должно доказать, что в результате заключения спорной сделки должник по обеспечивающему обязательству получил достаточное покрытие от должников по обеспечиваемому обязательству, либо от других членов группы.

Такое покрытие может выражаться в получении дополнительных доходов, имущества, результатов работ, оказания услуг, то есть получении прямого или опосредованного экономического эффекта от деятельности группы.

Например, владельцем крупного предприятия принято решение о проведении модернизации оборудования и инфраструктуры имущественного комплекса, наращивания производственных мощностей в целях выхода из текущего кризиса. Для этих целей подконтрольная владельцу организация-подрядчик привлекает внешнее финансирование, в обеспечение возврата которого предприятие передает в залог, принадлежащее ему имущество.

В этой ситуации предприятие получает достаточное покрытие – подрядные работы, направленные на модернизацию имущественного комплекса, следовательно, перекрестное обеспечение в виде залога является действительным.

Следовательно, без предоставления доказательств наличия покрытия и извлечения конкретным должником экономической выгоды такое перекрестное обеспечение следует признавать недействительным.

Во-вторых, если говорить о том, что сама по себе конструкция перекрестного обеспечения «является стандартной банковской практикой» и широко распространена в гражданском обороте, следовательно, должна защищаться, в том числе для обеспечения стабильности банковского сектора, то необходимо учесть следующее.

Фактически в ситуации крупный кредитор, добившийся такого обеспечения, получает преимущество перед персональными кредиторами отдельно взятого должника, поскольку так или иначе получает права требования к каждому из залогодателей и поручителей, то есть ко всей группе. В ситуации банкротства он имеет право на все активы группы.

При этом, в указанной ситуации пассивы группы компаний становятся общими для каждого из отдельно взятых должников, что существенно снижает вероятность удовлетворения требований персональных кредиторов каждого должника, поскольку у них нет доступа к активам всей группы, а требование крупного кредитора заявлено к каждому из должников.

Следовательно, в ситуации легитимности перекрестного обеспечения *per se* и доминирования группового интереса над интересом отдельного должника, возникает следующая диспропорция: все активы группы косвенно принадлежат одному кредитору, а пассивы группы распределены между всеми кредиторами.

Другими словами, крупный кредитор претендует на активы во всех без исключения делах о банкротстве, а персональные кредиторы только в деле отдельно взятого должника.

Несправедливость такого положения персональных кредиторов должника является очевидной, особенно, если говорить о, так называемых, «недобровольных» кредиторах: уполномоченном органе (ФНС), иных гос. органах и публично-правовых образованиях, кредиторов по деликтным или кондикционным обязательствам.

Ранее такие кредиторы могли защитить свои права посредством конкурсного оспаривания сделок перекрестного обеспечения. В данный момент этот способ защиты прав фактически отсутствует, либо находится под серьезным риском исчезновения, при этом высшая судебная инстанция альтернативы не предложила, ограничившись необходимостью исследования в таких ситуациях первопричин банкротства конкретного должника.

По нашему мнению, альтернативным способом решения сложившейся ситуации может служить применение в институте несостоятельности (банкротства) доктрины материальной консолидации (*substantive consolidation*), суть которой сводится не только к процессуальному и процедурному объединению дел о банкротстве, но и к материальному объединению пассивов и активов группы, следовательно, к объединению требований всех кредиторов [4].

Таким образом, указанная доктрина позволила бы решить обозначенную диспропорцию без ущемления прав и интересов отдельно взятых кредиторов. Крупный кредитор имеет одно требование ко всей группе в размере предоставленного финансирования, а не несколько требований, вытекающих из разнообразных обеспечительных сделок, а персональные кредиторы должника по обеспечительным сделкам получают доступ ко всем активам группы.

Можно заключить, что сама концепция группового интереса, которая последовательно отмечается Верховным Судом РФ в недавних правовых

позициях, позволяет решать скорее проблему оценки конкретного хозяйственного действия менеджмента и является элементом применения правила делового решения (the business judgement rule) в спорах о субсидиарной ответственности.

Само по себе наличие группового интереса при совершении должником невыгодных для себя обеспечительных сделок не может обосновывать наличие разумной экономической цели и опровергать презумпцию наличия цели причинения вреда, установленную Законом о банкротстве. В указанной ситуации должник должен получать прямое или опосредованное покрытие от всей группы в целом, либо от ее члена, в интересах которого такое обеспечение предоставляется, то есть получить прямой или косвенный положительный экономический эффект.

Неаккуратное применение указанной концепции может повлечь существенный дисбаланс в правах конкурсных кредиторов на равный доступ к активам должника: в ситуации действительности перекрестного обеспечения крупный кредитор получает доступ ко всем активам группы, следовательно, пассивы группы становятся общими для персональных кредиторов каждого из должников.

В ситуации отсутствия видоизменения или полного сохранения указанной концепции в текущем виде правильным восстановлением баланса прав кредиторов могло бы послужить применение доктрины материальной консолидации, которая позволяет объединять активы и пассивы корпоративной группы в единую массу, доступ к которой в равной степени имеют все кредиторы. Однако, стоит заметить, что в данный момент предпосылок к ее появлению в отечественном правопорядке не имеется.

Список использованных источников:

1. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2022 № 305-ЭС20-15145(5) по делу № А40-109097/2018; от 24.02.2022 № 305-ЭС20-11205(3) по делу № А40-83941/2018; от 08.08.2022 N 305-ЭС21-6122(3) по делу № А40-109791/2019.

2. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.03.2021 № 310-ЭС20-18954 по делу № А36-7977/2016.

3. Сайфуллин Р.И. Поручительство и банкротство: взаимная связь правовых институтов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

4. Семикова Л.Е. Институт substantive consolidation в США как модель материальной консолидации в банкротстве // Вестник гражданского права. 2011. № 1. С. 160 - 198.

УДК 342.5

УПРАВЛЕНИЕ В СОЦИАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ И ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ

© А.А. Габов

Сибирский федеральный университет

Необходимость управления поведением людей вытекает из сущности человеческого общества как целостной самоуправяемой социальной системы [1, с. 3], существование и функционирование которой требует определенной целенаправленной и взаимообусловленной деятельности людей во всех сферах общественной жизни.

Как отмечает Е.М. Пеньков: «Процессы управления имеют место и в природе, и в обществе. Их общая основа – объективные закономерности, обуславливающие функционирование и развитие сложных биологических и социальных систем, а также их отдельных частей, представляющих в свою очередь определенные целостные системы, нуждающиеся в управлении»[2, с. 6].

Для существования и функционирования любого общества люди, населяющие его, должны согласовывать свои действия в одном направлении. «Последнее достигается двумя факторами: *объективным* – наличием существующих условий общественного бытия и закономерностями его проявления в деятельности людей, и *субъективным* – управлением действиями людей со стороны общества, исправлением возможных отклонений в их поведении от общей цели и задачи». Перефразируя известное выражение К. Маркса об индивидууме и обществе, что «отдельный скрипач сам управляет собой, а оркестр нуждается в дирижере»[3, с. 342], Е.М. Пеньков на это заметил: «Таким дирижером является специально создаваемый обществом **механизм социального управления** людьми, которые как существа общественные управляются уже не природой, а своей собственной общностью как саморазвивающаяся целостная система»[2, с. 8].

При осуществлении управления в любом обществе происходит процесс регулирования. Его основная цель – добиться соответствия между поведением личности и действиями общностей людей, их интересами, целями и задачами, вытекающими из наличествующих в данном обществе объективных закономерностей.

«Под регулированием, или управлением, понимается часто широкий круг процессов, происходящих как в природе, так и в обществе. Справедливо отмечает Н.Т. Абрамова, что наряду с общими чертами между управлением и регулированием существует различие, суть которого состоит в том, что “управлению придается смысл частной, но более высокой формы регулирования. Полагается, что система управления обладает более сложной формой зависимости между элементами, наличием самостоятельного блока управления, в то время как для регулирования характерны менее дифференцированные отношения элементов” [4, с. 43-44]. Понятие “управление” не может быть сведено только к регулированию, суть которого определяется как “упорядочение, налаживание, приведение чего-либо в соответствие с установленными нормами, правилами”» [2, с. 10].

Регулировать – это значит подчинять жизнедеятельность общества определенным правилам, требованиям (субъективный фактор), содержание которых обусловлено прежде всего экономическими отношениями данного общества (объективный фактор). В результате регулирования достигается упорядочение, закрепление и развитие общественных отношений, определенная направленность всей социальной деятельности людей» [2, с. 11]. На наш взгляд, другими словами регулировать означает применять централизацию и децентрализацию как способы управленческого воздействия, обеспечивающие выживаемость и развитие социального организма.

Регулировать поведение личности в широком смысле слова – это, с одной стороны, предоставлять ей возможности для свершения определенных поступков, поощрять её, а с другой – заставлять личность воздерживаться от целого ряда нежелательных для общества актов поведения, осуждать такого рода деяния и различными методами исправлять её отклонения [2, с. 11-12]. Тем самым происходит процесс саморегулирования в обществе, оставляющий только полезные действия и отсеивающего негативные и неблагоприятные ситуации.

В литературе отмечается, что все формы общественного сознания так или иначе выполняют в обществе регулирующие функции, хотя каждая из них специфична своему предмету. Так, например, регулирование может выступать как политическое, правовое, моральное, религиозное и т.д. Чем большую

регуляционную роль выполняет та или иная форма общественного сознания, тем большая нормативность свойственна ей.

Эффективность любой нормативной системы достигается только тогда, когда она соответствует потребностям общества, его поступательному движению, социальным, а также психическим и биологическим закономерностям развития человека. Социальное нормативное регулирование может применяться лишь *в определенных пределах*, оставляя личности значительный простор для строго индивидуальной регламентации своего поведения. Чрезмерная детальная регламентация поведения людей со стороны общества сковала бы их инициативу, обеднила бы проявление личностью её индивидуальности. Тем самым государство, применяя политику централизации и децентрализации в обществе, регулирует степень допустимой свободы и нормативно закрепленных правил, её ограничивающих.

Имеется и другая, ненормативная часть системы. Скажем, искусство оказывает немалое влияние на поведение человека, но, воздействуя на его внутренний мир через систему художественных образов, оно не диктует ему каких-то конкретных правил, не предъявляет требований к его поведению в той или иной ситуации, не предлагает средств для его реализации и не осуществляет контроль за его соблюдением [2, с. 25].

Приведенные ненормативные и нормативные средства регулирования общественного поведения людей, действующие на уровне общественного и индивидуального сознания, составляют идеологическую функцию механизма социального регулирования. Однако для того, чтобы этот механизм действовал, его идеологическую сторону необходимо дополнить организационной.

Е.М. Пеньков указывает: «С возникновением качественно новых идеологических средств социального регулирования необходимо возникают и новые организационные средства, без которых невозможно обеспечить практическое действие регуляторов социального поведения. Возникает особый сложный аппарат управления, уже не совпадающий непосредственно с обществом. Такой аппарат принуждения составляет важнейший элемент механизма социального регулирования ...общества» [2, с. 32].

Проводя внутреннюю и внешнюю политику государства используют политическую и юридическую централизацию и децентрализацию. Управление в социальных организациях, в т.ч. в обществе, и подразумевает использование указанных процессов.

Нами политическая централизация и децентрализация понимается как процессы и результаты распределения политических власти и функций между структурными элементами общества. В свою очередь, юридическую

централизацию и децентрализацию можно трактовать как процессы и результаты распределения соответствующих субъективных прав и обязанностей между структурными элементами общества [5, с. 409].

Управление должно быть выверенным, сочетая оба указанных процесса и его разновидности. Нам представляется это сложной динамической системой, поминутно включая то одно, то другое, государство стремится к самосохранению и прогрессивному развитию с учетом международных связей и событий.

Список использованных источников:

1. Афанасьев В.Г. О содержании (основных функциях) управления социалистическим обществом / Научное управление обществом, вып. 1. М., 1967. 351 с.

2. Пеньков Е.М. Социальные нормы – регуляторы поведения личности. Некоторые вопросы методологии и теории. М.: Мысль, 1972. 198 с.

3. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1960. 907 с.

4. Абрамова Н.Т. Процесс регулирования и его основные формы // Вопросы философии. 1968, № 1. С. 43-53.

5. Дробышевский С.А., Габов А.А. О понимании центра и периферии применительно к политической и юридической централизации и децентрализации в обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019, Вып. 3. С. 408-427.

УДК 340.12

НАУЧНОЕ ПРАВОПОНИМАНИЕ

© А.А. Грибалев

Сибирский федеральный университет

Ключевой, фундаментальной составляющей в исследованиях любых аспектов права является правопонимание. Оно имеет не только теоретическое, но и неоспоримое практическое значение. Грамотное использование и применение права невозможно без осмысления его сущностных признаков, формы и содержания. Итак, правопонимание – это научная категория, отражающая процесс и результат целенаправленной мыслительной

деятельности человека, включающий в себя познание права, его восприятие (оценку) и отношение к нему как к целостному социальному явлению [З, с. 222].

При решении основного вопроса философии о соотношении бытия и сознания выделяются идеалистический и материалистический подходы к изучению права. В зависимости от того, что рассматривается в качестве источника правообразования, - государство или природа человека, различают естественно-правовую и позитивистскую теории права. В юриспруденции представлены **несколько типов правопонимания**, возникших в различные исторические периоды, при этом каждое последующее пыталось преодолеть недостатки предыдущего.

1. Позитивизм (нормативизм, легизм). Представители данного типа правопонимания полагают, что право может существовать только в виде общеобязательных, формально определенных правил поведения, установленных или санкционированных государством. **Недостатком нормативистского подхода** является то, что не всегда санкционированное сувереном общеобязательное требование в нормативном акте может приниматься социумом, в связи с чем обеспечивается только силой государственного принуждения.

2. Естественно-правовой тип правопонимания. Представители данного типа правопонимания полагают, что право должно проистекать из естественных (природных) надсоциальных идей гуманизма, справедливости, свободы, равенства и т.д. **Недостатком естественно-правового подхода** является неопределенность, размытость источников права, а также самих нравственных категорий, которые не имеют точного определения.

3. Социологический тип правопонимания исходит из того, что в праве должна быть выражена концентрированная воля социальной группы. Поэтому нормы права должны создаваться либо непосредственно обществом, либо легитимными выборными представителями этого общества. Следовательно, если нормы права не приняты социумом, то они считаются «мертвыми». **Недостатком социологического подхода** является то, что остается неясным, какие именно явления можно рассматривать в качестве социального эталона и каков реальный механизм достижения всеобщего социального согласия.

4. Интегративный тип правопонимания – представляет синтез (сочетание) классических правовых теорий в попытке совместить их достоинства и избежать недостатков. Этот тип правопонимания сочетает в себе нормы естественного и позитивного права. Однако и **недостатки**, присущие предыдущим типам, характерны и для него. В науке данный подход представлен **либертарно-юридической** концепцией В.С. Нерсисянца, **социолого-позитивистской**

(коммуникативной) теорией А.В. Поляковой, **естественно-позитивной** концепцией В.М. Шафирова и др.

5. Постмодернистский тип правопонимания – исходит из принципиальной невозможности установления объективной истины о праве. Представители данного направления призывают глубже исследовать значение права для отдельного индивида, основываясь на философском понимании культуры, идентичности, языка и т.д. Это тип правопонимания представлен диалогической теорией права И.Л. Честнова и герменевтической теорией А.И. Овчинникова.

Таким образом, в целом, различные теории правопонимания не дают возможность объективно оценивать процессы и явления правового развития и совершенствовать действующие нормы.

Сформировались определенные научные школы права – нормативистская, естественно-правовая, позитивистская, психологическая, социологическая и др. Плюрализм концепций понимания права в науке в настоящее время приветствуется. Распространена точка зрения, в соответствии с которой единое определение права, пригодное для всех времен и всех народов, найти невозможно [1, с. 100].

Однако автор не согласен со столь категоричным суждением. Напротив, подлинно научное правопонимание должно рассматривать право как некий научный объект, результат применения научных методов познания окружающей действительности, общий для всех времён и народов. И, по скромному мнению автора, право представляет собой не что иное, как абстрактную (интеллектуальную, идеальную) модель общественного отношения. Автор полностью разделяет мнение, согласно которому «система общественных отношений приобретает для права значение как его предмет отражения, а право выполняет роль модели этого предмета» [2, с. 112]. К сожалению, данное утверждение не было должным образом оценено и развёрнуто в юридической науке.

Действительно, не существует правовых норм, первопричиной, основой которых не были бы конкретные явления объективной реальности – общественные отношения. Они являются предметом любой отрасли права, это факт. С другой стороны, хотя право изначально является следствием общественных отношений, однако оно выполняет и ряд функций применительно к ним: прогнозирующую, познавательную, сравнительную, экспериментальную, измерительно-оценочную, функцию развития и совершенствования, которые не могут быть объяснены только причинно-следственными связями. С точки зрения науки такие функции свойственны моделям.

Обусловлено это тем, что модель, несмотря на свою вторичность применительно к оригиналу, возникая в той или иной форме, материализуется в ней, и сама становится явлением объективной реальности. **Модель** (фр. *modèle*, от лат. *modulus* – «мера, аналог, образец») – это образ (образец) реального объекта и/или протекающих в нем процессов, явлений, используемый для их замещения. Например, правовая норма, замещающая общественное отношение и созданная интеллектуальным трудом её творца, способна не только следовать за породившим её общественным отношением, но и предвидеть его, изменять и совершенствовать в той мере, в которой позволят разум и культура её создателя. Или, напротив, остаться мертворожденной, недействующей (феномен «мёртвых норм» в юриспруденции).

Абстрактная модель – это модель, отражающая лишь самые общие характеристики моделируемого явления. Абстрактная модель отображает объективную реальность (в нашем случае – общественное отношение) абстрактными методами – словесным описанием в свободной форме, описанием, формализованным по каким-то правилам (например, логики), математическими соотношениями, информационными программами и т.п. Классификация абстрактных моделей: 1. **Вербальные** (текстовые) модели. Эти модели используют последовательности предложений на формализованных диалектах естественного языка для описания той или иной области действительности. 2. **Логические** модели. Это гипотетические описания цепочки причин и следствий, приводящих к интересующему результату. Хотя они могут быть в повествовательной форме, логические модели обычно принимают форму графического описания причинно-следственных связей «если-то» между различными элементами, приводящими к результату. Иные абстрактные модели (математические, информационные и т.п.) к праву неприменимы.

Невозможно отрицать и тот факт, что моделирование – это универсальный метод научного познания. Моделирование в научных исследованиях стало применяться еще в глубокой древности и постепенно захватывало все новые области научных знаний: техническое конструирование, строительство и архитектуру, астрономию, физику, химию, биологию и, наконец, общественные науки. Однако до сих пор его применение к юриспруденции не имело обоснования.

Таким образом, анализ показал, что **право – это вербально-логическая модель общественного отношения**. Соответственно, такая модель представляет собой по структуре 2 элемента: 1) Логическая форма и 2) Вербальное содержание.

Как известно из философии, **содержание и форма** - это всеобщие категории диалектики, представляющие собой две стороны природной и социальной реальности, упорядоченные элементы и процессы которой образуют предметы и явления действительности. При этом содержанием абстрактной модели является множество его элементов, а формой – заданные на этом множестве наборы логических предикатов и (или) операций.

Форма права – это неизменная всегда истинная и выраженная языком логики взаимосвязь элементов правовой нормы: гипотезы (Г), диспозиции (Д) и санкции (С). Она имеет общий и вечный характер для любых известных разумных, (обладающих логикой) существ и для любых абстрактных моделей (правовых норм). Выражается она следующей логической формулой:

$G \equiv (D \vee S)$, или $(G \equiv D) \wedge (G \equiv S)$ (формула права Грибалева)

Вербально выражается она так: гипотеза права при его реализации всегда эквивалентна её диспозиции либо санкции.

Следует понимать, что гипотеза в широком смысле – это и есть сама модель общественного отношения, ведь она имеет предположительный (прогностический) характер. А диспозиция и санкция – это такие части этой модели, которые взаимоисключают, противоречат друг другу, находятся в логическом отношении конрадикторности, их логические объемы не пересекаются, исчерпывая весь исходный универсум, в случае с правом – логический объём гипотезы. Обусловлено это тем, что диспозиция – всегда правомерное поведение, а санкция – это правовые последствия неправомерного поведения. Гипотеза же предполагает как первое, так и второе. Можно выразиться и несколько иначе – диспозиция и санкция являются средствами реализации гипотезы.

Содержание права представляет собой динамическую, изменчивую часть абстрактной модели общественного отношения, выраженную вербальным (текстовым, лингвистическим, словесным, а с появлением письменности – знаковым, буквенным) языком. Оно индивидуально для каждой правовой нормы (дублирование норм является дефектом юридической техники).

Содержание права представляет собой то идеальное общественное отношение, которое зафиксировано в модели, но поскольку модель абстрактна, то это идеальное общественное отношение становится самостоятельным явлением объективной реальности (известным в юридической науке как правоотношение). Правоотношение не всегда совпадает с реальным общественным отношением, поскольку оно является лишь его вербальной моделью (феномен «мертвых норм»).

Современная правовая наука категорично, но без достаточных логических оснований, утверждает о том, что правоотношение есть общественное отношение, урегулированное нормами права, чтобы убедиться в этом, достаточно открыть любое правовое исследование или учебную литературу. Автор, со своей стороны, утверждает, что такое определение слишком утрировано, ненаучно и не раскрывает сути явления, именуемого правоотношением.

Итак, правоотношение – это содержание права, вербальная модель реального общественного отношения, существующая в правовой норме и составляющая, наряду с логической формой права, его необходимый элемент физического внешнего выражения. Правоотношение неотделимо от смоделированного в правовой норме общественного отношения (неотделимо от модели), но существует независимо от фактического общественного отношения в самой его правовой модели. Иначе говоря, общественное отношение – это явление объективной реальности, в то время как правоотношение – это интеллектуальный (идеальный) образ, то есть модель, общественного отношения, который материализуется исключительно в правовой норме.

Как известно, в структуру правоотношения, а, следовательно, в структуру содержания права входят: субъекты, объект и содержание (взаимные права и обязанности). Субъектов всегда два – это субъект правотворчества (создатель правовой нормы-модели) и субъект реализации права (её адресат).

Объектом правоотношения в самом широком смысле является воля участника общественного отношения. Модель не может влиять непосредственно на поведение, поскольку она – модель желаемого поведения (у адресата всегда есть выбор между правомерным и неправомерным поведением в соответствии с логической формулой права), поэтому правовая норма влияет на поведение участника общественного отношения опосредованно – воздействуя на волю, то есть способность делать выбор (между диспозицией и санкцией) и совершать действие (поведенческий акт реализации права).

Содержание правоотношения (права-обязанности) – это границы (индивидуальной свободной) воли, установленные субъектом правотворчества.

Таким образом, общее понятие правоотношения для всех правовых норм можно сформулировать так: Правоотношение (как вербальная модель общественного отношения) – это установление границ индивидуальной свободной воли адресатов правовой нормы, осуществляемое субъектом правотворчества.

Следует отличать форму права от его источников, которые также нередко именуют формами права, однако это не соответствует действительности, так как источники права являются лишь формой внешнего выражения содержания (вербальной модели). Проще говоря, источник права – это форма правоотношения. Это легко доказать, поскольку одно и то же правоотношение может быть закреплено в различных источниках права, но форма (логическая формула права) их при этом остаётся неизменной.

Установив содержание и форму права, следует также указать и его сущностный признак. Под юридической силой обычно понимается применимость правового акта на определенной территории в определенное время, однако юридическую силу надлежит понимать и как признак, отличающий право от всех иных социальных норм. Юридическую силу следует понимать как качественный переход любой социальной нормы в юридическое состояние. Она является единственным сущностным признаком или свойством права. Сила – есть способность к действию, отсутствие юридической силы означает неспособность норм права к исполнению.

Автор полагает, что именно юридическая сила является сущностным признаком (свойством) права, и поэтому предлагает иной подход к разграничению права и иных социальных норм, основанный на диалектическом законе перехода количества в качество. Автор убежден, что ни одна из других существующих социальных норм такой силой не обладает, и в то же время, любая из них этой силой может быть наделена, и именно в этом и состоит качественный переход отдельных социальных норм в качество юридических. Действительно, исторически право «выросло» из иных социальных норм – традиционных обычных норм различной отраслевой направленности (семейных, гражданского оборота, процессуальных и процедурных, и т.п.), религиозных норм (каноническое право), корпоративных норм (цеховое, отчасти трудовое, корпоративное право), и даже моральных норм (большинство правовых принципов).

Источником юридической силы является социальная власть – способность диктовать свою волю и ограничивать чужую. При этом социальная власть может иметь как добровольный (в частном праве), так и недобровольный, принудительный (в публичном праве) характер. Именно по этому критерию надлежит разграничивать частное и публичное право. Следует отметить, что частное право для придания ему юридической силы как правило (но не всегда) требует легализации и поэтому его юридическую силу следует признать неполной, усечённой.

Итак, можно утверждать, что главный и, по сути, единственный логически существенный признак (свойство) права, отличающий его от иных социальных норм – это юридическая сила, источником которой всегда является социальная суверенная власть. Именно поэтому субъект правотворчества, например, не обладающий реальной властью над какой-либо территорией, не в состоянии распространить на эту территорию и действие своего права, примеров тому в истории масса.

В силу вышеизложенного необходимо признать, что такие классические признаки права как нормативность, общеобязательность и обеспеченность государством не являются собственными признаками права, они являются признаками юридической силы. А государство, к тому же, следует воспринимать как временное институциональное образование, которое существовало и будет существовать не всегда (если иметь в виду современное его понимание). Да, на настоящем историческом этапе человеческого развития право неотделимо от государства, но лишь как носителя социальной суверенной власти. Закрепленность права в письменных источниках также не может быть признана сущностным признаком права, так было не всегда, и с учётом развития общества, возможно, данное свойство права со временем будет и утрачено, а вот вербальные модели существовали и будут существовать всегда в тех или иных формах.

Автор убеждён и утверждает, что право как абстрактная модель не только исторически обусловлена, логически познаваема в своей форме, но и как любая разумная модель, может быть наполнена наиболее прогрессивным (или напротив) содержанием методом восхождения от абстрактного к конкретному (или наоборот). Поэтому право видится не только как сугубо эмпирическое, познаваемое путём наблюдения, описания, явление, но и как творческий продукт человеческого разума.

Автор убежден и в том, что существующие на сегодняшний день основные концепции, типы правопонимания, теории и школы права, как отечественные, так и зарубежные, не отражают реального научного и логически обоснованного понимания права как явления социальной действительности. Юридический позитивизм, например, сознательно принижает роль права по отношению к власти, что недопустимо в цивилизованном обществе. Поэтому необходима новая парадигма юридического знания, научно-юридическое правопонимание, снимающее все недочёты и противоречия архаичных теорий права, над которой автор работает в рамках диссертационного исследования. Именно в этом направлении надлежит двигаться прогрессивной и творческой юридической мысли, науке и образованию.

Заключение:

В заключение обобщим выводы:

1) Право – это абстрактная, вербально-логическая модель общественного отношения.

2) Логическая модель права представляет собой его форму, которая неизменна и вечна. Она выражается всегда истинной формулой $G \equiv (D \vee C)$, что означает: гипотеза права при его реализации всегда эквивалентна её диспозиции либо санкции.

3) Вербальная модель права – это правоотношение, которое составляет содержание права. Оно, в свою очередь, также имеет форму и содержание. Под формой правоотношения следует понимать то, что в классической теории права называют источниками (формами) права: нормативный акт, договор, обычай или прецедент. Содержанием правоотношения является устанавливаемая субъектом правотворчества граница (индивидуальной, свободной) воли субъектов права.

4) Главный и единственный логически существенный признак (свойство) права, отличающий его от иных социальных норм – это юридическая сила, источником которой всегда является социальная суверенная власть.

5) В соответствии с полученными тезисами, научное (строго юридическое) правопонимание возможно только на основе изложенного. Любые иные концепции и типы правопонимания, безусловно, имеют рациональное зерно и могут быть использованы при философском или эмпирическом исследовании права. Однако они так и не сумели создать фундаментальную, теоретически непротиворечивую основу знания о праве, в связи с чем их научная ценность слишком часто подвергалась обоснованному сомнению. Сторонники различных концепций правопонимания усердно и убедительно критиковали друг друга на протяжении столетий, поэтому даже нет смысла воспроизводить эту критику. Главный аргумент автора – отсутствие в этих идеях таких необходимых элементов как логическая форма и вербальное содержание.

6) Наука теория права получила объект (модель) и инструментарий (моделирование) для своего дальнейшего развития. Это фундаментальное достижение, позволяющее юриспруденции претендовать на самостоятельную роль, отделившись от теории государства, социальных и прочих гуманитарных наук.

Список использованных источников:

1. Аристов Е.Н. К вопросу о соотношении правопонимания и правотворчества // Журнал Законность и правопорядок в современном обществе. Выпуск № 14 / 2013. С. 99-103.
2. Структура и взаимодействие моральной и правовой систем [Текст] / Челяб. политехн. ин-т им. Ленинского комсомола. Москва : Высш. школа, 1972. 279 с.
3. Теория государства и права: Учебник / Под ред. В.Л. Корельского, В.Д. Перевалова. М.: ИНФРА-М, 2002. 616 с.

УДК 343.6

УГРОЗА УБИЙСТВОМ ИЛИ ПРИЧИНЕНИЕМ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

© Т.В. Долголенко

Сибирский федеральный университет

Уголовная ответственность, как известно, крайняя степень защиты, к которому государство прибегает в случаях необходимости. Впервые законодатель установил ответственность за угрозу жизни и здоровью в Русской правде: «Если кто вынет меч, но не ударит, то гривна кун» [3].

С тех пор во всех исторических источниках законодательства прослеживается уголовная ответственность за угрозу убийством и причинением тяжкого вреда, что свидетельствует об общественной опасности деяния, достигшей уровня преступления.

Настало время настраивать пошатнувшиеся в обществе ориентиры человеческого общения, прибегая к мерам государственного воздействия. Таким воздействием, «отрезвляющим» общество, может быть административная ответственность. А к злостным нарушителям может быть применена уголовная ответственность с административной преюдицией. Следует вернуть, или хотя бы попытаться вернуть, внутренний нравственный закон человеку, наличие которого всегда ценилось в обществе.

В УК 1996 года в главе о преступлениях против жизни и здоровья нашла свое место ст. 119 УК РФ, предусматривающая ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы [2]. Форма проявления угрозы убийством

или причинением тяжкого вреда здоровью может быть любой (устной, письменной, жестами и т. д. в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, в средствах массовой информации, может быть публичной с использованием информационно - телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет») и значения для квалификации не имеет. Как, например, следует из п. 3. Постановления ПВС РФ 2014 г. «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», под угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью при совершении преступлений, предусмотренных ст. 131,132 УК РФ, следует понимать не только прямые высказывания, в которых выражалось намерение применения физического насилия к потерпевшему лицу или к другим лицам, но и такие угрожающие действия виновного, как, например, демонстрация оружия или предметов, которые могут быть использованы в качестве оружия [9].

Угроза должна быть конкретной и реальной. Реальность угрозы предполагает, во-первых, то, что у потерпевшего были основания воспринимать угрозу как действительно существующую и, во-вторых, виновный как раз и рассчитывал на такое восприятие, даже если он не собирался приводить эту угрозу в исполнение. Показателен следующий пример из практики. Как установлено в судебном заседании, между соседями К. и М. на почве длительных неприязненных отношений возникла ссора, в ходе которой М. замахнулся на К. бейсбольной битой и высказал оскорбления. После этого М. сказал о том, что пойдет в дом за ружьем и перестреляет всю его семью. Эту угрозу К. воспринял реально. Ему стало страшно за своих родных. При этом ему ничего не было известно о наличии или отсутствии ружья у М. Потерпевший в судебном заседании пояснил, что за себя он не боялся, поскольку у него в этот момент были в руках вилы. Испугался он того, что сосед может перестрелять его семью. Как выяснилось, эта угроза была нереальной, у соседа не было ружья, которым он мог бы расправиться с семьей К. Кроме того, угроза касалась близких людей, о которых ничего не говорится в ч. 1 ст. 119 УК РФ. При таких обстоятельствах, в действиях М. отсутствовал состав угрозы убийством при наличии основания опасаться осуществления этой угрозы.

Реальность осуществления угрозы убийством нашла свое подтверждение в материалах следующего уголовного дела. Как было указано в Определении Верховного Суда РФ, «из показаний потерпевшего П. усматривается, что 10 мая 2020 года он зашел в гости к Платонову А.С. и в комнате на диване увидел Т., у которой руки, ноги и спина были в синяках. Спросил Платонова А.С., зачем он бьет жену, и тот ответил: нецензурным выражением и угрозой ему убийством,

после чего увидел в его руке нож, которым Платонов А.С. ударил его в область шеи. Что было дальше, не помнит, очнулся в доме К. на левой стороне его шеи был порез длиной 7 см. По заключению эксперта, у П. выявлено повреждение в виде резаной раны левой боковой поверхности шеи, образовавшегося от ударного касательного воздействия твердого предмета с режущими свойствами, не причинившего вреда здоровью (т. 2 л.д. 183)». Приговор: по ч. 1 ст. 119 УК РФ за угрозу убийством; по п. "г" ч. 2 ст. 105 УК РФ за убийство оставлен Верховным Судом РФ без изменения [10].

Состав преступления, предусмотренный ст. 119 УК РФ – формальный. Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Субъектом данного преступления признается любое физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. В литературе обоснованно обсуждается вопрос о снижении возраста уголовной ответственности до 14-летнего возраста.

Норма, предусмотренная ч. 1 ст. 119 УК – общая по отношению к нормам, предусматривающим уголовную ответственность за аналогичные угрозы, адресованные конкретным лицам (ст. ст. 296, 309, 318, 321, 333), которые являются специальными нормами и подлежат применению в случае конкуренции. Однако, законодатель прибегает к различной терминологии и различным по объему понятиям угрозы. Например, в ст. 296 УК РФ речь идет об угрозе убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества. Как мы видим, законодатель более широко трактует угрозу в этом преступлении. Потерпевшими, при этом, признаются не только лица, участвующие в отправлении правосудия, в связи с рассмотрением дел или материалов в суде, но и их близкие. Кроме того, в этой норме, понятие угрозы более широкое. Оно включает, помимо угрозы убийством и угрозы причинением тяжкого вреда, угрозу причинением любого вида вреда, а также угрозу уничтожением или повреждением имущества. В ст. 318 УК РФ речь идет о применении насилия, не опасного для жизни и здоровья, либо угрозе применением насилия в отношении представителя власти или его близких. При этом, угроза применением насилия охватывает как угрозу убийством, так и угрозу причинением тяжкого вреда здоровью, но не только. Угроза применением насилия охватывает все виды насилия, предусмотренные УК РФ.

Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью человека может выступать в качестве способа совершения более тяжкого преступления, например разбоя, похищения человека, изнасилования и насильственных действий сексуального характера и др. В этих случаях квалификация по ст. 119 УК РФ является излишней, но не всегда. Так, как следует из постановления №16, 2014 года, посвященного преступлениям против половой неприкосновенности и

половой свободы личности, ответственность за изнасилование или совершение насильственных действий сексуального характера с угрозой применения насилия, наступает лишь в случаях, если такая угроза явилась средством преодоления сопротивления потерпевшего лица и у него имелись основания опасаться осуществления этой угрозы. В тех случаях, когда угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью была выражена после изнасилования или совершения насильственных действий сексуального характера, с той целью, например, чтобы потерпевшее лицо никому не сообщило о случившемся, такие деяния подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 119 УК РФ и, при отсутствии квалифицирующих признаков, по ч. 1 ст. 131 УК РФ либо ч. 1 ст. 132 УК РФ [9]. В данном постановлении был разрешён вопрос о квалификации действий виновных, направленных на преодоление сопротивления потерпевшего в отношении других лиц (к примеру, близкого родственника потерпевшей), препятствующих совершению насильственных преступлений половой направленности. Такие действия виновного требуют дополнительной квалификации, в том числе, и по ст. 119 УК РФ [9]. До принятия данного постановления, судебная практика по данному вопросу не отличалась единообразием

В то же время, как отмечается в п. 5 Постановления ПВС РФ № 58 2019 г., угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью при совершении похищения человека охватывается составом, предусмотренным ст. 126 УК РФ, тогда как высказывания или иное выражение угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью при незаконном лишении свободы следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 127 и ст. 119 УК РФ [8]. Это объясняется тем, что в п. «в» ч.2 ст. 127 УК РФ говорится о незаконном лишении человека свободы с применением насилия, опасного для жизни и здоровья. И ничего не сказано об угрозе применения насилия, что, видимо, является пробелом в законодательстве, принимая во внимание санкцию ч.2 ст.127 УК РФ (до пяти лет лишения свободы). Требуется отметить, что не всегда в составах преступлений указано на такое обстоятельство, как угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Так, Президиум Верховного суда РФ исключил из судебных решений указание на осуждение П. по ст. 119 УК РФ. Судом было установлено, что он и другие осужденные, угрожая потерпевшей убийством и применением насилия, опасного для жизни и здоровья, завладели автомобилем, поместили потерпевшую в багажник, через некоторое время П. вновь стал высказывать угрозы убийством А. Президиум указал на то, что высказывание угроз убийством в процессе завладения автомобилем и удержания охватывается составом ч. 4 ст.

166 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 119 УК РФ не требуется [4]. Следует отметить, что в ч. 4 ст. 166 предусмотрена ответственность за неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, совершенное с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, либо с угрозой применения такого насилия и наказывается лишением свободы сроком до двенадцати лет. Такая мера наказания оказывается сопоставимой с санкцией ч. 3 ст. 111 УК РФ, предусматривающей ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью человека, совершенное при всех квалифицирующих обстоятельствах, за исключением причинения смерти по неосторожности, предусмотренного в ч. 4 ст. 111 УК РФ. В данном случае представляется необходимой дифференцировать ответственность в зависимости от способа воздействия и тяжести последствий.

Статья 119 УК РФ выступает в качестве звена целостной системы правового обеспечения безопасности личности в РФ и стабильности общества. Элементами этой системы являются не только уголовно-правовые, но и административно-правовые нормы. Потенциал уголовно-правового воздействия и административно-правового воздействия, на сегодняшний день, использован далеко не в полной мере. Об этом свидетельствует изучение судебной практики и исследования научной литературы.

Несмотря на то, что преступление, ответственность за которое наступает по ст. 119 УК РФ, является преступлением «двойной превенции», эффективность применения данной нормы остается не столь высокой, как это требуется в данное время. Большинство исследователей обращают внимание на необходимость предусмотреть в ч. 1 ст. 119 УК РФ указание на угрозу в отношении близких лиц.

Необходимость такого признака потерпевшего подтверждается и тем, что законодатель, внося изменения в ч. 2 ст. 119 от 28 июля 2019 г., указал на угрозу убийством или причинения тяжкого вреда в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга. В 2007 году была введена ч. 2 ст. 119 УК РФ, где была предусмотрена повышенная ответственность за угрозу убийством или причинение тяжкого вреда здоровью по экстремистским мотивам. Санкция в этих случаях позволяет считать такое преступление средней тяжести.

Кроме того, в литературе предлагается предусмотреть квалифицирующие обстоятельства к ст. 119 УК РФ, учитывая распространённость и высокую степень общественной опасности подобных деяний, если они совершены: в отношении двух или более лиц; в отношении малолетнего лица; женщины, заведомо для

виновного, находящейся в состоянии беременности; с применением оружия либо иных предметов, использованных в качестве оружия [4].

В действующей редакции перечисленные обстоятельства подпадают под признаки ч. 1 ст. 119 УК РФ, санкция которой свидетельствует о совершении преступления небольшой тяжести. Общественная опасность данного преступления значительно выше, чем об этом свидетельствует закон. Подтверждением тому служат нематериальные последствия угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью человека. Это негативные переживания страха, в зависимости от специфики угрозы, доведенной до потерпевшего и осознанной им в виде опасения, боязни, испуга или даже ужаса. Изменения, которые происходят в психике человека, оказывают негативное влияние на его здоровье и на весь его организм, что нередко сказывается на его труде и отдыхе.

Как отмечается в литературе, объектом преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ является психическое здоровье человека, психическая неприкосновенность жизни и здоровья или психическая безопасность, достоинство личности. Приходим к выводу о том, что потенциал уголовно-правового воздействия, как средства защиты, гарантированного Конституцией РФ права на жизнь, права на здоровье, на неприкосновенность личности, использован не в полном объеме.

Административно – правовая защита жизни и здоровья человека также нуждается в совершенствовании. Как отмечает Казакова В.А.: «Судебная практика показывает, что угрозы нередко предшествуют преступлениям против здоровья и жизни, даже в тех случаях, когда потерпевшие обращаются в правоохранительные органы, но сотрудники последних отказывают в принятии мер под предлогом отсутствия реальной общественной опасности, что впоследствии оказывается ошибочным» [6].

Следует поддержать предложения по внесению изменений в КоАП РФ. Они представляются обоснованными в настоящий период времени. Угроза представляет общественную опасность и тогда, когда нет оснований для ее осуществления в данный момент. Но эти основания для ее осуществления могут появиться позже, в связи с безнаказанностью, и реализоваться в непоправимое: в совершение убийства или в причинение тяжкого вреда здоровью. Судебная практика свидетельствует об этом. Например, осужденный, отбывающий наказание в местах лишения свободы, на протяжении года один раз в месяц сообщает своей бывшей жене о том, что убьет ее, когда освободится. Стрессовое состояние бывшей жены продолжается длительное время, она плохо спит и ей кажется, что бывший муж в любой момент может совершить побег и убить её

[7]. Не смотря на такие последствия, в возбуждении уголовного дела по ст. 119 УК РФ в настоящее время будет отказано на основании нереальности исполнения такой угрозы, как было отказано и по УК РСФСР [5].

Как известно, мудрый законодатель предупредит преступление. Эффективность применения состава преступления, предусмотренного ст. 116.1 УК РФ, как это следует из практики ее применения, позволяет ставить вопрос о возможности введения в УК РФ аналогичной нормы применительно к угрозе убийством или причинению тяжкого вреда здоровью в статье 119.1 УК РФ. Предлагаем такую редакцию этой статьи в УК РФ.

«Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость

1. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, не содержащих признаков состава преступления, предусмотренного статьей 119 настоящего Кодекса, лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние.

2. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, не содержащих признаков состава преступления, предусмотренного статьей 119 настоящего Кодекса, лицом, имеющим судимость за преступление, совершенное с применением насилия или угрозой его применения.

В заключении следует отметить, что в статьях 20, 21, 22, 41 Конституции Российской Федерации говорится о гарантиях гражданам охраны жизни, здоровья, достоинства, личной неприкосновенности, что в соответствии со статьей 64 входит в правовой статус личности в Российской Федерации, который требует всемерной охраны, в том числе и мерами административного воздействия. Эти меры также будут «работать» на общую и специальную превенцию тяжких и особо тяжких преступлений [1].

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]: //Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Справочная

правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории Русского права. / М.Ф. Владимирский – Буданов. - Ростов -на –Дону: Феникс, 1995 - С.31

4. Долголенко Т.В. Преступления против жизни и здоровья :учебное пособие. – 2-е издание., перераб. и доп. - Москва: Проспект,2021. С. 101-102

5. Жданов Ю.А. Уголовно-правовая попытка защиты личности от психического насилия/ «Российский следователь», 2014, № 1, С 19-21

6. Казакова В.А. "Проблемы квалификации преступлений против здоровья: Монография" (Казакова В.А.)."РУСАЙНС", 2018) [Электронный ресурс]: //Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

7. Сердюк Л.В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки следователем: Учебное пособие:/ Л.В Сердюк. – Волгоград ВСШ МВД СССР, 1981, - С.21

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 года №58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» [Электронный ресурс]: //Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 года №16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы [Электронный ресурс]: //Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

10. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.02.2022 N 43-УД22-1-А4 Приговор: По ч. 1 ст. 119 УК РФ за угрозу убийством; по п. "г" ч. 2 ст. 105 УК РФ за убийство. [Электронный ресурс]: //Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

УДК 340

О СООТНОШЕНИИ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

© Д.Г. Домницкий

Сибирский федеральный университет

Вопросы о государстве, его сущности и соотношении с обществом, с давних пор относятся к числу дискуссионных и имеющих разноплановый подход в государствоведении. Объясняется это в первую очередь, отсутствием единого определения в понимании государства, несмотря на кажущуюся определенность явления, да и в понимании общества, наблюдается известный плюрализм.

Исходя из разницы подходов к пониманию того, что есть государство, изменяется место и роль общества в этом государстве. Так, государство воспринимается с нескольких точек зрения: 1) как страна – то есть территория, отделенная границами от остального мира, в пределах границ которой, проживает определённый народ (или несколько народов); 2) как общество – то есть группа людей, объединенных историческими, территориальными, культурными, социальными связями; 3) как собственно власть – система органов или единый высший распорядительный и исполнительный орган в стране, регламентирующий жизнь общества; 4) как политическая система, действующая в рамках исторически сложившихся экономических условий и установленных правовых норм.

К слову, несмотря на то, что государство – это то явление, с которым почти любой человек на планете сталкивается систематически в течении своей жизни, понятия государства зачастую отсутствует в базовых нормативных актах современных стран (в частности, в их конституциях), а также в международном праве и документах ООН.

Понятие общества (от латинского слова socio-соединять, объединять, затевать совместный труд, сотрудничество) крайне многозначно, а потому его не так легко определить [3]. Термин «общество», также как и термин «государство», характеризуется несколькими подходами при наполнении его содержания. Если рассматривать общество в широком смысле, то это форма организации и способы взаимодействия людей, их групп, которые обособились от природы, но тесно с ней связаны, и являются частью материального мира. Что касается рассмотрения общества в узком смысле, то тут уже все не так однозначно и наблюдается несколько вариаций: 1) совокупность людей,

объединенных общими интересами, признаками, родом деятельности (общество трезвости, футбольное общество и т.д.); 2) характеристика определенного исторического периода в развитии человечества (рабовладельческое общество, феодальное общество); 3) идентификация общества с этносом или группой этносов, населяющих конкретную страну, как показатель отличий и особенностей ее населения (немецкое общество, индийское общество); 4) все население Земли (человечество).

Однако, по-моему мнению, при соотношении с таким масштабным явлением, как государство, общество необходимо рассматривать лишь в широком смысле его понимания. При таком подходе, государство рассматривается как продукт жизнедеятельности общества, однако не любого общества, а лишь политически организованного, что происходит лишь на определенном этапе его развития, в частности, с появлением цивилизации с присущими ей признаками (наличие письменности, городов, профессионального разделения труда, различных форм собственности и т.д.), ведь до этого, институты власти первобытного общества были рассчитаны на управление равными людьми, с общими, одинаковыми интересами, а в условиях, когда такого равенства не было, потребовалась иная организация власти, сориентированная на сдерживание противоборства различных групп и слоев общества [4]. Хочется отметить, что некоторые исследователи на этапе появления государства, выделяют отдельную дефиницию – «раннее государство», под которым понимается категория, с помощью которой обозначается особая форма политической организации достаточно крупного и сложного аграрно-ремесленного общества (группы обществ, территорий), определяющая его внешнюю политику и частично социальный и общественный порядок; эта политическая форма в то же время есть отделенная от населения организация власти: а) обладающая верховностью и суверенностью (или хотя бы автономностью); б) способная принуждать к выполнению своих требований; менять важные отношения и вводить новые нормы, а также перераспределять ресурсы; в) построенная (в основном или в большей части) не на принципе родства [1].

Важнейшим элементом, определяющим целостность и устойчивость общества, является управление и нормативное регулирование. Несмотря на то, что нормативное регулирование присутствует везде, в любых видах обществ (в том числе, в обществе трезвости и обществе любителей хоккея), в политически организованным обществе это нормативное регулирование обличено в правовую форму, таким образом, присутствует правовое регулирование суверенной власти в полном объеме, с вытекающими из ее природы

возможностями принуждения к обязательному исполнению ее велений (а наличие такой власти – один из основополагающих признаков государства), обеспечивая таким образом человеческим индивидам, одно из основных условий для воспроизводства себе подобных, а также для выработки материальных и духовных благ - мир в рамках сферы, где они интенсивно общаются, т.е. в пределах территории государства [2]. Политически организованное общество – это понимание общества в широком смысле.

Исходя из вышеизложенного, нужно говорить об обществе, как о самоуправляющейся общности людей в условиях цивилизации. В обществе есть власть и подчиненные, поэтому общество и выступает, как государство. Государство же, выступает как организация разделения и кооперации труда и иной деятельности людей на определенной территории. И качество жизни любого участника рассматриваемой социальной системы определяется степенью совершенства используемых отмеченным человеком для реализации собственных нужд усилий остальных членов государственно-организованного общества [2].

Список использованных источников:

1. Гринин Л.Е. Ранние государства и их аналоги в политогенезе: типологии и составительный анализ. Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
2. Дробышевский С.А. История политических и правовых учений. Основные классические идеи (учебное пособие). М.: Норма, 2018.
3. Краткий курс лекций по социологии: Учеб. пособие для студентов / Под ред. В.И. Бегина; ФГОУ ВПО «Саратовский ГАУ». Саратов, 2017.
4. Теория государства и права : учебник / Л. А. Морозова. - 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2010.

УДК 340.12

СОДЕРЖАНИЕ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА: ОБ ОДНОМ ИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ СПОРОВ

© С.А. Дробышевский

Сибирский федеральный университет

Если понимать естественное право как нормы, которые должны быть воплощены в право позитивное, то встает вопрос о содержании самого общего естественно-правового правила. Решение этой проблемы предполагает учет двух идей.

Во-первых, несомненно, что указанное наиболее общее правило будет соотноситься с остальными нормами естественного права как общее, с одной стороны, и вся конкретизация этого общего – с другой. Иного соотношения просто не может быть логически.

Во-вторых, самая общая норма естественного права будет реализовывать наиболее общую цель, стоящую перед обществом. Правила же, конкретизирующие самую общую норму, выступают как осуществление остальных целей общества. Причем последние явятся конкретизацией его наиболее общей цели.

Приведенные две идеи не проведены в жизнь в противоречащих друг другу теоретических позициях о содержании самой общей нормы естественного права, сформулированных двумя классиками юриспруденции. Речь идет о Т. Гоббсе и Л.Л. Фуллере.

Скажем, Т. Гоббс писал следующее. «В наиболее общем виде естественное право может быть выражено в виде формулы: “Не делай другому того, чего ты не желал бы, чтобы было сделано по отношению к тебе”» [1, с.122].

Л. Л. Фуллер же полагал, что из «высочайшей» [1, с. 625] цели людей вытекает содержание «центрального... принципа» [1, с. 625] естественного права. И из его изложения ясно, что если эта цель есть самая высокая, то она и наиболее общая. Так что из нее вытекает и самое общее правило естественного права.

Что касается содержания указанной нормы, то оно, по словам Л.Л. Фуллера, таково. «Устанавливай, поддерживай и сохраняй целостность путей общения, посредством которых люди передают друг другу то, что понимают, чувствуют и желают» [1, с. 627]. Эта норма вытекает из цели поддержания общения между людьми [1, с. 626].

Однако едва ли Л. Л. Фуллер прав в определении высочайшей или наиболее общей цели людей. Последняя есть выживание, то есть обеспечение существования общества. В самом деле, без обеспечения существования людей об их общении не может быть и речи. Общение людей есть необходимая часть существования человеческого общества. Вот почему неверна и идея Л. Л. Фуллера о наиболее общей норме естественного права.

Если такая норма должна реализовывать самую общую цель людей, а именно обеспечение существования общества, то содержание рассматриваемого правила таково. Людям необходимо делать все нужное для обеспечения существования своего общества.

Разумеется, они должны и общаться друг с другом. Но этот императив есть хотя и норма естественного права, но не самая общая.

Что же касается сформулированной Т. Гоббсом самой общей нормы естественного права, часто именуемой «золотым правилом» [1, с. 653], то оно вообще не укладывается в содержание естественного права, ибо не обеспечивает существование общества. Это доказал Г. Кельзен.

В частности, он отметил следующее. «Человеческие индивиды, даже находящиеся в одинаковых условиях, нередко хотят разного. То, что одно лицо считает хорошим обращением для себя, иным может восприниматься в качестве плохого. Вот почему в государственной организации при реализации буквальной трактовки “золотого правила” неизбежно возникновение множества конфликтов, способных обречь упомянутое сообщество на распад» [1, с. 653-654].

Список использованных источников:

1. Дробышевский С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи. М.: Норма, 2018.

УДК 349.6

ЦИФРОВИЗАЦИЯ, КАК СОВРЕМЕННЫЙ СПОСОБ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

© **Д.М. Дубовик**

Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева

Загрязнение окружающей среды на сегодняшний день - это глобальный вызов для всего мирового сообщества. Структурные изменения промышленного производства и уровня жизни населения, процесс урбанизации объективно способствуют ежегодному увеличению количества отходов производства и потребления.

Рост количества отходов и необходимость их утилизации неизбежно приводит к утрате трудно и долго выстраиваемого правового баланса между экологическими и экономическими интересами общества. Обозначенный дисбаланс уже четко прослеживается при анализе действующего законодательства.

Так, один из принципов охраны окружающей среды, закрепленных в ст. 3 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», является научно обоснованное сочетание экологических, экономических и социальных интересов человека, общества и государства в целях обеспечения устойчивого развития и благоприятной окружающей среды.

В тоже время, исходя из положения ч. 2 ст. 6 Федерального закона от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации», обязательные требования в области охраны окружающей среды должны соответствовать современному уровню развития науки, техники и технологий в соответствующей сфере деятельности, развития национальной экономики и материально-технической базы.

При этом Министерством экономического развития РФ в приказе «Об утверждении формы доклада о достижении целей введения обязательных требований и требований к его содержанию» от 30.04.2021 № 237 предложено результаты определения влияния системы оцениваемых обязательных требований отмечать с позиции влияния на условия ведения экономической деятельности, то есть учитывать положительные и отрицательные экономические эффекты от соблюдения оцениваемых обязательных требований.

Как итог, возникает вопрос не будут ли требования в области охраны окружающей среды зависеть от условий состояния экономического сектора?

Представляется, что «мостом», объединяющим обозначенные интересы общества и государства в вопросах обращения с отходами производства и потребления будет выступать цифровизация рассматриваемой сферы.

Необходимость применения цифровых технологий в экологии продиктована временем. Без современных цифровых инструментов невозможно обеспечить достижение поставленных целей. Цифровизация позволит сделать многие процессы более эффективными, прозрачными и контролируруемыми.

Согласно Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года (Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176), решение задач в области экологической безопасности должно осуществляться, в том числе, посредством совершенствования законодательства в области экологической безопасности и его цифровизации, внедрения инновационных и экологически чистых технологий, развития системы экологического образования и просвещения, повышения квалификации кадров в области обеспечения экологической безопасности и т.д.

В научном сообществе уже давно отмечают назревшую необходимость полномасштабной цифровизации отрасли экологического права, которая будет стимулировать развитие экономики страны, обеспечит решение существующих проблем в сфере экологии, в том числе связанных с ликвидацией несанкционированных свалок, но до настоящего времени кардинальных мер по решению этой проблемы не принято.

Так, Перелет Р.А. подчеркивает, что «цифровая экономика позволяет обеспечить поддержание устойчивости экосистемы Земли, переход к зеленой экономике, а также восстановить разрушенные зоны в этой области, например, за счет мониторинга зеленых больших данных, включая онлайн-скрининг целого спектра профильных индикаторов» [4].

О необходимости пристального внимания законодателя к указанной сфере также справедливо отмечают Сухова Е.А., Абанина Е.Н., которые доказывают необходимость четкой правовой регламентации цифровизации природопользования через два фактора: во-первых, система управления природопользованием в настоящее время невозможна без ее информационного обеспечения; во-вторых, отсутствие надлежащей системы информационного обеспечения является обстоятельством, сдерживающим рациональное использование природных ресурсов [5].

По справедливому утверждению Жаворонковой Н.Г., Шпаковского Ю.Г., повышение экологической безопасности будет обеспечено посредством наличия полной картины изменений, происходящих в окружающей среде [2].

Лунева Е.В. отмечает, что на современном этапе развитие экономики и промышленности невозможно без модернизации и цифровизации природоохранного законодательства [3].

Невзирая на существующую научную доказанность и обоснованность проведения полномасштабной цифровизации сферы обращения с отходами производства и потребления, наличие растущего числа производимых отходов, как следствие, увеличение загрязнения окружающей среды, в настоящий момент конкретные цифровые технологии в рассматриваемой сфере только зарождаются, правовая регламентация применения которых носит бессистемный характер.

Таким образом, главной задачей законодателя является создание правового регулирования, в рамках которого будет осуществляться использование информационных технологий и средств.

В рассматриваемой проблематике цифровизации правоотношений в области обращения с отходами производства и потребления, создания необходимых цифровых инструментов принципиально важным является распоряжение Правительства Российской Федерации от 08.12.2021 № 3496-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отрасли экологии и природопользования».

Данное распоряжение является «революционным» правовым актом, поскольку фактически является первым документом, закрепившим на федеральном уровне важность и необходимость проведения цифровизации всей отрасли экологического права.

Согласно данного распоряжения в ходе реализации стратегического направления для развития области экологии и природопользования будут внедрены следующие технологии: искусственный интеллект; дистанционное зондирование Земли; беспилотный летательный аппарат; технология интернет вещей; большие данные; аналитическая обработка данных; цифровой двойник.

Как справедливо отмечают Гаевская Е.Ю. и Вагина О.В., цифровые технологии и экологическая устойчивость будут дополнять и усиливать друг друга как взаимообуславливающие компоненты [1].

Определенным этапом в развитии правового регулирования в области цифровизации сферы обращения с отходами производства и потребления является принятие Правительством РФ постановления от 13.05.2022 № 868 «О Единой Федеральной Государственной Информационной Системе учета отходов

от использования товаров» (далее – ФГИС УОИТ), согласно которому данная система содержит информацию об отходах, наличии мощностей основного технологического оборудования по обеспечению утилизации отходов и предназначена для автоматизации процессов сбора, обработки и хранения информации в сфере обращения с отходами, обеспечения доступа к указанной информации. Правомочия обладателя информации, содержащейся в ФГИС, осуществляет Минприроды, Российский экологический оператор является ее оператором.

Представляется, что ФГИС УОИТ позволит более рационально и эффективно осуществлять управление системой обращения с отходами от использования товаров, определять государственную, в том числе социально-экономическую политику в сфере обращения с отходами от использования товаров, что будет способствовать повышению прозрачности данного сектора экономики, эффективному его администрированию.

Данная система также позволит минимизировать возможность уклонения производителями и импортерами товаров от осуществления утилизации отходов или уплаты экологического сбора. Создание системы направлено на уменьшение количества организаций, уклоняющихся от исполнения своих обязанностей по утилизации и уплаты экологического сбора.

Цифровая трансформация отношений в области обращения с отходами производства и потребления обусловлена необходимостью совершенствования системы государственного и муниципального контроля в рассматриваемой сфере, направленного на повышение эффективности его осуществления.

Так, в настоящее время федеральными органами исполнительной власти и органами местного самоуправления используются десятки разрозненных информационных систем, содержащих сведения подсистем экологического мониторинга. Кроме того, значительная часть собираемых данных ведется на бумажном носителе и не попадает в информационные системы.

Таким образом, цифровизация сферы обращения с отходами производства и потребления продиктованная временем обоснованная необходимостью, которая позволит решать существующие проблемы и оперативно пресекать правонарушения в рассматриваемой сфере.

В качестве направлений, по которым должно происходить развитие правового регулирования в области обращения с отходами производства и потребления предлагается выделить следующие цифровые приемы и способы:

- постоянный мониторинг и обработка информации при формировании федеральной схемы обращения с отходами;
- интеллектуальное моделирование исследуемых объектов;

- внедрение сервисной платформы повышения уровня обслуживания при оказании услуг в сфере обращения с отходами;
- основание и размещение зональных, региональных ситуационных центров, обеспечивающих сбор данных о количестве производимых и удаляемых отходов, а также местах их размещения;
- разработка интеллектуальных сценариев реализации мероприятий раздельного сбора и утилизации отходов (компьютерное зрение, предиктивная аналитика, системы искусственного интеллекта).

Подводя итог, проведение цифровой модернизации экологических правоотношений позволит сформировать цифровые платформы услуг мониторинга состояния окружающей среды, обеспечивающей управление природоохранной деятельностью и экологической безопасностью, создать и внедрить цифровые инструменты (например, цифровую платформу по обращению с отходами производства и потребления), повысить эффективность российских цифровых технологий в сфере экологии.

Указанное в совокупности будет способствовать решению значительного количества существующих проблем в области обращения с отходами производства и потребления, повысит качество правоохранительной и правоприменительной деятельности.

Список использованных источников:

1. Вагина О.В., Гаевская Е.Ю. Правовые аспекты цифровизации экологических отношений // Сборник материалов XXV Юбилейной Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы экологического, земельного права и законодательства / отв. ред. А.К. Голиченков; сост. Л.Е. Бандорин, А.А. Воронцова, Н.М. Заславская. – Москва: изд. Издательство Московского университета, 2022 (электронное здание сетевого распространения). С. 33-34.
2. Жаворонкова Н.Г., Шпаковский Ю.Г. Экологические и энергетические проблемы четвертой промышленной революции: правовые аспекты // *Lex russica*. 2019. № 10. С. 53 – 62.
3. Лунева Е.В. Правовой механизм обеспечения рационального природопользования: постановка проблемы // *Экологическое право*. 2018. № 4. С. 31.
4. Перелет Р.А. Экологические аспекты цифровой экономики // *Мир новой экономики*. 2018. № 12(4). С. 39 – 45.

5. Сухова Е.А., Абанина Е.Н. Правовые проблемы цифровой трансформации системы управления природопользованием как механизма обеспечения экологической безопасности // Российская юстиция. 2020. № 8. С. 17 - 20.

УДК 343.98

НЕКОТОРЫЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПО ТАКТИКЕ ДОПРОСА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

© Е.А. Дубынин

Сибирский федеральный университет

Действующим уголовно-процессуальным законодательством России суду предоставлено право в ходе судебного рассмотрения дела проводить определенные судебные действия такие как: осмотр вещественных доказательств, осмотр местности и помещений, назначение экспертизы, освидетельствование, следственный эксперимент, предъявление для опознания, а также различные виды допросов.

В этой связи возникает закономерный вопрос: насколько тактические приемы, разработанные классической криминалистической наукой, применимы и реализуемы на стадии судебного разбирательства? Для его решения необходимо обратиться к истокам понятия и содержания криминалистической тактики.

Полагаем, что говорить о тактике судебных действий со стороны судьи в широком понимании термина «криминалистическая тактика» в его традиционном контексте, как то: организация следственных действий, их очередность, выбор тактических приемов, обусловленных процессуальными особенностями следственных действий, – довольно сложно, поскольку в судебном заседании судья ограничен в определении порядка исследования доказательств позициями сторон, хотя в определенных случаях может предложить сторонам компромисс в этом вопросе.

Например, инициатива вызова в судебное заседание лиц, подлежащих допросу, принадлежит сторонам процесса, соответственно, и право первоочередного допроса отдано инициатору вызова лица на допрос. Кроме того, согласно положений, предусмотренных ч.3 ст. 275 УПК РФ, «суд задает вопросы подсудимому после его допроса сторонами».

Принимая во внимание то обстоятельство, что суд фактически по собственной инициативе может вызвать в судебное заседание только эксперта для дачи пояснений в рамках проведенной им экспертизы, возникает закономерный вопрос о существовании полноценной тактики допроса судом.

С уверенностью можно сказать, что такие случаи имеют место быть по делам частного обвинения, рассматриваемым как мировыми судьями, так и федеральными, когда частный обвинитель может выступать в качестве потерпевшего, а по встречному заявлению – в качестве обвиняемого (гл. 40 УПК РФ). В этом случае вопрос первоочередности допроса данных лиц при отсутствии у них представителей и защитников может быть предоставлен судье. А учитывая, что по такой категории дел стороны зачастую юридически необразованы, судье приходится вести допрос, используя полный арсенал тактических приемов.

В целом, судебный допрос можно охарактеризовать как сложный процесс получения достоверной информации сторонами и судом в судебном заседании. Для данного процесса характерны такие признаки как:

- множественность субъектов допроса;
- особенность источников информации строго определенных уголовно-процессуальным законодательством и, как правило, содержащихся в материалах уголовного дела;
- состязательность сторон;
- повторность показаний;
- осведомленность допрашиваемых лиц о предмете допроса;
- устная и публичность допроса.

Несомненно, выделенные признаки обуславливают специфику данного действия как организационно, так и содержательно. Раскрывая вопросы допроса лиц в суде, обычно выделяют такие его виды – основной (прямой), повторный, перекрестный допрос, шахматный допрос, при этом речь идет о тактических особенностях допроса со стороны государственного обвинителя и со стороны защитника. Вместе с тем из вида упускаются некоторые особенности допроса, проводимого судьей (судьями).

Несмотря на то, что судья допрашивает участников судебного процесса после допроса сторонами, т.е., фактически после того, когда основной массив обстоятельств, входящих в предмет допроса, уже выяснен, он также должен быть готовым к допросу лиц, со стороны обвинения и защиты.

Подготовка к допросу должна включать в себя следующее:

- хорошее знание материалов уголовного дела и показаний допрашиваемых лиц;

- круг обстоятельств, входящих в предмет допроса;
- определение вопросов и их последовательности в случае, если сторонами отдельные обстоятельства, необходимые для правильного разрешения дела, не будут выяснены;
- подбор доказательств по отдельным обстоятельствам;
- ознакомление с характеризующими личность допрашиваемых материалами с целью прогнозирования их линии поведения и склонности к даче ложных показаний, а, соответственно, выбора тактических приемов для преодоления установки на ложь;
- установление психологического контакта с допрашиваемыми.

Неоспоримым является тот факт, что одним из условий эффективности допроса является установление психологического контакта с допрашиваемым. Установление психологического контакта судьи с допрашиваемыми лицами зависит от профессионализма судьи и его способности организовать судебный процесс таким образом, когда бы на протяжении всего процесса поддерживалась деловая, спокойная и в тоже время доброжелательная атмосфера, судом бы демонстрировалась непредвзятость к участникам процесса, проявлялось бы к ним уважение, внимание и стремление глубоко разобраться в обстоятельствах рассматриваемого дела с целью установления истины и принятия справедливого решения.

Установление психологического контакта с допрашиваемыми в условиях гласного рассмотрения дела – задача крайне сложная, особенно с подсудимым, когда он не признает вину в совершенном преступлении, либо признает частично, или в условиях, когда потерпевший и подсудимый находятся в конфликтных отношениях и когда один из них старается преуменьшить свою вину, а другой – преувеличить наступившие вредные последствия и скрыть свое неблагоприятное поведение.

Формирование доверия к судье со стороны допрашиваемого начинается с момента выяснения его личных данных, подробного и доходчивого разъяснения прав и обязанностей. В отдельных случаях психологическое доверие к судье может быть сформировано и значительно раньше, например, когда председательствующий в судебном заседании ранее принимал решения по уголовному делу разрешая жалобы на действия (бездействия) и решения должностных лиц органов расследования в порядке ст. 125 УПК РФ, избрания меры пресечения в отношении обвиняемого и т.п.. Поэтому судье важно не растерять это доверие до окончания рассмотрения дела. Существует мнение, что «судья не только может, но и должен разъяснять подсудимому неверность занятой им позиции защиты с целью прекращения заpirationства и даче

правдивых показаний. Тем самым судья демонстрирует отсутствие предубежденности и враждебности к подсудимому и желание помочь ему исправиться».[2] Подобные мнения, на наш взгляд, это противоречат принципам уголовного процесса, в частности: презумпции невиновности, принципу состязательности сторон, обеспечение подозреваемому, обвиняемому права на защиту (ст. 14, 15, 16 УПК РФ). Такая позиция суда может быть расценена сторонами как психологическое давление. Судья не должен подменять защитника, поскольку деятельность защитника заключается в оказании юридической помощи, в которую входит, в том числе, разъяснение юридических последствий той или иной позиции подзащитного.

По большому счету, судья, осуществляя допрос, может использовать определенные тактические приемы, разработанные криминалистической наукой для следователя, например, такие как: уточнение, детализация, сопоставление, контроль, напоминание, наглядность.[1, с. 44]

Например, приемы уточнение и детализация активно применяются судьями при рассмотрении дел частного обвинения, что позволяет наиболее полно выяснить обстоятельства события.

Тактический прием «напоминание» связан с возбуждением у допрашиваемого лица ассоциативных связей. Применение такого приема оправдано при допросах пожилых лиц, либо в условиях значительного промежутка времени между допросами (год и более).

Достаточно часто, судьями используется прием «наглядности», когда обозреваются отдельные материалы дела или вещественные доказательства, а также когда необходимо точно выяснить как воспринимало допрашиваемое лицо обстановку какого-либо события. В этом случае допрашиваемому лицу предлагается составить схему, либо на схеме указать расположение тех или иных объектов. Применение данного приема характерно при рассмотрении дел о дорожно-транспортных происшествиях.

Определенный интерес представляет тактический прием «контроль». Для этого приема характерно выяснение обстоятельств, не относящихся к событию преступления, не входящих в предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ), но позволяющих проверить отдельные факты и события. Как правило, использование данного приема направлено на проверку намеренного искажения ранее данных показаний допрашиваемым лицом и решения вопроса о доброкачественности представленных доказательств и использования их при принятии судебного решения.

Мы полагаем, что в ходе судебного допроса допустимо применение и такого тактического приема, как «резюмирование», как некое подведения

итога допроса судьей, например, в случае, когда допрашиваемое лицо дает нечеткие пояснения, путается в фактах и событиях. Выясняется, правильно ли поняли допрашиваемого относительного того или иного момента.

Необходимо отметить, что какие-либо психологические ловушки и хитрости в отношении допрашиваемого лица не допустимы, поскольку они фактически являются формами обмана и введения в заблуждение.

В заключении необходимо отметить, что разработанные криминалистической наукой тактические приемы по производству отдельных следственных действий, в частности, допроса, нередко используются и бывают достаточно эффективными на стадии судебного рассмотрения дела.

Список использованных источников:

1. Ароцкер, Л.Е. Тактика и этика судебного допроса / Л.Е. Ароцкер. – М.: Юрид. лит-ра, 1969.
2. Шиханцов, Г.Г. Юридическая психология / Г.Г. Шиханцов. – URL: yurpsy.com (дата обращения 27.04.2022).

УДК 347.73:336.226.11

К ДИСКУССИИ ОБ ИЗМЕНЕНИИ СУДЕБНОЙ ДОКТРИНЫ ПРИМЕНЕНИЯ РАСЧЕТНОГО МЕТОДА ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ НАЛОГОВОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА*

© Е.С. Ефремова

Сибирский федеральный университет

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00080 «Налоговый комплаенс и правовые средства его обеспечения».

В мае 2021 года Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) было принято определение по делу «ООО Мэри» (далее – налогоплательщик, общество). Обстоятельства налогового спора следующие. ООО «Фирма «Мэри» использовало в своей финансово-хозяйственной деятельности привлеченный транспорт, оплачивая при этом транспортные услуги по договорам с

«техническими» фирмами, при том, что реально грузоперевозки осуществляли иные лица, в том числе не уплачивающие НДС.

Налоговый орган по результатам налоговой проверки не принял налоговые вычеты по НДС и расходы по налогу на прибыль, сославшись на нарушение налогоплательщиком пределов прав, предусмотренных ст.54.1 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ). Суды первой и апелляционной инстанции отказали в иске налогоплательщику о признании недействительным решения налогового органа, посчитав доказанным использование налогоплательщиком схемы незаконного уменьшения налоговых обязательств по документам «технических» фирм. Арбитражный суд Уральского округа судебные акты в части НДС оставил без изменения, а в части налога на прибыль с нижестоящими судами не согласился и судебные акты отменил. Кассационный суд указал, что налоговый орган обязан был определить действительный размер налоговых обязательств расчетным методом с учетом расходов, произведенных реальными грузоперевозчиками, в соответствии с подпунктом 7 п.1 ст.31 НК РФ [1].

Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ посчитала невозможным применение расчетного метода. По ее мнению, применение расчетного метода допускается, если налогоплательщик не участвовал в уклонении от налогообложения, которое было организовано иными лицами, а лишь не проявил должную осмотрительность при выборе контрагента и взаимодействии с ним. В противном случае произошло бы уравнивание в налоговых последствиях субъектов, чье поведение и положение со всей очевидностью не является одинаковым: налогоплательщиков, допустивших причинение потерь казне для получения собственной налоговой выгоды, и налогоплательщиков, не обеспечивших должное документальное подтверждение осуществленных ими операций[2].

Данное определение ВС РФ вызвало критику со стороны специалистов финансового и налогового права. Например, С.Г. Пепеляев считает, что такая позиция не позволит налогоплательщику «реализовать право быть обложенным налогом с учетом его фактической налоговоспособности (подп. 7 п. 1 ст. 31 НК РФ)»[3, с.4].

Аналогичное мнение высказал В.М. Зарипов, полагая, что отказ Суда проводить налоговую реконструкцию следует рассматривать «как наказание за некое неправильное поведение налогоплательщика, что посягает на сам принцип необходимости определения действительного размера налогового обязательства»[4, с.13].

В определении Судебной коллегии особо отмечено, что формальный документооборот с «техническими» организациями сформирован самим налогоплательщиком, фактическая перевозка осуществлялась физическими лицами (водителями) в отсутствие договорных отношений с налогоплательщиком. Обществом в ходе проведения налоговой проверки и в суде не были раскрыты сведения и доказательства, позволяющие установить, какая часть перевозок в интересах общества была выполнена соответствующими водителями, и какая часть из зачисленных на счета физических лиц денежных средств имела отношение к оплате осуществленных в интересах общества перевозок и сформировала облагаемый налогами доход водителей, а не к обналичиванию денежных средств, то есть была осуществлена на легальном основании.

При этом, по мнению Судебной коллегии, «право на вычет спорных расходов при исчислении налога на прибыль может быть реализовано налогоплательщиком, содействовавшим в устранении потерь казны – раскрывшим в соответствии с требованиями подпункта б пункта 1 статьи 23, пункта 1 статьи 54 Налогового кодекса сведения и документы, позволяющие установить лицо, осуществившее фактическое исполнение по сделке, осуществить его налогообложение и, таким образом, вывести фактически совершенные хозяйственные операции из «теневого» (не облагаемого налогами) оборота».

Надо согласиться, что данный подход не укладывается в те принципы определения необоснованной налоговой выгоды, которые ранее были обозначены в известном постановлении ВАС РФ № 53[5].

Означает ли это, что в случаях обнаружения налоговым органом в ходе налоговой проверки у налогоплательщика формального документооборота и присутствия «технических» организаций, налогоплательщику для восстановления своих объективных налоговых обязательств придется либо согласиться с отказом в праве на налоговую реконструкцию, либо «сдать» реального поставщика (исполнителя) для легализации его доходов и налогообложения.

Пока в судебной практике ответа на данный вопрос не случилось.

В этой связи интерес представляет спор[6] между налогоплательщиком – ООО «Спецхимпром» – и налоговым органом, при рассмотрении которого было установлено, что на основании договоров поставки, заключенных с ООО «Полифлок» и ООО «ХимТрейддинг», налогоплательщик приобретал для использования в своей деятельности товар – эмульгатор, изготовленный АО «НПП «Алтайспецпродукт». Также было установлено, что общества «Полифлок»

и «ХимТрейдинг» являлись техническими» организациями и реальной финансово-хозяйственной деятельности не вели. Стоимость эмульгатора, приобретенного налогоплательщиком у данных контрагентов, значительно превышала стоимость реализации этой же продукции изготовителем, которая вывозилась с его территории без участия вышеназванных контрагентов силами самого налогоплательщика.

Налоговый орган пришел к выводу о том, что налогоплательщиком получена необоснованная налоговая выгода за счет вычета расходов на приобретение продукции у обществ «Полифлок» и «ХимТрейдинг». Суды трех инстанций отклонили доводы общества о необходимости проведения налоговой реконструкции хозяйственных операций при применении ст. 54.1 НК РФ, посчитав, что размер недоимки налоговым органом определен правильно. Однако ВС РФ встал на сторону налогоплательщика, отправив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав на необходимость дать оценку доводам налогоплательщика и возражениям налогового органа относительно правильности определения доначисленных сумм налога на прибыль организаций и НДС, пени и штрафа.

Судебная коллегия руководствовалась тем, что признание налоговой выгоды необоснованной в случаях, если для целей налогообложения учтены операции не в соответствии с их действительным экономическим смыслом, предполагает доначисление суммы налогов и сборов, подлежащих уплате в бюджет так, как если бы налогоплательщик не злоупотреблял правом, на основании соответствующих положений НК РФ. При этом налоговый орган в данном случае располагал сведениями и документами, которые позволяли установить лицо, осуществившее фактическое исполнение по сделкам (общество «НПП «Алтайспецпродукт») в рамках легального хозяйственного оборота, уплатившее налоги при поставке товара (эмульгатора) для налогоплательщика в соответствующем размере. Однако при определении размера недоимки по налогу на прибыль организаций и НДС эти сведения налоговым органом фактически во внимание не приняты, что могло привести к произвольному завышению сумм налогов, пени и штрафов, начисленных по результатам проверки.

По делу № А64-654/2020 судом апелляционной инстанции арбитражного суда Центрального округа[7] было установлено, что налогоплательщик заключал сделки по приобретению (закупке) молока, исполненные в реальности не заявленными субъектами – ООО «Высота» и ООО «Квадро», а третьими лицами, фактически являющимися производителями молока, которые подтвердили поставку продукта напрямую налогоплательщику.

Суд предложил налогоплательщику раскрыть сведения и доказательства, позволяющие установить его реальные налоговые обязательства и лиц, которые фактически осуществили исполнение по спорным сделкам. В рамках судебного разбирательства налогоплательщиком были представлены первичные документы, давшие возможность суду принять к вычету расходы от реального поставщика (без учета наценки ООО «Высота» и ООО «Квадро»).

Очевидно, в данном случае реальные поставщики подтвердили прямые поставки товара, поскольку не скрывали их от налогообложения. Это способствовало разрешению спорной ситуации в пользу налогоплательщика, принимая во внимание, что он сам и был активным участником фиктивного документооборота, именно он получал налоговую выгоду.

Подход, в соответствии с которым реализация права налогоплательщика на определение действительного размера налогового обязательства, учитывая реальные хозяйственные операции, зависит от того, насколько раскрыта и прозрачна вся цепочка взаимоотношений налогоплательщика с контрагентами (фактическими и реальными), встречался и ранее в судебной практике. Например, по делу в споре между ООО «Центррегионуголь» и налоговой инспекцией Судебная коллегия ВС РФ отменила постановление Арбитражного суда Московского округа, который, рассмотрев судебные акты нижестоящих судов, отказал налогоплательщику в иске о признании недействительным решения налоговой инспекции[8].

Как следовало из материалов дела, контрагент налогоплательщика, ООО «Терминал», не имел в своем распоряжении складские помещения, материальные и транспортные средства и не мог осуществлять поставки угля, производитель которого – ОАО «Угольная компания «Кузбассразрезуголь» – также отрицал поставку угля, как самому ООО «Терминал», так и лицам, поставляющим уголь контрагентам ООО «Терминал». Между тем из материалов дела следовало, что поставка угля непосредственно в адрес конечных потребителей (заказчиков ООО «Центррегионуголь») осуществлялась железнодорожным транспортом. Свое участие в организации процесса доставки угля налогоплательщику железнодорожным транспортом подтвердил руководитель ООО «САПК», которое для этих целей было привлечено обществом «Терминал». (В связи с этим у налогоплательщика отсутствовали основания для сомнений в том, что исполнение заключенного им договора на поставку угля будет осуществляться обществом «Терминал»).

Арбитражный суд Московского округа согласился с выводом налогового органа о том, что именно налогоплательщик получил необоснованную налоговую выгоду в виде уменьшения налогооблагаемой прибыли на расходы

на приобретение угля у ООО «Терминал» и применения налоговых вычетов по операциям с данной организацией. Судебная коллегия ВС РФ встала на сторону налогоплательщика и отменила постановление Арбитражного суда Московского округа, решив, что доказательства участия именно ООО «Центррегионуголь» в схеме получения необоснованной налоговой выгоды отсутствуют. В данном случае налоговым органом не была исследована возможность получения налоговой выгоды производителем, его причастность к организации формального документооборота с использованием «технических» посредников. Суды первой и апелляционной инстанции не ставили под сомнение реальность поставок продукции железнодорожным транспортом, организованных посредником, имеющим признаки «технической» организации, а доказательства осознанного участия налогоплательщика в такой схеме поставок с целью минимизации налогов налоговый орган не представил.

С учетом вышеуказанной судебной практики можно сделать вывод, что налоговая реконструкция возможна в том случае, если вся цепочка взаимоотношений налогоплательщика с контрагентами (фактическими и реальными) полностью прозрачна, и налоговые обязанности исполнены всеми участниками данных отношений. Как следует из вышеупомянутых судебных решений, принятых после майского определения Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ, если в деле обнаруживается формальный документооборот с участием «технических» организаций, налогоплательщик автоматически не лишается права на то, чтобы учесть налоговые вычеты и расходы. При данных обстоятельствах суды предлагают налогоплательщику «раскрыться», обязывают налоговые органы исследовать его взаимоотношения с реальными поставщиками, определить реальный размер вычетов и расходов. Полагаем, что для реализации права на применение расчетного метода определения вычетов и расходов (налоговая реконструкция) налогоплательщику специально никого «сдавать», возможно, и не придется, поскольку налоговые органы в рамках контрольных процедур в силу закона обязаны принимать все меры, необходимые для установления действительного размера налогового обязательства.

Принятое определение по делу ООО «Мэри», по нашему мнению, не нарушает законных прав налогоплательщика на объективное установление налоговых обязательств, не препятствует налогоплательщику произвести налоговую реконструкцию при предоставлении соответствующих документов, позволяющих исчислить налог в соответствии с действительным экономическим смыслом реально имевших место хозяйственных операций. Верховный Суд РФ обозначил необходимое условие налоговой реконструкции – легальность

финансовых операций всех участников цепочки. Пойдет ли судебная практика данным путем покажет время.

Список использованных источников:

1. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23.10.2020г. № 009-5758/20 по делу № А76-46624/19 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19.05.2021г. № 309-ЭС20-23981 по делу №А76-46624/19 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Пепеляев С.Г. Отлученные // Налоговед. 2021.№ 6. С.4 – 7.
4. Зарипов В.М. Какими должны быть условия налоговой реконструкции? // Налоговед. 2021.№ 10. С.13 – 21.
5. Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды: Постановление ВАС РФ №53 от 12.10.2006г. // Вестник ВАС РФ №12. 2006.
6. Определение Верховного Суда РФ от 16.11.2021 г. №305-ЭС21-18005 по делу №А40 -131167/2020 // СПС «КонсультанПлюс».
7. Постановление арбитражного суда Центрального округа от 26.05.2022г. №Ф10-1433/2022 по делу №А64-654/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.06.2016г. №Ф05-6966/2016 по делу №А40-71125/2015; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29.11.2016г. №305-КГ16-10399 по делу № А40-71125/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 343.98

**ТИПОВЫЕ ОШИБКИ СПЕЦИАЛИСТОВ,
УЧАСТВУЮЩИХ В ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ**

© **И.Г. Иванова**

Сибирский федеральный университет

В соответствии с ч. 1 ст. 168 УПК РФ следователь может привлечь специалиста к участию в следственном действии. Какого специалиста привлекать, к производству какого следственного действия решает сам следователь по своему внутреннему убеждению, за исключением случаев,

прямо предусмотренных в законе. Такими исключениями являются обязательное привлечение судебно-медицинского эксперта (врача) для участи в осмотре трупа (ч. 1 ст. 178 УПК РФ), специалиста при производстве следственных действий, в ходе которых изымаются электронные носители информации (ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ), и т.п.

По уголовно-процессуальному законодательству России специалист может быть допущен к участию во всех следственных и процессуальных действиях за исключением производства экспертизы. Специальные знания привлекаемых лиц должны способствовать расширению практических возможностей следователя по полному, объективному и всестороннему установлению всех обстоятельств расследуемого преступления [1. С. 72].

На первоначальном этапе расследования осмотр места происшествия является основным источником получения информации о событии преступления. Данная информация может быть получена путем изучения обстановки места происшествия, а также выявления и анализа материальных следов, оставленных преступным событием в вещной обстановке.

При производстве осмотра места происшествия к задачам специалиста относятся:

- выявление объектов осмотра;
- применение технико-криминалистических средств и методов осмотра;
- выявление следов преступника и орудий преступления;
- определение средств фиксации и изъятия обнаруженных следов;
- производство предварительных исследований (объектов биологического происхождения, транспортных средств) и др.

Ошибки, которые допускаются следователями и специалистами при проведении осмотра места происшествия, в большинстве случаев невозможно исправить в силу неповторимости места происшествия, а частичное исправление таких ошибок зависит от вида обнаруженных следов.

Для того, чтобы избежать ошибок в ходе производства осмотра, специалист должен обладать специальными знаниями и быть компетентным в соответствующей области. Однако нередко проверить его компетентность до производства следственного действия не представляется возможным, что особенно характерно для специалистов, привлекаемых из негосударственных экспертных учреждений.

К типовым организационным и криминалистическим ошибкам специалистов, участвующих в осмотре места происшествия, можно отнести следующие:

1. Отсутствие у специалиста необходимой одежды и обуви: шапочки, защитного костюма, перчаток, бахил, очков и маски. Все это приводит к тому, что специалист оставляет свои микроследы на месте происшествия, что затрудняет дальнейшее выявление и исследование микрообъектов, оставленных преступным событием.

2. В ходе осмотра специалист должен применять необходимые технико-криминалистические средства. При этом он обязан комментировать свои действия, пояснять необходимость применения тех или иных методов и средств, сообщать о получаемых результатах. Следователь заносит эти сведения в протокол осмотра [3. С. 107].

Так, по одному из изученных нами уголовных дел, возбужденных по факту обнаружения трупа женщины в ванной, где вероятной причиной смерти стало поражение бытовым электричеством, специалист-электротехник применил такое техническое средство, как мультиметр, однако не сообщил следователю об этом, в связи с чем в протоколе осмотра не были указаны мощность и технические характеристики мультиметра, которым измерялось напряжение в электрической сети, отсутствовало указание на примененную специалистом для измерения напряжения лампочку и ее мощность. Отсутствие данных сведений прямо противоречит требованиям уголовно-процессуального закона. В соответствии с ч. 5 ст. 166 УПК РФ в протоколе следственного действия должны быть указаны технические средства, примененные при производстве следственного действия, условия и порядок их использования, объекты, к которым эти средства были применены, и полученные результаты. В ч. 3 ст. 180 УПК РФ указано, что в протоколе осмотра должно быть указано, в какое время, при какой погоде и каком освещении производился осмотр, какие технические средства были применены и какие получены результаты.

3. Не применение специалистом при осмотре необходимых научно-технических средств, в связи с чем имеющиеся на месте происшествия слабовидимые следы остаются необнаруженными.

Специалист отвечает за подготовку необходимых технико-криминалистических средств осмотра в зависимости от вида осмотра и сложившейся следственной ситуации. Поэтому унифицированный чемодан для осмотра места происшествия должен быть дополнен специалистом средствами для поиска маловидимых следов и микрообъектов (например, пылеулавливающими устройствами, мини-пылесосами, пинцетами, магнитами и т.п.).

4. Осуществляемая при осмотре места происшествия фотофиксация зачастую проводится бессистемно и с игнорированием теоретических положений криминалистической фотографии.

Фото- и видеосъемка – это объективные способы фиксации обстановки места происшествия и следов. Фотографические снимки и видеозаписи – важный источник доказательственной информации, поэтому отношение специалиста к процессу их производства на месте происшествия должно соответствовать всем процессуальным и техническим требованиям, в противном случае могут возникнуть ошибки, описанные ниже.

4.1. Не применение видеозаписи специалистом на месте происшествия со сложной обстановкой: места автомобильных и железнодорожных происшествий, загроможденные предметами помещения (склады и т.п.).

4.2. Отсутствие фиксации следов с помощью фотосъемки до их переноса на иные объекты для транспортировки (до переноса следов пальцев рук на дактилоскопическую пленку, до изготовления гипсового слепка со следов обуви и транспортных средств).

4.3. Невозможность в ходе детальной фотосъемки осмотра места происшествия зафиксировать биологические следы и микрообъекты в силу отсутствия необходимых технических средств.

4.4. Не использование фото- и видеофиксации при наружном осмотре трупа: не проводится поэтапное фотографирование одежды трупа, особенностей его одежды и находящихся при нем вещей. Так, отсутствие фотофиксации по правилам детальной фотосъемки сережек, находящихся в ушах трупа, и их состояния, привело к тому, что по одному из изученных нами уголовных дел остался не выясненным вопрос о том, было ли в ушах трупа на момент осмотра две сережки, и была ли одна из них с поломанной дужкой, что не позволило проверить версию о предшествовавшей борьбе жертвы и подозреваемого.

4.5. Отсутствие ориентирующей съемки прилегающей к месту происшествия территории. Это лишает в дальнейшем следователя возможности установить возможное направление следования преступника на место происшествия и с него.

4.6. Отсутствие у следственной группы или не использование переносных осветительных приборов, в связи с чем происходит необоснованный отказ от проведения ориентирующей фото- и видеосъемки в темное время суток.

4.7. Фотографирование объектов при узловой фотосъемке не на фоне центра места происшествия. Например, на месте авиатранспортного происшествия при наличии центра места происшествия в виде фюзеляжа самолета со следами поврежденных предметы (шасси, двигатели и т.д.),

относящиеся к самолету, но оторванные в результате катастрофы, фотографируют не на фоне фюзеляжа самолета, а на фоне поля, окружающего место происшествия [4. С. 32].

4.8. Единичные фотографические снимки объектов, имеющих важное значение для раскрытия и расследования преступления (без кадров-дублей). Отсутствие фотофиксации в разных ракурсах и под разными углами освещения приводит к тому, что на фотоснимках появляются мертвые зоны – засвеченные фотовспышкой или затененные участки.

4.9. Не верное расположение масштабной линейки при производстве измерительной съемки, что в последующем приводит к следственным ошибкам при оценке размеров объектов или следов, что, например, особенно важно при оценке следов крови.

4.10. Не использование глубинного масштаба в виде номерных таблиц при осмотре следов автотранспортных средств. В дальнейшем это затруднит расчет размеров следов и расстояния между ними.

Недостатки, связанные с применением средств и методов криминалистической фотографии, приводят к утрате объективной доказательственной информации по делу, а нередко уменьшают вероятность раскрытия преступления и доказывания вины причастных лиц.

5. Нарушение принципа последовательности работы на месте происшествия, не соблюдение правил общего и детального осмотров. При детальном осмотре должно соблюдаться правило о том, что каждый объект должен осматриваться сначала в том состоянии, в каком он обнаружен, а затем его можно переместить, перевернуть или выполнить другие необходимые манипуляции. Нередко специалистами эти правила нарушаются: уже на статическом (общем) этапе осмотра специалист перемещает и переворачивает предметы для поиска невидимых следов без их предварительной фиксации.

6. Применение специалистом разрушающих методов выявления следов при существующей возможности использовать неразрушающие методы. Например, использование порошков для выявления невидимых следов пальцев рук вместо окулирования поверхности парами йода приводит к тому, что по выявленным с помощью порошкового метода следам в дальнейшем невозможно провести эджеоскопические, биологические, медицинские и ольфакторные исследования.

7. Не выявление специалистом в ходе осмотра признаков, индивидуализирующих осматриваемый предмет. Данные признаки должны быть сообщены им следователю для внесения в протокол. Отсутствие указания на индивидуализирующие признаки в ходе дальнейшего расследования не

позволит установить, где конкретно и какой объект был обнаружен и изъят в ходе осмотра места происшествия.

8. Специалист на месте осмотра без предварительных исследований делает поспешное суждение о непригодности обнаруженного следа для идентификации, а следователь, в свою очередь, не относится критически к данному суждению и не отправляет объекты на экспертное (лабораторное) исследование для обнаружения материальных следов.

9. Специалистами допускаются также ошибки при работе с конкретными видами следов.

9.1. В протоколе осмотра места происшествия не верно отражаются действия по обнаружению, изъятию и фиксации микрообъектов. В протокол осмотра должны обязательно вноситься размеры, цвет, взаимное расположение микрообъектов, а сами объекты-носители и следы должны быть сфотографированы по правилам детальной съемки.

9.2. Ошибки специалиста при изъятии микрообъектов. Объект-носитель должен быть изъят и помещен в специальные условия. Сами микрообъекты могут быть изъяты только в том случае, если объект-носитель изъять невозможно.

Несоблюдение этих правил приводит к перемещению микрообъектов, их утрате или привнесению посторонних микрообъектов, что отрицательно сказывается на результатах дальнейших экспертных исследований по уголовному делу.

9.3. Извлечение огнестрельного снаряда из преграды щипцами, плоскогубцами или пинцетом, что может привести к повреждению следов от канала ствола на снаряде.

9.4. Неправильная работа специалиста с запаховыми следами и предметами-носители запаха. Так, нередко запаховые объекты упаковываются специалистами в бумажную упаковку, а не в стеклянные банки с металлическими крышками или фольгу, что приводит к утрате криминалистически значимой информации.

10. Устранение специалиста от участия в изъятии объектов осмотра. На указанных объектах возможно наличие еще не выявленных в ходе осмотра невидимых или маловидимых следов, которые без участия специалиста повреждаются или утрачиваются.

11. Большое количество ошибок связано с неправильной упаковкой изымаемых при осмотре места происшествия объектов.

11.1. Все обнаруженные объекты должны быть осмотрены, описаны в протоколе, изъяты и упакованы отдельно. Как указывал Косарев В.Н., «смешение

отделившихся с разных предметов микрочастиц – вещественных доказательств – в одной упаковке недопустимо» [2. С. 33].

Вместе с тем, на практике имеют место случаи упаковки обнаруженных объектов не каждого отдельно, а нескольких в одну. Так, нам встречались случаи, когда несколько дактилопленок со следами пальцев рук, изъятых с разных объектов на месте кражи, были помещены в один конверт. Полагаем, что это в дальнейшем это лишило возможности следователя установить какой след и с какого объекта на месте происшествия был изъят.

Нередко отделившиеся микрочастицы и волокна с разных осматриваемых объектов упаковываются в один конверт, что в дальнейшем лишает возможности следователя назначить криминалистическую экспертизу материалов веществ и изделий для установления факта контактного взаимодействия объектов по отделившимся частицам и волокнам.

11.2. На время транспортировки изъятые объекты не фиксируются неподвижно внутри упаковки, что приводит к утрате или повреждению следов.

11.3. Отсутствие на изъятых объектах и следах пояснительных надписей об объекте, месте и времени его изъятия.

Недопущение специалистами вышеописанных недостатков, пробелов и ошибок при первоначальном осмотре места происшествия зависит от компетенции специалиста и уровня его профессионализма, что напрямую влияет на результативность осмотра и качество полученных доказательств. Некоторые из указанных ошибок не могут быть устранены ни повторным (дополнительным) осмотром, ни допросом понятых и других участвовавших в осмотре лиц, ни другими следственными действиями, направленными на восстановление (воссоздание) обстановки места происшествия, и тогда утрата доказательств становится невозможной.

Список использованных источников:

1. Бишманов Б.М. Эксперт и специалист в уголовном судопроизводстве / Б.М. Бишманов. – М., 2003. – 224 с.

2. Косарев, В.Н. Тактические алгоритмы работы с микрообъектами в процессе расследования преступлений / В.Н. Косарев, И.В. Макогон. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. – 120 с.

3. Участие специалиста в процессуальных действиях / А.М. Зинин, А.И. Семикаленова, Е.В. Иванова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2016. – 288 с.

4. Холопов А.В. Применение цифровых технологий фиксации аудиовизуальной информации в уголовном судопроизводстве: Учебное пособие / А. В. Холопов. – СПб, 2010. – 68 с.

УДК 342.71(4/5)

**ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСТВА В СТРАНАХ СНГ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

© **Е.Ф. Ивашкевич**

Витебский государственный университет им. П.М. Машерова

Институт гражданства исторически сложился на уровне отдельных государств и является комплексным, устойчивым правоотношением с участием человека и государства, непосредственно определяющее правовое состояние личности, границы правосубъектности, совокупность взаимных прав, обязанностей и ответственности сторон по данному правоотношению.

Обращаясь к понятию «гражданство», хотелось бы обратить внимание на две основные точки зрения, которые стали предметом дискуссии еще с 70-х годов XX века. Ряд отечественных и зарубежных правоведов (Арановский К.В., Чудаков М.Ф., Якушев А.В. и др.) утверждают, что «гражданство» означает политико-правовую связь лица с государством, где подчеркивается не только правовая, но и политическая связь лица сопредельным государством, его принадлежность ему, обуславливающая особенно характер, устойчивость, объем политических прав, свобод и обязанностей данной личности, основы ее отношений с обществом и государством. Примечательно, что данный подход отражен в некоторых странах СНГ на законодательном уровне. Так, как «политическую и правовую связь» определяет данную категорию Конституция Азербайджана (ст. 52), «политико-правовую связь» (ст. 1 Закона «О гражданстве Республики Казахстан») [6].

Другие авторы считают, что определение «гражданства» как политико-правовой связи лица с государством является отголоском авторитарного прошлого. Так, Страшун Б.А. приходит к логическому заключению при таком теоретическом подходе, что «если человек находится в политической оппозиции к государству, ...не разделяет правительственной политики, то он вроде бы уже и не гражданин. На этом может строиться практика лишения гражданства и высылки «диссидентов», которым трудно ... вменить совершение преступления.

... Таким образом, определение гражданства как политико-правовой связи человека с государством открывает возможность требовать от гражданина лояльности к власти, правовая же связь обязывает гражданина выполнять те веления государства, которые основаны на праве» [1, с. 95].

В связи с этим, он считает, что гражданство – именно правовая, а никоим образом не политическая связь человека с государством. Исходя из данного постулата, в ФЗ Российской Федерации «О гражданстве» «гражданство – это устойчивая правовая связь лица с Российской Федерацией, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей». Устойчивой она является потому, что не зависит от времени и пространства, для большинства граждан сохраняется от рождения до смерти независимо от того, находится гражданин на территории своей страны или за ее пределами. Правовая связь оформлена юридически и регламентируется в нормативных актах. Аналогичные формулировки закреплены в конституционном законодательстве большинства стран СНГ (ст. 51 Конституции Кыргызстана, ст. 1 Закона «О гражданстве Республики Беларусь», ст. 1 Закона «О гражданстве Туркменистана» и др.) [5; 9].

Как правило, на высшем – конституционном – уровне закреплены основные принципы режима гражданства, а именно:

– «гражданство является единым и равным независимо от оснований приобретения» (ст. 6 Конституции России, аналогично – в ст. 10 Казахстана и др.);

– «запрещены любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности» (ст.19 Конституции России, ст. 10 – Молдовы и др.);

– право для граждан свободно выезжать и «беспрепятственно возвращаться в страну (ст. 27 Конституции РФ, ст. 28 Азербайджана, ст. 3 Республики Беларусь, ст. 39 Армении);

– невозможность высылки за пределы территории страны и выдачи другому государству (ст. 16 Конституции Таджикистана, ст. 61 РФ, ст. 11 Казахстана, ст. 22 Узбекистана, ст. 10 Республики Беларусь и др.);

– гарантированная государственная защита и покровительство гражданам на территории и за пределами страны (ст. 18 Конституции Молдовы, ст. 10 Республики Беларусь, ст. 51 Кыргызстана);

– невозможность лишения гражданства или права изменить его» (ст. 51 Конституции Кыргызстана, ст. 17 Молдовы, ст. 10 Республики Беларусь, ст. 10 Туркменистана и др.).

Вместе с тем, в последнее время в ряде стран СНГ встречается иной подход к последнему вышеозначенному постулату. Так, согласно ст. 10 Конституции Казахстана «лишение гражданства допускается по решению суда за совершение

террористических преступлений, а также за причинение иного тяжкого вреда жизненно важным интересам Республики ...». В ряде стран Содружества данный подход отражён в текущем законодательстве о гражданстве. Так, в соответствии со ст. 18 Закона о гражданстве Азербайджана основаниями для лишения гражданства судом являются «добровольное получение иностранного гражданства, прохождение службы в государственных или муниципальных органах, вооружённых силах иностранного государства, причинение серьёзного вреда государственной безопасности, участие в террористической деятельности, направленной на свержение конституционного строя, участие в экстремистской деятельности, ... распространение религиозной вражды...» [2].

6 сентября 2022 г. на совещании у Президента Республики Беларусь Лукашенко А.Г. прозвучали предложения о необходимости законодательных новелл относительно гражданства в национальном законодательстве. Среди них обоснована возможность утраты гражданства находящимися за пределами страны лицами в случае судебного приговора, предусматривающего уголовную ответственность «за участие в экстремистской деятельности или причинение тяжкого вреда интересам Беларуси» в соответствии с указанными статьями УК, а также запрет въезда в страну на срок до 30 лет. Данное решение будет приниматься главой государства по предложению комиссии по вопросам гражданства. В соответствующем российском Законе речь идёт лишь «об отмене решения о приобретении гражданства» (ст. 22) [8].

Весьма негативно законодатели большинства стран СНГ относятся к признанию двойного гражданства: «гражданин... не может быть одновременно гражданином другого государства» (ст. 1 Закона «О гражданстве Республики Армения») [4]; «не признается гражданство другого государства» (ст. 10 конституций Туркменистана и Казахстана). С оговоркой об «исключительных случаях, предусмотренных законом или международными договорами», допускает «принадлежность граждан к гражданству другого государства» Таджикистан (ст.15 Конституции) (в настоящее время заключено соглашение с Российской Федерацией), «международными договорами» – Беларусь (ст. 11 Закона о гражданстве) [5]. По новой Конституции Кыргызстана 2021 г. «граждане, имеющие иное гражданство, не вправе занимать политические и специальные государственные должности» (ст. 38). Интересно, что достаточно часто о его наличии властям неизвестно, так как факт обращения об отказе от кыргызского гражданства официально не сохраняется и не регистрируется, что позволяет сохранить киргизский паспорт после получения российского. По неофициальным данным доля таких лиц составляет 10-15 % населения.

Наиболее либеральный режим в отношении института бипатризма закреплён законодательно в России, где согласно ст. 62 Конституции прямо говорится о праве гражданина страны «иметь гражданство иностранного государства (двойное гражданство) в соответствии с ФЗ или международным договором», что не «умаляет прав и свобод и не освобождает от обязанностей российского гражданина...» [8].

Одним из основных способов приобретения гражданства является филиация (по рождению). Стремясь обеспечить демографический потенциал и безопасность в стране, в последнее ряд стран изменили формулировки в сторону упрощения приобретения гражданства по «праву крови». Так, в новой редакции 2020 г. Закона «О гражданстве Республики Беларусь» особо оговаривается «принцип учёта наибольших интересов ребёнка при принятии решений по вопросам гражданства, что непосредственно нашло отражение в ст. 13 Закона: «ребёнок приобретает гражданство по рождению, если хотя бы один из родителей состоит в гражданстве Республики Беларусь независимо от места рождения ...» (ранее – «родители (единственный родитель)») [5]. Аналогичная норма содержится в ст. 12 ФЗ Российской Федерации [8]. В ст. 12 (2) Закона Казахстана имеется уточнение (если хотя бы один родитель-гражданин имел постоянное место проживания на территории Казахстана) [6]. По общепринятым правилам предоставляется гражданство при рождении ребёнка временно или постоянно проживающими на территории государства апатридами, при рождении на территории государства от иностранных граждан, имеющих ПМЖ (ВНЖ), по письменному заявлению родителей, если их государства не предоставляют ребёнку своего гражданства (по ст. 11 Закона о гражданстве Армении – гражданство предоставляется и при отсутствии соглашения) [4], если неизвестны родители ребёнка, находящегося на национальной территории (в течение 6 месяцев со дня обнаружения) и др.

Жесткую позицию в ряде вышеуказанных случаев проявляют законодатели Азербайджана. Ст. 12 соответствующего Закона гласит: ребёнок, «родившийся на территории государства от иностранных граждан или если один из родителей является иностранцем, а другой – лицом без гражданства, не признаётся гражданином», данный статус предоставляется, только если оба родителя являются лицами без гражданства [2]. Аналогичное положение содержится в ст. 15 Закона Узбекистана [7]. Согласно ст. 11-1 Закона Казахстана «Ребёнок, родители которого состояли в гражданстве иностранного государства, не является гражданином независимо от места его рождения». Вместе с тем, по ст. 27 Закона «ребёнок – гражданин Казахстана, усыновлённый иностранцем, сохраняет гражданство до своего совершеннолетия... Утрата либо выход из

гражданства...допускается только ... по его добровольному волеизъявлению» [6]. На наш взгляд, одно из законодательных положений противоречит принципу гендерного равенства, так как рассматривает определённую ситуацию только под определённым ракурсом: «в случае установления отцовства ребёнка, мать которого является лицом без гражданства, а отцом признаётся гражданин Республики Казахстан, ребёнок, не достигший 14 лет, становится гражданином ... независимо от места рождения» (аналогичное – в ст. 11 Закона Туркменистана) [6; 9]. Надо признать, что большинство НПА о гражданстве стран СНГ содержит статьи, обязывающие при изменении гражданства лиц с 14 до 18 лет к получению их нотариально удостоверенного письменного согласия (Беларусь, Кыргызстан, Казахстан и др.).

В последние десятилетия в странах СНГ наряду с традиционными расширен перечень законодательных требований при натурализации. Основными из них являются:

постоянное проживание на территории государства (5 лет, за исключением Армении – 3 года);

владение государственным языком (наиболее либеральная формулировка в ст. 13 Закона Кыргызстана – владение «государственным или официальным языком в объёме, достаточном для общения», ст. 14 Закона Республики Беларусь, в Армении – «может объясняться по-армянски», в остальных – подтверждается документом);

законные источники доходов (как правило, обеспечивающие прожиточный минимум лицу и членам семьи);

соблюдение Конституции и иных законодательных актов;

в последнее время всё больше внимания уделяется так называемому «укоренению», то есть обладанию определёнными знаниями в области конституционного строя, национальной истории, культуры, национальных традиций.

Любое государство оставляет за собой право отказа в приёме в гражданство и в восстановлении в нём. Согласно обзору законодательства о гражданстве стран СНГ, основаниями для данного решения в соответствии с общепринятой мировой практикой являются:

– выступление за насильственное свержение конституционного строя (Россия, Туркменистан, Азербайджан), против государственного суверенитета и независимости (Казахстан);

– угроза территориальной целостности и национальной безопасности (Казахстан, Азербайджан, Туркменистан);

– преступления против мира и человечества, военные преступления (Беларусь, Казахстан, Туркменистан);

– принадлежность к террористическим организациям, нахождение в международном розыске (Казахстан, Туркменистан), совершение террористических актов, осуществление экстремистской деятельности (Россия, Азербайджан);

– участие «в международных, межнациональных, межтерриториальных или иных вооружённых конфликтах,... направленных против российского контингента миротворческих сил, ... против Вооружённых сил...» (Россия); «участие в вооружённом конфликте в иностранном государстве под видом исполнения религиозных обрядов, ... создание с этой целью стабильной группы...» (Азербайджан) [8; 2];

– разжигание межнациональной и религиозной вражды, угроза здоровью населения (Казахстан, Туркменистан; Азербайджан);

– служба в государственных, правоохранительных органах иностранного государства (Беларусь, Россия, Азербайджан);

– сообщение ложных сведений (в Законе Республики Беларусь с 2020 г. содержится уточнение – «подложных, поддельных и недействительных») [5];

– неснятая или непогашенная судимость за преступление, преследуемое по уголовному законодательству страны как на её территории, так и за её пределами,

– наличие опасного заболевания, наркотической и иной зависимости и др.

Вместе с тем, встречаются и нехарактерные для законодательного закрепления положения об отказе в приёме в гражданство. Например, в п. 10 ст. 17 Закона Казахстана – совершенное «правонарушение в сфере экономики в течение 5 лет до обращения ...», п. 4 – «противодействие функционированию государственного языка», п. 10-1 – нарушение миграционного законодательства [6]. В Республике Беларусь не будут рассматривать заявление, если «неоднократно (3 и более раз) в течение года подвергалось административным взысканиям... и не истек срок» их снятия [5].

Несмотря на расширение перечня оснований для отказа в приёме в гражданство, одновременно в связи с современными интеграционными региональными процессами наблюдается тенденция законодательного закрепления широкого круга лиц, обратившихся с заявлением по данному вопросу, которые могут получить гражданство в упрощённом порядке. Безусловно, важным в данном случае является соблюдение международного принципа «воссоединения семьи». Так, например, согласно п. 2 ст. 14 ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» путём регистрации приобретают

гражданство иностранные граждане и апатриды, если «а) родились на территории РСФСР и имели гражданство бывшего СССР, б) состоят не менее 3-х лет в браке с гражданином РФ», имеют совершеннолетних дееспособных детей – граждан Российской Федерации, в случае необходимости выполнения опекунских и попечительских обязанностей в отношении недееспособных детей, если они по ряду обстоятельств становятся единственными родителями, которые могут их осуществлять [8]. Аналогичные положения содержатся в НПА о гражданстве и других стран СНГ, причём, иногда закреплён более расширенный перечень благоприятствующих обстоятельств: «имеет хотя бы одного родственника по прямой восходящей линии, проживающего на территории Республики Узбекистан и являющегося гражданином Республики Узбекистан» (ст. 20-а Закона) [7], «граждане бывших союзных республик, прибывшие с целью постоянного проживания..., имеющие одного из близких родственников – граждан Республики Казахстан: ребёнка..., супруга..., одного из родителей (усыновителей), сестру, брата, деда или бабушку, независимо от срока их проживания в Республике» (ст.16 Закона) [6]. Исключительной нормой является ст. 15 Закона «О гражданстве Республики Армения» о возможности группового приобретения гражданства «по Указу Президента Республики при репатриации и в иных предусмотренных законом случаях» (ст. 15) [4].

Любое государство уделяет огромное внимание сохранению и приумножению человеческого капитала. В связи с этим, на законодательном уровне представленный интерес закреплён в положениях о приоритетном предоставлении гражданства лицам, которые имеют «выдающиеся заслуги перед Республикой Беларусь высокие достижения в области науки, техники, культуры и спорта либо обладающих профессией или квалификацией, представляющими государственный интерес» (ст. 14 Закона «О гражданстве Республики Беларусь» [5], аналогичные положения содержатся в разных вариациях в законодательстве Казахстана (ст. 16) [6], Кыргызстана (п.2 ст.12) [3], «получили высшее образование» в Республике Беларусь и «осуществляют трудовую деятельность ... не менее трёх лет» [5], получили образование на уровне среднего профессионального образования, 1 и 2 ступеней высшего образования, аспирантуры (Российская Федерация, ст. 14-е) [8] и др.

Несколько необычным является положение об упрощённой процедуре предоставления гражданства в соответствующем законе Казахстана «реабилитированным жертвам массовых политических репрессий, а также их потомкам, лишённым или утратившим гражданство без их свободного волеизъявления, постоянно проживающим на территории Республики Казахстан на законных основаниях, независимо от срока проживания» (ст. 16-1) [6]. В

законах о гражданстве Российской Федерации (ст. 14 ж-з Закона) и Кыргызстана непосредственно закреплено т.н. «инвестиционное» гражданство (согласно п. 2 ст. 12 Закона – в результате «инвестирования приоритетных отраслей экономики» страны) [8; 3].

Подводя итоги вышесказанному, необходимо отметить, что в развитии законодательства о гражданстве стран СНГ одновременно наблюдаются две достаточно противоречивые тенденции. С одной стороны, законодательно расширяется перечень обязательных требований к лицам, претендующим на получение национального гражданства, ужесточают их в отношении правомерности поведения заявителей, с другой стороны, государства СНГ включают в НПА достаточно широкий перечень возможных претендентов на получение правового статуса гражданина в упрощённом порядке, учитывая их этническое происхождение, наличие гражданства бывшего СССР, особые заслуги и высокий профессионализм.

Список использованных источников:

1. Конституционное (государственное право) зарубежных стран: В 4 т. Тома 1-2. Часть общая: учебник / Отв. ред. проф. Б.А. Страшун. – 3-е изд., обновл. и дораб. – М.: Издательство БЕК, 2000. – 784 с.
2. О гражданстве Азербайджанской Республики [Электронный ресурс]: Закон Азербайджанской Республики от 30.09.1998 № 527-IQ. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30598403. – Дата доступа: 15.09.2022.
3. О гражданстве Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: Закон Кыргызской Республики от 21.05.2007 № 70. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30331427. – Дата доступа: 17.09.2022.
4. О гражданстве Республики Армения [Электронный ресурс]: Закон Республики Армения от 16.11.1995 № ЗР-16. – Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2915. – Дата доступа: 14.09.2022.
5. О гражданстве Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 01.08.2002 № 136-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2022.
6. О гражданстве Республики Казахстан [Электронный ресурс]: Закон Республики Казахстан от 20.12.1991 № 1017-XII. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1000816. – Дата доступа: 10.09.2022.

7. О гражданстве Республики Узбекистан [Электронный ресурс]: Закон Республики Узбекистан 13.03.2020 № ЗРУ-610. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36916803. – Дата доступа: 09.09.2022.

8. О гражданстве Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный Закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36927/. – Дата доступа: 15.09.2022.

9. О гражданстве Туркменистана [Электронный ресурс]: Закон Туркменистана от 22.06.2013 № 411-IV. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31418550. – Дата доступа: 08.09.2022.

10. О гражданстве Республики Таджикистан [Электронный ресурс]: Конституционный Закон Республики Таджикистан от 08.08.2015 № 1208 / Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан. – Режим доступа: <http://ncz.tj/content/конституционный-закон-республики-таджикистан-о-гражданстве-республики-таджикистан>. – Дата доступа: 10.09.2022.

УДК 343.22

НАРУШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО РЕЖИМА КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЗАКУПОК (СТ. 200.4 УК РФ)

© **Е.Б. Казанцев**

Сибирский федеральный университет

В настоящее время тема национального режима и импортозамещения является ключевой не только в закупках, но и в мире внутренней торговли Российской Федерации. Нормативно-правовая база в части, касающейся документов национального режима, находится в состоянии постоянной доработки в связи с непрерывно изменяющимися условиями взаимодействия России на международном уровне. Это не может не вызывать определенные затруднения в работе лиц, работающих в государственных и муниципальных закупках, и обуславливает актуальность темы статьи.

В 2018 году, помимо административной ответственности, была введена и уголовная ответственность за нарушение законодательства РФ о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [2]. В соответствии со ст. 200.4 УК РФ

уголовной ответственности подлежат работники контрактной службы, контрактный управляющий, член комиссии по осуществлению закупок, лицо, осуществляющее приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг, либо иное уполномоченное лицо, представляющее интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, которые не являются должностными лицами или лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации, если это деяние совершено из корыстной заинтересованности и причинило крупный ущерб [1]. Крупным признается ущерб, превышающий 2 250 000 рублей, особо крупным - ущерб, превышающий 9 000 000 рублей.

Установление мер уголовной ответственности обусловлено распространенностью нарушений законодательства о контрактной системе, совершаемых самыми разными лицами. Значительное число нарушений допускается при применении национального режима при осуществлении закупок.

Объективная сторона данного преступления сформулирована абстрактно – «нарушение законодательства РФ о контрактной системе». Статья 200.4 УК РФ является бланкетной, в связи с чем необходимо понять, какие нарушения законодательства о контрактной системе подпадают под действие данной статьи.

Когда субъект правоотношений сталкивается с необходимостью применения национального режима, он, прежде всего, обращается к формулировкам статьи 14 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее - Закон) [3]. Эта статья устанавливает, что при осуществлении заказчиками закупок товаров, происходящих из иностранного государства или группы иностранных государств, работ, услуг, соответственно выполняемых, оказываемых иностранными лицами, применяется национальный режим на равных условиях с товарами российского происхождения, работами, услугами, соответственно выполняемыми, оказываемыми российскими лицами, в случаях и на условиях, которые предусмотрены международными договорами РФ.

Под национальным режимом понимается совокупность установленных государством правил, которые создают отечественной продукции преимущественные условия закупки по сравнению с товаром иностранного производителя.

Бесспорно, ни одна отдельно взятая страна не в состоянии удовлетворить свои потребности исключительно за счет собственных товаров и услуг, в том числе в сфере закупок. Закон должен обеспечить необходимый баланс между иностранным и отечественным производителем. Это мировая практика.

Такие же задачи стоят и перед отечественным законодательством.

Законом установлено три направления национального режима. Рассмотрим два основных направления.

Первое - запрет на допуск товаров, происходящих из иностранного государства или группы иностранных государств, работ, услуг, соответственно выполняемых, оказываемых иностранными лицами.

Установленные запреты действуют при применении любых способов закупки, в том числе при закупке у единственного поставщика. Способом подтверждения страны происхождения товара считается, как правило, сертификат происхождения товара по форме СТ-1 или выписка из реестра российской промышленной продукции.

В частности, постановление Правительства Российской Федерации от 16.11.2015 № 1236 устанавливает запрет на допуск иностранного программного обеспечения (далее - ПО) для ЭВМ, происходящего из иностранных государств, и правила формирования и ведения единого реестра российских программ для ЭВМ и баз данных (далее – Реестр) [5]. Таким образом, допускается закупка ПО при его наличии в Реестре.

Этим же постановлением утвержден Порядок подготовки обоснования невозможности соблюдения запретов на допуск иностранного ПО (далее - Порядок обоснования) [5].

Не секрет, что значительное число организаций использует в работе иностранное ПО ввиду отсутствия сопоставимых по качеству российских аналогов. На сегодняшний день иностранное ПО более доработанное, чем российское. Таким образом, на современном этапе, тотальный запрет иностранного ПО нецелесообразен и способен привести к сбою в работе государственных организаций. Именно поэтому названным постановлением допускается закупка иностранного ПО, но с обоснованием невозможности использования российских аналогов. А обоснование во многом зависит от умения заказчика логично изложить доводы в пользу использования иностранного ПО. Но, если это обоснование не устроит органы контроля, и у них к заказчику возникнут вопросы об обоснованности траты бюджетных средств, то сама закупка будет признана нарушением, могущим повлечь уголовную ответственность по ст. 200.4 УК РФ.

Пунктами 4, 6 Порядка обоснования предусмотрено, что обоснование готовится и утверждается заказчиком по состоянию на день размещения извещения об осуществлении закупки в единой информационной системе (далее – ЕИС) в сфере закупок. А это означает, что данное постановление распространяет свое действие только на конкурентные процедуры (конкурс, аукцион, запрос котировок) либо при закупке у единственного поставщика в электронной форме на сумму до 3 000 000 рублей, поскольку только при применении этих способов закупки в ЕИС размещается извещение о закупке.

Между тем, законодательством предусмотрен и такой способ, как закупка у единственного поставщика на сумму до 600 000 рублей, и закупочная документация в этом случае размещается на бумажном носителе.

Данная правовая конструкция порождает практику, когда заказчик закупает иностранное ПО у единственного поставщика на сумму до 600 000 рублей, не применяя документы национального режима. Именно так делает значительная часть заказчиков, обходя тем самым запрет на допуск иностранного ПО.

Учитывая изложенное, а также острую потребность заказчиков любого уровня в использовании иностранного ПО, представляется весьма сомнительным сам запрет на допуск ПО, происходящего из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Во-первых, сам законодатель допускает отход от установленного запрета, выдвигая при этом единственное условие – невозможность использования российского ПО.

Во-вторых, квалификация деяния в качестве правонарушения не должна зависеть от способности заказчика подготовить убедительное обоснование.

В-третьих, в самом законодательстве под действие этого запрета попадают не все способы закупок.

Однако, если запрет сомнителен, а отступление от него нужно просто обосновать, то нарушение такого запрета не обладает общественной опасностью и не должно признаваться преступлением.

Второе направление национального режима - это ограничение допуска товаров, происходящих из иностранных государств, работ, услуг, соответственно выполняемых, оказываемых иностранными лицами, и применяется оно только при проведении конкурентных способов определения поставщика. В то же время нормативные правовые акты по ограничению допуска могут применяться совместно с условиями допуска. Ограничения допуска начинают работать, только когда срабатывает сценарий «третий лишний». Заказчик обязан отклонить все заявки участников закупки, содержащие предложения о поставке

товаров, включенных в перечень и происходящих из иностранных государств, за исключением государств – членов Евразийского экономического союза (далее – ЕврАзЭС) [7], при условии, что на участие в определении поставщика подано не менее двух заявок, которые одновременно:

- содержат предложения о поставке товаров, страной происхождения которых являются только государства – члены ЕврАзЭС;
- включены в перечень соответствующего нормативного правового акта;
- не содержат предложения о поставке одного и того же вида товара одного производителя либо производителей.

Это довольно тяжелая для понимания правовая конструкция, и именно поэтому при ее применении заказчики часто ошибаются.

Примером может служить постановление Правительства Российской Федерации от 05.02.2015 № 102 «Об ограничениях и условиях допуска отдельных видов медицинских изделий, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [4].

Во-первых, само название нормативного правового акта некорректно так как содержит упоминание двух разных направлений национального режима – ограничение допуска и условия допуска.

Во-вторых, правоприменитель испытывает трудности в применении этого акта, потому, что его принятие противоречит ст. 14 Закона, не наделившей Правительство РФ полномочиями по принятию нормативных правовых актов об условиях допуска. В связи с этим неизбежно встает вопрос, можно ли применять это постановление в той части, в которой оно регулирует условия допуска.

В феврале 2021 года это постановление было дополнено. Утвержден показатель локализации собственного производства медицинских изделий на территории Российской Федерации [4]. Этот показатель локализации фактически регулирует требования к максимальному размеру доли сырья иностранного происхождения, используемого при производстве некоторых товаров. Размер этой доли не должен превышать определенного значения. Смысл изменений в том, что теперь недостаточно иметь сертификат СТ -1, подтверждающий, что товар действительно из стран, входящих в ЕврАзЭС. Необходимо также требовать у участника закупки акт экспертизы Торгово-промышленной палаты РФ, содержащий информацию о размере доли использованных материалов иностранного происхождения. И еще необходим документ, подтверждающий соответствие ГОСТу менеджмента производства.

Это явно избыточные требования документов о подтверждении соответствия товара, при условии коротких сроков поставки товара.

Наличие нескольких механизмов допуска товаров иностранного производства и не всегда понятные формулировки закупочных нормативных правовых актов приводит к тому, что количество нарушений применения механизма национального режима в закупках не уменьшается.

Однако главный вывод, который следует из неопределенности нормативных правовых документов по ограничению допуска, заключается в том, что, в силу неясности изложения правил допуска, лицо по существу не осознает и сам факт нарушения правил, а значит, и общественную опасность такого нарушения [6, с. 282]. Следовательно, оно не может быть признано виновным в злоупотреблении, предусмотренном ст. 200.4 УК РФ.

Список использованных источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63 – ФЗ (ред. от 18.07.2022) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 23.04.2018 № 99 – ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 05.4.2013 № 44 – ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. Об ограничениях и условиях допуска отдельных видов медицинских изделий, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс]: постановление Правительства от 05.02.2015 № 102 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

5. Об установлении запрета на допуск программного обеспечения, происходящего из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс]: постановление Правительства от 16.11.2015 № 1236 // Справочная

правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

6. Шишко И.В. Экономические правонарушения: Вопросы юридической оценки и ответственности: моног. ... д – ра юрид. наук / Шишко Ирина Викторовна. - СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс». – 2004. С. 282

7. О представлении Президенту РФ предложения о подписании Протокола о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и отдельные международные договоры, входящие в право Евразийского экономического союза, в связи с присоединением Киргизской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и протокола об условиях и переходных положениях по применению Киргизской Республикой Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, отдельных международных договоров, входящих в право Евразийского экономического союза, и актов органов Евразийского экономического союза в связи с присоединением Киргизской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года [Электронный ресурс]: постановление Правительства от 26.02.2015 № 169 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

УДК 343.713

КЛЮЧЕВАЯ ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА С ПРИНУЖДЕНИЕМ К СДЕЛКЕ

© Н.В. Качина

Сибирский федеральный университет

Проблема разграничения вымогательства с принуждением к сделке в доктрине уголовного права является актуальной и достаточно часто обсуждаемой. Соответственно, этот вопрос нередко вызывает затруднения и в правоприменительной практике. Специалисты в области уголовного права отмечают, что сотрудники правоохранительных органов часто действия по принуждению к сделке оценивают как вымогательство, что обусловлено, по их мнению, сложностью отграничения преступления, предусмотренного ст. 179 УК РФ, от преступления, предусмотренного ст. 163 УК РФ [1, с. 99]. На схожесть данных преступных деяний указал и сам законодатель, употребив в диспозиции

нормы об ответственности за принуждение к сделке формулировку «при отсутствии признаков вымогательства».

Поэтому следует найти основной критерий, позволяющий в проблемных ситуациях разграничивать эти преступные деяния и давать им правильную уголовно-правовую оценку.

В доктрине уголовного права можно встретить различные подходы к критериям разграничения этих преступных деяний.

Некоторые авторы видят ключевое отличие указанных составов преступлений в объекте посягательства. Так, по мнению Т.Ю. Погосян, преступление, предусмотренное ст. 179 УК РФ, заключается в принуждении к установлению, изменению или прекращению гражданских прав и обязанностей, оно посягает на отношения, обеспечивающие нормальное развитие и осуществление предпринимательской деятельности, и соответственно отношений собственности не изменяет [11, с. 367]. Относительно того, что принуждение к совершению сделки, в отличие от вымогательства, не направлено на изменение отношений собственности, пишут и другие авторы [14, с. 635].

Именно в объекте посягательства видит отличие рассматриваемых составов преступления и И.А. Подройкина, считая, что по ст. 179 УК РФ следует квалифицировать такие действия, которые связаны с принуждением к совершению сделок именно в сфере предпринимательской деятельности (которые совершаются субъектами предпринимательской деятельности), поскольку объектом этого преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие свободу юридических и физических лиц на совершение законных сделок в сфере предпринимательской деятельности. Вымогательство же, по мнению автора, посягает на право собственника владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом по своему усмотрению [15, с. 514].

На отличия в объекте данных преступлений указывает и А.И. Бойцов, считая, что объектом преступления, предусмотренного ст. 179 УК РФ, являются общественные отношения по поводу такой ценности как свобода договора, а объектом вымогательства - отношения по поводу такой социальной ценности как неприкосновенность собственности [2, с. 699]. Вместе с тем, ключевым признаком, позволяющим в проблемных ситуациях отграничить вымогательство от принуждения к сделке, автор называет направленность вымогательства на обретение полного господства над имуществом как своим собственным, а также корыстная мотивация, т.е. стремление виновного обрести право собственности на требуемое имущество безвозмездно. Поэтому ученый считает, что в качестве вымогательства может быть расценено и принуждение к полностью

безвозмездной или заведомо неэквивалентной сделке, когда оплачивается или компенсируется в иной форме лишь часть имущества, полученного по сделке, по своей природе являющейся возмездной.

Р.Н. Хатыпов высказывает несколько схожее мнение, считая, что при принуждении к совершению сделки отсутствуют такие признаки, обязательные для вымогательства, как безвозмездность и корыстная цель [13, с. 3].

Такой подход, хотя и находит иногда критику в науке уголовного права, все же поддерживается многими учеными.

Так, А.Н. Караханов и А.В. Бриллиантов считают, что если требования виновного направлены на извлечение имущественной выгоды или причинение имущественного ущерба потерпевшему от сделки, к которой потерпевшего принуждают, то деяние необходимо квалифицировать по ст. 163 УК РФ. Авторы приводят следующий пример вымогательства: виновный требует продать ему квартиру по цене ниже рыночной [12, с. 632-633].

В свете обозначенной проблемы стоит обратить внимание на то, что для вымогательства (ст. 163 УК РФ) обязательным признаком является безвозмездность.

П. С. Яни отмечает, что хотя из текста уголовного закона это прямо не следует, однако доктрина и практика исходят из того, что по смыслу закона, виновное в вымогательстве лицо требует от потерпевшего совершить такие действия имущественного характера (включая передачу имущества или права на него), которые причинят собственнику имущества ущерб ввиду безвозмездного (полностью либо частично) отторжения имущества, права на имущество, принадлежащих потерпевшему или иному лицу (если потерпевший уполномочен на совершение действий с имуществом или правом на него), также безмездного (полностью либо частично) предоставления услуг, выполнения работ, стоимость которых можно исчислить, прощения долга и др. [16, с. 40]

Действительно, и в доктрине уголовного права, и среди практических работников подход, в соответствии с которым обязательным признаком вымогательства является безвозмездность предъявляемых требований, нашел поддержку.

Так, С.С. Аветисян отмечает, что при вымогательстве виновный всегда требует безвозмездного совершения действий имущественного характера [14, с. 637].

С.М. Кочои считает, что в любом случае передача чужого имущества (права на чужое имущество)... в пользу вымогателя должны происходить безвозмездно [4, с. 59]. При этом автор уточняет, что отсутствие в диспозиции ч. 1 ст. 163 УК РФ указания об этом, не следует рассматривать как законодательный пробел в

определении вымогательства, поскольку возмездного требования при вымогательстве не бывает.

И в правоприменительной практике в решениях судов встречаются обоснования наличия признака безвозмездности в составе вымогательства.

Так, в одном из решений высшая судебная инстанция, обосновывая отсутствие в действиях Ю. признаков состава вымогательства, указала, что хоть он и руководствовался корыстным мотивом, однако не стремился к безвозмездности заключаемой сделки. При вымогательстве, отметил суд, виновный требует безвозмездного совершения действий имущественного характера, преследуя при этом корыстную цель [10].

С таким подходом, по нашему мнению, следует согласиться, поскольку для вымогательского требования безвозмездность передачи требуемого имущества или совершения действий имущественного характера является имманентным свойством. В противном случае отсутствует посягательство на отношения собственности, которые при требовании передачи предмета вымогательства возмездно (то есть при уплате стоимости имущества или услуг) не страдают. Если не причиняется материальный ущерб собственнику или иному законному владельцу в результате передачи им имущества или совершения действий имущественного характера в пользу лица, предъявляющего требования, то и нет посягательства на отношения собственности.

Вместе с тем, безвозмездность при вымогательстве будет иметь место не только при полном отсутствии возмещения стоимости имущества, но и при таком возмещении, которое, исходя из субъективного представления лица, предъявляющего требование, не является равноценным стоимости требуемого имущества или стоимости совершаемых имущественных действий.

Так, Пленум Верховного суда РФ относительно хищения указывает, что при установлении размера похищенного в результате мошенничества, присвоения или растраты судам надлежит иметь в виду, что хищение имущества с одновременной заменой его менее ценным квалифицируется как хищение в размере стоимости изъятого имущества [6]. Очевидно, что и при предъявлении требования передачи предмета вымогательства с равноценным (с точки зрения требующего субъекта) возмещением его стоимости, отсутствует признак "безвозмездности" и состав вымогательства.

Соответственно, вымогательство будет иметь место в том случае, когда виновный требует имущество, право на имущество или совершения действий имущественного характера без полного возмещения (эквивалента) или без равноценного возмещения.

Как указала вышестоящая инстанция в одном из решений, С. высказывал потерпевшему угрозы различного характера, требуя приватизации и последующего безвозмездного отчуждения квартиры, что безусловно свидетельствует о совершенном в отношении потерпевшего вымогательстве [7].

Если же лицо взамен требуемого имущества или совершения действий имущественного характера представляет равноценный денежный или иной эквивалент, то отношениям собственности вред не причиняется и вымогательство отсутствует. В таком случае могут усматриваться признаки принуждения к возмездной сделке, которые образуют состав преступления, предусмотренного ст. 179 УК РФ. В данной ситуации виновный, принуждая потерпевшего к совершению сделки, имеет намерение выполнить соответствующие имущественные обязательства по сделке.

Однако, в условиях рыночных отношений, когда цены на какое-либо имущество могут иметь определенный (а иногда достаточно широкий) диапазон, вести речь о безвозмездности предъявляемых требований стоит лишь в тех случаях, когда виновное лицо желает получить требуемое имущество или полностью безвозмездно, или с явно неэквивалентным возмещением (по заведомо заниженной стоимости). Если это возмещение эквивалентно (с точки зрения возможной цены на рынке на соответствующее имущество), то можно при наличии всех признаков оценивать такие требования как принуждение к сделке.

Соответственно, основным признаком, разграничивающим вымогательство с принуждением к сделке, является все таки не объект посягательства, а признак полной или частичной (с явно неэквивалентным возмещением) безвозмездности предъявляемых при вымогательстве требований и, конечно же, при осознании виновным этого факта. Безусловно, данное обстоятельство находит отражение и в объекте посягательства: при вымогательстве происходит посягательство на отношения собственности и виновный осознает, что при выполнении потерпевшим предъявляемых требований ему будет причинен материальный ущерб, а при принуждении к сделке посягательство направлено на отношения по обеспечению принципа свободы договора и виновный осознает, что ущерб потерпевшему не причиняется ввиду возмездности сделки.

Продemonстрируем это на достаточно распространенном примере действий лиц, предъявляющих требования совершить сделку купли-продажи доли в квартире (приобретенной с этой целью ими ранее), другим собственникам долей этой квартиры с применением насилия или угрозами его применения, уничтожения или повреждения имущества, а равно

распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких,

Так, С. был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. "в" ч. 2 ст. 179, П. "б", "в" ч. 2 ст. 179, п. "в" ч. 2 ст. 179 УК РФ, за то, что в составе организованной группы при помощи угроз, насилия и создания невыносимых условий проживания принуждал потерпевших продать или купить приобретенную ранее членами организованной группы долю в квартире по цене, приближенной к рыночной [8].

Исходя из изложенного выше, требование приобретения права на квартиру (или ее доли) состав вымогательства образовывать может, но только лишь в том случае, когда виновные требуют потерпевших купить (продать) квартиру (или ее доли) по явно большей (или меньшей), нежели рыночная, стоимости. В таком случае очевидно усматриваются признаки частичной безвозмездности. Но кроме того, для вменения состава вымогательства необходимо установить и факт осознания виновным того, что стоимость квартиры (ее доли), за которую виновный требует продать (купить) ее, явно не соответствует среднерыночной. В противном случае доказать наличие признака безвозмездности невозможно. Соответственно лишь в части очевидной разницы между суммой вымогательского требования и среднерыночной стоимостью квартиры (ее доли), можно вести речь о признаке безвозмездности. Именно в этой разнице и заключается ущерб, который виновный стремится причинить потерпевшему в случае удовлетворения последним его требования.

Однако, лица, предъявляющие требования по приобретению (отчуждению) квартиры (доли в квартире), как правило, не знают всех нюансов определения ее среднерыночной стоимости. Кроме того, цены на рынке недвижимости не стабильны, вариативны и могут значительно отличаться в зависимости от многих обстоятельств.

В соответствии с Федеральным законом от 29.07.1998 № 135-ФЗ "Об оценочной деятельности в Российской Федерации", под рыночной стоимостью объекта оценки понимается наиболее вероятная цена, по которой данный объект оценки может быть отчужден на открытом рынке в условиях конкуренции [9]. Оценочной деятельностью, в соответствии с данным законом, понимается профессиональная деятельность субъектов оценочной деятельности, направленная на установление в отношении объектов оценки рыночной, кадастровой, ликвидационной, инвестиционной или иной предусмотренной федеральными стандартами оценки стоимости. Поэтому даже профессиональные оценщики устанавливают стоимость только лишь вероятную,

которая в зависимости от видов оценки и совокупности других обстоятельств может сильно отличаться.

Соответственно, для вменения состава вымогательства в указанной ситуации необходимо доказать именно заведомость явной (очевидной) разницы в среднерыночной цене на объект недвижимости и той цене, по которой виновный принуждает потерпевшего купить (продать) объект недвижимости.

Стоит отметить, что признак безвозмездности вымогательских требований очевидно указывает и на наличие корыстной цели, являющейся неотъемлемым свойством вымогательства. В этой связи стоит отметить, что суды совершенно справедливо в своих решениях указывают на этот признак вымогательства как обязательный [10]. И большинство специалистов в области уголовного права считают, что, несмотря на отсутствие прямого указания в законе, субъективная сторона вымогательства наряду с прямым умыслом характеризуется и наличием корыстной цели [2, с. 711; 12, с. 579 и др.]. В отличие же от вымогательства, в принуждении к возмездной (хотя и частично) сделке виновный не преследует корыстную цель, т.е. не стремится безвозмездно обратить требуемое имущество в свою пользу или пользу других лиц.

И.В. Власова, рассматривая анализируемый вопрос, подчеркивает, что для квалификации действий субъекта по ст. 179 УК РФ следует учитывать его стремление к уплате полной стоимости имущества при заключении договоров купли-продажи или равноценному обмену, несмотря на то, что его действия совершались под принуждением [3, с. 3].

Руководствуясь безусловно корыстной мотивацией, лицо, принуждающее к совершению сделки (совершающее преступление, предусмотренное ст. 179 УК РФ), не преследует цели обогатиться за счет потерпевших, требуя безвозмездного или явно неэквивалентного рыночной стоимости права на имущество. Виновный, совершая это деяние, стремится обратить себе в пользу факт заключения сделки, извлечь из этого какую-либо выгоду. Поэтому следует отличать корыстную цель при вымогательстве и корыстный мотив (который может иметь место) при принуждении к сделке. В первом случае виновный стремится к полностью или частично безвозмездному завладению имуществом, правом на имущество, а во втором случае виновный руководствуется мотивом извлечения из заключения сделки определенной выгоды, но при этом он несет имущественные обязательства по заключению сделки.

Поэтому ошибочной представляется оценка следственными органами по ст. 163 УК РФ (вымогательство) действий Ч.В.Н., С.А.В., Л.Е.В., Т.А.В, которые предварительно приобретали доли в квартирах, а затем путем угроз,

применения насилия, уничтожения или повреждения имущества, принуждали потерпевших к продаже принадлежащих им долей в квартирах или к приобретению у них долей в квартирах с целью извлечения выгоды. Как указывается в обвинительном заключении, обвиняемые предъявляли требования к потерпевшим купить у них (или продать им) доли в квартире по необоснованно завышенной (или заниженной) цене. Ущерб, причиняемый потерпевшим действиями обвиняемых, предъявляющих требования, следственные органы усматривали в разнице между среднерыночной стоимостью долей в квартире и той стоимостью, по которой обвиняемые требовали купить (продать) доли в квартире [5].

Однако анализ материалов уголовного дела позволил сделать вывод, что обвиняемые предлагали за объекты недвижимости такие цены, которые в условиях рынка были вполне допустимы и не являлись явно неэквивалентными среднерыночной их стоимости. И при отсутствии принуждения к заключению договоров купли-продажи, сами сделки являлись бы полностью законными. Кроме того, среднерыночные цены на доли в квартирах определялись экспертами, исходя из специальных методик, и имели условно-ориентировочный характер (о чем, например, прямо указывалось в заключении № 140-12/19: «цена, в случае реальной сделки, может отличаться от определенной им оценочной стоимости вследствие различных причин, например, мотивов сторон, умения вести переговоры, время экспозиции на рынке, условий сделки и т.д.»). А для признака безвозмездности, который необходим для вменения состава вымогательства, необходимо (как было отмечено выше) установить факт осознания лицами явного несоответствия среднерыночной цены на объект недвижимости и предлагаемой ими суммы покупки (продажи) за него, чего в материалах дела не усматривается. Поэтому в указанном уголовном деле налицо признаки принуждения к сделке, а не вымогательства.

Таким образом, ключевым признаком разграничения вымогательства с принуждением к сделке является признак безвозмездности предъявляемых виновным требований. При этом безвозмездность будет иметь место как в случаях предъявления требований при полном отсутствии эквивалента за требуемое имущество, так и при явно (заведомо для субъекта) неравноценном эквиваленте.

Список использованных источников

1. Батюкова В.Е., Малахова В.Ю. Некоторые проблемы квалификации преступления, предусмотренного статьей 179 УК РФ, и отграничения его от вымогательства (статья 163 УК РФ) // Современное право. - 2021. - № 6. - С. 99-103.

2. Бойцов А.И. Преступления против собственности. - СПб.: Изд-во "Юридический центр Пресс", 2002. - 775 с. - ISBN: 5-94201-062-5.

3. Власова И.В. К вопросу об уголовно-правовой природе вымогательства // Российский следователь. 2007. № 23 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 22.09.2022).

4. Кочои С.М. Преступления против собственности: учебное пособие для магистрантов. - М.: Проспект, 2014. - 88 с. - ISBN: 978-5-392-13125-9.

5. Материалы уголовного дела № 25057855, возбужденного Следственным комитетом Российской Федерации ГСУ пятого следственного управления 24.12.2015 года в г. Новосибирске.

6. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 : редакция от 29.06.2021 : с изменениями, вступившими в силу 29.06.2021 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 22.09.2022).

7. Постановление Московского городского суда от 21.03.2014 № 4у/4-1279/14 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 20.09.2022).

8. Приговор Невского районного суда (г. Санкт-Петербург) № 1-1521/2018 1-291/2019 от 17 мая 2019 г. по делу № 1-1521/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. - URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения 20.09.2022).

9. Российская Федерация. Законы. Об оценочной деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ : редакция от 02.07.2021 : с изменениями, вступившими в силу 02.07.2021 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 20.09.2022).

10. Судебная практика по уголовным делам за I полугодие 2005 года. Верховный суд Республики Карелия // Бюллетень Верховного Суда Республики Карелия, 2005, № 2(13) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 20.09.2022).

11. Уголовное право. Особенная часть: учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. - М.: Норма, 2008. - 1008 с. - ISBN: 978-5-468-00175-2.

12. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. - М.: Проспект, 2009. - 1232 с. - ISBN: 978-5-392-00762-2.

13. Хатыпов Р.Н. Сложные вопросы квалификации вымогательства // Российский следователь. 2003. № 11 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». - URL: <http://www.consultant.ru/cons/> (дата обращения: 20.09.2022).

14. Энциклопедия уголовного права. Т. 18. Преступления против собственности. - Издание профессора Малинина - СПб ГКА, СПб., 2011. - ISBN: 978-5-91005-018-5.

15. Энциклопедия уголовного права. Т. 18. Преступления в сфере экономической деятельности. - Издание профессора Малинина - СПб ГКА, СПб., 2012. - 1215 с. - ISBN: 978-5-91005-036-9.

16. Яни П.С. Вопросы квалификации вымогательства // Законность. - 2015. - № 11. - С. 40 - 45.

УДК 343. 1.

О ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

© Л.П. Климович, Н.Г. Логинова

Сибирский федеральный университет

Вся процессуальная деятельность, в том числе и на стадии возбуждения уголовного дела, происходит в строго определённой законом процессуальной форме. Как совершенно справедливо отмечает С. Б. Россинский: «...потребность в существовании процессуальной формы обуславливается в первую очередь необходимостью разумного сдерживания и ограничения изобретенных за долгие годы развития человеческого общества средств и методов выяснения неизвестных обстоятельств, то есть направления познавательной деятельности в «правильное» русло, отвечающее политическому климату и социальным ценностям определенного государства в определенный исторический период» [1, с. 68].

В этой связи обращает на себя внимание возможность использования специальных знаний при проверке сообщений о преступлениях. На наш взгляд, это явление вполне закономерное и обусловлено, во-первых, требованием «достаточности» для принятия решения о возбуждении уголовного дела,

поскольку в отдельных случаях установление оснований как для возбуждения уголовного дела, так и отказа возможно лишь таким способом. Например, путём использования специальных знаний могут быть установлены: по преступлениям в сфере экономической и финансовой деятельности – способ совершения и ущерб; по преступлениям, где необходимо обязательное установление качественно-количественных характеристик (предмета преступления, веса), – оружие, наркотические средства и пр. Между тем отдельные вопросы привлечения специалиста на стадии возбуждения уголовного дела не нашли правового регулирования в законе, что затрудняет, а в отдельных случаях не позволяет их использовать.

В связи с этим нам представляется целесообразным представить в данной публикации некоторые суждения по совершенствованию процессуальной формы использования специальных знаний на стадии возбуждения уголовного дела. С целью понимания и уяснения процессуального порядка использования специальных знаний на стадии возбуждения уголовного дела рассмотрим характеристику специальных знаний по различным основаниям:

по способу использования – процессуальная и непроцессуальная формы;

по субъекту–носителю специальных знаний – специалист (в том числе, педагог (психолог), переводчик) и эксперт;

по условиям использования специальных знаний – обязательное и по усмотрению должностного лица, рассматривающего сообщение о преступлении (факультативное);

по форме использования:

участие в производстве следственных действий, разрешенных до возбуждения уголовного дела (осмотр, получение образцов для сравнительного исследования, освидетельствование) и иных процессуальных (напр. при получении объяснения);

непосредственно производство следственного действия сведущим лицом (судебной экспертизы);

непосредственно производство иного процессуального действия (исследование документов, предметов, трупов, документальных проверок, ревизий).

К процессуальной форме, по нашему мнению, следует относить все те способы, которые так или иначе получили закрепление в действующем уголовно-процессуальном законе. Непроцессуальная форма может быть представлена в виде консультации данной субъекту рассмотрения сообщения о преступлении по вопросам, требующим разъяснения специалиста и относящимся к предмету проверки. При этом полученная информация может

быть получена как устно, так и зафиксирована путем получения объяснения от специалиста.

Действующий уголовно-процессуальный кодекс дает законодательные определения эксперта и специалиста. Для удобства рассмотрения данного вопроса воспроизведем полностью содержание соответствующих норм.

Эксперт – лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения (ст. 57 УПК РФ).

Специалист – лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (ч. 1 ст. 58 УПК РФ).

Несмотря на очевидное терминологическое сходство, видится и определённое различие. Между тем в правоприменительной деятельности оба субъекта в рамках проверки одного сообщения могут в разное время иметь различный статус. Так лицо, состоящее в должности эксперта в государственном судебно-экспертном учреждении, может участвовать в каких-либо следственном или процессуальном действиях в качестве специалиста (напр. осмотре места происшествия, предметов и документов, трупа, освидетельствования) и после вынесения постановления о назначении экспертизы ему же может быть поручено производство таковой. После этого он может дать объяснение в качестве специалиста по какому-либо вопросу, не входящему в предмет экспертизы. Следовательно, необходимо чётко различать статус носителя специальных знаний в зависимости от задач, поставленных перед конкретным процессуальным действием, и процессуальной формой использования специальных знаний.

Несмотря на расширение полномочий должностных лиц по использованию специальных знаний в уголовном процессе, обращает на себя внимание отсутствие правовой информации о процессуальной форме привлечения специалиста. Причем это положение распространяется на все стадии уголовного процесса.

Так в соответствии со ст. 168 УПК РФ следователь вправе привлечь к участию в следственном действии специалиста и перед началом следственного действия, в котором участвует специалист, он удостоверяется в его компетентности, выясняет его отношение к подозреваемому, обвиняемому и

потерпевшему, разъясняет специалисту его права и ответственность. Возникает вопрос: каков же порядок привлечения специалиста?

Практика в этом случае также не сформировала единообразного подхода и достаточно разнообразна и противоречива. При производстве следственных действий имеют место как факты вынесения постановления о привлечении специалиста, так и факты фиксации данных о привлекаемом лице в протоколе следственного действия.

Непонятно, как необходимо оформлять такое участие во всех иных ситуациях, например в случае производства исследования? Думается, что это должен быть единый процессуальный документ, отражающий и закрепляющий возникающие правоотношения между следователем и специалистом. По аналогии с ч. 2 ст. 59 УПК РФ это могло бы быть постановление, в котором необходимо в том числе отразить и соответствие привлекаемого лица требованиям ст. ст. 58 и 168 УПК РФ.

Рассматривая процессуальную форму использования специальных знаний, следует отметить, что в отдельных случаях её компонентом является обязательное участие специалиста. Так, при осмотре трупа, специфичном и сложном по восприятию и фиксации, имеется предписание о необходимости участия специалиста в области судебной медицины, а при невозможности – иного врача. (ч.1 ст.178 УПК РФ).

Гарантией соблюдения принципа уважения чести и достоинства в уголовном процессе является необходимость производства освидетельствования лицом только одного и того же пола при обнажении освидетельствуемого, и как следствие, условием законности выступает привлечение специалиста – врача. (ст. 179 УПК РФ).

Кроме этого в ч. 3 ст. 179 УПК РФ имеется предписание о том, что к участию в производстве освидетельствования при необходимости может быть привлечён и другой специалист. Такая необходимость, на наш взгляд, вытекает из оснований производства и определяется его целями. Так, это может быть освидетельствование с целью выявления состояния опьянения, наличия характерных телесных повреждений, не вызванных необходимостью проведения судебной медицинской экспертизы (жертва при сопротивлении укусила, поцарапала и пр.). Необходимость участия специалиста может быть обусловлена и применением специальных технических средств, например приборов, выявляющих следы люминисцирующего химического вещества.

Во всех иных ситуациях производства следственных и иных процессуальных действий законодатель предоставляет вопрос о привлечении сведущего лица на усмотрение субъекта рассмотрения сообщения о преступлении. Вместе с тем,

иногда, в зависимости от вида преступления или способа его совершения, такое участие по факту становится безусловно необходимым в виду отсутствия у следователя (дознавателя) специальной подготовки в той или иной области знаний, необходимых для восприятия и изучения обстановки на месте происшествия. Практически невозможен осмотр места происшествия (авиа-ж/д катастрофы, преступления, совершенного путем взрыва и др.) без участия специалиста в соответствующей области. Качественный осмотр документов по преступлениям в сфере финансово-экономической деятельности необходимо также сопровождать участием соответствующего специалиста.

В отдельных случаях само по себе средство проведения проверки сообщения о преступлении предполагает обязательное участие специалиста, такие, например, как судебная экспертиза, документальная проверка, требование ревизии, исследование предметов, документов, трупов.

Неоднозначно решается вопрос о процессуальной форме участия специалиста при изъятии компьютерной информации в ходе производства следственных действий до возбуждения уголовного дела, предусмотренной (ст. 164.1 УПК РФ). Данная норма отражает процессуальную форму следующей стадии – предварительного расследования и в этой связи неясно, каким образом данное положение должно быть разрешено на стадии возбуждения уголовного дела.

Несмотря на то, что без внимания законодателя остался вопрос об участии специалиста в получении объяснения, совершенно очевидно, что в нем могут участвовать как минимум переводчик, сурдопереводчик.

Ряд особенностей процессуальной формы при получении объяснения зависит от личности опрашиваемого, однако это также не нашло закрепления. Так, отдельного внимания заслуживает участие специалиста педагога либо психолога при получении объяснения от несовершеннолетних. Исходя из возрастных особенностей такой категории участников, отсутствие правового регулирования не должно пониматься правоприменителем как запрет для привлечения таких специалистов. Полагаем, что в этом случае такое участие обязательно.

Процессуальная форма получения объяснения имеет важное практическое значение, поскольку не исключается возможность использования в доказывании в последующих стадиях полученных сведений, когда исключается возможность допроса, например по причине смерти, соответственно при оценке такого доказательства следует исходить из соблюдения, прежде всего порядка получения объяснения, в том числе в части соблюдения гарантий прав участников уголовного судопроизводства.

Особый интерес представляют такие формы использования специальных знаний как требование производства документальных проверок, ревизий, исследований документов. Поскольку в академической среде эти инструменты относятся к малоизученным, на практике, несмотря на их востребованность, применение ограничивается тем, что положения норм УПК РФ не отличаются четкостью формулировок и порядка их назначения и проведения, что влечет за собой «творческий» подход правоприменителя в практическом использовании таких инструментов.

Выше обозначенные факты позволяют сделать вывод о необходимости введения в действующий уголовно-процессуальный закон нормы, которая бы отражала специфичные условия использования специальных знаний при разрешении сообщения о преступлениях. К таковым, на наш взгляд могут быть отнесены следующие: 1) привлечение специалиста на основании постановления следователя (дознателя); 2) использование специальных знаний должно быть обусловлено достаточными данными, представленными в материалах проверки; 3) привлекаемый специалист не должен иметь собственного интереса; 4) при проверке сообщения о преступлении посредством следственных действий, должна применяться процессуальная форма их производства на стадии предварительного расследования.

Несмотря на отрицание возможности доказывания на стадии возбуждения уголовного дела, объективно оно существует, и в этом смысле процессуальная форма использования специальных знаний имеет важное значение, поскольку полученные сведения используются в доказывании на последующих стадиях уголовного процесса и происходить это должно в рамках общей части доказательственного права. В юридической литературе имеется мнение, которое мы разделяем, о том, что «...нет необходимости отграничивать деятельность по установлению основания для возбуждения уголовного дела от деятельности по доказыванию. Следует признать возможность использования результатов первоначальных (проверочных) действий в качестве доказательств в уголовном производстве» [2, с. 126].

Подводя итог по исследуемому вопросу, отметим, что процессуальная форма использования специальных знаний на стадии возбуждения уголовного дела должна иметь такие нормативные положения, которые будут действительно обеспечивать эффективное применение закона в этой части.

Список использованных источников:

1. Россинский С. Б. Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 9(118). С. 67-79.

2. Абрамова Л. Л. Механизм начатия уголовного производства: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. Красноярск, 2020. С. 124-127.

УДК 347.9

**СВЕДУЩИЕ СВИДЕТЕЛИ В СОВРЕМЕННОМ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ
ГЕРМАНИИ**

© А.В. Ковалева

Сибирский федеральный университет

Сведущие свидетели (*Sachverständigen Zeugen*), обладающие специальными знаниями, за 135 лет своего нормативного закрепления в германском цивилистическом процессуальном праве традиционно воспринимаются как особый, неизвестный отечественному процессуальному праву, вид свидетелей, исходя из критерия характера свидетельских показаний. Первоначальная редакция Гражданского процессуального Уложения Германии (ZPO 1877г.) в §379 содержала норму, предписывавшую, что к сведущим лицам, непосредственно вопиявшим факт или состояние, имевший место в прошлом, для восприятия которого требовались специальные здания, применяются положения о свидетельских показаниях. В настоящее время данная норма в неизменной редакции закреплена в §414 ZPO.

Почему сведущее лицо — свидетель? Во-первых, показания сведущего свидетеля основаны не только на специальных знаниях, но и на непосредственном восприятии фактических обстоятельств и имеют доказательственное значение. Во-вторых, его участие в процессе инициировано той или иной стороной по делу, в отличие от эксперта, назначенного судом.

Интерес к сведущему свидетелю в отечественной доктрине, пожалуй, неиссякаем. Вплоть до настоящего времени с большей или меньшей частотой высказываются предложения о необходимости появления такой процессуальной фигуры на небосклоне отечественного правосудия и

нормативного закрепления, в том числе, и в цивилистическом процессуальном законодательстве. Такие предложения сталкиваются со вполне обоснованным скептицизмом других ученых. Достаточно упомянуть красочное высказывание Е.П. Гришиной, называющей сведущего свидетеля «процессуальными приживалой», участвующим в процессе то в роли специалиста, то эксперта, то свидетеля [1, с. 243]. Т.В. Сахнова допускает появление сведущего свидетеля в процессуальном законодательстве исключительно в рамках института свидетельских показаний, но не как формы использования специальных знаний в процессуальном смысле [4, с. 71]. Однако, вспоминая слова известного российского процессуалиста Ю.К. Орлова о фактическом признании сведущих свидетелей как реального явления, подлежащего исследованию [2, с. 15], представляет интерес институт сведущих свидетелей в современном цивилистическом процессе Германии, в том числе формы их участия в цивилистическом процессе, процессуальный статус и юридическая ответственность.

Гражданским процессуальным уложением Германии (ZPO) предусмотрены две формы участия сведущего свидетеля в германском цивилистическом процессе: участие в осмотре и дача свидетельских показаний в судебном заседании в порядке допроса. Показания сведущих свидетелей, в частности, могут быть необходимы для определения потребности в назначении судебной экспертизы, помощи в составлении адресованных эксперту вопросов, а также для помощи суду в оценке полноты и достоверности экспертного заключения. Также в германском цивилистическом процессе возможна и непроцессуальная форма участия сведущего свидетеля - дача письменного заключения о фактических обстоятельствах по делу. Допустимы и письменные показания сведущего свидетеля, представляющие собой ответ на требующий специальных знаний вопрос суда. Возможен и допрос сведущего свидетеля в качестве эксперта, при этом суд непосредственно перед допросом разъясняет ему соответствующие права и обязанности.

Ю.К. Орлов разделял сведущих свидетелей на очевидцев и справочных свидетелей, дающих либо консультацию, либо несудебное экспертное заключение. Следует заметить, показания сведущего свидетеля как очевидца сродни констатации техника (специалиста), а показания сведущего свидетеля как консультанта, где по меткому замечанию того же Ю.К. Орлова представляются не только «голые» факты, но и их основанное на специальных знаниях истолкование [3, с. 114], близки консультации техника (специалиста) во французском гражданском процессе. Очевидна близость сведущего свидетеля и специалисту, привлеченному по инициативе стороны по делу, известному ГПК

Италии. Таким образом, справедлив вывод Е.П. Гришиной о том, что специалист является «поглощающей» процессуальной фигурой по отношению к сведущему свидетелю.

Сведущий свидетель традиционно воспринимаем как очевидец, непосредственно наблюдавший или видевший факт и в то же время обладающий специальными знаниями. В отличие от свидетеля в классическом понимании сведущий свидетель воспринимает факт посредством специальных знаний, соответственно, такой свидетель не взаимозаменяем [7], а значит, не подлежит отводу.

Сведущие свидетели в социальных судах, как правило, — лечащие врачи. Также в качестве сведущего свидетеля в цивилистическом процессе может участвовать врач, оказывавший первую медицинскую помощь пострадавшему или мастер аварийно-спасательной службы, диагностировавший неисправность электрической, отопительной или сантехнической системы,

Несудебный эксперт составляет заключение по результатам несудебной экспертизы, которое сторона (представитель стороны) представляет суду. Такое заключение допустимо в качестве свободного доказательства – утверждения (констатации). Несудебный эксперт не подлежит допросу в судебном заседании. Судья, в свою очередь, может по ходатайству другой стороны вызвать сведущего свидетеля в судебное заседание для исследования данного, представленного в суд, доказательства. Свои свидетельские показания сведущие свидетели дают в судебном заседании в форме допроса. В таком случае сведущие свидетели-врачи освобождаются от обязанности сохранять врачебную тайну. Тем не менее, при даче показаний в качестве сведущего свидетеля в суде лицо имеет право и на отказ от дачи показаний, поскольку на него распространяется действие свидетельского иммунитета (§383 ZPO).

Если лицо вызывается в суд в качестве сведущего свидетеля, речь не идет об экспертном исследовании или оценке, а лишь о сообщении суду известных ему сведений о фактических обстоятельствах по делу или о консультации по поводу статичного состояния того или иного объекта либо его динамики. Сведущий свидетель отвечает на такие вопросы суда, как «что могло быть причиной того или иного события/явления?», «как может быть оценен ущерб?», «что могло способствовать причинению ущерба?» и т. д.. Однако сведущие свидетели не вправе делать какие-либо выводы (ни эмпирические, ни, тем более, правовые) на основе своих показаний.

В судебном заседании сведущий свидетель должен отвечать на вопросы суда, но только о тех фактических обстоятельствах, которые он наблюдал или видел. Однако если суд задает вопросы по его заключению и при этом ожидает

от сведущего свидетеля выводов, требующих специальных знаний и опыта в определенной области специальных знаний, сведущему свидетелю следует указать, что он не вправе сделать выводы в ходе своих показаний, после чего суд должен решить вопрос о необходимости изменения процессуального статуса сведущего свидетеля на процессуальный статус эксперта, что сопровождается внесением соответствующей записи в протокол судебного заседания. Следует отметить, что такое «перевоплощение» возможно либо по инициативе суда (с согласия сторон), либо непосредственно ввиду характера показаний сведущего свидетеля. Примером оценочных суждений (выводов) лица, вызванного по ходатайству стороны, в качестве сведущего свидетеля, влекущих соответствующую смену процессуального статуса, может быть предварительный прогноз полного заживления повреждений органов и тканей, возникших в результате аварии, а также степени функционального (физического) нарушения, ограничения жизнедеятельности лица после завершения лечения [8], оценка возможных причин и последствий заболевания [9].

Таким образом, фактическая процессуальная форма участия сведущего лица в германском цивилистическом процессе определяется не только определением о вызове в суд, но и предметом допроса: а) личное, основанное на имеющихся у лица специальных знаниях, восприятие фактических обстоятельств по делу (сведущий свидетель); б) оценочные суждения, выводы, полученные на основе личного восприятия фактических обстоятельств и имеющихся у лица специальных знаний (эксперт).

Сведущий свидетель имеет те же права и обязанности, что и обычный свидетель.

Параграф 378 ZPO устанавливает право свидетеля использовать записи и документы, облегчающие дачу показаний в судебном заседании, если это ему разрешено и необременительно.

В случае вызова лица в суд в качестве сведущего свидетеля, явка в суд в усыновлённое время является для него обязательной. Отказ от явки в суд без уважительной причины, а также отказ от дачи показаний без указания причины или по причине, признанной юридически незначимой, влечет применение мер ответственности в виде штрафа или административного ареста (если взыскание штрафа невозможно). Также с неявившегося в суд сведущего свидетеля могут быть взысканы расходы, связанные с его вызовом (например, стоимость проезда в суд другой стороны, гонорар адвоката). При этом соответствующее ходатайство стороны не требуется. В случае повторного отказ свидетеля от дачи показаний п.(2) 1 § 390 ZPO предусмотрено его заключение под стражу и

принудительном привод в суд для дачи показаний не позднее времени окончания судебного разбирательства по делу.

Помимо процессуальной ответственности, в отношении сведущего свидетеля предусмотрена и уголовная ответственность за дачу заведомо ложных показаний.

Согласно абз.1 §395 ZPO перед допросом суд предупреждает свидетеля об обязанности говорить правду, и указывает, что в случаях, предусмотренных законом, он может быть приведен к присяге. Приведение к присяге в соответствии с § 391 ZP возможно по усмотрению суда (ввиду значимости показаний, либо в целях обеспечения правдивых показаний) с согласия сторон. Не предусмотрено законом (§ 393 ZPO) приведение к присяге лиц, не достигших на момент допроса 16 лет либо не имеющих надлежащего представления о сущности и значении присяги ввиду недостаточной умственной зрелости либо слабоумия.

Преступные деяния, предусмотренные §§153,154,161 Уголовного Уложения Германии, определены в зависимости от факта принятия свидетелем присяги. Так, согласно §161 Уголовного уложения Германии за дачу ложных показаний без присяги ввиду неосторожности предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до одного года либо штрафа. Однако уголовная ответственность не наступает, если исполнитель своевременно исправляет ложное показание.

При наличии умысла за дачу ложных показаний без присяги § 153 Уголовного Уложения Германии предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от трёх месяцев до пяти лет, а за дачу ложных показаний под присягой (лжеприсягу) согласно § 154 Уголовного Уложения Германии — лишение свободы на срок не менее года. В случае если свидетель виновен во лжеприсяге или даче ложных показаний без принесения присяги, то суд может по своему усмотрению смягчить наказание (абз. 2 § 49 Уголовного Уложения Германии), а в случае дачи ложных показаний без принесения присяги — также полностью воздержаться от назначения наказания, если лицо давало ложные показания для того, чтобы отвести от родственника или от себя самого опасность подвергнуться наказанию или принудительной мере исправления и безопасности, сопряжённой с изоляцией от общества. Кроме того, в соответствии с § 158 Уголовного Уложения Германии возможно добровольное «исправление» ложных показаний. Так, суд может по своему усмотрению смягчить наказание (абз. 2 § 49 Уголовного Уложения Германии) или воздержаться от назначения наказания за лжеприсягу или дачу ложных показаний без принесения присяги, если свидетель своевременно (до

вынесения судебного решения по делу) в судебном заседании заявляет о ложных показаниях и дает правдивые.

Вознаграждение сведущего свидетеля зависит в первую очередь от объема и сложности составленного заключения. Примечательно, что вызов в суд в качестве сведущего свидетеля среди представителей экспертного сообщества воспринимается как «необходимое зло» [12] в силу действия соответствующих норм §§3ff Закона о вознаграждении свидетелей, экспертов, устных и письменных переводчиков, присяжных и судебных заседателей (далее - Закона) [5],

Возмещение расходов за потраченное время зависит от формы участия сведущего лица в процессе, а значит, не только разными функциями, но и различным уровнем ответственности.. Вознаграждение эксперта определяется, исходя из общих тарифов, и в зависимости от специализации составляет от 65 до 155 евро, также эксперту компенсируются дополнительные расходы (материальные затраты, транспортные расходы) и т. д.

Это разительно отличается от выплат сведущему свидетелю, которому может быть назначено вознаграждение в размере, определяемом в зависимости от сложности представленных показаний, и компенсация за потерю времени, положенная сведущему свидетелю в соответствии с §§ 5, 6 Закона, что составляет около 4 евро/час. На основании §20 Закона сведущему свидетелю могут быть возмещены фактические расходы на проезд в суд (в пределах суммы соответствующих расходов за проезд железнодорожным транспортом в вагоне первого класса, включая расходы на бронирование мест и перевозку необходимого багажа), а в случае использования собственного транспорта — эксплуатационные расходы за топливо, ремонт и техническое обслуживание автомобиля, определяемые исходя из 0,35 евро за 1км пути, а также затраты за паркинг. Также сведущему свидетелю может быть компенсирована упущенная выгода или потеря заработка. Однако размер такой компенсации незначителен, так как требование о выплате компенсации свидетелю не тождественно требованию о возмещении ущерба и, следовательно, не является полным эквивалентом упущенной выгоды или потери заработка, поскольку обязанность свидетеля явиться в суд является его гражданским долгом [6]. Суточные (командировочные) расходы сведущему свидетелю выплачиваются в соответствии с налоговым законодательством Германии.

Между тем, если лицо, привлеченное в качестве сведущего свидетеля, фактически участвовало в процессе в качестве эксперта (даже если фактически не было изменения процессуального статуса), то ему выплачивается компенсация как эксперту, а не как свидетелю. В частности, Высший земельный

суд Кобленца в своем решении постановил, что если сведущему свидетелю было поручено дать суду оценочные суждения, то его участие в процессе представляет собой типичную экспертную деятельность, а значит, расчет компенсации такому лицу следует определять по правилам, предусмотренным для эксперта [10]. Однако, как демонстрирует судебная практика, возможен и «промежуточный» вариант, когда суд в показаниях сведущего свидетеля определяет некое соотношение между показаниями в качестве сведущего свидетеля и экспертными показаниями. Так, тот же Высший земельный суд Кобленца указал, что при необходимости дополнительно к вознаграждению сведущего свидетеля лицу должно быть установлено отдельное вознаграждение как эксперту, если время допроса в качестве свидетеля может быть отделено от времени допроса в качестве эксперта. Если это невозможно, то за все время допроса лица должно устанавливаться вознаграждение как эксперту [11].

Ввиду неоднородности судебной практики и более жесткого подхода законодателя к определению размера вознаграждения сведущего свидетеля, а равно и сумм компенсационных выплат, как сообщает Германская Федеральная Ассоциация экспертов и оценщиков [12], наиболее предпочтительным для сведущего свидетеля при заключении договора со стороной по делу, является включение в такой договор отдельного условия, предусматривающего вознаграждение и возмещение соответствующих расходов, которые не покрываются компенсационными выплатами, определяемыми судом, до уровня, соразмерного вознаграждению и возмещению расходов, предусмотренным для эксперта.

Список использованных источников:

1. Гришина Е.П. Сведущие лица в российском уголовном судопроизводстве: теоретические проблемы доказывания и правоприменительная практика. М. : Изд-во Юридического института МИИТа, 2012. - 280с/
2. Орлов Ю.К. Лица, обладающие специальными познаниями, как субъекты уголовного процесса// Советская юстиция, 1988.- №8. - С.14-15.
3. Орлов Ю.К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве. - М.: Проспект, 2020. - С.216с.
4. Сахнова Т.В. Судебная экспертиза. - М.: Городец, 1999. – 368с.
5. Gesetz über die Vergütung von Sachverständigen, Dolmetscherinnen, Dolmetschern, Übersetzerinnen und Übersetzern sowie die Entschädigung von

ehrenamtlichen Richterinnen, ehrenamtlichen Richtern, Zeuginnen, Zeugen und Dritten (Justizvergütungs und entschädigungsgesetz - JVEG)// BGBl. I S. 718, 776.

6. Meyer P. Höver A., Bach W. JVEG-Kommentar. Die Vergütung und Entschädigung von Sachverständigen, Zeugen, Dritten und von ehrenamtlichen Richtern. 28. Auflage. Carl-Heymanns-Verlag, 2021.

7. Zöller R., Geimer R., R. Greger Zivilprozessordnung Mit Gerichtsverfassungsgesetz und den Einführungsgesetzen, mit Internationalem Zivilprozessrecht, EG-Verordnungen, Kostenanmerkungen 26. Auflage Schmidt, Otto, 2006.

8. BGH, 28.11.2007 - VIII ZR 145/07.

9. OVG Niedersachsen. Urteil vom 23.12.2011 - 5 OB 411/11.

10. OLG Koblenz, Beschluss vom 12.11.2004, Az. 14 W 735/04.

11. OLG Koblenz, Beschluss vom 01.08.2014 - 13 UF 175/14.

12. Erstattungsfähige Kosten bei Erscheinen vor Gericht// [Электронный ресурс]: <https://www.bundesverband-gutachter.de/blog/erstattungsfaeihige-kosten-bei-erscheinen-vor-gericht> (дата обращения 01.09.2022).

УДК 340.153

ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ РЕФОРМИРОВАНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В НАЧАЛЕ XVI В.

© **Е. В. Кожар**

Белорусский национальный технический университет

В нач. XVI в. Великое Княжество Литовское находилось в очень трудном положении. Многочисленные войны с соседними государствами и выплата ордынщины крымскому хану опустошали государственную казну. Так, в 1513 году Великое Княжество Литовское и Польша подписали соглашение с перекопским ханом о выплата 6000 коп грошей ордынщины. Не смотря на выплату дани хану, прекратившуюся лишь в конце XVI в., татарские набеги на приграничные земли княжества продолжались [1, с. 5]. Для защиты границ Сигизмунд I содержал армию из наемников численностью 5 000 человек, которые за год обходились казне в 1,5-3 млн. рублей. [2, с. 77]. Поэтому великому князю требовались новые источники для пополнения казны. Одним из источников таких доходов могло послужить реформирование крестьянского землепользования на государственных землях для повышения их доходности.

Поэтому внешнеполитическая ситуация, сложившаяся вокруг Великого Княжества Литовского в это время, значительно повлияла на аграрную политику государства в целом.

Аграрная политика правительства до начала XVI в. по отношению к крестьянам была не последовательна. С одной стороны великий князь желал повышения доходности от своих волостей и дворов, с другой стороны, даруя земли и крестьян феодалам, он терял доходы от этих земель.

В это время было очень распространено пожалование князем земель с крестьянами феодалам за военную или иную службу, а также дарение земель церкви. Кроме того, Сигизмунд I был вынужден отдавать свои дворы и волости в заставу (залог) или в пожизненное владение воеводам, старостам и другим должностным лицам, чтобы получить деньги для пополнения казны. Получив во владение великокняжеский двор, державцы, из-за отсутствия регламентации прав и обязанностей как их самих, так и крестьян, злоупотребляли своими полномочиями, увеличивая поборы и эксплуатацию крестьян, что вело ко многочисленным жалобам крестьян великому князю на нарушение старины, т.е. норм обычного права.

Великокняжеское правительство понимало, что разрешение многочисленных жалоб не изменит ситуацию коренным образом, так как часто владельцы государственных имений игнорировали указы великого князя с требованиями придерживаться старины и не вводить новых повинностей и поборов, что вынуждало князя издавать новый акт. Поэтому явно назрела необходимость законодательного урегулирования управления великокняжескими дворами и волостями.

Первой попыткой ввести определенные правила и нормы в управлении государственным хозяйством была Устава 1514 года. Эта устава была издана для всех дворов Виленского и Троцкого уездов, она закрепляла определенные правила управления государственными имениями и была направлена на ограничение произвола державцев и старост.

В начале в Уставе 1514 года утверждается, что те урядники, которые «сѣли на отчизнѣ нашей... никоторыхъ доходовъ а ни пожитковъ съ тыхъ дворовъ нашихъ и до того часу не даютъ, и оборочаете кождый ку своему пожитку, а не къ нашему господарскому» [3, с. XIX]. Конечно же князя не устраивало, что он не получает доходов от своих имений, поэтому он и издал данную уставу.

В первую очередь, Устава 1514 года закрепляет требование поднимать великого князя стациями при его посещении определенного двора. Если же князь не приезжает ко двору, стация должна передаваться в Вильню, а в случае военных действий урядник должен везти ее к тому месту, где находится великий

князь. Стация являлась стародавним налогом на содержание великого князя Великого Княжества Литовского, послов и гонцов, а также других лиц из великокняжеской администрации во время их пребывания в волостях и уездах при выполнении судебно-административных и иных функций. Чаще все станция состояла из таких продуктов питания как свинина, говядина, баранина, птицы, овес, пиво, мед и др. Это положение уставы не было новым, а лишь закрепляло старинный обычай давать князю станции «какъ было за отца и брата нашего... и передъ тымъ здавна за предковъ нашихъ» [3, с. XIX].

Далее устава закрепляет за определенными группами крестьян их повинности и определяет условия для перевода их на другие формы феодальной ренты. Но устава не перечисляет все категории крестьян, а упоминает только тяглых, соляников, кузнецов и бобровников. Так же устава затрагивает вопрос о челяди невольной и об обеспечении ее месячиной. О других категориях крестьян устава вообще не вспоминает.

Одним из нововведений было то, что для организации великокняжеского хозяйства князь давал поручение уряднику сделать княжескую запашку и оставить на тяглой службе необходимое количество крестьян. Всех остальных необходимо было «на пенязъх осадити», то есть перевести на выплату чинша. Крестьяне переведенные на чинш должны были выплачивать по 1 копе грошей в год с человека. Кроме того, эти крестьяне должны были давать дьякло городничему, ходить на толоку и платить в казну «иншіи всякіи доходы». О каких доходах идет речь из текста устава не понятно. Так как крестьяне выполняли повинности и выплачивали налоги в соответствии со стариной, которая была различна в разных дворах и волостях, то закрепить все виды доходов в уставе не представлялось возможным.

Далее великий князь распоряжался, как должны быть распределены все доходы с государевого хозяйства. Из всего, что выросло на дворовой пашне и землях пустовских, десятая часть должна быть отдана церкви, потом должна быть выделена месячина на год для челяди невольной, а остальной урожай разделен на три части. Одна из них предназначалась державце, а две другие должны быть «ставены въ гумнахъ нашихъ» для великого князя, и без разрешения и указания князя никто не имел права распоряжаться ими. Этим указанием князь пытался ограничить злоупотребления державцев при распоряжении имуществом князя. Для контроля за деятельностью державцев, великий князь устанавливал, что ко двору будет приезжать писарь для переписи всего, что принадлежит князю, а тивун должен все честно сообщать писарю.

Вводя новые правила организации хозяйствования, на великокняжеских наместников возлагалась обязанность контролировать их исполнение под

угрозой ответственности, вплоть до отобрания у них из управления великокняжеского двора.

Намесники, согласно уставе, получали доходы, «которые здавна хоживали на врьдниковъ» [3, с. XX]. Также к наместническим доходам, кроме части урожая, устава относилась часть улова из озер и судебные пошлины (повинностное и прометное). Другие новые налоги устава запрещала вводить. Штрафы (вины малые и большие) переходили в доход князя. Также князь получал все, что не записано в уставе, но давалось ему по старинному обычаю.

Статья, посвященная челяди невольной, точно не определяет ее правовое положение или повинностные обязанности, а лишь указывает, что лен, собранный из волости, должен быть предан челяди невольной, чтобы та изготавливала скатерти и полотна для великокняжеского двора.

Среди различных групп крестьян, кроме тяглых, устава упоминала только соляников, кузнецов и бобровников. Также, как и с тяглыми крестьянами, нужно было определить необходимое количество лиц, которые бы выполняли свои службы в натуре, а остальных перевести на денежные выплаты. Чинш, который выплачивался этими крестьянами, должен был поступать в великокняжескую казну. Не смотря на то, что устава затрагивала только соляников, кузнецов и бобровников, можно сделать вывод, что такие же положения распространились и на крестьян, которые несли другие службы.

Эта устава была очень краткой, бессистемной, она не содержала многих положений необходимых для эффективного управления великокняжеским хозяйством, поэтому разумеется ее издание не могло привести к тем целям, которые ставило перед собой правительство.

Но, не смотря на эти недостатки, принятие Уставы 1514 года имело большое значение для регулирования хозяйственных отношений в великокняжеских имениях. Во-первых, устава письменно закрепляла нормы обычного права, что делало крестьян более защищенными от произвола местной администрации. Во-вторых, определение доходов и их распределение ограничивало злоупотребления управителей и других наместников князя. В-третьих, вводился контроль центральной администрации, что также заставляло наместников выполнять свои обязанности и не нарушать прав крестьян. В четвертых, вводилась личная ответственность наместников за неисполнение или нарушение уставы. И главное устава вводила новые положения организации сельского хозяйства для повышения доходности и оптимизации использования рабочей силы.

Как считает В. И. Пичета, эта устава не была «случайным хозяйственным экспериментом», а это был определенный план правительства по

реформированию сельского хозяйства, так как уже через два дня положения закрепленные в Уставе 1514 года получили свое продолжение в результате издания грамоты Гродненскому старосте пану Юрию Радзивиллу, которому передавался в держание замок Городень с хозяйскими дворами [4, с. 88]. Положения этой грамоты в значительной степени повторяли положения уставы, за исключением некоторых, которые были вызваны особенностями гродненского староства.

Как показывает анализ архивных данных, Устава 1514 года не привела к тому, что решила вопросы повинностного и налогового обложения крестьян и не сняла противоречия между крестьянами и местной администрацией. Многочисленные жалобы на нарушение старины и введение новых налогов [5, № 92,109,120,121], свидетельствуют о недостаточной регламентации этих вопросов в актах изданных Сигизмундом I.

Кроме разногласий по уплате налогов, желание увеличить доходность имений за счет увеличения рабочей силы, приводило к тому, что на тяглую службу переводились крестьяне, которые ее никогда не несли. Это также выступало поводом к подаче жалобы великому князю на нарушения со стороны державцев.

Расплывчатость формулировок и отсутствие конкретизации в определении видов и размеров налогов в тексте уставы, также приводили к возможности для державцев игнорировать требования уставы и вводить вопреки ей новые поборы. Это все так же вело к тому, что крестьяне обращались с жалобами к великому князю. Значительное число обращений от крестьян подталкивало правительство к необходимости дальнейшего, более совершенного реформирования управления государственными дворами и волостями.

Новый шаг к более детальной регламентации управления сельским хозяйством был сделан принятием Уставной грамоты «Державцам и урядникам королевских волостей, приписанных к Виленскому и Троцкому замкам». Эта устава состояла из 37 статей, что в два раза больше, чем в Уставе 1514 года. По содержанию Устава 1529 года была сродни предыдущей, но в ней сразу видна более детальная разработка затронутых вопросов.

Устава 1529 года также как и предыдущая, основывалась на старине, еще в значительной мере не меняя форм крестьянского землевладения и землепользования, однако вводила новые меры по повышению доходности от великокняжеских дворов. Для этой цели все податки, которые выплачивались крестьянами переводились в денежный эквивалент, за исключением тех, которые собирались натурой.

Устава более детально касалась налогов, упоминая не только стацію, но и дякло, мезливо, а также речные пошлины, капщизну, подводды, дани медовые, бобровые и куничные. Также в отличие от предыдущей, Устава 1529 года регулировала отправление повинностей не только тяглым населением, но и иными разрядами крестьян. Так, бояре и осочники, которые несли военную службу, а также рыболовы, бортники, ковали и иные подданные, которые не несли тяглой службы, должны были платить по 1 копе грошей в год, косить сено и 12 дней в году выходить на толоку [6, с. 196]. Данное положение вносило ясность в правовое положение всех групп крестьян, что не позволяло державцам злоупотреблять своими правами и сокращало количество разногласий.

Как и в предыдущей уставе, Устава 1529 года предусматривала требование определить количество тяглых людей, необходимое для обработки княжеской земли и выполнения подводной повинности. Всех лишних тяглых крестьян необходимо было перевести на осаду. Осада была установлена в размере бочки пшеницы или одного вепра в год. В случае отсутствия князя державцы должны были продать собранное осадное и передать деньги в казну. Регулирование правового положения тяглого населения Уставом 1529 года дополнялось ответственностью за отказ от выполнения работ. За один день пропущенных работ крестьянин должен был отдать барана, а если будет пропускать их далее, он должен быть наказан плетью [6, с. 197].

Из текста Уставы 1529 года ясно видна ее направленность на увеличение доходности великокняжеских дворов. Так, все налоги должны были по мере возможности переводиться на деньги, которые без промедления направлялись в казну. Державцам рекомендовалось оставлять зерно “въ отсыпь”, то есть для дачи в займы его крестьянам весной, при условии возврата денег за него осенью. Учитывая разницу в цене за зерно весной и осенью, тут очевидно желание князя получить выгоду на разнице цен. Для увеличения княжеских доходов пустующие земли могли передаваться в аренду за деньги или за дань медовую.

Больше положений в уставе касалось челяди невольной. Так, в уставе указывалось не просто необходимость выплаты месячины, а ее размер дифференцировался в зависимости от того имеет ли челядь невольная приробки и бонды, то есть свои участки. Соответственно, челядь невольная начинает использоваться как рабочая сила, и ее положение начинает сближаться с положением крестьян огородников. Наличие своего обрабатываемого участка позволяет снизить для таких лиц размер месячины, то есть увеличить доход с господарского двора. Также устава закрепляла обязанность державцы держать

скот на княжеском дворе, чтобы челядь невольная могла дворными сохами увеличивать дворовую запашку.

Уставой 1529 года регулировались и вопросы лесного хозяйства. Так, все смолы, ванчос, зола, клепки должны были передаваться в доход великому князю.

Большое внимание уделялось в уставе обязанностям державцы. На него возлагалась ответственность за организацию хозяйства и поступление доходов в государственную казну. Соответственно и ответственность нес за все державца. Для надзора за деятельностью державца два раза в год проводилась перепись всех пожитков писарем.

Анализ положений Устава 1529 года позволяет сделать вывод, что данный акт преимущественно был направлен на точное определение повинностей и податков великокняжеских крестьян, не изменяя устоявшуюся систему крестьянского землепользования. Несмотря на то, что этот акт был несомненно прогрессивный, однако учитывая уровень развития товарно-денежных отношений к середине XVI в., устава не могла удовлетворять потребности великокняжеского правительства.

Таким образом, к началу XVI в. назрела острая необходимость в реформировании аграрного строя Великого Княжества Литовского. Правительством Сигизмунда I были разработаны первые законодательные акты, которыми регулировались вопросы организации сельскохозяйственной деятельности на великокняжеских землях. Если Устава 1514 года четко не закрепляла порядок отправления повинностей и размеры налогов всех групп сельского населения, а, в большинстве своем, только закрепляла старину, то Устава 1529 года в значительной мере уточняла и детализировала положения предыдущей устава. Устава 1529 года во многом сохраняла устоявшиеся формы крестьянского землепользования, но при этом она вводила и много новых положений. В первую очередь она была направлена на закрепление конкретных размеров и видов повинностей и податей, что способствовало повышению доходности с великокняжеских дворов. Устава детально регулировала обязанности державцев, вводя контроль за их деятельностью и ответственность за неисполнение положений устава. Однако быстрое развитие рынка и товарно-денежных отношений требовало более координальных мер по реформированию сельского хозяйства, что привело к проведению аграрной реформы 1557 года.

Список использованных источников:

1. З гісторыі эканамічных рэформаў на Беларусі: Вуч.-метад. Зб. Вып. 2/ Г. П. Бушчык, У. А. Сосна, А. М. Сасім і інш.; Пад агульн. рэд. В. І. Галубовіча. – Мінск: ВП “Экаперспектыва”, 1997. – 104 с.
2. История Литовской ССР: (С древнейших времен до наших дней) / [А. Тауавичюс, Ю. Юргинис, М. Ючас и др. – Вильнюс : Мокслас, 1978. – 676 с.
3. Любавский, М. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута: исторические очерки / М. Любавский. – М : Университетская типография, 1892. – 884, С с.
4. Пичета, В. И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве / В. И. Пичета. - Москва : Издательство Академии наук СССР, 1958. – 545 с.
5. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссією: В 40 т. – Т 20. – СПб.: Сенатская типография, 1903. – 1120 с.
6. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссією: В 40 т. – Т 30. – СПб.: Тип. К. Маттисена, 1914. – 538 с.

УДК 342.5

**ОРГАНЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЕТЕ
КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ 2020 ГОДА: КОЛЛИЗИИ И ПРОБЕЛЫ**

© **А.А. Кондрашев**

Сибирский федеральный университет

Понятие «публичной власти» одно из самых «новых» и недостаточно исследованных в нашей доктрине конституционного права. При все понимают, что власть, будь то государственная или какого-либо иного публично-правового образования, это всегда «публичная власть». Термин «публичный» возник в Древнем Риме, и им римские юристы обозначали то, что они считали одновременно и государственным, и общественным. Со временем отождествление публичной и государственной власти нашло отражение в нашей науке государственного права [3, с. 83-84].

Возможно, этим можно объяснить тот факт, что в Конституции РФ, принятой в декабре 1993 г., получило закрепление лишь понятие «государственная власть» и ничего не говорилось о «публичной власти».

При этом, стоит заметить, Конституционный Суд РФ в своих решениях неоднократно употреблял такие понятия как «уровни публичной власти» [5], «публичная власть может быть муниципальной» [6] и др.

Законом о поправке к Конституции Российской Федерации в 2020 г. в Конституцию РФ внесены понятия «публичная власть» и «единая система публичной власти». При этом организация публичной власти отнесена к ведению Российской Федерации (п. 1 ст. 71). На Президента РФ возложена обязанность обеспечения и взаимодействия органов, которые входят в единую систему публичной власти (ч. 2 ст. 80).

При этом следует отметить, что доктринально не была разработана концепция «публичной власти», а именно: какие виды власти формируют эту самую «публичную власть». Например, наш корифей, заведующий кафедрой конституционного права МГУ, д.ю.н, проф. С.А. Авакьян считает, что публичная власть имеет не три уровня (федеральная, региональная и муниципальная), как указывают авторы поправок в Конституцию Т. Хабриева и А. Клишас [10, с. 45], а 4, (добавляя туда еще общественную власть гражданского общества, имеющую различные формы) [7, с. 103].

Другие авторы рассматривают категорию публичной власти сквозь призму двух ее уровней - государственного и муниципального, и отмечают, что они действуют одновременно, дополняя друг друга, обеспечивая ее единство [4, с. 5].

В декабре 2021 года был принят новый Федеральный закон № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ» [8], который закрепил общие начала единства публичной власти, и ввел новеллы относительно организации и статуса конкретных органов публичной власти субъектов и органов местного самоуправления.

Представляется правильным в рамках моего краткого выступления обозначить основные тезисы, которые характеризуют как новые «возможности» органов публичной власти, так и потенциальные или реальные проблемы (вызовы), возникшие после принятия соответствующих норм закона.

1. В соответствии с принятым Законом о публичной власти в субъектах фактически органы местного самоуправления стали в значительной мере интегрированы в состав органов государственной власти, по крайней мере потеряв свою организационно-правовую и функциональную самостоятельность. (бюджетно-финансовой они не имели и раньше).

В то же время проблема толкования *содержания и форм организационного взаимодействия* различных уровней публичной власти остается открытой. Эта проблема усложняется еще и тем, что сам Закон о поправке, если следовать буквальному толкованию новых положений, делает акцент именно на включении *«органов»* в единую систему публичной власти. Так, согласно ч. 2 ст. 80 и ч. 3 ст. 132 Конституции РФ в редакции Закона о поправке, именно *органы* государственной власти и *органы* местного самоуправления входят в единую систему публичной власти. И хотя конституционный законодатель прямо не говорит о единой системе органов публичной власти и полном соподчинении органов местного самоуправления, опасность вмешательства в организационную самостоятельность местного самоуправления со стороны органов государственной власти субъектов федерации все же возникает. Показательно в этой связи включение в текст Конституции РФ достаточно спорного с конституционной точки зрения положения из ч. 4 ст. 34 Федерального закона о местном самоуправлении. Согласно этому положению, органы государственной власти имеют право участвовать в формировании органов местного самоуправления, в назначении на должность и освобождении от нее должностных лиц местного самоуправления *в порядке и случаях, которые установлены федеральным законом* (ч. 1.1 ст. 131 Конституции РФ).

Можно ли распространить такое «взаимодействие» в том числе на формы организационно характера по участию органов государственной власти в формировании и прекращении деятельности муниципальных органов и должностных лиц? Думается, что нет. Подобное «взаимодействие» вступает в противоречие с принципом-основой конституционного строя - организационной самостоятельностью местного самоуправления (ст. 12 Конституции РФ). Тем более что заявленная цель - обеспечить согласованное функционирование органов публичной власти всех уровней - может быть достигнута иными способами, без ограничения прав населения самостоятельно формировать органы местного самоуправления и прекращать их статус.

А если к этому добавить использование в новых законах функциональной взаимосвязи всех уровней публичной власти в качестве основания для организационного встраивания местного самоуправления в систему государственной власти путем придания главе муниципального образования, выполняющему функции главы местной администрации, статуса лица, замещающего одновременно и муниципальную должность, и государственную должность субъекта Федерации (ч. 18 ст. 19 Законопроекта о МСУ [1, с. 103]), возникает четкая картина включения органа местного самоуправления в систему

органов государственной власти. Эта картина дополняется признаками организационной подчиненности и иерархической зависимости глав муниципалитетов от глав субъектов РФ.

В соответствии с принятым Законом о публичной власти в субъектах губернаторы наделяются правом выносить главе муниципального образования, главе местной администрации предупреждение, объявлять выговор, а в случае, если это не возымеет действия, отрешать их от должности в административном порядке без судебного решения за *неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению осуществления органами местного самоуправления переданных государственных полномочий* (п. 12 и п. 13 ст. 25). Данные меры «дисциплинарной» ответственности глав муниципальных образований и глав местных администраций перед главой субъекта предлагается закрепить и в новом законе о МСУ (ч. 7 ст. 29, ч. 6 ст. 30 Законопроекта о МСУ). Таким образом, «участие» государственных органов субъекта РФ в формировании и освобождении от должности органов и должностных лиц местного самоуправления по сути трансформируется в принятие окончательного решения по этому вопросу, что вступает в прямое противоречие со ст. 12 Конституции России о невхождении органов местного самоуправления в систему органов государственной власти.

С одной стороны, мы получаем действительно более подконтрольные органам региональной власти прежде всего исполнительные органы местного самоуправления. Это факт! Но надо иметь ввиду, что когда вместо прямых выборов мы начинаем подбирать на место глав муниципальных образований или глав администраций лояльных чиновников, которые ориентируются при реализации своих полномочий не на интересы и потребности избирателей, а на конкретных руководителей или «кланы» или «группы», благодаря которым их и продвигают, то в результате качество публичного управления на территориях не будет возрастать, а только ухудшаться.

2. Новые принципы работы представительных органов субъектов.

Согласно нормам Федерального закона № 414-ФЗ все депутаты представительных органов субъектов РФ официально замещают государственные должности независимо от того, работают они на постоянной основе или без отрыва от основной деятельности. Допускаются возможности дистанционной работы региональных парламентов (в том числе дистанционного голосования за принимаемые законы). При этом утратило силу императивное требование о необходимости использования пропорциональной системы на выборах депутатов представительного органа субъекта (минимальной 25% численности парламентариев, избираемых по пропорциональной системе).

Прокуроры субъектов получили право законодательной инициативы в представительных органах субъекта.

В случае нарушения депутатом ограничений, запретов и неисполнения обязанностей, предусмотренных частями 1, 15 и 19 статьи 19 Закона, а равно предоставления им заведомо недостоверных или неполных сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера к депутату может быть применена одна из следующих мер ответственности:

1) предупреждение;

2) освобождение от занимаемой должности в законодательном органе субъекта Российской Федерации без прекращения депутатских полномочий с лишением права занимать должности в законодательном органе субъекта Российской Федерации с момента принятия решения о применении к депутату меры ответственности до прекращения срока его полномочий;

3) запрет занимать должности в законодательном органе субъекта Российской Федерации до прекращения срока его полномочий.

Как можно оценить эти новеллы? Депутаты ставятся под более жесткий контроль федеральной власти с точки зрения установления фактически особой дисциплинарной ответственности парламентариев, которая сильно расходится с принципами применения санкций к депутатам в демократических странах. Также федеральная власть получает право через прокуроров формировать и законодательную повестку в регионах. Ну и, пожалуй, самое интересное - это то, что скорее всего федеральная власть в скором времени начнет требовать отказа регионов от использования пропорциональной системы, что приведет к тотальному доминированию представительства в региональных законодательных органах одной партии – «Единой России».

3. Значительно модифицирован статус высшего должностного лица субъекта. Он фактически встроен в систему федеральных органов власти, утратив организационно-правовую самостоятельность в системе органов власти субъектов РФ.

Если в ст. 2 ФЗ-184 было закреплено, что конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации может быть установлена должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, то Законом ФЗ-414 высшее должностное лицо признается обязательным органом публичной власти. На него возлагается осуществление руководства исполнительной властью в субъекте Российской Федерации и определение структуры исполнительных органов субъекта Российской Федерации (ч. 1 ст. 20).

Высшее должностное лицо законом включается в систему исполнительных органов субъекта Российской Федерации наряду с высшим исполнительным

органом субъекта РФ и иными исполнительными органами субъекта РФ (ч. 1 ст. 31). При этом ч. 5 ст. 32 Закона N 414 устанавливает, что высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации вправе непосредственно возглавить высший исполнительный орган субъекта Российской Федерации или учредить должность председателя высшего исполнительного органа субъекта Российской Федерации, если это предусмотрено конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации.

Изменилось и наименование должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации. Теперь оно называется «Глава» или «Губернатор» с дальнейшим указанием наименования субъекта Российской Федерации (ч. 4 ст. 20 Закона № 414-ФЗ). Высший исполнительный орган субъекта РФ называется «Правительство» и дальше идет наименование субъекта.

В Законе не предусмотрено число сроков пребывания главы субъекта в занимаемой должности. Законодательные органы субъектов РФ будут самостоятельно определять, сколько раз глава может избираться на этот пост. Однако каждый его срок должен быть пятилетним.

В соответствии с принципом единства системы публичной власти высшее должностное лицо субъекта РФ одновременно замещает государственную должность Российской Федерации и государственную должность субъекта Российской Федерации (ч. 6 ст. 20), становится связующим звеном в вертикали власти.

Законом установлена ответственность за свою деятельность глав субъектов РФ. Президент РФ наделен правом объявлять им за упущения в работе предупреждения, выговоры и отрешать от должности в связи с утратой доверия главы государства. И если по ФЗ-184 Президент РФ был наделен правом прекращать полномочия главы субъекта в связи с утратой доверия только в случае выявления фактов коррупции или конфликта интересов, то теперь основанием для этого несколько расширены. К ним относятся: наличие у него вида на жительство на территории иностранного государства; нарушение им законодательства или «неоднократное грубое, без уважительных причин» неисполнение своих обязанностей. ФЗ-414 установлено, что в течение пяти лет после отрешения указанного лица от должности Президентом РФ такое лицо не может претендовать на эту должность ни в одном субъекте.

Таким образом, у нас в субъектах опять могут появиться несменяемые губернаторы, а с другой стороны, федеральная власть может легко убрать «слишком» независимого главу субъекта, что противоречит ключевым принципам федерализма.

4. Можно говорить о полной утрате одного из видов государственной власти субъектов федерации в РФ – судебной власти субъектов.

08.12.2020 принят Федеральный конституционный закон № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» [9], согласно нормам которого конституционные и уставные суды субъектов Российской Федерации должны упразднить до 1 января 2023 года.

Какова может быть оценка этого события? С одной стороны, налицо полная централизация правосудия на федеральном уровне (мировые суды всегда были по-сути теми же федеральными судьями по основам компетенции, финансированию и т.д.). С другой стороны, граждане, проживающие в регионах, лишились одного из реально функционирующих механизмов защиты их конституционных прав, а также можно говорить о ликвидации одной из основ современного федерализма в нашей стране. Так как наличие судебной системы у субъектов федерации является одним из признаков федеративного устройства страны.

Авторы концепции упразднения региональной юстиции это хорошо понимают, в связи с чем вместо конституционного (уставного) суда субъекта РФ предусмотрели создание конституционного совета при законодательном органе субъекта РФ, но он по своим статусу и природе никак не может решать предусмотренные выше вопросы конституционного правосудия, поэтому некому гарантировать конституционность принимаемых в субъектах РФ законов, иных нормативных правовых актов, что не будет способствовать эффективности деятельности органов публичной власти, законности и строительству правового государства, важнейшим принципом которого является разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, предусмотренное в ст. 10 Конституции РФ [1, с. 30].

5. Законодательную легализацию получили механизмы организационного подчинения органов исполнительной власти субъектов федеральным органам государственной власти.

В целях обеспечения единства системы публичной власти в Федеральном законе № 414-ФЗ закреплено, что федеральные органы исполнительной власти могут участвовать в формировании в субъектах РФ органов исполнительной власти в сферах образования, здравоохранения, финансов, а также жилищного и строительного надзора. Как видим, здесь определены наиболее важные сферы. К примеру, такое согласование предусмотрено законодательством для руководителей органов государственного жилищного надзора и для руководителей органов регионального государственного строительного надзора. С профильными федеральными ведомствами должны согласовываться

назначения кандидатов на должности руководителей соответствующих региональных министерств и структур или же их отставка. Фактически идет речь о формировании ведущих звеньев системы исполнительных органов власти субъектов со стороны руководителей федеральных органов власти, что девальвирует принцип организационной самостоятельности органов государственной власти субъектов, закрепленный в ч. 1 ст. 77 Конституции РФ.

Итоговый вывод. Если с точки зрения доктринальных основ конституционного права посмотреть на произведенную в 2020-2021 годах реформу органов публичной власти в России, то можно сказать о главной тенденции – значительной интеграции и организационного подчинения с точки зрения формирования и привлечения к ответственности органов государственной власти субъектов и органов МСУ – федеральным органам власти.

С одной стороны, это свидетельствует об отказе от важнейших элементов федерализма в рамках системы организации публичной власти в субъектах РФ, а с другой стороны, о «возвращении» к «советской» модели единства власти, хорошо знакомой «творцам» ФЗ № 414-ФЗ, пусть и с определенными элементами классического парламентаризма и разделения властей.

Насколько возвращение советского принципа «единства власти» способно сделать нынешнюю российскую модель организации публичной власти в субъектах и на уровне местного самоуправления эффективной и отвечающей интересам жителей соответствующих территорий покажет время, но основания сомневаться в способности этой модели отвечать требованиям важнейших конституционных основ – народовластию (ст. 3), разделению властей (ст. 10), и самостоятельности местного самоуправления (ст. 12) остаются.

Список использованных источников:

1. Алексеев И.А., Цалиев А.М. Об усилении эффективности деятельности органов публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 6. С. 25 - 30.

2. Законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»// Система обеспечения законодательной деятельности/<https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8uma.gov.ru>

3. Личность, общество и государство / М.П. Карева, А.В. Лужин, В.А. Патюлин, П.Г. Семенов [и др.]; отв. ред.: В.Ф. Коток, В.С. Тадевосян. М.: Наука, 1966. С. 126; Григорян Л.А. Социалистическая государственная власть и

представительная форма ее осуществления // Советское государство и право. 1969. № 3. С. 83 - 84.

4. Лебедев В.А. Народовластие и публичная власть // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 3-6.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 1 декабря 2015 г. N 30-П по делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы // Российская газета. 2021. 14 декабря.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 января 1998 г. по делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми от 31 октября 1994 года «Об органах исполнительной власти в Республике Коми» // СЗ РФ. 1998. № 4. Ст. 532.

7. Современные проблемы организации публичной власти: монография / С.А. Авакьян, А.М. Арбузкин, И.П. Кененова и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2014. 596 с.

8. Федеральный закон от 21.12.2021 N 414-ФЗ (ред. от 14.03.2022) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» //Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.

9. Федеральный конституционный закон от 08.12.2020 N 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 50 (часть I). Ст. 8029.

10. Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Единая система публичной власти // Т.Я. Хабриева, А.А. Клишас. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М.: Норма; ИНФРА-М, 2020. 240 с.

УДК 343.985

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В СФЕРЕ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

© Е.Е. Космодемьянская

*Сибирский юридический институт МВД России
Сибирский Федеральный Университет*

Неоспоримым является тот факт, что состояние лесной отрасли в Российской Федерации давно вызывает особую озабоченность. Как утверждают официальные источники, «причин множество, в том числе: децентрализация лесного управления, снижение финансирования мероприятий по лесоустройству, уменьшение численности работников в отрасли, криминогенные факторы, в т.ч. коррупция, масштабные лесные пожары.» [2] Так, в 2021 году с участием гособвинителей Восточно-Сибирской транспортной прокуратуры судами рассмотрено 31 дело в отношении 35 лиц по фактам нелегального экспорта леса и лесоматериалов. В первом квартале 2022 года Иркутской таможней по факту контрабанды леса и лесоматериалов возбуждено семь уголовных дел. В прошлом году на счету ведомства было 31 возбужденное уголовное дело этой категории. [4]

Очевидно, что незаконный оборот леса происходит на всех стадиях – при его заготовке, переработке и реализации. Напомним, что к преступлениям в сфере лесопользования, как правило, относятся преступления, предусмотренные ст. 191.1 УК РФ (приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины), ст. 204 УК РФ (коммерческий подкуп), ст. 260 УК РФ (незаконная рубка лесных насаждений); при этом не стоит забывать и о массиве сопутствующих экономических преступлений в лесопромышленном комплексе, в частности, таких как: уклонение от уплаты таможенных платежей (ст. 194 УК РФ), фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организации (ст. 172.1. УК РФ), незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица (ст. 173.1. УК РФ), незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица (ст. 173.2 УК РФ), уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации (ст.193 УК РФ), контрабанда леса как одного из видов стратегически важных ресурсов (ст. 226.1 УК РФ).

Как свидетельствуют источники, «в расследовании подобных дел фигурирует не только статья 226 Уголовного кодекса – Контрабанда стратегически важных ресурсов. Здесь вскрывается целый пласт сопутствующих преступлений. В случае с ОПС, помимо непосредственно контрабанды и организации преступного сообщества, подсудимым вменяются еще и незаконное образование юридических лиц; легализация – отмывание – денежных средств; незаконный оборот древесины.»[4]

По результатам анализа теоретических источников и материалов судебной практики можно выдвинуть гипотезу о наличии, как минимум, пяти базовых проблемных аспектов расследования преступлений экономической направленности в сфере лесопромышленного комплекса, а именно:

- групповой характер преступной деятельности, что осложняет процесс расследования и доказывания, ввиду наличия:
 - противодействия со стороны заинтересованных лиц;
 - проблемы учета древесины и, как следствие,
 - отсутствие постоянного мониторинга лесного хозяйства;
 - выявление факта незаконного оборота леса на поздних этапах расследования по иным составам, что, опять же, осложняет процесс расследования и доказывания по делу.

Рассмотрим обозначенные проблемные аспекты подробнее.

По словам заместителя Восточно-Сибирского транспортного прокурора Андрея Некрасова, «руководили ОПС - крупные предприниматели..., которые долго занимались лесным бизнесом. Они имели в своем подчинении достаточное количество юридических лиц, ведущих абсолютно прозрачную законную предпринимательскую деятельность. У одного из лидеров сообщества была крупная фирма, которая оказывала услуги по предоставлению железнодорожного подвижного состава. Как правило, это люди из предпринимательской деятельности, с потенциалом. Представители управленческого звена уличенных преступных групп, как правило, получили хорошее образование в сфере менеджмента, юриспруденции. Они неплохие организаторы, ведь в группировках сложная система управления. В общем, не какие-то воры в татуировках, а классическая «беловоротничковая» преступность». [4]

Примерная схема такой противоправной деятельности следующая.

«1. Предприниматели заключают внешнеэкономический контракт с инопартнером. В ряде случаев представители российской стороны

прикрываются фирмами-«однодневками» с целью создания т.н. «прокладок», которые усложняют установление реального экспортера.

2. Открывают паспорта сделок в коммерческих банках.

3. Приобретают незаконно заготовленную древесину.

4. Арендуют пункты приема-отгрузки древесины, в том числе ж/д тупики, водные затоны. Все это прикрывается законной деятельностью, масштабы которой обычно невелики по сравнению с незаконной.

5. Занимаются фальсификацией или приобретают документацию о происхождении незаконно заготовленной древесины – в общем, придают ей статус легальной для экспорта леса иностранному покупателю в рамках контракта. Открывают и ведут паспорта сделок в банках, предоставляют подложные документы в таможню. До этого момента направляют их в Россельхознадзор, Всероссийский центр карантина растений и налоговую.

6. Вывозят лес за рубеж по железной дороге, а в Забайкальском крае, например, чаще автомобильным транспортом (в отдельных случаях уклоняясь от уплаты необходимых таможенных пошлин).

7. После незаконного экспорта леса денежные средства не возвращают или легализуют на территории России» [3].

Понятно, что реализовать такие схемы в одиночку невозможно, поэтому в делах о контрабанде леса фигурируют, как правило, преступные группировки и сообщества. У каждого их участника определена своя роль. Лес, как правило, скупается у незаконных заготовителей по ценам ниже рыночных, чем создается недобросовестная конкуренция законно работающему бизнесу.

«В некоторых случаях у контрабандистов есть и свои бригады черных лесорубов, хотя зачастую у группировок есть своя вполне легальная доля, но по факту они вывозят больше леса, попросту воруют с соседних делан. «Организационные» отделы ОПГ и ОПС при подготовке документов не только подделывают их, но и покупают. Пример: без фитосанитарного сертификата таможня через границу товар не пропустит. Для того чтобы его получить, преступники иногда вовлекают должностных лиц. Например, в Забайкальском крае агроном ФГБУ «ВНИИКР» выдал соответствующую документацию предпринимателю за взятку не менее 120 тыс. рублей. На место нахождения отгружаемой продукции при этом не выезжал, образцы не отбирал, их лабораторные исследования не проводил. За это получил 4,5 года лишения свободы условно. За два года установлены и пресечены случаи совершения преступлений этой категории с участием представителей РЖД и Россельхознадзора. По всем фактам были возбуждены уголовные дела, к уголовной ответственности привлечено пять должностных лиц.»[3]

Как показывает изучение эмпирического материала, нередко в качестве сопутствующего контрабанде преступления выступает уклонение от уплаты таможенных платежей (ст. 194 УК РФ), поскольку, имея на руках сформированные – поддельные и купленные – документы, внешнеэкономический контракт, участник внешнеэкономической деятельности заполняет таможенную декларацию и вносит туда заведомо ложные сведения. Так, в качестве примера такого способа противоправной деятельности можно привести следующий: «Щукин С.М., реализуя свой преступный умысел, направленный на совершение уклонения от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации, в крупном размере, из корыстных побуждений, с целью уменьшения затрат по оплате таможенных платежей, в сентябре 2012 года, подготовил подложный договор с арендатором лесных участков, не имеющим долговых обязательств за арендную плату, а именно договор поставки №07/09 от 07.09.2012 между ЗАО ТД «Иркутсктехснаб» (Покупатель) в лице генерального директора Щукина С.М. и ОГАУ «Южное лесопожарное объединение» (Продавец) в лице руководителя Ильина И.М., на поставку древесного сырья в виде древесного хлыста обезличенного у пня ГОСТ 17462-77, 22298-76, 9463-88, 9462-88, и дополнительное соглашение № 1 к подложному договору поставки №07/09 от 07.09.2012, согласно которого объем поставляемой продукции составляет 3 767 м³, что предоставило ему, в соответствии с нормами Постановления Правительства РФ от 30.07.2012 № 779 (действовавшего на период совершения преступления), право на получение разовых лицензий Минпромторга России, дающих основания на применение ставки вывозной таможенной пошлины в размере 15% от таможенной стоимости товара...

После разрешения выпуска Канским таможенным постом Красноярской таможни товары по вышеуказанным декларациям, а именно лесоматериалы пиловочник хвойных пород сосна обыкновенная «PINUS SYLVESTRIS L.» в общем объеме 3 640,25 м³ (ТН ВЭД 4403203101, 4403203102) в период с 06.11.2012 по 27.01.2013 вывезены за пределы таможенной границы Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС в Китайскую Народную Республику.

В результате умышленных преступных действий Щукина С.М. в период с сентября 2012 года по 29.11.2012 общая сумма неуплаченных таможенных платежей, взимаемых с организации ЗАО ТД «Иркутсктехснаб» по вышеуказанным декларациям на товары составила 7 031 063 рублей 25 копеек, что является крупным размером» [1].

Для доказывания факта контрабанды и иных сопутствующих экономических преступлений необходимо сверять все несоответствия в

документах, анализировать базы данных таможенных органов и систему ЛесЕГАИС, поскольку, откуда поступил лес, в каком количестве, куда он ушел – все отражается в ЛесЕГАИС. А следующий этап, где правоохранительные органы выявляют правонарушения — первичная переработка древесины. По закону на лесопилку должен поступить уже внесенный в ЛесЕГАИС лес-кругляк, его объемы должны совпасть с объемами проданных древесных «полуфабрикатов». Также подлежит проверке порядок декларирования товарных партий в таможенных. Также нужно изучать вопросы возмещения налога на добавленную стоимость и возврата валютной выручки из-за рубежа, поскольку преступники пытаются еще из федерального бюджета незаконно вернуть НДС. Эту необходимость подтверждают и практические работники правоохранительных органов: «без анализа таможенных деклараций, информационных баз таможенных органов, где содержатся сведения по декларированию лесоматериалов и их вывозу за пределы страны, не представляется возможным понять, был ли действительно совершен факт контрабанды. Кроме того, для выявления и документирования данного вида преступления проводятся другие документальные проверки. Например, при наличии признаков состава преступления, предусмотренного статьей 174.1 УК РФ (отмывание денег, добытых преступным путем), когда доподлинно известно, что денежные средства поступили от инкопартнера, проводятся судебные бухгалтерские экспертизы, которые позволяют отследить весь путь движения денежных средств: от их поступления на счет до обналчичивания.»[3]

Что касается анализа такого проблемного аспекта, как противодействие расследованию, то практики приводят следующие примеры: «При мониторинге вырубки делянок видели разные чудеса. Допустим, по адресу делянка прямоугольная, а она какой-то звездочкой вырублена, больше влево, вправо, не той формы. Арендаторы участков в свое оправдание пытались нам сказать, что инструмент какой-то начали использовать, навигатор, поэтому лишнюю ленту деревьев вырубил. Абсурд объяснений доходил до того, что ручка у работника была толстая, на карте граница делянки вышла за пределы отведенного участка и его длина стала больше на 5 м», или «Одна из делянок вообще не была внесена в декларацию ЛесЕГАИС. Разрешительные документы были на рубку, но в ЛесЕГАИС ее не внесли. Понятно, когда вносят целый перечень делянок, одну можно случайно пропустить», - рассказал заместитель руководителя Березниковской межрайонной природоохранной прокуратуры Вячеслав Дейнес.»[3]

Еще одна проблема – некачественный учет древесины. Как утверждают сотрудники правоохранительных органов, «проблемы с учетом древесины,

существуют как у мелких лесопользователей, так и у крупных. А все преступления, связанные с лесной отраслью, так или иначе упираются в отсутствие постоянного, ежедневного мониторинга и учета лесного хозяйства. На данном этапе учет лесного хозяйства большей частью ведется патрулированием лесников, выявление незаконных рубок усиливается ежегодными аэрокосмическими съемками и последующими мероприятиями правоохранительных органов — прокуратуры, МВД, ФСБ. Так, по данным Рослесхоза, в 2019 году космический мониторинг выявил около 70% из всего объема незаконных рубок леса.» [3]

С ней связана и проблема позднего выявления субъектов совершения преступлений в сфере ЛПК. По словам зампрокурора одного из районов Пермского края Александра Дьякова, «аэрокосмический мониторинг прекрасно показывает места незаконных рубок, но эффективность его использования для выявления преступников, к сожалению, мала. Нам пришли снимки, мы выехали на место, а там оказалась, что это вырубка прошлого или позапрошлого года. Только в одном случае из нескольких была выявлена нелегальная рубка «по горячим следам», где удалось найти нарушителя» [3].

Данный пример подтверждает наличие проблемы как выявления лиц, причастных к незаконному обороту леса, так и сложности в доказывании виновности установленных подозреваемых, особенно в ситуации совершения данных преступлений в составе группы лиц.

Очевидно, что деятельность по декриминализации сферы лесопользования – это первоочередная задача, которую можно решить только совместными общими усилиями, и поэтому является одним из приоритетных направлений деятельности всех правоохранительных органов.

Стоит отметить, что Российское законодательство в сфере лесопользования было ужесточено в 2014 году, когда в Уголовном Кодексе РФ появилась ответственность за «Приобретение, хранение, перевозку, переработку в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины». Тогда же в России появилась и единая система учета товарной древесины в системе ЛесЕГАИС.

Со 2 января с.г. на экспорт отдельных видов лесоматериалов в России начали действовать повышенные, а по сути, заградительные ставки таможенных пошлин. В начале марта добавились новые ограничения: до 31 декабря 2022 года включительно запрещен вывоз некоторых видов лесоматериалов в государства, совершившие недружественные действия в отношении РФ.

Увеличение количества зарегистрированных преступлений указанной категории обусловлен выявлением преступлений по данным дистанционного

мониторинга, а также в ходе расследования многоэпизодных уголовных дел, в том числе совершенных в составе организованных групп.

Пресечение противоправной деятельности организованных преступных групп позволило в значительной мере сократить рынок сбыта незаконно добываемой древесины и, как следствие, количество незаконных рубок лесных насаждений. К уголовной ответственности, наряду с рядовыми рубщиками лесов, привлекаются также сотрудники лесничеств, должностные лица различных уровней.

В Пермском крае в 2019 году был запущен региональный проект «Умный лес», который призван решить комплекс таких задач, как: управленческий учет природных ресурсов, их структуры и качественного состава; мониторинг вырубки леса и перемещения древесины на всех этапах – от заготовки до переработки.

Кроме указанного, сейчас в России есть единичные реализованные проекты полностью оцифрованных участков леса, но они не связаны с коммерческим лесопользованием. Так, в 2019 году в Кузбасе был создан проект «Рудничный бор». Реликтовый участок лесополосы в центре Кемерово полностью оцифрован, каждому дереву присвоены геокоординаты.

Весной 2020 года Рослесхоз и Минприроды России заявили, что к 2023 году будет создана платформа «Цифровой лес». Она объединит в себе информационные системы управления лесами ЛесЕГАИС и ИС дистанционного мониторинга Рослесхоза. Пилотный проект «Цифровой лес», по планам федеральных ведомств, будет отрабатываться на территории шести лесничествах отдельных российских регионов: Хабаровского края, Приморского, Забайкальского, республиках Бурятия, Саха (Якутия) и в Амурской области. [3]

На фоне реализуемых мероприятий становится очевидным, что от сотрудников оперативных и следственных подразделений правоохранительных органов, которые работают над сложными делами о незаконном обороте леса, требуется высокий уровень профессионального мастерства, в том числе, и наличие знаний о методиках расследования преступлений экономической направленности в сфере лесопромышленного комплекса.

Список использованных источников:

1. Обвинительное заключение по обвинению Щукина С.М. в совершении преступлений, предусмотренных ч.1 ст. 194 УК РФ, ч. 1 ст. 226-1 УК РФ, п. «г» ч. 2 ст. 194 УК РФ, ч. 1 ст. 226-1 УК РФ // Архив Сибирского ЛУ МВД России, 2018г.

2. Противодействие преступным посягательствам в сфере лесопромышленного комплекса. – URL: <http://vestnik.itisinfo.ru/news/inspection/104> (дата обращения 06.09.2022).

3. Русский лес. Сага о коррупции, экономике и цифровизации каждого дерева в Прикамье. – URL: <https://properm.ru/news/society/187950/> (дата обращения 06.09.2022).

4. Удар по контрабанде леса. – URL: <https://www.ogirk.ru/2022/05/25/udar-po-kontrabande-lesa/> (дата обращения 06.09.2022).

УДК 343.9

ИНФОРМАЦИОННАЯ ОТКРЫТОСТЬ ОРГАНИЗАЦИЙ (ПОСТАВЩИКОВ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ) В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ КОРРУПЦИИ

© **В.В. Кострыкина**

Сибирский федеральный университет

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90028

В повседневной жизни человек ежедневно взаимодействует с различными по своей правовой природе и правовой форме организациями. Бытовые, транспортные, жилищно-коммунальные, туристские, правовые, банковские, научно-исследовательские услуги, а также услуги связи, торговли и другие, предоставляемые организациями, образуют сложную систему по созданию безопасных и комфортных условий для удовлетворения потребностей личности и общества. В свою очередь, деятельность организаций (поставщиков социальных услуг) обеспечивает удовлетворение социально значимых потребностей, имеющих значение для устойчивого развития общества и государства. Особую опасность для развития общества и государства в названной сфере деятельности организаций (поставщиков социальных услуг) представляет коррупция, негативные последствия которой препятствуют устойчивому развитию страны.

Одним из основных средств защиты организаций (поставщиков социальных услуг) от коррупционных рисков выступает их информационная открытость. Размещение в открытом доступе значимой для работников, контрагентов, партнеров, получателей социальных услуг организации (поставщика социальных услуг) информации позволяет минимизировать коррупционные проявления со

стороны заинтересованных лиц, а также обеспечить доступность информации, имеющей важное значение для реализации правоотношений. Как отмечается в научной литературе, «информационная открытость способствует осуществлению общественного контроля, а также повышению уровня доверия к деятельности организации» [3, с. 49].

Следует подчеркнуть, что легальной дефиниции информационной открытости организаций (поставщиков социальных услуг), как равно и в отношении иных организаций, в действующем законодательстве не содержится. Между тем в научной литературе можно встретить определение «информационной открытости» в отношении государственных органов и органов местного самоуправления. Например, по мнению О. А. Александровой, информационная открытость – это «правовой режим информации, содержащийся в информационных системах, предусматривающий обязанность государственных органов и органов местного самоуправления обеспечивать реализацию конституционного права каждого на информацию» [2, с. 7]. По мнению других исследователей, в общем виде информационную открытость можно охарактеризовать как «обеспеченную возможность получения достоверной информации заинтересованными субъектами (гражданами, их объединениями и пр.) о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления» [4, с. 231]. Представляется, что изложенные авторские выводы могут быть вполне применимы и в отношении организаций (поставщиков социальных услуг). Как отмечает Л. К. Терещенко «открытость информации о публичном управлении, имеющей общественное значение и не ограниченной в обороте специальным правовым режимом, приобрела презумптивный характер» [5, с. 264].

Информационная открытость организаций (поставщиков социальных услуг) регламентирована положениями действующего законодательства. Так, в соответствии с частью 1 статьи 13 Федерального закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» поставщики социальных услуг формируют общедоступные информационные ресурсы, содержащие информацию о деятельности этих поставщиков, и обеспечивают доступ к данным ресурсам посредством размещения их на информационных стендах в помещениях поставщиков социальных услуг, в средствах массовой информации, в сети Интернет, в том числе на официальном сайте организации социального обслуживания. В части 2 настоящей статьи также указывается перечень открытой и доступной информации, которая обеспечивается к размещению поставщиками социальных услуг.

Перечислим некоторые указанные в рассматриваемой части статьи виды информации, размещение которой в открытом доступе имеет значимый антикоррупционный потенциал:

- о форме социального обслуживания, видах социальных услуг, порядке и об условиях их предоставления, о тарифах на социальные услуги (п. 3 ч. 2 ст. 13);

- о численности получателей социальных услуг по формам социального обслуживания и видам социальных услуг за счет бюджетных ассигнований бюджетов субъектов Российской Федерации и в соответствии с договорами за счет средств физических лиц и (или) юридических лиц (п.4 ч. 2 ст.13);

- о материально-техническом обеспечении предоставления социальных услуг (наличие оборудованных помещений для предоставления социальных услуг, в том числе библиотек, объектов спорта, наличие средств обучения и воспитания, условия питания и обеспечение охраны здоровья получателей социальных услуг, доступ к информационным системам в сфере социального обслуживания и сети Интернет) (п. 6 ч. 2 ст. 13);

- о количестве свободных мест для приема получателей социальных услуг по формам социального обслуживания, финансируемых за счет бюджетных ассигнований бюджетов субъектов Российской Федерации, а также оплачиваемых в соответствии с договорами за счет средств физических лиц и (или) юридических лиц (п. 7. ч. 2 ст. 13);

- об объеме предоставляемых социальных услуг за счет бюджетных ассигнований бюджетов субъектов Российской Федерации и в соответствии с договорами за счет средств физических лиц и (или) юридических лиц (п. 8. ч. 2 ст. 13);

- о финансово-хозяйственной деятельности (п. 10 ч. 2 ст.13).

Указанные требования распространяются на все организации (поставщиков социальных услуг) вне зависимости от их организационно-правовой формы [1] и имеют ярко выраженный антикоррупционный характер. Учитывая, что большинство организаций (поставщиков социальных услуг) являются получателями бюджетных средств для реализации своих уставных целей, к их деятельности должны предъявляться особые требования в целях предупреждения коррупционных рисков.

Особый интерес представляет проведение самостоятельного исследования официальных сайтов организаций (поставщиков социальных услуг) на предмет размещения указанных выше видов информации. Проведенный анализ информационной открытости ряда организаций [6–15], осуществленный посредством рандомной выборки, позволил установить следующее. В целом организации (поставщики социальных услуг) обеспечивают информационную

открытость указанных выше положений. В большинстве организаций получение информации не имеет препятствий. Однако в некоторых организациях (поставщиках социальных услуг) соответствующая информация хоть и имеется, но расположена бессистемно, что затрудняет ее поиск, а значит и использование. В других организациях исследуемая информация размещена лишь частично.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что информационная открытость организаций (поставщиков социальных услуг) обеспечена удовлетворительно. Учитывая значимость антикоррупционной открытости организаций в предупреждении коррупции, высокий антикоррупционный эффект может быть достигнут посредством установления единых требований к размещению указанных выше видов информации со стороны организаций (поставщиков социальных услуг). В противном случае возможны риски умышленного сокрытия обязательной к размещению антикоррупционной информации организациями (поставщиками социальных услуг), что может привести не только к нарушению здорового механизма их государственной поддержки, но и к утрате благообеспечения граждан, нуждающихся в получении социальных услуг.

Список использованных источников:

1. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2. Александрова, О.А. Информационная открытость как составляющая противодействия коррупции: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Александрова Ольга Анатольевна. – М., 2008. – 23 с.

3. Дамм, И.А. Информационная открытость образовательной организации в предупреждении коррупции / И.А. Дамм // В сборнике: Право и информация: вопросы теории и практики. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Сер. «Электронное законодательство. Сборники Президентской библиотеки». Научный редактор Н.А. Шевелёва. – 2019. – С. 49-59.

4. Дамм И.А. Открытость публичной власти: вопросы понятийно-категориального аппарата / И.А. Дамм, Е.А. Акунченко, Н.В. Щедрин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Т. 10. – № 2. – С. 226-242..

5. Терещенко Л.К. Правовой режим информации: дис. ... д-ра юрид. наук / Терещенко Людмила Константиновна. – М., 2011. – 415 с.

6. Автономная некоммерческая организация «Центр предоставления социальных услуг «Моя семья» [Электронный ресурс] // Официальный сайт АНО «Центр предоставления социальных услуг «Моя семья». – Режим доступа: <https://моясемья34.рф/>.

7. Автономная некоммерческая организация «Центр развития благотворительных программ «Край милосердия»» [Электронный ресурс] // Официальный сайт АНО «Центр развития благотворительных программ «Край милосердия»». – Режим доступа: <https://soc23.ru/serviceproviders/detail/?id=0fe673da-1b49-4581-9651-a730f9676e27>.

8. Автономная некоммерческая организация социального обслуживания населения «Забота» [Электронный ресурс] // Официальный сайт АНО социального обслуживания населения «Забота». – Режим доступа: <https://uszn.volgograd.ru/postavshchiki-sotsialnykh-uslug/postavshchiki-sotsialnykh-uslug/zabota/>.

9. Автономная некоммерческая организация социального обслуживания населения «Содействие» [Электронный ресурс] // Официальный сайт АНО социального обслуживания населения «Содействие». – Режим доступа: <https://novosodeistvie34.ru/об-учреждении/>.

10. Государственное автономное учреждение социального обслуживания Краснодарского края «Краевой комплексный центр реабилитации инвалидов «Медуница» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ГАО социального обслуживания Краснодарского края «Краевой комплексный центр реабилитации инвалидов «Медуница». – Режим доступа: <https://medunica-kcri.ru/item/275098>.

11. Государственное казенное учреждение социального обслуживания «Клетский центр социального обслуживания населения» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ГКУ социального обслуживания «Клетский центр социального обслуживания населения». – Режим доступа: <http://kletsksocial.ru/тарифы/>.

12. Государственное бюджетное учреждение социального обслуживания Краснодарского края «Абинский комплексный центр социального обслуживания населения» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ГБУ социального обслуживания Краснодарского края «Абинский комплексный центр социального обслуживания населения». – Режим доступа: <https://abinsk-kcson.ru/>.

13. Государственное бюджетное учреждение социального обслуживания Московской области «Межмуниципальный комплексный центр социального обслуживания населения» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ГБУ социального обслуживания Московской области «Межмуниципальный комплексный центр социального обслуживания населения». – Режим доступа: <http://balcso.ru/o-поставщике>.

14. Государственное бюджетное учреждение социального обслуживания Московской области «Красногорский центр социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ГБУ социального обслуживания Московской области «Красногорский центр социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов». – Режим доступа: <https://krascso.mo.socinfo.ru/>.

15. Государственное казенное учреждение социального обслуживания «Бронницкий социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Алый парус» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ГКУ социального обслуживания «Бронницкий социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Алый парус». – Режим доступа: http://parusbron.ru/index/materialno_tekhnicheskoe_obespechenie/0-42.

УДК 34(09)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ХАРАКТЕРА ИМПЕРСКОЙ ВЛАСТИ

© Н.И. Красняков

Новосибирский национальный исследовательский университет

Исследуя проблематику политико-правовой сферы имперского государства, прежде всего, государственную власть, уделим непосредственное внимание различным аспектам закрепления ее субъективного и формально-определенного статуса в едином государственно-правовом пространстве. Подчеркнем наше убеждение: значимость отношений власти универсальна, поскольку «власть есть лишь государственная и в то же время общественная функция» [4, с. 426], в контексте сложности выделения имперской власти из разнообразия известных форм зависимостей и взаимодействия в обществе с полирегиональной территориальной организацией и разнопорядковыми

иерархиями в государстве, праве и социуме относительно отдельных территорий империи [6].

Развитие суждений относительно сути имперской формы организации социума выражено русским государствоведом Л.А. Тихомировым, исследовавшим ее классические образцы и признавшим, что императоры Рима «не присваивали себе власти верховной, независимой от народа». Фактически они лишь сосредотачивали в себе все высшие власти: 1) прежде всего, власть военную; 2) в качестве *princeps* сената – председательство по законодательной власти; 3) по власти исполнительной они сосредотачивали у себя много разных высших должностей. Однако, убежден ученый, римский император всегда при этом оставался и представителем народа, в качестве трибунов, и представителем сената, как его главный член (*princeps*), и потому «власть императорская по существу все-таки оставалась не верховной, а лишь делегированной от народа. Как при республике самодержавный народ поручал всю управительную власть аристократии, так он передавал теперь всю власть Кесарю» [7, с. 122].

В продолжение идеи, вывод напрашивается следующий: империя – это органичная ступень эволюции власти и государства на этом этапе развития государства и на лицо естественная смена видовых понятий, причем в империи может сохраняться народный характер государственной власти. Думается, есть смысл уточнить, что формирование империй в различные этапы истории происходило и другими путями ввиду действия в последующие исторические периоды иных факторов развития общественных интересов, наиболее содержательно обобщенных в понимании формационной (увеличивающаяся со временем доля производственно-экономических условий) и цивилизационной (качественный рост социокультурных потребностей) типизации историко-политического процесса. Но, выделяя правовую природу императорского господства, стоит признать неустойчивость его верховенства и легализации, в частности, оно было абсолютным в управлении и формировании административной системы. При отсутствии твердой идейной опоры для своей верховности, императоры материализовали-легализовали себя в развитии материальной силы: сосредотачивали при себе все отрасли управления, усиливали войско, полицию и бюрократию, что вообще-то является механическим средством обеспечения власти. Все это делало власть кесарей деспотической, и «сверх того отдавало самих кесарей во власть того же военно-бюрократического механизма, посредством которого они властвовали над нацией» [7, с. 125-126]. Следовательно, возможно в принципе, что империя будет и не деспотической в случае сохранения значительных элементов

самоуправления, например, в виде общественно-территориальных, корпоративных и сословных форм в горизонтальных властеотношениях или при устоявшейся традиции сословной парадигмы в организации социальной структуры общества, проецируемой на вновь приобретенные население-территории.

Следуя исторической контекстуализации, отметим понимание сущности «империи» в связи с конкретно-политическими дискурсами их легитимации, поскольку функционирование таких государств было связано с учетом множества факторов их происхождения и дальнейшей эволюции. Поскольку, во-первых, в общеизвестном смысле *imperium* обозначал исполнительную (распорядительную чиновников) власть римских магистратов, во-вторых, значимое число известных политических сообществ являлись империями с развитыми бюрократическими свойствами, то предлагаем подразумевать развитие имперских признаков в их идентификации с эволюцией бюрократии в реализации функций таких государств средствами государственного управления. Сюда же относим отражение административной системы имперского сообщества в конструкции и тенденциях становления и оформления формы-институтов государственного устройства. Учет также и пришедшее в новое время и распространившееся позднее понимание *imperium* в классическом труде Н. Макиавелли как связь с верховной властью в государстве. По совокупности обозначенного акцентируем внимание на взаимообусловленности последних двух идей, закрепляя таким образом бюрократическую природу империй.

Итак, понимание имперской государственности, по сути, невозможно без исследования процесса институционализации государственности, в частности, в системе государственного управления бюрократии. Синтезируя выше обозначенное, уже можно извлечь то умозаключение, что империя легализует себя как государство, статус государственности и форму политических (управленческих) отношений, реализуемые бюрократией в функциональном, межотраслевом управлении. империя в комплексе историко-политических обстоятельств, пока не в системе наука-практика, означала в основном политическую сферу жизнедеятельности общества, подразумевая контроль государством политического суверенитета в его отношениях с подчиненной периферией. Так мы подошли к осознанию постулата, что империя – сложносоставное государство, по своей природе господствующее в отношении более чем одного субъекта типа «власть-население-территория», что напрямую определяет компоненты-линии дальнейшего анализа элементов механизма легитимации государственной власти. И поскольку регулятивная практика

имперской бюрократии в западноевропейских государствах предопределила, что империя, скорее всего, не многонациональное государство, то аксиоматичным будет господство в ней неравноправных политических связей и различная степень подчинения в отношении народов.

Так к примеру, в российском политико-правовом пространстве государственное устройство периферии, выражалось в различных формах: от прямого ведомственного подчинения до основанного на свободных выборах национально-территориального самоуправления, причем принципиально в сочетании со сложившимися общеимперским (общим), особым (надведомственным, функциональным) и особым (в отношении различных регионов) компонентами системы государственного управления с присущей ей чертами автономности некоторых территориальных единиц. Потому следует считать недостаточными прежде названные характеристики империи, и внутри государственно-бюрократического механизма, кроме того выделить режимы-модели регионального управления с учетом сочетания-согласования категорий: централизация, автономизация (административная, территориальная, политическая), децентрализация и деконцентрация, региональная локализация и, возможно, даже деволуция [5, с. 115-127].

При анализе обозначенных процессов учтем, что определенное влияние на трансформацию политических связей и государственно-правовой системы любой империи оказывал фактор наличия или отсутствия государственного прошлого присоединяемых территорий и степень его совпадения с уровнем государственно-правового состояния центра, детерминированного устоявшимися государственно-автономистскими тенденциями в управлении крупными этносами, что особенно характерно для России, а также сложное геополитическое положение территориально-протяженных империй. Исходя из этого следует, что империя как сложносоставное политическое бытие создается и развивается как органический способ реакции на вызовы времени противоборствующих государств-лидеров, потому стремление к централизации имеет положительное значение для сосредоточения ресурсов в идеологии и управленческой практике регулирования общественных процессов, особенно в ее переходные. При абсолютистском правлении децентрализация в пределах полиэтничного, многоконфессионального, природно-климатически неоднородного, хозяйственно различного имперского пространства будет иметь следствием дестабилизацию межрегиональных управленческих связей и кризис политико-административной системы в целом.

Имперским контекстом регионализма в государственном управлении корреспондируется проблема влияния национально-этнического компонента в

государственной политической системе, потому есть смысл уточнения термина «нация» применительно к конкретно-историческому, временному соотношению его сути. Необходимо подчеркнуть, что нации и этносы не занимали господствующего места в конструировании имперского пространства во времени до начала XIX в. и не выступали основной формой организации социальных общностей той эпохи в реализации ими своих интересов. Традиционно востребованными и действенными оставались общественные институты господства сословной организации и бюрократии в силу своей развитости, покрывая своей фундаментальностью в социуме и являясь более общим видом стратификации населения. Можно заключить, что концепция нации была размыта в государственной, территориальной, религиозной и культурной идентичности.

Нация же, являясь продуктом социального происхождения, выступает результатом длительной идейно-просветительской борьбы экономически развитой этнической общности и потому может являться самостоятельным политическим субъектом империи. Соответственно она может быть демократической, преобразующей силой в постстабильный период в эволюции идеологии империи, в иных же условиях она не особенно востребована и себя проявляет включенной в иные социальные группы. Известно, по опыту Британской и Французской империй, что сосуществование демократической метрополии и колонизованной периферии возможно, однако для отдельных частей территориально протяженных империй подобный либерализм оказывается дестабилизирующим фактором. Подчеркнем, что идеал этнически монолитного государства возник только в XIX в., и при этом «принес много пагубного для истории человечества» [2, с. 11] вследствие развернувшихся войн и революций. Потому изучение полиэтничных империй может восстановить альтернативные принципы конструирования государства и выявить неадекватность национально-государственного (этнически зауженного) принципа его создания.

Дальнейшее исследование вопроса связано, главным образом, с систематизацией относительно субъектов, программы, направлений и тенденций господства в империи бюрократических структур, поскольку в общественно-политическом видении они выступают реальным элементом цивилизации присоединяемых «населений-территорий-властей». Подобный взгляд характерен для исследований государственно-правовых процессов в Российской империи, - известный специалист С.В. Кодан отмечает, что именно политико-территориальные и социально-демографические условия отразились на политическом курсе верховной государственной власти [3, с. 22].

Исходя из вышесказанного приходится признать, что в империях как полирегиональных сообществах, уже не традиционных обществах, с целью обеспечения преемственности функционирования государственности право на власть исходит не от доверия управляемых, а от обеспечивающего управление населением и территориями политико-правового института. Очевиден примат бюрократии и ее институционального выражения в центре и на местах, нормальных способах кооптации и ротации кадров государственной службы ввиду того, что империя формируется не только в столице, но и периферией. Дальнейшая жизнеспособность такого государства в системе зависимостей: империя-бюрократия-население (сословия), следовательно, будет неизменно зависеть от того, насколько целенаправленно и неуклонно имперская управленческая элита будет осознавать и сохранять границу между собой, подчиненным населением и местным управлением и самоуправлением из местных выборных лиц региональных элит в лице делегатур центральной власти.

При обозначенном подходе к организационно-правовому оформлению государства, в происхождении и функционировании социальных и государственных иерархий естественным путем будет проявляться наличие и субъективного, «личного» и нормативного начал. Можно предполагать, по мере взаимовлияния не только империи на периферию, но и периферии на имперский центр степень субъективного, ассиметрично регионального фактора будет возрастать и, возможно, станет ослабляться при увеличении доли связей субординации-согласования. Насколько развитыми будут бюрократические свойства имперского государственного устройства, настолько, соответственно, бюрократия будет корреспондировать к социуму в этом взаимовлиянии, и в таком направлении, естественно, станет повышаться уровень консолидации социума. То есть процесс эволюции-оформления империи тесно связан с противоречивыми факторами – с одной стороны, с надстроечной ролью бюрократии, с другой – необходимостью для нее становиться частью политической сферы общества, поскольку государство вообще выступает системой общих политических институтов, способных к монополизации легитимного насилия. В итоге заметим, что не достигшие средствами политической интеграции этно-социальной консолидации империи, а особенно из них наиболее этнонеоднородная – Российская, должны были сталкиваться с проблемами легитимации власти.

В ходе эволюции империи, отвечая на обозначенные вызовы, а также на формирование национальных государств в соседнем геополитическом пространстве, имперские бюрократические элиты вынуждены способствовать

переходу от империи «старого порядка» к более современной империи. Бюрократия реформирует полицентричную и дифференцированную политическую систему, в которой регионы сохраняли отличные от центра правовые, экономические и даже политические структуры, к более централизованному и бюрократизированному государству, в котором законы, экономические порядки и даже обычаи должны были подвергнуться нивелирующей местные особенности политике. Потому, в частности в России, восприятие государства как самостоятельного от земского общества феномена, то есть отличного как от фигуры государя, так и от частной сферы, появляется на рубеже XVII – XVIII вв. в ходе коренных преобразований традиционных политических практик Петром I. Как отмечает известный исследователь, тогда же появляется и интеллектуальная возможность осознать государство как политическое сообщество, а отношения между его членами – как отношения не только подданных, но и граждан, конструирующих отношения между собой [1, с. 59-99].

Итак, применительно к империи как типу цивилизации-государства качественными свойствами государственной власти будут выступать следующие: а) право и последующая правоприменительная практика позитивируют идею государственной власти империи, идентифицируя ее со статусом императора; б) ее источники обусловлены общими закономерностями развития цивилизации и государства в рамках модернизационного императива; в) имперский строй определяется разнопорядковостью государственных, правовых и социальных иерархий; г) империя имеет бюрократическую природу происхождения и развития, а условия ее эволюции сконцентрированы в рамках абсолютизма и самодержавия; д) имперской системе политико-государственных институтов присуща в развитии альтернативность и вариативность; ж) властно-правовые отношения в империи в историко-правовой плоскости исследуются применительно к эволюции ее социальной и территориальной подсистем. В ходе естественного и необходимого процесса формирования этнической и (или) политической нации как ступени эволюции сложносоставного государства возникают проблемы делегитимизации высшей и центральной государственной власти, так как сакральный характер власти монарха, дифференциация власти в системе регионального и местного управления, общность и легитимность имперской элиты, завоевательный характер ее распространения и авторитета, более развитый тип цивилизации центра, сохранение по мере возможности многоукладности полиэтничного населения как нормы-принципы империостроительства постепенно теряют свое значение.

Список использованных источников:

1. Каменский, А.Б. Подданство, лояльность, патриотизм в имперском дискурсе России XVIII в.: к постановке проблемы // *Ab Imperio*. 2006. № 4. С. 59-99.

2. Каппелер, А. «Россия – многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // *Ab Imperio*. 2000. № 1. С. 12-32.

3. Кодан, С.В. Система права Российской империи как отражение взаимодействия правовых систем метрополии и национальных регионов (1800-1850-е гг.) / Кросс-культурные взаимодействия в политико-правовой сфере: история, теория, современность. Доклады и сообщения: Материалы Уральских юридических чтений (научная конференция). Екатеринбург: УрГЮА, 2010. С. 19-25.

4. Котляревский, С.А. Правовое государство и внешняя политика. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1909. 428 с.

5. Красняков, Н.И. Государственное и местное управление Российской империей в начале XIX в.: поиски путей, определение направлений развития / Государственно-политическое развитие России: уроки и перспективы. Реформирование регионального избирательного законодательства: Сборник материалов Региональной научно-практической конференции. Тюмень, Изд-во ТюмГУ, 2007. С. 115-127.

6. Красняков, Н.И. Имперский фактор в государственном управлении России XVIII – начала XX вв. М.: Nota Bene, 2011. 373 с.

7. Тихомиров, Л.А. Монархическая государственность. М.: ГУП "Облиздат", ТОО "Алир" (издана впервые в 1905 г). 672 с.

УДК 347.44

ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВИЛА *ESTOPPEL* ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СПОРОВ ИЗ ДОГОВОРА СТРАХОВАНИЯ

© М.В. Кратенко

Санкт-Петербургский государственный университет

Введение

При заключении договора стороны стремятся к тому, чтобы их дальнейшие действия по осуществлению прав и исполнению обязанности были четко урегулированы и достигался желаемый экономический результат. Это относится и к договору страхования: страхователь обязуется уплачивать страховые взносы (премию) в определенные сроки и в определенных размерах, а взамен – рассчитывает на получение страховой защиты в отношении перечисленных в договоре рисков. Состояние правовой неопределенности – это то, чего в идеале не должно быть при корректно составленном договоре. Однако практика свидетельствует об обратном, и в качестве причин неопределенности можно указать самые различные обстоятельства: пробелы в законе; двусмысленность условий договора; непоследовательные действия контрагента (например, оспаривание действительности договора уже после начала его исполнения) или его бездействие (в частности, молчание) в ситуации, когда закон или договор предоставляют ему право выбора.

Подобные ситуации распространены в страховой практике. При наступлении страхового случая страховщик под различными предлогами старается избежать выплаты страхового возмещения: оспаривая действительность договора со ссылкой на противоправность интересов страхователя; заявляя об отказе от договора в связи с увеличением страхового риска или просрочкой внесения страховых взносов и т.д. В ответ на эту недобросовестную практику и в целях защиты прав страхователей, суды применяют различные защитные доктрины (*Estoppel*, *Waiver*, *Venire contra factum proprium*), о которых и пойдет речь в настоящей работе. На примерах из судебной практики будет продемонстрирован потенциал данных правовых конструкций, сфера их применения и предпосылки.

1. Принцип добросовестности и специальные защитные конструкции в гражданском праве России

1.1. Категория добросовестности в ГК РФ

Категория добросовестности является ключевым понятием в ГК РФ. Упоминание о ней встречается в десятках статей кодекса. В частности, уже в ст. 1 ГК РФ добросовестность отнесена к основным началам гражданского законодательства: при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Далее, в п. 1 ст. 10 ГК РФ установлен запрет заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав (злоупотребления правом), несоблюдение которого может повлечь отказ в защите права полностью или частично, взыскание убытков или применение иных санкций. Наконец, в п. 3 ст. 307 ГК РФ законодатель уже применительно к обязательствам воспроизводит общее правило о том, что при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства и пр. Неудивительно, что в учебной и научной литературе сложилось устойчивое представление о добросовестности как одном из принципов современного гражданского права [4, с. 162].

Несмотря на отсутствие легального определения добросовестности, многие авторы сходятся в том, что она подразумевает некий одобряемый обществом масштаб (стандарт) нормального поведения: нормальной заботливости о ведении дел, нормальной осведомленности о каких-либо обстоятельствах [5, с. 42]. Принцип добросовестности рассматривается как восполняющий (дополнительный) регулятор поведения, необходимый там, где формальное следование букве закона приводит к результатам, отличным от целей правового регулирования. Соответственно, данному принципу отводятся конкретизирующая, дополняющая, корректирующая функции.

1.2. Законодательные реформы 2015г. об ограничениях при оспаривании сделки / расторжении договора

После принятия в марте 2015г. двух федеральных законов о внесении изменений в часть первую ГК РФ и другие нормативные акты (Федеральные законы от 07.05.2013 № 100-ФЗ, от 08.03.2015 № 42-ФЗ), в Кодексе появились правовые конструкции, внешне сходные с известной англо-американскому праву конструкцией *Estoppel*.¹ В публикациях, последовавших за указанными

¹ Эстоппель – это процессуальный прием в правовых системах общего права, при помощи которого суд может ограничить (от англ. 'estop') лицо в утверждении и доказывании определенных обстоятельств по делу, либо в предъявлении определенного иска. Доктрина эстоппеля

законодательными изменениями, некоторые российские авторы предпочли использовать именно термин эстоппель [1, с. 82; 6, с. 75; 8, с. 96], несмотря на большую связь российской правовой системы с континентальным правом.

Соответствующие правовые конструкции были сформулированы в следующих статьях ГК РФ: п. 2 и п. 5 ст. 166¹, п. 2 ст. 431.1, п. 3 ст. 432 и п. 5 ст. 450.1.²

Однако это «нашествие эстоппелей» [2] в ГК РФ вызвало и серьезную критику в литературе, главным образом за отсутствие какого-либо методологического подхода и компрометацию других правовых институтов, в частности, недействительности сделок. Решение российского законодателя перечислить непосредственно в законе случаи недопустимости противоречивого поведения, в качестве неких формальных правил (аксиом), показалось многим поверхностным и поспешным.

Справедливо было отмечено, что само по себе непоследовательное поведение не всегда является недобросовестным; поэтому толкование и применение российских эстоппелей должно осуществляться в контексте принципа добросовестности – лишь в тех исключительных случаях, когда данное поведение идет вразрез с целями правового регулирования и наносит ущерб интересам другой стороны. В качестве аргументов К. Нам ссылается на доктрины *“Culpa in contrahendo”* и *“Rebus sic stantibus”*, которые также получили развитие в рамках принципа добросовестности и не могут применяться в отрыве от данного принципа [5, с. 39-40].

С еще более резкой критикой в адрес законодательного решения выступил Д.О. Тузов, который со ссылкой на работы известных римских юристов, глоссаторов и современных романистов обосновал, что правило *“Venire contra factum proprium nulli conceditur”*³, скрывающееся за российскими эстоппелями, есть не более чем юридическая максима (афоризм), которая может использоваться в качестве средства правовой

основана как на общем праве, так и на праве справедливости. <<https://en.wikipedia.org/wiki/Estoppel>>, доступ 15.09.2022.

¹ В частности, в соответствии с п. 2 и п. 5 ст. 166 ГК РФ лицо не вправе оспаривать сделку по основанию, о котором ему было известно или должно было быть известно при совершении сделки, а также заявлять о недействительности (ничтожности) сделки в случае его недобросовестного, в частности, если его поведения после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки.

² Интересно, что в пунктах 6 и 7 ст. 450.1 ГК РФ получил закрепление другой механизм – прямого или подразумеваемого отказа от осуществления права, близкий к понятию Waiver, распространенному в странах общего права. <<https://en.wikipedia.org/wiki/Waiver>>, доступ 15.09.2022.

³ Никому не дозволяется поступать вопреки совершенному им же самим (лат.).

аргументации, процессуального возражения против иска (*Exceptio doli generalis*), но не может существовать в качестве общего правила или принципа [7]. По мнению Д.О. Тузова, было бы заблуждением относить к недобросовестному *a priori* любое противоречивое поведение, и соответственно признавать действительными те сделки, которые изначально рассматривались как ничтожные. Судьи же, по словам Тузова Д.О., с энтузиазмом восприняли конструкцию п. 5 ст. 166 ГК РФ об исцелении ничтожных сделок, что привело к ряду необоснованных судебных решений, в которых была признана юридическая сила за ничтожными договорами, которые «прямо запрещены законом». С аналогичной критикой в адрес законодательных новелл выступили и другие ученые [9].

Несмотря на возникшие в литературе дискуссии по поводу исследуемых правовых конструкций, ограничивающих возможность недобросовестного оспаривания договора или его расторжения, сами они достаточно широко применяются судами при разрешении договорных споров. Чаще всего речь идет о делящихся договорных обязательствах (аренда, поставка, услуги и пр.), когда контрагент в течение длительного времени придерживается определенной линии поведения и лишь в ситуациях возникшего или предстоящего юридического спора меняет свою позицию, оценку фактических обстоятельств.¹

2. Защита интересов страхователя в случае непоследовательного (недобросовестного) поведения страховщика: подходы в судебной практике

2.1. Оспаривание действительности договора страхования

Типичной стратегией страховщика, желающего избежать выплаты страхового возмещения, является попытка признать договор страхования недействительным, полностью или в части. Основания для оспаривания договора могут быть следующие: сообщение страховщику заведомо ложных сведений об обстоятельствах страхового риска (п. 3 ст. 944 ГК РФ); недостоверность заявленной страховой стоимости имущества (ст. 948 ГК РФ); принятие на страхование противоправных интересов (п. 1 ст. 928 ГК РФ);

¹ См., например: постановление АС Уральского округа от 13.11.2019 № Ф09-6569/19 по делу №А60-74976/2018 (удовлетворен иск Общества к государственному учреждению о признании недействительным одностороннего отказа от договора со ссылкой на противоречивое поведение ответчика, который своим поведением сформировал у истца разумные ожидания того, что договор аренды сохраняет силу и подлежит исполнению). См. также: постановление 11-го Арбитражного апелляционного суда от 10.06.2022 № 11АП-7044/2022 по делу № А55-722/2022 (поставка товаров); постановление 8-го Арбитражного апелляционного суда от 18.03.2019 № 08АП-103/2019 по делу № А75-11147/2018 (услуги мобильной связи).

нарушение иных законодательных запретов и ограничений (например, установленного в п. 1 ст. 932 ГК РФ ограничения на страхование договорной ответственности).

Получив заявление о выплате страхового возмещения, страховщик, как правило, проводит проверку обстоятельств наступления страхового случая, в ходе которой может быть выявлено несоответствие действительности информации, указанной в заявлении на страхование, анкете. Ссылка на недостоверность сведений в дальнейшем используется страховщиком в качестве основания для иска (встречного иска) о признании договора страхования недействительным. Основным критерием при разрешении соответствующих споров является факт наличия обмана, то есть сообщения страхователем заведомо ложной информации [3]. Однако в качестве дополнительного критерия может учитываться и последовательность (непротиворечивость) поведения страховщика, который знал или должен был знать о недостоверности информации. Так, при рассмотрении иска страховой компании к страхователю о признании недействительным договора страхования здания суд установил, что ответчик (собственник здания) сообщил страховщику недостоверную информацию о материалах несущих стен и наличии в здании охранной сигнализации. Тем не менее, в иске страховщику было отказано со ссылкой на непоследовательное поведение: в течение нескольких лет страховщик перезаключал договоры страхования указанного здания без фактического его осмотра, чем сформировал у страхователя представление о несущественности вышеуказанных характеристика здания.¹

Можно также сослаться на многочисленные дела, в которых страховщик оспаривал действительность договора страхования со ссылкой на то, что в нарушение законодательных ограничений (п. 1 ст. 932 ГК РФ) была застрахована договорная ответственность (охранных организаций, перевозчиков, экспедиторов и пр. Какое-то время судебная практика складывалась в пользу страховщиков, фактически лишая добросовестных, но «доверчивых» страхователей права на страховую защиту. Однако в дальнейшем, не без участия высших судебных инстанций, возобладали другой подход, основанный на принципе добросовестности. В определении от 20.07.2015 № 307-ЭС15-1642 по делу № А21-10221 Верховный Суд РФ отметил, что оспариваемый договор страхования ответственности перевозчика был заключен на предложенных страховщиком условиях,

¹ См.: решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 04.09.2020 по делу № А56-33498/2019.

поэтому его формальное несоответствие п. 1 ст. 932 ГК РФ не должно приводить к освобождению страховщика от исполнения обязательств. Чуть позже, в 2017г. Верховный Суд РФ сформулировал свою позицию в отношении недобросовестного поведения страховщика еще более категорично: «Заявление страховщика о ничтожности договора страхования ответственности перевозчика или экспедитора не имеет правового значения, если страховщик действует недобросовестно, в частности, если его поведение давало основание страхователю полагаться на действительность этой сделки (п. 5 ст. 166 ГК РФ)».¹

Таким образом, позиция Верховного Суда РФ в пользу защиты разумных ожиданий страхователя сложилась еще до включения в ГК РФ правовых конструкций, направленных на противодействие противоречивому поведению.

2.2. Расторжение договора страхования (в связи с неуплатой страховой премии, увеличением страхового риска и пр.)

Правила о запрете противоречивого поведения могут оказаться востребованными в ситуациях, когда закон или договор наделяет одну из сторон правом совершения односторонних действий (в частности, правом отказаться от договора) и при этом не устанавливает какого-либо срока для реализации данной возможности.

Применительно к российскому законодательству о договоре страхования ситуации неопределенности возникают, в частности, при ненадлежащем исполнении страхователем некоторых обязанностей по договору: уведомлять страховщика об увеличении риска, уплачивать в установленные сроки страховые взносы и пр.

В соответствии с п. 3 ст. 959 ГК РФ при неисполнении страхователем обязанности по уведомлению страховщика об увеличении риска, страховщик вправе потребовать расторжения договора страхования и возмещения убытков. Законодатель не устанавливает какого-либо срока для осуществления страховщиком указанного права. Как следствие, довод об увеличении страхового риска непосредственно перед наступлением страхового случая может использоваться страховщиком в качестве основания для освобождения от выплаты возмещения. Суды оценивают соответствующий довод критически, учитывая действительную заинтересованность страховщика в получении соответствующей

¹ См.: п. 12 Обзора судебной практики по спорам, связанным с договорами перевозки груза и транспортной экспедиции (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2017).

информации, возможность её получения из альтернативных источников (кроме как от страхователя). В частности, при рассмотрении иска индивидуального предпринимателя к страховщику о взыскании выплаты по договору автокаско суд установил, что страхователь в нарушение условий договора совершил действия, повлекшие увеличение риска – допустил к управлению автомобилем водителя, не указанного в приложении к договору страхования. Ссылаясь на данное нарушение, страховщик заявил о прекращении (расторжении) договора и просил освободить его от выплаты возмещения. Тем не менее, суд удовлетворил иск предпринимателя, указав, что страхователь уведомил страховщика о новом водителе, однако страховщик не воспользовался предусмотренными п. 2 ст. 959 ГК РФ правами (потребовать увеличения страховой премии) и не направил в адрес страхователя уведомление о расторжении договора. Своим бездействием страховщик «дал понять страхователю», что не рассматривает допуск нового водителя в качестве значительного изменения риска.¹

В свою очередь, применительно к уплате страховой премии (взносов) законодательство предоставляет сторонам широкое усмотрение – в части определения правовых последствий просрочки страхователя. Согласно п. 3 ст. 954 ГК РФ если договором предусмотрено внесение страховой премии в рассрочку, договором могут быть предусмотрены и последствия неуплаты в установленный срок очередного страхового взноса.² Пользуясь предоставленной свободой, некоторые страховщики включают в общие условия страхования положения о прекращении действия договора страхования в случае просрочки внесения очередного страхового взноса. Однако и в этих случаях суды оценивают поведение страховщика с точки зрения непротиворечивости. Если страховщик, зная о просрочке страхователя, в течение длительного времени не сообщал о прекращении страхового покрытия, суд может обязать страховщика выплатить страховое возмещение даже по страховому случаю, наступившему в период просрочки.³ Применительно к последней категории споров следует заметить, что во многом они спровоцированы не самым удачным законодательным

¹ Постановление 12-го Арбитражного апелляционного суда от 07.07.2010 по делу № А57-25443/2009.

² По умолчанию применяется правило о том, что при наступлении страхового случая до уплаты очередного страхового взноса, внесение которого просрочено, страховщик при выплате возмещения вправе зачесть сумму просроченного взноса.

³ См.: постановление 8-го Арбитражного апелляционного суда от 08.05.2014 № 08АП-2594/2014 по делу № А70-13532/2013; постановление Арбитражного суда Центрального округа от 01.08.2011 по делу № А08-4901/2010-23.

регулированием последствий просрочки уплаты страховой премии (страховых взносов). В Концепции развития законодательства о договоре страхования¹ предлагается дополнить ст. 954 ГК РФ нормой, обязывающей страховщика предварительно письменно уведомлять страхователя о необходимости уплаты просроченного страхового взноса в течение разумного срока, и лишь после истечения указанного разумного срока принимать решение о расторжении договора.

Заключение

В качестве предварительного резюме следует отметить, что даже до включения в 2015г. в ГК РФ специальных защитных конструкций (пункты 2 и 5 ст. 166, п. 2 ст. 431.1 и др.), сходных с *Estoppel*, российские суды успешно справлялись с недобросовестными исками страховщиков об оспаривании договора, заявленными исключительно с целью избежать выплаты страхового возмещения или уменьшить её размер. В своих решениях суды часто опирались на требование добросовестности (п. 3 ст. 1 ГК РФ) и запрет злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ). Появившиеся «эстоппели» фактически лишь конкретизировали некоторые формы недобросовестного поведения и, в случае их корректного применения, вряд ли, приведут к нарушению прав третьих лиц или умалению публичных интересов.

В ряде случаев более надежным решением (в части преодоления состояния неопределенности в отношениях между страхователем и страховщиком) было бы прямое законодательное регулирование, например, в виде установления конкретных сроков для реализации страховщиком средств правовой защиты при нарушении страхователем тех или иных договорных обязанностей – неуведомлении об увеличении страхового риска, просрочке уплаты страховой премии.

Список использованных источников:

1. Багаутдинов И.И. Правило эстоппель как вид исцеления сделки с пороком ее формы // Право и государство: теория и практика. 2017. № 4. С. 82 - 85.
2. Карпетов А.Г. Эстоппель на оспаривание договора по п. 2 ст. 431.1 ГК РФ // Закон.ру. 2016. 7 июня. Доступ онлайн по ссылке

¹ Полный текст Концепции доступен по ссылке <<https://privlaw-journal.com/wp-content/uploads/2018/10/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82-251018.pdf>>, доступ 15.09.2022.

<https://zakon.ru/blog/2016/6/7/estoppel_na_osparivanie_dogovora_po_p2_st4311_gk>, доступ 15.09.2022.

3. Кратенко М.В. Преддоговорная обязанность страхователя по раскрытию обстоятельств риска («Duty of Disclosure»): модели в европейском страховом праве и перспективы для России // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 78-93.

4. Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. М.: Статут, 2019. 278 с.

5. Нам К. Эстоппель в контексте принципа добросовестности // Закон. 2020. № 4. С. 38-46.

6. Роор К.А. Понятие и сущность эстоппеля // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7. С. 71-81.

7. Тузов Д.О. Идея недопустимости «Venire Contra Factum Proprium» в связи с нормой об иррелевантности заявления о недействительности: юридическая максима или принцип? // Закон. 2020. № 4. С. 48-64.

8. Шварц М.З. Некоторые размышления над институтом эстоппель // Арбитражные споры. 2016. № 1. С. 95-99.

9. Ширвиндт А.М. Ссылка на ничтожность сделки как злоупотребление правом. Изобретение судов, закрепленное в законе // Арбитражная практика. 2015. № 7. С. 24-41.

10. Translator alter. Venire contra factum proprium: от связанности прошлым к связанности будущим // Правоведение. 2020. Т. 64. № 2. С. 270-308.

340.115.7

ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИИ ПОКОЛЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

© **Л.В. Кружалова**

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Образование – процесс добровольный: заставить студента читать первоисточники, работать над вопросами, выделяемые для самостоятельного изучения, размышлять над коллизиями в праве и т.п. необходимыми вещами – невозможно. Только самостоятельный, индивидуальный интерес к предмету заставляет студента читать, искать, думать. Преподавателю очень важно дать ему своеобразную путеводную нить познания, по образному выражению В.

Гумбольдта, а дальше он пойдёт сам. Для того, чтобы заинтересовать, зажечь студента, говоря высоким стилем, страстью к познанию, нужно, чтобы студент понимал преподавателя, точнее, излагаемый им материал, чтобы они были «на одной волне». «Счастье – это когда тебя понимают», относится к процессу преподавания в первую очередь.

И вот тут, на мой взгляд, сегодня обозначились две основные проблемы: первая- это скудость, примитивность словарного запаса студентов, как активного так и пассивного. Вторая проблема - низкий общеобразовательный уровень, очень слабая начитанность студентов, невероятно скудный филологический и исторический бэкграунд. Причём, эти проблемы в коммуникации относительно новые- еще недавно в школьную программу входили сочинения, обсуждение литературных классических произведений, заучивание стихов наизусть. Переход к упрощенной, в значительной мере автоматизации алгоритма обучения, его примитивизация сегодня, на мой взгляд, получил наглядный и очень печальный результат.

«Изучение мозга школьников в возрасте 9-10 лет на МРТ показало: те, кто проводят семь и более часов в сутки за экраном, получают уменьшение толщины коры головного мозга. Она прямо связана с умственной активностью. Лица, у которых IQ падает, показывают ускоренное истончение коры. Чтобы быть уверенным в этом результате, нужны длительные исследования – и ученые, занимающиеся этой работой, намерены сделать окончательные выводы только через 10 лет наблюдений за детьми. Семь часов за экраном пока характерны только для считанных процентов детей. Когда какая-то ситуация наблюдается у такой маленькой группы, она может объясняться не причинно-следственной связью, а совсем иначе.

Например, только дети с определенными проблемами в плане широты интересов «застревают» в смартфонах на такое большое время, как семь часов в сутки. Потом детки подрастают, становятся молодыми людьми, приходят в университеты и институты, но навыка чтения, умения разговаривать, излагать свои соображения и защищать их они не могут.

Скудость словарного запаса особенно зримо проявляется во время экзаменов, когда студент кроме нескольких слов, среди которых есть и слова-паразиты, ничего сказать не может. Вот типичный ответ по вопросу о природе теории происхождения государства на основе общественного договора: « Гоббс, ну, это самое, говорил, что все люди враги и убивают друг друга. Поэтому договорились и придумали государство. А Локк, он наоборот, говорил, что люди друг друга любят и договорились придумать государство». И это- всё. Никаких знаний первоисточников, никакого понятия о Левиафане, как библейском

персонаже, не случайно взятом в качестве названия труда. Дополнительный вопрос о том, почему же при такой разности подхода, теория носит одинаковое название воспринимается как желание преподавателя «завалить» студента на экзамене. Дополнительные вопросы о Руссо и/или Радищеве способны вогнать студента в ступор. Студентам физкультурного института читались полноценные лекции и проводились очные семинары по правоведению.

По завершению темы «Государство. Теории происхождения государства и права» устроила небольшой письменный опрос. На вопрос об ирригационной теории происхождения государства: «почему государства появились в поймах крупных рек, например, на Ниле?», большинство (!!) ответов были такими: «для того, чтобы строить электростанции» (очевидно, кто-то один сообразил, в чем тут дело, а остальные просто переписали). Т.е. прослушанный курс лекций, практические занятия были бесполезны.

Следствием скудости словарного запаса- природа, как известно, пустоты не терпит, является распространение мата в молодёжной среде. Множество комбинаций из нескольких слов помогают студентам высказать все эмоции и чувства, которые они испытывают. Наказывать за мат- бесполезно. Можно принять (и принимались) любые законы, но разговаривать, как студенты эпохи В. Набокова современные студенты не будут- словарного запаса нет. Преподаватель же изъясняется научным языком, по возможности адаптированным к аудитории, но разговаривать с использованием обценной лексики он не будет никогда. И, по моим наблюдениям, разрыв в непонимании непрерывно возрастает (речь идет, разумеется, о большинстве студентов: приблизительно 5-6 человек из 25 понимают о чем идет речь, читают, осваивают новый лексикон). Проблема в коммуникации с большинством: либо снижаться до примитивности, упрощать всё до невозможности, либо разрыв в коммуникации будет продолжаться и углубляться. Есть такой общеобразовательный портал «Мел», на котором недавно опубликовали в качестве примера и руководства к действию откровения одного учителя обществознания, который использует в качестве объяснения мемы. Хотелось бы предложить другой: вернуть в школу сочинения, изучение классиков и заучивание стихов наизусть, диспуты на уроки истории. Закончив школу, ученики должны уметь думать, говорить, обладать для этого необходимым словарным запасом.

Вторая преграда на пути взаимопонимания – крайне недостаточный культурный запас, слабая начитанность, минимальная осведомленность в мировой и отечественной истории.

Литература представляет собой своеобразную репрезентацию правовых идей, а следовательно, это такой теоретический материал, который позволяет раскрывать идеи права, взаимодействие права и социологии. Именно по литературным произведениям можно проследить, увидеть, понять, как в разные исторические эпохи работают право и обычная жизнь, как взаимодействуют, как строится и живет то или иное общество, как понимается солидарность, как взаимодействуют право и обычаи, право и понятия, как люди воспринимают право и законы.

Использование классики в преподавании теории государства и права помогает понять тот дух времени, атмосферу, практику взаимодействия людей разных социальных слоёв и государственных органов.

Предметом творчества писателей является весь мир, сам человек, культура, общество, природа, национальное самосознание и всё это часто в контексте той системы права, которая существовала в описываемое время.

Недостаток учебников кроется в отсутствии примеров, в сложности и наукообразности языка. И уж совсем в задачи составителей учебника не входит погружение читателей в атмосферу того этапа в истории государства, законодательство которого изучается. И здесь очень помогает знание классики. Например, в изучении брачно-семейного законодательства царской империи очень помогает «Анна Каренина» Л.Н. Толстого (когда-то её обязательно изучали в школе). На примере семейного конфликта Карениных можно было проиллюстрировать как условия развода, так и его последствия, а на примере жизни семейства Облонских – материальную зависимость жены от мужа (Стива платит за обед в ресторане 40 рублей, жене на хозяйство даёт 10; делает подарки любовницам, а жена и дети носят штопаную одежду); по роману «Воскресенье» можно рассматривать суд присяжных, у А.П. Чехова есть рассказы о судьях и присяжных. Охотничьи сочинение А. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», повесть А.Герцена «Сорока-воровка» и рассказы И. Тургенева замечательно иллюстрируют крепостное право (привожу примеры произведений, когда-то изучаемых в школе). Многие примеры классической литературы хоть не дают правовых знаний, но помогают понять ту обстановку, характер взаимоотношений эпохи, как, например, кавказские пленники Пушкина, Лермонтова, Толстого.

При изучении теории государства и права неоценимую помощь для преподавателя могли бы прочтение студентами книг В.Гюго («Человек, который смеется»), А.Дюма «Три мушкетера», в которых приведены примеры законных внесудебных расправ. В «Человеке, который смеется» Гюго очень подробно и с точки зрения истории государства и права выверено дано историю становления

парламентской монархии в Англии, причем, не зная и не применяя, соответственно, терминов «ментальность» и «культурный код нации», он тем менее, убедительно показывает, почему один и тот же институт пэров во Франции и Англии дал такие разные результаты. Количество студентов, которые читали хотя бы Дюма- ничтожно. В этом году на первом курсе из 25 студентов не читал никто, а о Мильтоне, Гюго, Диккенсе даже никто не слышал. В «Буранном полустанке» Ч. Айтматов пишет о манкуртах, человеке, не помнящем родства и не имеющем корней. Разрыв с русской и зарубежной культурой превращает человека в такого манкурта. Среди мужчин тех, кто не прочитал за год ни одной книги, больше, чем среди женщин, — 36%. Самой читающей группой оказались молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет — среди них тех, кто прочитал более пяти за год, оказалось 38%. Меньше всего читают люди в возрасте от 45 до 59 лет — почти треть из них за год не открыла ни одной книги. «Человек перестаёт мыслить, когда перестаёт читать» (Д. Дидро). Нужно вернуть книгу в школу, научить детей читать. Кроме школы это никто сделать не сможет: если родители не читают- дети читать не будут.

Перед началом занятий по правоведению я прошу студентов (дисциплины в разных институтах РГПУ им. Герцена преподаются на разных курсах) дать своё определение государству.

Были систематизированы и проанализированы ассоциации 253 ответа русскоязычных студентов (ответы китайских студентов не анализировались ввиду особенностей конфуцианского типа мышления: ответы интересные, поэтические и очень отличающиеся от ответов русскоязычных (не обязательно россиян, среди отвечавших есть студенты из Узбекистана и Казахстана) студентов.

9/10 отвечающих так или иначе связывают понятие государства и власти с верховной, мощной силой, имеющей право подчинять себе население. « Государство – это машина, задача которой обеспечить одним возможность управлять другими; несколько человек уточняют, что эта машина- поезд, в котором глава государства- машинист, т.к. он один знает верный путь и может проложить правильный маршрут (сложно сопоставить поезд, едущий по рельсам, машинист которого вправе выбирать маршрут(?)). Граждане- это пассажиры, плывущие по течению(?), и они не мешают машинисту и не вредят ему, и никак не влияют на ход поезда, просто сидят и ждут, куда их привезут в конце концов. У такого государства есть противники, функцию которых выполняет стоп-кран, который может включиться сам по себе, поэтому никто не знает, когда он «рванёт» , но быть готовым к этому факту надо постоянно. К этим же метафорам относится и соответствие государства и населения как целого и

части- шестерёнок, которые обеспечивают работу этого целого. Это целое – как механизм- поезд- работают в разных режимах, как, например, пассажирские и грузовые поезда, и у них разные задачи – удовлетворять разные потребности. И задача государства – как машины- оберегать пассажиров и улучшать их жизнь в разных областях. К таким механизмам относится и самолет, в котором власть-пилот, а население- пассажиры, задача которых- не мешать пилоту пилотировать самолет. Близка к связке и сравнение государства с бизнес- структурами (корпорациями), в которых есть управленцы (начальники, власть, политическая элита) , а народ- это рядовые работники, задача которых- хорошо работать, а управленцев- хорошо управлять, и тогда в итоге получится сильная держава. Государство это не просто машина, а очень сложная машина, управлять которой не могут неподготовленные люди (т.е. ленинская формулировка о возможности кухарки управлять государством не находит у этого автора поддержки), поэтому каждый в государстве должен знать своё место. Государство- это врач, который лечит больных и дает им горькое, но нужное лекарство. Из 253 человек только один представил государство как одну из договаривающихся сторон, наделенную такими же правами, как и общество.

Преподаватели высшей школы работают с уже сложившимися молодыми людьми, поэтому, на мой взгляд, школа в первую очередь должна обучать детей искусству читать, думать, понимать, и реформа школьного образования должна быть направлена именно на это.

УДК 349.2

ПРЕДЕЛЫ СВОБОДЫ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА

© А.Ю. Кухаренко

Сибирский федеральный университет

Трудовой договор являясь регулятором трудовых отношений, в соответствии с положениями Конституции РФ и трудовым законодательством РФ – это всегда согласование интересов участников трудового правоотношения.

Трудовое законодательство РФ определяя содержание трудового договора исходит их принципов права и свободы воли субъектов трудового договора. Следуя законодательным положениям, при заключении трудового договора, стороны договора находятся в равном положении при определении условий трудового договора.

Однако нельзя забывать, что содержание трудового договора определенное ст. 57 ТК РФ имеет как обязательные, так и дополнительные условия. Таким образом, законодатель определяет круг положений, которые обязательно должны быть включены в трудовой договор. И здесь мы прослеживаем императивные начала, которые стороны игнорировать не могут, в противном случае, условия являющиеся обязательными должны быть внесены в трудовой договор в соответствии со ст. 57 ТК РФ.

Соответственно, рассматривая вопрос о пределах свободы трудового договора, можно сказать, что «свобода» применительно к обязательным условиям при заключении трудового договора достаточна условна. Иначе обстоит вопрос о включении дополнительных условий в трудовой договор. Безусловно, законодатель, дает возможность сторонам трудового договора включать в договор дополнительные условия, такие как: уточнение места работы (с указанием структурного подразделения и его местонахождения) и (или) о рабочем месте; об испытании; о неразглашении охраняемой законом тайны (государственной, служебной, коммерческой и иной); об обязанности работника отработать после обучения не менее установленного договором срока, если обучение проводилось за счет средств работодателя; о видах и об условиях дополнительного страхования работника; об уточнении применительно к условиям работы данного работника прав и обязанностей работника и работодателя, установленных трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права; о дополнительном негосударственном пенсионном обеспечении работника. Однако, причисленные в ст. 57 ТК РФ условия, затрагивают интересы связанные с непосредственной трудовой деятельностью или расширяют/комментируют обязательные условия.

Возникает вопрос, возможно ли предусмотреть в трудовом договоре условия, не связанные с непосредственной трудовой деятельностью, а стимулирующие, мотивирующие, косвенно влияющие на функционирование трудового правоотношения. Такие как, например: отдых всех членов семьи работника, приобретение жилья для работника за счет средств работодателя, оплата обучения детей работника за счёт средств работодателя, повышенная по сравнению с нормами трудового законодательства РФ - компенсация при увольнении работника и иные. Прямого запрета на установления указанных положений законодателем не установлено, однако на практике возникает множество сложностей. Так например, судебная практика, называет повышенную по сравнению с действующим законодательством РФ выплату при увольнении работника «золотыми парашютами» и отказывает в таких выплатах.

Рассматривать конструкцию трудового договора как и любого договора, когда стороны берут на себя соответствующие обязательства и несут ответственность за исполнение взятых обязательств, в отрыве от доктринальных положений о договорах в целом изложенных в трудах: Брагинского М.И., Витрянского В.В., Гамбаров Ю.С., Дедова Д.И., Иванова С.А., Лившица Р.З., Нерсесяна В.Н., Таля Л.С. и других, полагаем было бы ошибкой.

Безусловно, особенность отрасли трудового права как часто-публичной отрасли и наличие императивных и диспозитивных начал накладывают свои отпечатки на регулирование трудовых отношений, однако, ограничивать свободу трудового договора не должны.

Следовательно, условия трудового договора, определяемые сторонами в момент заключения трудового договора, могут иметь условия, которые стороны сочтут для себя приемлемыми и необходимыми, в том числе напрямую не регулирующие трудовые отношения и являющимися стимулирующими, мотивирующими, косвенно влияющие на функционирование трудового правоотношения. Это и будет, в том числе, отражать свободу трудового договора.

При включении указанных условий в трудовой договор возникает правовая неопределенность. При не исполнении условий (не относящихся непосредственно к регулированию труда) заключенного трудового договора законодательство какой отрасли права использовать?

Исходя из положений трудового законодательства РФ, в частности, ст. 381 ТК РФ индивидуальный трудовой спор - неурегулированные разногласия между работодателем и работником по вопросам применения трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, коллективного договора, соглашения, локального нормативного акта, трудового договора (в том числе об установлении или изменении индивидуальных условий труда), о которых заявлено в орган по рассмотрению индивидуальных трудовых споров.

Указанный предмет спора, четко сформулированный законодателем и не оставляет сомнения, что условия напрямую не связанные с выполнением трудовой функцией не будут являться предметом трудового спора.

Учитывая, сложившуюся практику регулирования трудовых отношений, в современных реалиях, в том числе судебную, и направление внимания со стороны работодателя на индивидуальные трудовые правоотношения, вопрос о «покупке» способностей работника на принципе – свободы трудового договора и выработки «свободных» взаимовыгодных условий трудового договора остается открытым.

УДК 340

О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВОПРОСАХ СООТНОШЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ НАДНАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА

© В.А. Лазуткин

Белорусский государственный университет

Вопрос юридического статуса источников наднационального права в национальном праве на современном этапе развития права, является многогранным и к его решению подходят с различных позиций в отдельных государствах, и их объединениях, союзах, в силу конституционных и иных специальных внутренних норм законодательства. Решение этого вопроса во внутригосударственном (национальном) праве имеет определяющее значение, как и некоторые конституционные нормы, т.к. это определяет международно-правовую позицию государства, как субъекта международного права, в т.ч. и в области его международно-правовых обязательств и, следовательно, позицию по отношению к данному субъекту со стороны других субъектов международного права.

Существуют модели опосредованного применения наднациональных норм, в которых источники наднационального права могут реально функционировать только через национальное право, в тех пределах, в которых оно соответствует национальному.

Нормы, обычаи международного права создаются посредством процесса совместных усилий государств как его основных субъектов, которые, как правило, руководствуются в своей внешней и внутренней политике, краткосрочными и долгосрочными, тактическими и стратегическими национальными интересами, национальным законодательством, регулирующим национальное положение каждого государства в международных отношениях. Становление, формирование международного права – это многогранный и противоречивый процесс различных взаимодействий, инфильтраций, согласований политических и правовых идей, норм, принципов международных и национальных школ, практического правоприменения определенных государственных органов, должностных лиц, диффузии правовых систем существующих в современном мире.

На современном этапе развития международного и национального права, вышеуказанные процессы характерны, в том числе и для законодательства в области права прав человека, уровень развития которого является одним из

основных критериев при оценке государствами мира и их объединениями, союзами, уровня развития конкретного государства и современного международного правопорядка в целом. Ряд государств и их объединения, на сегодняшний день, провозглашают себя непререкаемым «эталонным» демократии для других стран (как правило, декларативно, в формально юридическом смысле) и иницируют, при возникновении интереса, на межгосударственном уровне согласование и разработку международных норм-стандартов в области прав человека. Данные стандарты формируются, в некоторых случаях «продавливаются», в результате борьбы, политических переговорных процессов, компромиссов, главным образом, между государствами, их объединениями, которые, как правило, имеют некоторые демократические традиции, детальную конституционную регламентацию и механизм защиты и реализации прав человека, с одной стороны, и государствами, обозначившими себе целью самостоятельно или принудительно, демократизацию общественных отношений, согласованную с внутренними реалиями, с другой стороны.

Таким образом, навязанные или согласованные, принятые в соответствующем порядке, международные нормы-стандарты становятся и политико-правовыми ориентирами для мирового сообщества и юридическими обязательствами для государств-участников международных договоров, содержащих данные положения. Для обеспечения единства, порядка международного сообщества правительства государств должны подчиняться установленному определенным способом порядку, который является и признан большинством государств социально и политически необходимым. Это касается как международной, так и внутрисоциальной деятельности, в том числе законодательской, если это касается международных отношений. Так, государства возлагают на себя юридические обязательства привести национальное законодательство, административную, судебную практику в соответствие с положениями заключенных ими международных договоров и иных ратифицированных источников международного права.

Некоторые государства включают источники международного права в состав национального права, наделяя их равной или более высокой юридической силой, чем внутреннее законодательство, либо провозглашают их прямое действие в рамках национальной правовой системы, т.е. наделяя указанные источники силой создавать права и обязанности не только для государства, но и непосредственно для национальных субъектов. Наделение источников международного права возможностью прямого, непосредственного действия довольно длительный период воспринимается как способ

надлежащего исполнения международных обязательств [1, с. 24]. В пользу подобного отношения может быть приведен аргумент, что в условиях глобализации стирается граница между внутренней и внешней политикой государства, а, следовательно, должны уйти в прошлое и объективные границы международного права. Однако по ряду причин, в том числе из-за политики государств, провозгласивших себя «образцами» правового государства, такое отношение уже не находит всеобщего понимания [3, с. 116].

Юридические нормы международного права, реализуются в тех случаях, когда они отвечают потребностям правительства, либо когда нормы международного права предусматривают наличие действенных мер, по обеспечению соблюдения указанных норм. Что касается наличия непосредственной заинтересованности государства в реализации международно-правовых норм, то, в принципе, множество заключенных соглашений отвечают основным потребностям государств и потому регулярно выполняются. То же можно сказать и об общепризнанных принципах международного права, которые потому так и именуются, что их справедливость очевидна для большинства стран. Но в то же время проработанность и целесообразность многих международно-правовых источников вызывает обоснованные сомнения, что значительно снижает их эффективность и, как следствие, активность государств по правоприменению данных источников для регулирования внутренних правоотношений. Даже развитые страны с большим доверием относятся к собственным регулирующим механизмам и обычно не испытывают особого желания принимать на себя чрезмерные международно-правовые обязательства по урегулированию тех или иных вопросов сугубо национального характера, особенно если содержащие их источники будут непосредственно применяться, заменяя в случае конфликта внутреннее законодательство [5, р.370]. Как правило, международные договоры (типичный источник международного права) могут составляться таким образом, чтобы обеспечить относительную свободу маневра национальному законодательству и учитывать вопросы непосредственного правоприменения и собственного статуса внутри государства. Но, как и национальное законодательство, многие положения международных договоров не являются совершенными – нередко договоры даже более неоднозначны в своем содержании, чем внутригосударственное право, прежде всего, из-за трудности достижения согласия договаривающихся сторон. Ряд государств имеют гораздо больше опыта в регулировании какой-либо сферы общественных, межгосударственных отношений, чем другие, особенно на национальном уровне, в том числе и международные организации.

Международные договоры – как правило, результат огромной, трудоемкой работы по поиску компромиссов между национальными интересами различных государств или их объединений, союзов. Если же компромисс достигнут, то возникает вопрос по его поддержанию и реальному функционированию в течение определенного времени, поскольку, например, многосторонние соглашения могут быть изменены с определенным трудом, и, поэтому, могут стремительно устаревать в процессе экономического и социального развития государств-участников, входя в противоречие с их текущими интересами.

В каждом отдельно рассматриваемом государстве, их объединениях, союзах, существуют различные взгляды на демократию, идеологию, религию и интересы различных социальных групп. Таким образом, может быть крайне трудно, в рамках международного договора или иного нормативного правового акта достигнуть консенсуса, который был бы однозначным и постоянным. Экономически развитые и развивающиеся страны используют различные подходы в регулировании тех или иных сфер деятельности, где одни применяют традиционные регулятивные, карательные методы, в то время как другие предпочитают более изощренные способы социального управления, морального давления. Помимо подобных противоречий в сфере внутренней и внешней политики государств, необходимо преодолевать и различия правовой культуры и правосознания, что дает основания сравнить применение международного права внутри страны с переводом иностранного текста на национальный язык [2, с. 110].

Действие наднациональных источников права основано на балансе двух основных теорий – монизма и дуализма. Приверженцы монистической теории выступают за непосредственное применение норм международного (наднационального) права, основываясь на единстве правовой системы. Сторонники дуалистической теории отстаивают не подчинённость норм международного (наднационального) и национального права. В сфере совместного регулирования могут возникать противоречия наднационального и национального права, как правило, разрешающиеся посредством судебной системы государства. В некоторых случаях, один и тот же вопрос может иметь различное решение, в рамках международного и внутригосударственного процесса. Как правило, такое решение основано на конкретно преследуемой цели, ценностях и интересах существующей государственной системы. Существующая концепция непосредственного действия международного права, как и доктрина самоисполнимых договоров, соответствует доктрине политического вопроса, что создает нестабильность юридической системы, в некоторых случаях влечет международно-правовую ответственность. Ссылаясь

на оговорку о политическом вопросе в ряде случаев международный договор не применяется. Однако требование добросовестности исполнения договоров подразумевает безусловное применение международного права [7, с. 82-83]. Монизм и дуализм являются теориями, в рамках которых формируется аргументная среда государств в отношении применения норм наднационального права в существующих правовых системах. Органы государственной власти различных государств также могут применить гибридное толкование теорий монизма и дуализма, то есть выработать решение, которое не будет отвечать, в чистом виде, только одной из основных теорий. При этом важно понимать саму природу международного права, сущности государства, его суверенитета, правовой системы. При прагматичном подходе, который отвергает обе теории и исследует исключительно существующую правовую систему не представляет большой теоретической ценности в связи с таким ограниченным подходом. Однако показывает реальную картину функционирования правовых систем в конкретном государстве, их союзов, объединений. При разработке правовых актов законодательскими органами государства существует необходимость моделирования действия норм права, обеспечения их действия, защиты, влияния на общественные отношения внутри государства, международное положение. Таким образом, по объективным причинам, теории монизма и дуализма необходимо к изучению и развитию, что рисует перспективы всей правовой системы государства, их объединений, союзов, общественных отношений.

Национальное законодательство, как обоснованно отмечают различные исследователи, сегодня в принципе не может быть чем-то замкнутым и обособленным: оно должно так или иначе формулировать способ, при помощи которого общество может лучше всего приспособиться к международному праву, которое неизбежно будет взаимодействовать с национальной правовой системой в рамках постоянно расширяющихся правовых и политических связей [6, р.13]. Правовые системы государств становятся все более важным инструментом реализации международного права, и, наоборот, последнее создает им необходимые условия для нормального функционирования [4, с.391]. Рассмотрение вопроса о статусе источников международного права по отношению к источникам национальных правовых систем государств при осуществлении правотворческой деятельности практически неизбежно [5, р.368]. Критерий самой возможности непосредственного действия является понятием не абсолютным, а скорее относительным. Государственные органы власти должны руководствоваться рациональностью, то есть применять нормы в зависимости от конкретной ситуации и интересов всех сторон.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в условиях современного процесса регионализации, имеют место быть разнообразные подходы к вопросу сочетания национальных интересов и международных норм, правил. Наднациональные и национальные нормы права тесно взаимосвязаны и в реальной жизни не могут рассматриваться в изоляции друг от друга. Отдельные государства, в том числе и в государства-члены ЕАЭС, разрабатывают и применяют свой собственный инструментальный, процессуальный подходы, даже невзирая на принадлежность к определенным политическим союзам, объединениям государств, рассматривая различные доступные варианты с точки зрения национальных интересов.

Список использованных источников:

1. Васілевіч, Р.А. Міжнародныя дагаворы у сістэме крыніц права Рэспублікі Беларусь / Р.А. Васілевіч. – Вес. Нац. Акад. Навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 1996. – № 3. – С. 23–28.
2. Лукашук, И.И. Конституции государств и международное право / И.И. Лукашук. – М.: Спарк, 1998. – 124 с.
3. Лукашук, И.И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации / И.И. Лукашук // Журнал российского права. – 2002. – № 3. – С. 115–128.
4. Лукашук, И.И. Современное право международных договоров / И.И. Лукашук. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – Том I. – 672 с.
5. Cassese, A. Modern constitutions and international law/ A. Cassese // Recueil de course. – 1985. – № 192. – P. 368–446.
6. Conforti, B. Enforcing International Human Rights in Domestic Courts / B. Conforti, F. Francioni. – The Hague: Martinus Nijhoff, 1997. – 484 p.
7. Pescatore P. Conclusion // The Effect of Treaties in Domestic Law / Eds. F. Jacobs and S. Roberts. London; New York: Longman, 1996. P82-83.

УДК 343.9

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОСТОЯНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НА ТРАНСПОРТЕ

© А.А. Маслов

Сибирский федеральный университет

На протяжении длительного времени транспорт является неотъемлемой частью человеческой жизни, поскольку способен обеспечивать основные условия жизнедеятельности общества, выступая в качестве важнейшего инструмента достижения экономических, социальных, политических целей Российской Федерации. При этом особую опасность для обеспечения безопасности транспорта представляет преступность на транспорте, негативные последствия которой дезорганизуют целостность, сохранность материальных ценностей, окружающей среды, транспортных средств и коммуникаций, наносят невосполнимый ущерб жизни и здоровью людей [3, с. 381]. По словам исследователей, «транспорт и преступность с момента их появления неизменно сопровождают общество, их пересечение представляется вполне закономерным» [4, с. 4].

Преступность на транспорте – негативное социально-правое явление, состоящее из совокупности транспортных преступлений, совершаемых на определенной территории в определенный период времени. Необходимо отметить, что в действующем законодательстве легальной дефиниции «транспортные преступления» не содержится. В научной литературе рассматриваемый вопрос является предметом дискуссий. Так, с позиции Л. М. Прокументова, под транспортными преступлениями следует понимать «виновно совершенные общественно опасные деяния, посягающие на общественные отношения по поводу обеспечения безопасности жизни и здоровья людей, сохранности материальных ценностей в процессе движения и эксплуатации транспорта» [2]. Более широкий подход к понятию транспортных преступлений был предложен А. И. Чучаевым. По мнению автора, транспортное преступление – это «общественно опасное виновное деяние, совершаемое в сфере взаимодействия человека с транспортом (при создании внутренней угрозы безаварийной работы транспорта – лицом, непосредственно управляющим транспортным средством или обеспечивающим безопасность транспорта; при создании внешней угрозы – лицом, не исполняющим указанные функции), нарушающее безопасность движения или эксплуатации транспорта как системы или транспортного средства либо условия обеспечения безопасности

транспорта, влекущее предусмотренные в законе преступные последствия» [5, с. 152]. Несколько иное определение дано А. И. Коробеевым: «транспортные преступления в самой общей форме можно определить как предусмотренные уголовным законом и совершаемые виновно общественно опасные деяния (действия или бездействие), посягающие на общественные отношения в сфере безопасного функционирования (движения и эксплуатации) транспортных средств и повлекшие наступление вредных последствий либо создавшие угрозу их наступления» [1, с. 49].

Основываясь на представленных подходах к определению транспортных преступлений, а также анализе положений действующего российского уголовного законодательства, к числу основных транспортных преступлений представляется возможным отнести следующие составы преступлений: нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена (ст. 263 УК РФ); нарушение требований в области транспортной безопасности (ст. 263.1 УК РФ); нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ); нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1 УК РФ); недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями (ст. 266 УК РФ); приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения (ст. 267 УК РФ); действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств (ст. 267.1 УК РФ); нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта (ст. 268 УК РФ); нарушение правил при строительстве, эксплуатации или ремонте магистральных трубопроводов (ст. 269 УК РФ); неоказание капитаном судна помощи терпящим бедствие (ст. 270 УК РФ); нарушение правил международных полетов (ст. 271 УК РФ); нарушение правил использования воздушного пространства Российской Федерации (ст. 271.1 УК РФ); неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ); угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ст. 211 УК РФ) и др.

Преступность на транспорте, как и любой иной вид преступности, характеризует не только совокупность преступлений в рассматриваемой сфере, но и ее относительная массовость. Преступность на транспорте как массовое явление требует статистического анализа ее показателей (количественных и качественных), выявления определенных статистических закономерностей. По справедливому утверждению А. И. Коробеева, «транспортную преступность можно охарактеризовать как имеющую достаточно широкое распространение,

обладающую отрицательной динамикой, отличающуюся негативными тенденциями, масштабностью причиняемых последствий и, как результат, – крайне высокой степенью общественной опасности» [1].

Результаты проведенных статистических наблюдений со стороны национальных судов и правоохранительных органов свидетельствуют о широком распространении данного социально-правового негативного феномена на территории нашей страны.

В соответствии со статистической отчетностью судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [8] за 2021 год, по главе 27 УК РФ (преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта) количество осужденных за отчетный период составило 66 568 чел. Из них реальное лишение свободы получили 11 608 чел., а 9 530 чел. осуждены к лишению свободы условно. Кроме того, назначены следующие виды основного наказания, не связанные с изоляцией от общества: обязательные работы – 38 638 чел.; штраф – 2 944 чел.; ограничение свободы – 2 822 чел.; исправительные работы – 412 чел.; принудительные работы – 262 чел. и др. Отметим, что за отчетный период 2020 года количество осужденных составило 65 485 чел., а в 2019 году – 68 657 чел. (см. рис. 1).

По данным Генеральной прокуратуры РФ [6] за 2022 год всего зарегистрировано 21 930 транспортных преступлений, из них преступления с категорией небольшой тяжести – 10 522, средней тяжести – 5 588, тяжкие – 3 577, особо тяжкие – 2 213. В том числе количество преступлений, совершенных в крупном (значительном) размере либо причинивших крупный (значительный) ущерб – 7 068; коррупционной направленности – 1 622; экологических – 1 127; совершенных в особо крупном размере либо сопряженных с извлечением дохода в особо крупном размере – 596; налоговых – 153; связанных с оборонно-промышленным комплексом – 5; связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ – 4 903; связанных с незаконным оборотом оружия – 640; совершенных с использованием оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств – 18. За 2021 год всего было зарегистрировано 36 443 преступлений, когда в 2020 году – 33 527 (см. рис. 1).

Согласно данным статистической отчетности ФКУ «ГИАЦ МВД» Российской Федерации [7], на транспорте зарегистрировано 24 680 преступлений, из них преступления категории тяжкие и особо тяжкие – 6 600; преступления экономической направленности – 4 144; преступления коррупционной направленности – 1 866; преступления против личности – 330; преступления

против собственности – 9 369 и др. За 2021 год всего было зарегистрировано 36 443 преступления, а в 2020 году – 33 527 (см. рис. 1).

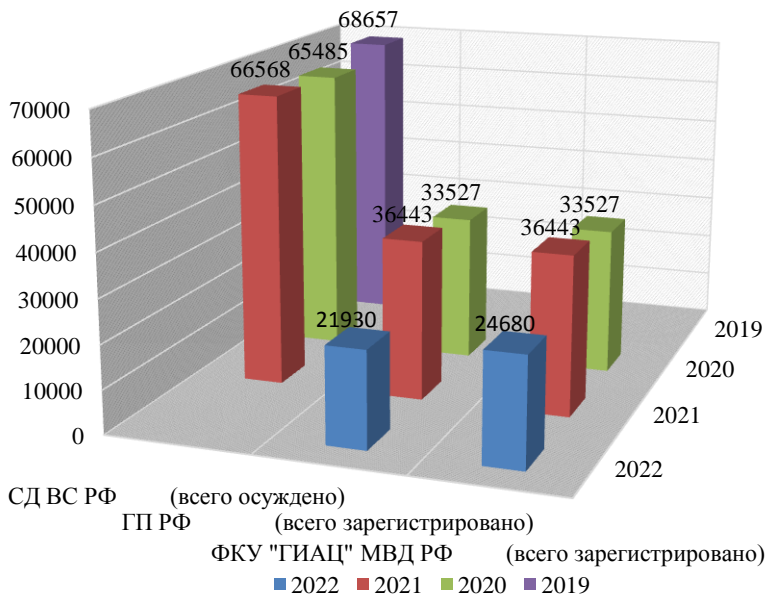

Рисунок 1. Статистические показатели преступности на транспорте

Исходя из анализа приведенных выше статистических данных, нетрудно заметить, что количество осужденных лиц за период с 2019 по 2021 год сократилось, хотя и незначительно. Очевиден спад количества зарегистрированных транспортных преступлений с 2020 по 2022 год. Однако, несмотря на тенденцию снижения количественных показателей преступности на транспорте, общественная опасность рассматриваемого негативного явления остается практически неизменной.

Сказанное усугубляет и тот факт, что в процессе изучения показателей транспортной преступности возникают трудности, препятствующие получению полных и достоверных данных. Одной из основных проблем является *отсутствие утвержденного перечня транспортных преступлений*. Данные правовой статистики, размещаемые правоохранительными органами в свободном доступе, содержат в себе общие сведения о состоянии преступности на транспорте, без указания на конкретный состав преступления, предусмотренного Уголовным кодексом РФ. Как следствие, в процессе изучения

предоставленной информации остается неясным исследуемый составителями перечень преступлений за указанный отчетный период, что в конечном итоге вызывает сомнения в полноте и достоверности представленных сведений по преступности на транспорте.

В настоящем исследовании представлена одна, но далеко не единственная проблема, требующая осмысления. Полагаем, что в целях оптимизации предупреждения транспортной преступности необходимо наладить систему сбора статистической информации о распространенности указанного явления, для чего следует утвердить перечень транспортных преступлений.

В связи с большой общественной опасностью транспортных преступлений, совершенных в том числе на железнодорожных путях, автомобильных мостах, водном и воздушном транспорте, которые могут повлечь за собой большое количество человеческих жертв, экономический ущерб и, как показывают события октября 2022 года, угрозу блокады целых регионов России, наличие достоверных, полных и актуальных статистических данных позволит прорабатывать вопрос о необходимости внесения изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации с целью приведения его в соответствие современным вызовам и угрозам, в том числе добавления в ч. 1 ст. 63 УК РФ отягчающего обстоятельства «совершение умышленного преступления в сфере транспортной безопасности».

Список использованных источников:

1. Коробеев, А.И. Транспортные преступления / А.И. Коробеев – «Юридический центр», 2003 – (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса). – 244 с. С.49..
2. Прокументов, Л.М. Уголовное право. Особенная часть. 2019 [Электронный ресурс] // Официальный сайт be5.biz. – Режим доступа: <https://be5.biz/pravo/u035/13.html>.
3. Уголовное право. Особенная часть : учебник для бакалавров / под ред. А.И. Чучаева. – 3-е изд., перераб. И доп. – Москва : Проспект, 2019. – 592 с. (С. 381)
4. Уголовно-правовые, криминологические и криминалистические аспекты преступлений, связанных с использованием транспортных средств : монография / Д. В. Иванов, О. Г. Карнаухова, Е. В. Кузбагарова [и др.] ; отв. ред. А. В. Табаков ; Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет. – Санкт-Петербург : СПбГАСУ, 2020. – 275 с.(С.4)

5. Чучаев А.И. Транспортные преступления: понятие и признаки / А.И. Чучаев // В сборнике: Проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Сборник материалов международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 152.

6. По данным Главного управления правовой статистики и информационных технологий при Генеральной Прокуратуре РФ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Генеральной Прокуратуры РФ. – Режим доступа: <http://crimestat.ru/analytics>.

7. По данным федерального казенного учреждения «Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – Режим доступа: mvd.ru/mvd/structure/unit/giac

8. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации № 10-а [Электронный ресурс] // Официальный сайт судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2022/k3-svod_vse_sudy-2021.xls

УДК 349.24

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РАБОТОДАТЕЛЯ ЗА НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ОХРАНЫ ТРУДА ДИСТАНЦИОННЫХ РАБОТНИКОВ

© И.А. Мелещук

Сибирский федеральный университет

Каждый работник трудится в определенных условиях, которые способны оказывать непосредственное влияние на здоровье человека и, как следствие, на его жизнь. В связи с этим, необходимо формирование таких условий труда, в которых влияние вредных и угрожающих жизни факторов было устранено или сведено к минимуму. С учетом конституционной и социальной значимости жизни человека, законодатель и регламентирует общественные отношения, связанные с обеспечением безопасных условий труда, в том числе в рамках уголовного законодательства.

По статистической оценке Международной организации труда (далее - МОТ) ежегодно во всем мире регистрируется около 340 миллионов несчастных случаев на производстве, из которых около 2,3 миллионов заканчиваются летальным исходом работника [2]. Более того, в рамках Российской Федерации по данным Росстата число пострадавших от несчастных случаев на производстве за 2020 год составила 20500 человек, из них со смертельным исходом 910 человек (что равно 44% от всех пострадавших) [7]. При этом, в 2020 году в РФ было зарегистрировано всего лишь 1024 уголовных дела о преступлениях, предусмотренных ст. 143 УК РФ, из которых 279 дел дошли до суда и закончились обвинительным приговором (что составляет 27% от общего числа зарегистрированных дел) [8]. Все вышеперечисленные данные составляют официальную статистику регистрации несчастных случаев на производстве, однако, «слепой» зоной остаются случаи, связанные с несчастными случаями на производстве и производственными травмами дистанционных работников.

С момента возникновения пандемии коронавируса появился тренд на перевод сотрудников на дистанционный формат работы. И если в момент пика пандемии указанное обстоятельство было обосновано риском распространения коронавирусной инфекции, то позднее как работодатели, так и сотрудники оценили достоинства дистанционного формата работы. Более того, с развитием дистанционного формата работы у работодателей появилась возможность привлекать специалистов из других городов для выполнения тех или иных функциональных обязанностей. Однако, помимо бизнес-целей и целей оптимизации рабочего процесса часть работодателей может преследовать и не самые благоприятные цели, в частности рассчитывать на снижение своих расходов, связанных с обеспечением охраны труда дистанционного работника, так как в большинстве случаев де-факто ответственность за обеспечение необходимых условий труда в рамках трудового договора перекладывается на работника. Более того, при выполнении определенного ряда работ возникает риск возникновения у работника производственных травм. В связи с этим в правоприменительной практике возникают вопросы, связанные с пределами ответственности работодателя и работника в вопросах обеспечения безопасных условий труда работника, а также в вопросах нарушения охраны труда при возникновении несчастного случая с дистанционным работником, в том числе повлекшем причинение тяжкого вреда здоровью или смерть дистанционного работника. Отсутствие сложившейся судебной практики и комментариев относительно порядка применения уголовной ответственности к работодателю в рамках ст. 143 УК РФ по указанной проблеме свидетельствует о пробеле законодательного регулирования и отсутствию понимания релевантного

порядка применения указанных нормативно-правовых норм в трудовых отношениях с дистанционным работником.

Стоит определить круг обязанностей работодателя по обеспечению условий охраны труда дистанционного работника на основании трудового законодательства. Этот вопрос чрезвычайно важен, так как в условиях дистанционного формата работы работодатель если и сможет полноценно обеспечить работнику безопасные условия труда, отвечающие всем необходимым требованиям, то возможность полноценно контроля соблюдения этой безопасности со стороны работодателя значительно ограничена. По общему правилу, в соответствии со ст. 21 Трудового Кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) работник обязан соблюдать требования по охране труда и по обеспечению охраны труда, а в соответствии с ч. 2 ст. 22 ТК РФ работодатель обязан обеспечивать «безопасность и условия труда, соответствующие государственным нормативным требованиям охраны труда». Особенности регулирования труда дистанционных работников нашли свое отражение в специальной главе 49.1 ТК РФ, где особый интерес в рамках рассматриваемой темы для нас предоставляет специальная статья по охране труда (статья 312.7 ТК РФ). В рамках названной статьи законодатель ограничивает объем установленной в отношении работодателя обязанности по обеспечению безопасных условий труда и охраны труда следующими положениями: (1) расследовать и учитывать несчастные случаи на производстве, профессиональных заболеваний, учитывать причины и обстоятельства событий, приведших к возникновению микроповреждений (микротравм); (2) обеспечивать выполнение предписание должностных лиц по соблюдению трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права и рассматривать представления органов профсоюза с принятием мер в установленные сроки; (3) обеспечить обязательное социальное страхование работников от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний; (4) ознакомить сотрудников дистанционных работников с требованиями охраны труда при работе с оборудованием и средствами, рекомендованными или предоставленными работодателем. Расширение пределов ответственности работодателя по обеспечению безопасных условий труда и охраны труда за пределами этих 4 пунктов может быть предусмотрена трудовым договором, дополнительными соглашениями к нему или локальными нормативными актами, коллективным договором. Как следствие, в соответствии с указанными выше положениями, работодатель обязан обеспечить обязательное социальное страхование работников от несчастных случаев на производстве и обеспечить их расследование

(представляется, что логика заключается в том, что материалы расследования лежат в основе принятия решения о выплате сумм страховых пособий). Более того, следует констатировать, что отношения по охране труда находят свое отражение в огромном количестве нормативно-правовых актов различных отраслей законодательства – конституционного, трудового, административного, уголовного, гражданского. Указанные нормативно-правовые акты развиваются неравномерно и представляют большой объем данных, освоение которых для рядового сотрудника без специальной подготовки представляется затруднительным.

При этом важно отметить, что в соответствии со ст. 3 ФЗ № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», несчастный случай на производстве представляет собой событие, в результате которого застрахованный получил увечье или иное повреждение здоровья при исполнении им обязанностей по трудовому договору и в иных установленных настоящим Федеральным законом случаях как на территории страхователя, так и за ее пределами либо во время следования к месту работы или возвращения с места работы на транспорте, предоставленном страхователем, и которое повлекло необходимость перевода застрахованного на другую работу, временную или стойкую утрату им профессиональной трудоспособности либо его смерть [9]. Таким образом, причинение тяжкого вреда здоровью или смерти работнику из-за несоответствующих установленным стандартам безопасности условиям труда может быть квалифицировано как несчастный случай на производстве, произошедший с дистанционным работником, если установлен факт ее получения во время выполнения задания работодателя. Чечурина А.В. и Красненкова Е.В. также отмечают, что любое наступившее с работником событие бытового характера, приведшее к ситуации, травмы, увечья, тяжкого вреда здоровью, смерти можно квалифицировать как несчастный случай на производстве [10]. Указанная позиция также нашла свое отражение в Письме Роструда от 21.02.2022 № ПГ/03162-6-1 [4], которое было сформировано по вопросу оформления травмы, полученной дистанционным работником, как производственной. В Письме Роструда было обозначено, что особый порядок признания получения травмы несчастным случаем на производстве для работников, трудящихся дистанционно не установлен. В связи с этим можно сделать вывод о том, что порядок привлечения работодателя к уголовной ответственности в рамках статьи 143 УК РФ также будет иметь процедуру и характер, аналогичные тем, что установлены в рамках взаимоотношений с иными работниками.

Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) в делах по разрешению споров между работодателем и дистанционными работниками уже обозначил свою позицию в пользу дистанционных работников, которая совпадает с обозначенными выше выводами. Так, например, в деле о незаконном увольнении и размере компенсационных выплат, связанных с увольнением дистанционного работника (Определение ВС РФ от 21 марта 2022 года № 4-КГ21-54-К1), Верховным Судом была сформирована правовая позиция, согласно которой право дистанционного сотрудника на гарантии и компенсации, предусмотренные трудовым законодательством, не может быть ограничено по сравнению с правами тех, кто трудится по месту нахождения работодателя [3]. Несмотря на то, что указанный судебный прецедент связан с разрешением иного вопроса, указанное определение ВС РФ, на наш взгляд, положило начало в формировании устойчивых правоприменительных позиций при разрешении споров с дистанционными работниками по различным вопросам. Таким образом, можно предполагать закрепление указанной ВС РФ правовой позиции в том числе в спорах об обеспечении надлежащих условий охраны труда, где дистанционный работник выступает потерпевшим.

Субъектом преступления ст. 143 УК РФ являются лица, на которых в силу их служебного положения или по специальному распоряжению непосредственно возложена обязанность обеспечивать соблюдение правил и норм охраны труда (руководители структурных подразделений организаций, специалисты службы охраны труда и иные лица [5]), а также руководители предприятий и организаций, их заместители, главные инженеры, главные специалисты предприятий, если они не приняли мер к устранению заведомо известного им нарушения правил охраны труда. Указанный перечень субъектов преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ, расширяется в п. 4 действующего Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2018 г. № 41 (далее – Постановление Пленума № 41), где дополнительно поименованы специалисты, привлекаемые работодателем по гражданско-правовому договору, если на них непосредственно возложены обязанности обеспечивать соблюдение требований охраны труда работниками и иными лицами, участвующими в производственной деятельности работодателя [7].

В Постановлении Пленума № 41 также указано, что потерпевшим в рамках преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ являются как работники, заключившие трудовой договор, так и работники с которыми такой договор не заключался либо не был оформлен надлежащим образом, но они приступили к работе с ведома или по поручению работодателя либо его уполномоченного представителя [7].

В соответствии с вышерассмотренными положениями, представляется возможным привлечение работодателя к уголовной ответственности по ст. 143 УК РФ, так как 1) регулирование взаимоотношений с дистанционными работниками не получило должного закрепления на законодательном уровне, особенно применительно к разграничению зон ответственности в рамках обеспечения требований по охране труда (регулирования в рамках одной статьи Трудового Кодекса РФ не представляется достаточным); 2) при этом, в рамках ТК РФ объем ответственности работодателя в отношении дистанционных работников включает в себя все, что связано с несчастными случаями и травмами; 3) отсутствует единая сформированная судебная практика по спорам с дистанционными работниками по различным вопросам, в частности по вопросы охраны труда не сформирована вовсе; 4) дистанционный работник подходит под признаки потерпевшего статьи 143 УК РФ, утвержденные нормативно-правовыми актами; 5) работодатель является надлежащим субъектом уголовной ответственности по ст. 143 УК РФ.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что в России вопросы охраны труда дистанционных работников и привлечения работодателей к уголовной ответственности за их нарушение имеют пробелы и должным образом не урегулированы, так как представляют собой совершенно новую плоскость исследования и правоприменительной практики. Однако, стремление разрешить этот вопрос подтверждается уже формирующейся практикой Верховного Суда по более понятным спорам с дистанционными работниками, присоединение России в 2017 году к Концепции «Нулевой травматизм» [1], основанной на идее возможности предотвращения травматизма при обеспечении соответствующих мероприятий в рамках охраны труда компаниями и партнерами. Представляется, что механизм и основания привлечения работодателя к уголовной ответственности по ст. 143 УК РФ в случаях несчастного случая в отношении дистанционного работника в рабочее время следует установить аналогичными применительно к отношениям с дистанционными работниками с учетом особенностей, рассмотренных в статье.

Список использованных источников:

1. Концепция «Vision Zero». Режим доступа: <https://visionzero.global/ru> (дата обращения 02.09.2022).
2. Международная организация труда. Мировая статистика. Тяжкое бремя плохих условий труда. URL: https://www.ilo.org/moscow/areas-of-work/occupational-safety-and-health/WCMS_249276/lang--ru/index.htm.

3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.03.2022 N 4-КГ21-54-К1. Режим доступа: СПС «Консультант Плюс».

4. Письмо Роструда от 21.02.2022 № ПГ/03162-6-1. Режим доступа: СПС «Консультант Плюс».

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2018 № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов». Режим доступа: СПС «Консультант Плюс».

6. Производственный травматизм от 13.07.2021 года. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/working_conditions?print=1 (дата обращения: 02.09.2022 г.).

7. Уголовное право России. Общая часть. Учебник для ВУЗов, 2е издание переработанное и дополненное. Волтерс Клувер 2005. Отв. редактор Л. Л. Кругликов. С. 107.

8. Уголовное судопроизводство. Общие показатели по категориям дел. URL : <http://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/11/s/1> (дата обращения: 15.09.2022 г.).

9. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» (с изм. и доп.). Режим доступа: СПС «Консультант Плюс».

10. Черных Н.В. Охрана труда и нетипичные формы занятости. Образование и право. 2022. №1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ohrana-truda-i-netipichnye-formy-zanyatosti> (дата обращения: 12.09.2022).

УДК 327

СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕАЭС В АРКТИКЕ

© В.А. Мещериков

Сибирский федеральный университет

Последние десятилетия ознаменовались большим интересом к Арктике со стороны большого количества государств. Российская Федерация заинтересована в освоении своей Арктической зоны развития ее территории и необходимой инфраструктуры, которая позволит проводить научные исследования Арктики, экономическое развитие данной территории,

повышения социального благополучия коренных народов проживающих в Арктической зоне России.

Правовую основу для развития Арктической зоны РФ составляет национальное законодательство. Большое значение для достижения обозначенной цели имеет Федеральный закон «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» от 13.07.2020 № 193-ФЗ (далее ФЗ № 193). Положение ФЗ №193 содержит нормы направленные на достижение следующих целей: экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации; стимулирование и активизация инвестиционной и предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации) создание экономической основы для опережающего социального развития и улучшения качества жизни в Арктической зоне Российской Федерации.

Для достижения этих целей в Арктической зоне применяется таможенная процедура свободной таможенной зоны, установленная Таможенным кодексом Евразийского экономического союза. В целях применения таможенной процедуры свободной таможенной зоны Арктическая зона приравнивается к особой экономической зоне (далее ОЭЗ). Правовое регулирование ОЭЗ в РФ осуществляется посредством норм национального законодательства и международных соглашений. Основным нормативно-правовым актом в области регулирования правоотношений ОЭЗ РФ является Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (далее ФЗ № 116) и Соглашение по вопросам свободных (специальных, особых) экономических зон на таможенной территории Таможенного союза и таможенной процедуры свободной таможенной зоны» от 18.06.2010.

Понятие Особой экономической зоны закреплено в п.п.1. Ст.2. ФЗ №116: ОЭЗ РФ является частью территории Российской Федерации, она определяется Правительством Российской Федерации и на ней действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности, а также может применяться таможенная процедура свободной таможенной зоны.

ОЭЗ РФ создается с целью развитие предпринимательской деятельности на данной территории в следующих направлениях: создание обрабатывающих отраслей экономики, высокотехнологичных отраслей экономики, развития туризма, портовой и транспортной инфраструктур, разработки технологий и коммерциализации их результатов, производства новых видов продукции.

В Соглашении 2010 г. речь идет о правовом статусе территории СЭЗ, а не ОЭЗ, при этом под СЭЗ понимается - часть таможенной территории таможенного

союза, на которой применяется таможенная процедура свободной таможенной зоны (далее СТЗ).

Понятие таможенной процедуры закреплено в ст. 201 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза. Данная процедура применяется в отношении иностранных товаров и товаров Союза, в соответствии с которой такие товары размещаются и используются в пределах территории СЭЗ или ее части без уплаты таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин при соблюдении условий помещения товаров под эту таможенную процедуру и их использования в соответствии с такой таможенной процедурой. При этом необходимо отметить, что товары, помещенные под эту таможенную процедуру, могут использоваться только в тех целях, с которыми они ввозятся резидентами СЭЗ на эту территорию, при этом есть отдельные категории товаров, которые не могут быть помещены под таможенную процедуру СТЗ: *транспортные средства*, осуществляемые перевозку грузов, пассажиров и багажа и перемещающих товары с территории СЭЗ, *припасы*, находящиеся на этих транспортных средствах, а так же *подакцизные товары*, за исключением товаров, ввозимых на территории портовых участков или логистических участков Арктической зоны и иные товары установленные Правительством РФ а также товары, которые определяет Комиссия (Евразийская экономическая комиссия) К товарам которые по решению Комиссии не может быть помещен под таможенную процедуру СТЗ - *это белый сахар* имеющий статус иностранного товара (код 1701 99 единой ТНВЭД ЕАЭС).

Применение таможенной процедуры СТЗ способствует развитию предпринимательской деятельности, за счет стимулирования ввоза и вывоза товаров, совершение с ними операций, предусмотренных нормами таможенного законодательства. К операциям, которые могут быть совершены по отношению к ввозимым товарам, относятся переработка товаров, изготовление, монтаж, сборка, разборка и другие.

Правовой статус переработанных товаров в СЭЗ определяется от вида товаров подвергшихся процедурам переработки: если товары были изготовлены из иностранных товаров помещенных по таможенную процедуру СТЗ то такие товары приобретают статус иностранных товаров, если переработке подверглись товары Союза, то у них остается статус товаров Союза, но если при переработки товаров использовались иностранные товары и товары Союза, то в случае их вывоза с таможенной территории ЕАЭС их статус определяется в соответствии со ст. 210 ТК ЕАЭС.

Для применения таможенной процедуры свободной таможенной зоны в Арктической зоне обязательным условием является создание зоны таможенного контроля (далее ЗТК).

Она создается таможенными органами на участке резидента Арктической зоны. создается в целях обеспечения эффективности таможенного контроля. При создании ЗТК большое внимание уделяется ограждению портового и логистического участков АЗРФ, а также участка резидента Арктической зоны и обозначения их границ; определения зданий, помещений, сооружений необходимых для совершения таможенных операций и проведения таможенного контроля; оснащению и оборудованию объектов таможенной инфраструктуры.

Порядок ввоза и вывоза товаров, транспортных средств на участки Арктической зоны РФ, на которых применяется таможенная процедура СТЗ, а также осуществление таможенных операций таможенный контроль в отношении товаров и транспортных средств, осуществляется таможенными органами РФ.

Товары, помещаемые под таможенную процедуру СТЗ, подлежат таможенному декларированию в соответствии со ст.37 ФЗ №116-ФЗ при этом декларантами товаров могут быть только резиденты Арктической зоны, в отдельных случаях предусмотренных действующим законодательством, их доверенные лица.

Действие процедуры свободной таможенной зоны завершается в соответствии со ст. 207 ТК ЕАЭС:

1) прекращение функционирования СЭЗ или принятие решения о прекращении применения таможенной процедуры свободной таможенной зоны на территории СЭЗ - в течение 6 месяцев со дня прекращения функционирования СЭЗ или принятия такого решения;

2) утрата лицом, поместившим товары под таможенную процедуру свободной таможенной зоны, статуса резидента (участника, субъекта) СЭЗ - в течение 6 месяцев со дня утраты лицом этого статуса;

3) вывоз товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны, товаров, изготовленных (полученных) из товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны, с территории СЭЗ и в иных случаях.

Исходя из приведенного анализа необходимо отметить следующее, что правой статус ОЭЗ в Арктической зоне РФ предоставляет большие возможности связанные с развитием предпринимательства на данной территории, которую по климатическим условиям нельзя признать благоприятной для ведения

бизнеса, но в то же время, предоставление таможенных, налоговых, административных льгот привлекает предпринимателей организовать свой бизнес в Арктической зоне РФ. Применение таможенной процедуры Свободной таможенной зоны также является толчком к привлечению специалистов в области таможенного дела, можно согласиться с Кирилловой, что создание ОЭЗ Создание особой экономической зоны в российской Арктике повлечет за собой развитие инфраструктуры обеспечения таможенной деятельности в регионе. Будут востребованы посредники по выполнению вспомогательных бизнес-процессов, связанных с таможенным оформлением, транспортировкой и хранением товаров. Конкурентные преимущества будут иметь фирмы, предлагающие самый полный перечень таможенных услуг. [1]

Как видно из приведенного анализа нормативно-правовых актов экономические перспективы развития Арктической зоны РФ достаточно большие, но при этом актуальным остается вопрос о привлечении резидентов государств стран ЕАЭС к осуществлению предпринимательской деятельности в АЗ РФ.

Ст. 2 ФЗ № 193 содержит понятия резидента АЗ РФ: резидент Арктической зоны - индивидуальный предприниматель или являющееся коммерческой организацией юридическое лицо, государственная регистрация которых осуществлена в Арктической зоне Российской Федерации согласно законодательству Российской Федерации (за исключением государственных и муниципальных унитарных предприятий), которые заключили в соответствии с настоящим Федеральным законом соглашение об осуществлении инвестиционной деятельности в Арктической зоне Российской Федерации (далее - соглашение об осуществлении инвестиционной деятельности) и включены в реестр резидентов Арктической зоны Российской Федерации.

Как видно из положения данной статья резидентом АЗ РФ могут быть предприниматели и юридические лица, зарегистрированные согласно законодательству РФ, что автоматически приводит к тому, что предприниматели и юридические лица государств членов ЕАЭС не могут получить статус резидента АЗ РФ, что ограничивает возможность участия резидентов государств-членов ЕАЭС в осуществлении предпринимательской деятельности на территории Арктической зоны РФ.

Тем временем привлечение ресурсов государств — членов ЕАЭС в арктические проекты имеет большое значение для формирования общего рынка углеводородов. Совместные инвестиции в разработку месторождений и транспортную логистику — залог взаимовыгодных отношений и сближения государств в рамках ЕАЭС.[2] Между тем, привлечение научных и технических

ресурсов стран — участниц союза к реализации арктических проектов, очевидно, выгодно всем. Сейчас сотрудничество России со странами ЕАЭС по Арктике практически отсутствует и экономически малоэффективно.

На сегодняшний момент можно констатировать, что практически отсутствует сотрудничество государств в Арктической зоне РФ. Так, Федотовских А.В [3] в своей статье отмечает большой потенциал сотрудничества в научной и общественной сферах между государствами. В то же время автор отмечает, что сотрудничество носит единичный характер: 2011г. Республика Беларусь, Республика Казахстан и Россия поддержали инициативу Международного фонда защиты животных (IFAW) о запрете импорта и экспорта шкур гренландского тюленя; в 2015г. состоялась первая казахстанская лыжная экспедиция на Северный полюс, а также были проведены мероприятия в рамках, которых были представлены различные проекты, в которых потенциально могут принять участия страны ЕАЭС в Арктической зоне РФ.

Сотрудничество в сфере торговли между странами ЕАЭС имеет также большой потенциал, особенно если использовать возможности Северного морского пути в качестве основного пути доставки товаров на таможенную территорию ЕАЭС, так и вывоза товаров с этой территории. Как отмечает Филаткина Е.М.[4] преимущество Северного морского пути перед маршрутом Суэцкого канала – экономия времени. Так, в среднем прохождения груза через Суэцкий канал занимает около тридцати четырех дней, а по Северному морскому пути всего двадцать три дня и, к тому же, на данном маршруте грузовые суда не стоят в очереди. То есть используя данный маршрут участники внешнеэкономической деятельности могут увеличить товарооборот благодаря сокращению времени поставок и удешевлению морских перевозок.

Список использованных источников:

1. Кириллова Т.В. Перспективы развития ОЭЗ в Арктике // Петербургский экономический журнал. 2021. № 4. С. 93-102.
2. Арктическое право : учебник для вузов / ответственный редактор П.Н. Бирюков. Москва.: Юрайт, 2020. 218 с.
3. Федотовских А.В. Возможности сотрудничества государств-участниц Евразийского союза в Арктической зоне России // Россия: тенденции и перспективы развития. 2016. № 17-3. С.213-215.
4. Филаткина Е.М. Перспективы торгово-экономического сотрудничества ЕАЭС в Арктическом регионе в контексте формирования единого цифрового пространства // Мировые цивилизации. 2021. № 1, Т.6. С.1-8.

УДК 347.71

РАЗГРАНИЧЕНИЕ КРАЖИ И ПРИСВОЕНИЯ НАЙДЕННОГО ИМУЩЕСТВА

© А.С. Мирончик

Сибирский федеральный университет

Нередко бывают случаи находки брошенных, потерянных и оставленных без присмотра вещей. В большинстве случаев граждане думают, что обнаружение чужой вещи – это находка, которая не влечет никаких правовых последствий. Верно ли это?

Так, в соответствии со ст. 227 Гражданского кодекса РФ, нашедший потерянную вещь обязан немедленно уведомить об этом лицо, потерявшее ее, или собственника вещи, или кого-либо другого из известных ему лиц, имеющих право получить ее, и возвратить найденную вещь этому лицу. Если вещь найдена в помещении или на транспорте, она подлежит сдаче лицу, представляющему владельца этого помещения или средства транспорта. В этом случае лицо, которому сдана находка, приобретает права и несет обязанности лица, нашедшего вещь. Если лицо, имеющее право потребовать возврата найденной вещи, или место его пребывания неизвестны, нашедший вещь обязан заявить о находке в полицию или в орган местного самоуправления. При этом нашедший вещь вправе хранить ее у себя либо сдать на хранение в полицию, орган местного самоуправления или указанному ими лицу [1]. Таким образом, нашедший вещь обязан, с одной стороны, информировать о находке, а с другой – возвратить вещь собственнику. Вместе с тем за неисполнение этой обязанности законодательной ответственности напрямую не установлено – ни административной, ни уголовной.

С точки зрения уголовного закона, для возможного привлечения к ответственности лица по главе 21 УК необходимо наличие всех признаков хищения, и в первую очередь, в этой ситуации встает вопрос о наличии всех обязательных признаков предмета хищения – вещного, экономического и юридического. Установление указанных признаков в найденном предмете позволяет при наличии других признаков хищения квалифицировать случаи присвоения найденного как хищения, чаще как кражу по ст. 158 УК РФ.

Для наличия экономического признака необходимо установление потребительской и меновой стоимости у вещи. Поэтому малоценные, изношенные вещи предметом хищения не признаются. Но вещь, утратившая для одного человека свои потребительские свойства, может их иметь для другого

человека, в связи с этим не мало важным является установление наличия или отсутствия юридического признака - имущество должно быть чужим. У него явно должен быть владелец, собственник. Оно не должно быть бесхозяйным.

В связи с этим интересным с точки зрения квалификации являются случаи присвоения мусора - имущества, которое собственник складировал на мусорной площадке или в мусорном баке для вывоза на специализированную мусорную площадку.

Так, в этом году гражданин обнаружил за магазином Леруа Мерлен в мусорном баке порванные мешки с о строительными смесями, поврежденный лист осп и решил забрать этот мусор себе. Представитель магазина запретил забирать этот мусор ему, сказав, что он принадлежит магазину, подлежит утилизации и сообщил в полицию [2].

Можно ли в этой ситуации считать мусор предметом хищения? Ведь явно, что если это имущество под утилизацию, то оно, скорее всего, уже списано, но пока находится на территории собственника, в баках, принадлежащих собственнику. В судебной практике существуют примеры привлечения к уголовной ответственности за присвоение выброшенного имущества, приготовленного к вывозу на свалку.

Так, Краснодарский краевой суд, рассматривая вопрос о наличии в присвоенной вещи признаков бесхозяйного имущества, указал, на то, что факт, нахождения в открытом доступе мусора на момент совершения преступления не может свидетельствовать о том, что указанное имущество являлось бесхозным [3]. В суде первой инстанции установлено, что потерпевший А. не отказывался от права собственности на похищенное у него имущество и не совершал действия, определенно свидетельствующие о его устранении от владения, пользования и распоряжения данным имуществом без намерения сохранить какие-либо права на похищенное у него имущество. В соответствии с ч. 1 ст. 225 ГК РФ, бесхозной является вещь, которая не имеет собственника или собственник которой неизвестен либо, если иное не предусмотрено законами, от права собственности на которую собственник отказался [1]. В этой связи виновный должен был предпринять действия, направленные на установление принадлежности похищенного имущества, а он этого не сделал. В связи с этим найденное имущество было признано предметом хищения.

Если вернуться к примеру с Леруа Мерлен, то тут появление представителя собственника уже достаточно для того, чтобы понять, что имущество не бесхозяйное, но и даже если представитель не появился, то лицо должно понимать, что изъятие происходит с территории собственника. Вместе с тем

изъятие может происходить не с территории собственника, например, складировано вдоль ремонтируемой дороги, около дачного участка и т.д.

В этой связи следует отметить, что анализ судебной практики позволяет сделать следующие выводы:

Правоприменитель выработал определения понятий потерянная вещь, забытая вещь, оставленная без присмотра. Ориентируясь на них разграничивает присвоение найденного и кражу.

Имущество, находящееся в помещении, специальном хранилище, транспортном средстве (автомобиле, купе поезда), считается находящимся во владении лица, которому принадлежит помещение или который поместил (оставил) там свои вещи. Вещи, оставленные без присмотра в специальных местах (вокзал, аэропорт и т.д.), считаются находящимися во владении лиц, которым они принадлежат. Поэтому, если гражданин оставил на время багаж (сумку, чемодан) на вокзале без присмотра, завладение указанным посторонним лицом должно рассматриваться как кража [4]. Этот подход не нов, и явно понятен всем, что завладевая такой найденной вещью со всей очевидностью понимает, что у этого имущества есть собственник и владелец.

Забытая вещь находится в месте, известном собственнику или владельцу, и он имеет возможность за ней вернуться или иным способом её возвратить. Так, если пассажир, забывает в такси свои вещи (сумку, телефон), а водитель либо последующий пассажир забирает их с намерением обратить в свою пользу, он совершает кражу [5].

Примеров привлечения к уголовной ответственности лиц, обнаруживших телефон в такси, множество, причем как водителей такси, так и пассажиров, которые ехали после пассажира, забывшего телефон [5,6]. Но телефон, ноутбук и иной гаджет – это имущество, которое имеет идентификационные признаки, позволяющие установить владельца.

Можно привести иной пример: охотники по осени поехали в лес, автомобиль застрял, выехать не смогли, решили вернуться, когда погода наладится, в результате вернулись за ним только по весне, а транспортного средства уже нет. Автомобиль имеет идентификационные признаки, регистрационные номера, номера двигателя и т.д. Обход близлежащих деревень участковым по заявлению собственника, позволяет обнаружить его в одном из дворов. Установлено, что местный житель нашел машину в лесу, вытащил и стал использовать. В этом случае можно привлечь за кражу.

Следует отметить, что потерянная вещь – это предмет, не имеющий идентификационных признаков принадлежности и находящейся в месте,

которое собственнику или владельцу неизвестно [5]. Таким образом, присвоение находки, т.е. утерянной вещи, не влечет уголовной ответственности.

Характерным моментом при определении статуса бесхозяйной вещи является именно ее бессубъектность, что служит основанием смены владельца, однако в собственность другого лица она переходит уже после соблюдения процедуры установления собственника, истечения срока исковой давности и принятия вещи. До этого прежний собственник сохраняет право собственности на данную вещь и вправе требовать ее возврата от незаконных владельцев. Вещь, уже находящаяся в фактическом владении, не может быть законно присвоена другими лицами, и, следовательно, неверно ее относить к бесхозяйной [7].

В связи с этим для отграничения хищений и иных преступлений против собственности от обращения в свою пользу бесхозяйной вещи важное значение имеет определение момента прекращения бесхозяйного состояния соответствующих вещей [8].

Между тем, при находке вещей всё же необходимо задуматься о правомерности своих действий. А во избежание уголовной ответственности, предусмотренной ст. 158 УК РФ, необходимо выполнение ряда несложных действий, которые закреплены гражданским законодательством.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс. Часть первая // СПС Консультант Плюс.
2. На краснаярца завели уголовное дело за кражу мусора из мульты возле «Леруа Мерлен» // <https://krasrab.ru/news/society/25818>
3. Апелляционное определение от 14 декабря 2021 года по делу № 22-7948/2021 // https://kraevoi--krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_uid=945be700-3727-42ad-8982-8670edc61522&_delold=4&_caseType=0&_new=0&_doc=1&srv_num=1&_hideJudge=0
4. Прокурор разъясняет разграничение кражи и находки // <https://tushino-juzhnoe.mos.ru/the-rule-of-law-security-legality/the-prosecutor-s-office/detail/9459816.html>
5. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного суда Чувашской Республики - Чувашии от 24 апреля 2012 г. по делу N 22-1069// <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/102940766/>

6. Приговор суда по ч. 2 ст. 158 УК РФ № 1-102/2017 | // <https://sud-praktika.ru/precedent/260487.html>

7. Попович М.М. Приобретение права собственности в гражданском праве : автореф. дис. ... канд.юрид.наук. Волгоград, 2002.

8. Хилjuta В.В. Кража и присвоение найденного имущества. М.: Юрлит информ, 2018.

УДК 342.849.5

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ПРЕДВЫБОРНОЙ АГИТАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

© П.М. Мирошкин

Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

В связи со стремительным развитием новых информационных технологий в повседневной жизни каждого человека также происходит и модернизация средств и методов проведения агитации в предвыборный период. Огромное количество информационных поводов, которые ежедневно создаются и которые стали следствием глобальной информатизации, несомненно влияют на такой важнейший институт политической жизни граждан любого государства, как выборы. Российская Федерация не стала исключением. Высокие темпы развития российского информационного пространства проявляются, в частности, во все большем возрастании влияния информационно-коммуникационной сети Интернет на формирование общественного мнения и настроений.

Базовой правовой дефиницией, регламентирующей порядок проведения предвыборной агитации в Российской Федерации (в том числе в сети Интернет) является ст. 48 Федерального закона Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [6] (далее – Закон № 67).

Необходимо отметить, что в 2021 году был принят Федеральный закон от 09.03.2021 № 43-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8], которым, в частности, были внесены изменения в ст. 48 Закона № 67 путем внесения в п. 3 указанной статьи подпункта «в», согласно которому «Предвыборная агитация, агитация по вопросам референдума может проводиться ... посредством изготовления и

распространения, в том числе в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет», печатных, аудиовизуальных и других агитационных материалов» [8]. Кроме того, внесенными изменениями предусмотрена возможность ЦИК России и избирательных комиссий субъектов Российской Федерации обращения в Роскомнадзор с представлением о пресечении распространения в сети Интернет агитационных материалов с нарушением законодательства о выборах.

И.Б. Борисов называет предвыборную агитацию в сети Интернет понятием «интернет-агитация на выборах» и определяет ее как «деятельность, осуществляемую в период избирательной кампании с применением современных информационно-коммуникационных технологий, основанных на возможностях сети Интернет, и имеющую целью побудить или побуждающую избирателей к голосованию за кандидата, кандидатов, список, списки кандидатов или против него (них)» [5, с. 11].

Важно отметить, что т.н. «избирательное законодательство» не дает определений понятий «интернет-агитация», «интернет-ресурс», «сетевое издание», «интернет-страница» и «мессенджер» [1, с. 62].

Социальные сети стали одним из наиболее активно применяемых способов проведения предвыборной агитации в последние годы. Интересна в данном контексте кампания по выборам Президента США 2016 г. Одной из наиболее эффективных агитационных технологий, способствовавших победе Д. Трампа, стало его личное ведение аккаунта в сервисе микроблогов. Можно констатировать, что такое общение с избирателями и журналистами стало альтернативой традиционным СМИ и одной из первых успешных избирательных кампаний, важную роль в которых сыграли социальные сети [8]. Необходимо учитывать, что распространение информации, обладающей всеми признаками предвыборной агитации применялось также и на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации VIII созыва в сентябре 2021 года.

Интересной представляется позиция Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, изложенная в разъяснениях ЦИК РФ на в отношении к социальным сетям как к площадкам распространения аудиовизуальных и иных агитационных материалов. Так, резюмируя позиции ЦИК РФ – это некая «иная форма агитации». «Иная» — в сравнении с традиционными теле, радио, печатными СМИ и сетевыми изданиями.

В связи с тем, что проведение предвыборной агитации в социальных сетях является одним из видов агитации, проводимой в Интернете, то вполне обоснованным представляется мнение о том, что этот вид агитации должен

также быть урегулирован нормами законодательства, равными нормам, которые регулируют общие нормы агитации в сети Интернет.

Однако, как справедливо замечает И.А. Брикульский, соцсети, которыми пользуются российские избиратели, не относятся к сетевым издательствам и не регулируются законодательством о СМИ, а значит, в соответствии с разъяснениями ЦИК РФ попадают под действие правового режима аудиовизуальных материалов [1, с. 65].

При этом, в связи с данным правовым статусом агитации в социальных сетях, возникает ряд сложностей.

Например, согласно пп. 2 п. 5 ст. 68 Федерального закона от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», экземпляры печатных предвыборных агитационных материалов или их копии, экземпляры или копии аудиовизуальных предвыборных агитационных материалов, фотографии, экземпляры или копии иных предвыборных агитационных материалов, а также электронные образы этих предвыборных агитационных материалов в машиночитаемом виде до начала их распространения должны быть представлены:

1) политической партией, выдвинувшей федеральный список кандидатов, - в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации или в избирательные комиссии субъектов Российской Федерации, на территориях которых будут распространяться эти материалы;

2) кандидатом - в соответствующую окружную избирательную комиссию [7].

Однако никакой возможности исполнения данного требования де-факто нет. В различных социальных сетях ежедневно может публиковаться бесчисленное количество постов, которые могут быть признаны предвыборной агитацией. При этом следует отметить, что требование закона предполагает представление материала до его распространения и экземпляр должен быть предоставлен в избирательную комиссию физическим образом, то есть распечатан и записан на цифровой носитель. Исходя из практической части, соответствующее требование, предъявляемое к материалам, которые будут размещаться в социальных сетях, заведомо неисполнимо.

При этом предвыборная агитация в Интернете обладает рядом преимуществ.

Как справедливо замечает С.Ю. Голубева, во-первых, она является экономически выгодной, поскольку стоимость изготовления и дальнейшего размещения электронных агитационных материалов в разы меньше в сравнении с теми же печатными или транслируемыми с помощью телевидения. Во-вторых,

в потенциале обладает наивысшей степенью вовлеченности электората, так как позволяет охватить не просто конкретную часть населения или же территорию, а в общем всех пользователей интернет-пространства. В-третьих, аудитория, вовлеченная в интернет-агитацию, как правило, имеет больший интерес к самим выборам и, как следствие, активную гражданскую позицию. В-четвертых, широкий выбор инструментов, оперативность и доступность интернета позволяют транслировать агитационные материалы практически в любом формате из любой точки мира в режиме реального времени [4, с. 40].

При этом, необходимо подчеркнуть, что повсеместное развитие социальных сетей и их активное ведение пользователями позволяет, в определенной степени, «персонифицировать» агитационную продукцию, транслируемую потенциальному избирателю, опираясь на его интересы, друзей и подписки и иные факторы, размещенные в социальных сетях. При этом, необходимо учитывать, что весьма значительную роль в использовании информации является метод ее сбора, а также соответствие использования собранной информации принципу защиты персональных данных физического лица.

Подводя итог, необходимо отметить, что технический прогресс и, как следствие, глобальная информатизация общества является важнейшим звеном в выстраиваемой работе в предвыборный период.

Как справедливо отмечает Д.И. Гигаури, «будущее избирательных технологий лежит в структурных преобразованиях внутри политической культуры, которая подвержена диффузным процессам, происходящим в глобальном пространстве цифровых взаимодействия и развития киберэкономики. Без использования в должной степени контента качественного уровня, который позволял бы не только оптимальным образом структурировать невербальную информацию, но также и сделать политическую информацию (идеи, программы партий и кандидатов) наиболее осязаемой посредством использования визуального и аудио-ряда, эффекта «живого диалога» с аудиторией, интерес у граждан к политике будет неуклонно падать» [3].

Агитация, как форма активного вовлечения граждан в политический процесс постоянно развивается становится инструментом манипулирования общественным мнением. Социальные сети, на сегодняшний день, являются одним из мощнейших инструментов и площадкой для проведения предвыборной агитации, следовательно, требуют должного правового регулирования порядка ее проведения.

Список использованных источников:

1. Брикульский И.А. Предвыборная агитация в социальных сетях: проблемы правового регулирования // Труды по интеллектуальной собственности (Works on intelletial Property). 2021. Т. 38. № 3. С. 61-81.

2. Выборы в мире: агитация в сети Интернет / И.Б. Борисов, А.Г. Головин, А.В. Игнатов; Под общ. ред. И.Б. Борисова – М.: Российский общественный институт избирательного права, 2017. 268 с.

3. Гигаури Давид Ираклиевич Выборы в Государственную Думу 2021: блоги, социальные сети и партийная идентичность в виртуальном пространстве // Социодинамика. 2021. №11. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vybory-v-gosudarstvennuyu-dumu-2021-blogi-sotsialnye-seti-i-partijnaya-identichnost-v-virtualnom-prostranstve> (дата обращения: 30.09.2022).

4. Голубева С.Ю. Предвыборная агитация в сети Интернет // Теория права и межгосударственных отношений. В. 8 (20) Т. 1. 2021. С. 38-43.

5. Мархгейм М.В., Никонова Л.И. Предвыборная агитация в сети Интернет: версии доктрины и динамизм практики // НОМОТНИКА: Философия. Социология. Право. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predvybornaya-agitatsiya-v-seti-internet-versii-doktriny-i-dinamizm-praktiki> (дата обращения: 14.09.2022).

6. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // «Парламентская газета», № 110-111, 15.06.2002.

7. Федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 24.02.2014.

8. Федеральный закон от 09.03.2021 № 43-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 09.03.2021.

УДК 343.9

**ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И
ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛА И ВОЗРАСТА
ОСУЖДЕННЫХ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ СУДЕБНОЙ СТАТИСТИКИ**

© Г.Л. Москалев

*Сибирский федеральный университет
Шанхайский политико-юридический университет*

Тема противодействия криминальным проявлениям экстремизма и терроризма в настоящее время продолжает находиться в числе наиболее значимых в общественной, политической и научной сферах. Иллюстрацией тезису служат ежегодные изменения УК РФ в части регламентации ответственности за преступления экстремистской и террористической направленности. Свою актуальность вопрос сохраняет и для доктрины: 7 исследований на соискание ученых степеней в области уголовно-правовых наук которые только в текущем неполном году были представлены в диссертационные советы (по данным официального сайта Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки РФ vak.minobrnauki.gov.ru на 20.09.2022).

Значительное внимание противодействию экстремизму и терроризму с 2015 года уделяется в рамках обеспечения национальной безопасности России. Важно отметить, что новая Стратегия национальной безопасности 2021 [8], в отличие от предыдущей [7], делает особый акцент на угрозах, связанных с распространением информации экстремистского и террористического содержания.

Для обозначения криминальных проявлений экстремизма и терроризма используют понятия «преступления экстремистской направленности» и «преступления террористической направленности». Круг таких преступлений при ведении судебной статистики определяется аналогично тому, как это происходит в МВД РФ и органах Прокуратуры РФ [9]. Без дополнительных условий к преступлениям экстремистской направленности относятся преступления, предусмотренные п. "е" ч. 2 ст. 111, п. "е" ч. 2 ст. 112, п. "б" ч. 2 ст. 115, п. "з" ч. 2 ст. 117, п. "б" ч. 1 ст. 213, ст. 280, 280.1, 280.2, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 357 УК РФ, а к преступлениям террористического характера - ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 205.6, 208, ч. 4 ст. 211, ст. 277, 360, 361 УК РФ [1]. Из этой группы составов можно выделить преступления, общественная опасность

которых заключается в распространении незаконной информации или противоправном нераспространении информации. Это ст. 205.2, 205.6, 280, 280.1, 282 УК РФ. В контексте данной статьи мы обозначим их как информационные преступления экстремистской и террористической направленности. Для оценки масштабов угрозы, исходящей от этой группы преступлений, и ее структуры проанализируем динамику изменений показателей, изложенных в статистических отчетах Судебного департамента при Верховном Суде РФ [2-6].

В таблице 1 представлено изменение числа осужденных по рассматриваемым составам с 2017 по 2021 год.

ЧИСЛО ОСУЖДЕННЫХ					
	2017	2018	2019	2020	2021
<i>ч. 1 ст. 205.2</i>	67	51	46	36	29
<i>ч. 2 ст. 205.2</i>	9	44	57	111	170
<i>ст. 205.6</i>	14	47	49	74	104
<i>ч. 1 ст. 280</i>	20	7	8	12	13
<i>ч. 2 ст. 280</i>	88	83	109	135	242
<i>ч. 1 ст. 280.1</i>	0	0	0	0	0
<i>ч. 2 ст. 280.1</i>	5	4	2	3	0
<i>ч. 1 ст. 282</i>	461	418	14	7	20
<i>ч. 2 ст. 282</i>	1	8	5	5	23
Всего	665	662	290	383	601

Таблица 1

Наиболее заметным в указанных показателях является существенное сокращение в 2019 году общего числа осужденных за информационные преступления экстремистской и террористической направленности. Причиной этого стало то, что в конце 2018 г. в диспозицию ст. 282 УК РФ были внесены изменения [10], в результате которых наименее опасные формы возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства были декриминализованы и перешли в сферу административно противоправных деяний.

В то же время к 2021 году число осужденных за информационные преступления экстремистской и террористической направленности приблизилось к исходному значению в 2017 году. Однако распределение по

статьям УК РФ претерпело серьезные изменения, что демонстрируют данные таблицы 2.

ЧИСЛО ОСУЖДЕННЫХ				
	2017		2021	
	Чел.	% от общ.	Чел.	% от общ.
<i>ч. 1 ст. 205.2</i>	67	10,05	29	4,81
<i>ч. 2 ст. 205.2</i>	9	1,35	170	28,22
<i>ст. 205.6</i>	14	1,8	104	17,26
<i>ч. 1 ст. 280</i>	20	3	13	2,16
<i>ч. 2 ст. 280</i>	88	13,2	242	40,17
<i>ч. 2 ст. 280.1</i>	5	0,75	0	0
<i>ч. 1 ст. 282</i>	461	69,15	20	3,32
<i>ч. 2 ст. 282</i>	1	0,15	23	3,82
Всего	665		601	

Таблица 2.

Наиболее интересно то, что на составы с квалифицирующим признаком «совершенные с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет"» в 2017 году приходилось лишь 15,45 % осужденных за информационные преступления экстремистской и террористической направленности, а в 2021 году их доля выросла до 72,21 %, то есть практически в пять раз! Представленные данные доказывают, что распространение информации экстремистского и террористического содержания за последние 5 лет в большей части переместилось в Интернет.

Не менее интересно возрастное распределение осужденных за распространение информации экстремистского и террористического содержания в сети Интернет. В п. 47 Стратегия в числе задач государственной политики, направленных на обеспечение государственной и общественной безопасности, говорит о профилактике экстремистских и иных преступных проявлений, прежде всего среди несовершеннолетних и молодежи [8]. Однако данные о возрастных показателях осужденных, представленные в таблице 3, не в полной мере согласуются с положениями Стратегии.

ВОЗРАСТНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ (ч. 2 ст. 205.2 УК РФ, ч. 2 ст. 280 УК РФ, ч. 2 ст. 282 УК РФ)				
	2018	2019	2020	2021
<i>14-17 лет</i>	18 (13,32 %)	11 (6,38 %)	16 (5,92 %)	19 (4,37 %)
<i>18-24 лет</i>	53 (39,22 %)	79 (45,82 %)	69 (25,53 %)	104 (23,92 %)
<i>25-29 лет</i>	25 (18,5 %)	33 (19,14 %)	48 (17,76 %)	69 (15,87 %)
<i>30-49 лет</i>	33 (24,42 %)	42 (24,36 %)	106 (39,22 %)	207 (47,61 %)
<i>50 лет и старше</i>	6 (4,44 %)	6 (3,48 %)	29 (10,73 %)	36 (8,28 %)
Всего	135	171	268	435

Таблица 3.

Нетрудно заметить, что с 2018 года доля несовершеннолетних осужденных за информационные преступления экстремистской и террористической направленности, совершаемые в сети Интернет, неуклонно снижалась и в 2021 году не превысила и 5 %. В то же время существенно выросла и стала преобладающей доля осужденных за эти преступления в возрасте от 30 лет: с 28,86 % до 55,89 %, то есть вдвое. Следовательно, на сегодняшний день в большинстве случаев уголовно-противоправное распространение информации экстремистского и террористического содержания осуществляют довольно взрослые лица.

Полученный вывод важен для корректировки профилактических мероприятий антиэкстремистской и антитеррористической направленности, которые сегодня по большей части ориентированы на школьников и студентов.

Список использованных источников:

1. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25.06.2021 № 124 «Об утверждении Инструкции по ведению судебной статистики» // СПС «Консультант Плюс».

2. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2021 год. № 11.1 Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений УК РФ // Судебный департамент при Верховном Суде РФ.

– Режим доступа:
http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2022/k5_1-svod_vse_sudy-2021.xls (дата обращения: 20.09.2022).

3. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020 год. № 11.1 Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений УК РФ // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. – Режим доступа: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2021/k5_1-svod_vse_sudy-2020.xls (дата обращения: 20.09.2022).

4. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019 год. № 11.1 Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений УК РФ // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. – Режим доступа: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/k5_1-svod_vse_sudy-2019.xls (дата обращения: 20.09.2022).

5. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2018 год. № 11.1 Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений УК РФ // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. – Режим доступа: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/k5_1-svod_vse_sudy-2018.xls (дата обращения: 20.09.2022).

6. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017 год. № 11 Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. – Режим доступа: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2018/k5-svod-2017.xls (дата обращения: 20.09.2022).

7. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.01.2016, № 1 (часть II), ст. 212.

8. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021, № 27 (часть II), ст. 5351.

9. Указание Генпрокуратуры России № 738/11, МВД России № 3 от 25.12.2020 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // СПС «Консультант Плюс».

10. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3031.

УДК 340.132.6

ЦЕЛЕВОЕ АНТИУКЛОНИТЕЛЬНОЕ ПРАВИЛО В ТРАНСГРАНИЧНЫХ НАЛОГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ: РИСКИ ДЛЯ ДЕЛОВОГО ОБОРОТА И МЕХАНИЗМЫ ИХ КОМПЕНСАЦИИ

© А.В. Николаев

Сибирский федеральный университет

Целевое антиуклонительное правило подразумевает отказ в предоставлении налогоплательщику налоговых преференций (освобождения от уплаты налога, снижения налоговой ставки, зачета или возврата суммы уплаченного налога, предоставления рассрочки или отсрочки уплаты налога, предоставления налогового кредита) в силу того, что сделки или схемы налогоплательщика, с которыми связано предоставление преференций, были совершены преимущественно или исключительно для их получения. Эта категория охватывает широкий перечень разноименных антиуклонительных правил, установленных судебной доктриной, сформулированных внутренним законодательством, закрепленных в соглашениях об избежании двойного налогообложения (далее – СИДН).

Правило породила судебная доктрина США: это была *business purpose doctrine* (доктрина деловой цели), впервые примененная Верховным Судом США в 1935 году в деле *Gregory v. Helvering*, где суд постановил, что любая сделка, совершенная по налоговым мотивам, должна иметь деловую цель [2, с. 91]. Доктрина подтверждена многочисленными судебными прецедентами высшей судебной инстанции Соединенных Штатов и применяется совместно с более широкой доктриной экономической сущности (*economic substance doctrine*), являясь ее частью [4, с. 39–40].

В других странах такое внутреннее правило появилось позже. Так, британское правосудие лишь в 1981 году в деле *W.T. Ramsay Ltd. v. IRC* признало возможным игнорировать юридическое значение каждой отдельной сделки, если их совокупность преследует единственную цель – уменьшить налоговую обязанность, этот подход был поддержан в деле *IRC v. Burmah Oil Co. Ltd.* и так появился т. н. принцип Рамсея (*Ramsay principle*), разъясненный в деле *Furniss v. Dawson*: для налоговых целей не принимается во внимание сделка, не имеющая деловой цели и совершенная исключительно для налоговой выгоды [2, с. 91–92].

Российское внутреннее целевое антиуклонительное правило также родилось в форме судебной доктрины. Кто-то полагает, что принцип наличия

деловой цели впервые сформулировал Конституционный Суд РФ в Постановлении от 27.05.2003 № 9-П, а пункт 9 Постановления Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 ввел в практику тест на наличие деловой цели сделки [3, с. 286–288]. Кто-то выводит доктрину деловой цели исключительно из пунктов 3 и 9 упомянутого Постановления Пленума ВАС РФ № 53 и видит у нее общий источник с доктриной приоритета существа над формой и ее разновидностью – доктриной движения по шагам, вытекающих из пунктов 3 и 7 Постановления Пленума ВАС РФ № 53 [1, с. 122–136].

Со временем в отдельных правопорядках целевое антиуклонительное правило получило законодательное оформление. Примерами служат южно-африканский закон о налоге на доход 1962 года, канадский закон о подоходном налоге 1985 года, закон КНР о налоге на прибыль предприятий 2007 года, британский акт 2013 года и, наконец, кодификация в 2017 году российским законодателем отечественных общих правил против избежания налогов (GAAR), породившая пункт 2 статьи 54.1 НК РФ, содержащий условие об основной цели сделки [2, с. 92–94].

Важность отечественного внутреннего целевого антиуклонительного правила для реализации политики недопущения ненадлежащего использования СИДН в трансграничных налоговых отношениях регулярно отмечается ФНС России. Так, разъяснения, изложенные в письме от 28.04.2018 № СА-4-9/8285@, указывают, что «основным вопросом, который исследуется в спорах о применении норм международных соглашений, становится оценка деловой цели и правильной квалификации существа совершенных сделок (операций).

Применение налоговых преференций признается неправомерным, когда совокупность сделок (операций) позволяет сделать вывод о том, что основной их целью было выведение дохода, полученного в России, из-под налогообложения и формальное совершение операций в целях использования преимуществ по международному соглашению».

Затем подборкой судебной практики, доведенной письмом ФНС России от 06.05.2019 № СА-4-7/8448@, было подтверждено, что правило деловой цели играет свою, в некоторых аспектах – решающую роль в отечественных налоговых спорах об использовании СИДН, охватывающих (1) споры о правомерности применения налоговых льгот (пониженных ставок, освобождения от налогообложения) российскими компаниями, выплачивавшими за рубежом пассивные доходы и (2) споры по схемам вывода из-под налогообложения доходов от деятельности на территории Российской Федерации путем перевода в оффшорные или низконалоговые юрисдикции.

Но помимо приведенных внутренних целевых антиуклонительных правил в практике международного налогового права длительное время присутствуют примеры договорных целевых антиуклонительных правил. Такие договорные положения впервые были включены в налоговые соглашения Канады с США 1942 года и Соединенного Королевства с США 1945 года, родиной использованного в их положениях правила вероятно является Соединенное Королевство, где такое правило использовалось во многих внутренних положениях против избежания налогов [13, р. 421].

С конца 60-х годов XX в. несколько британских налоговых соглашений были включены положения о запрете снижать ставки налога, удерживаемого у источника с процентов и роялти, если требование о выплате долга или право на получение процентов или роялти «было создано или переуступлено в основном с целью воспользоваться этой статьей, а не в добросовестных коммерческих целях». В британо-гайнийском СИДН 1992 года формулировка правила была изменена и так сложился договорной *main purpose test* (тест основной цели), ставший характерным для британских СИДН, а также СИДН стран, наследующих английскую правовую систему или испытывающие ее влияние (Австралия и Новая Зеландия, Гонконг) [2, с. 96–98].

Но мы найдем этот тест в СИДН и тех стран, что не имеют отношения к традиции английского права. В частности, в российское международное налоговое право *main purpose test* попал благодаря статьям о пассивных доходах СИДН с Соединенным Королевством 1994 года. Впоследствии тест появился в положениях о пассивных доходах СИДН с Казахстаном 1996 года, Сингапуром 2002 года, Мексикой 2004 года, Чили 2004 года, Бразилией 2009 года, Мальтой 2013 года, в статье VIII протокола 2011 года о внесении изменений в СИДН со Швейцарией 1995 года, в положениях о пассивных доходах СИДН с КНР 2014 года, САР Гонконг КНР 2016 года и Эквадором 2016 года.

Договорное целевое антиуклонительное правило, применимое не только к пассивным, но ко всем видам доходов, именуется тестом основной цели (PPT) и он присутствует в российских СИДН с Люксембургом 1993 года, Израилем 1994 года, Кипром 1998 года, Индонезией 1999 года, Литвой 1999 года, Аргентиной 2001 года, Латвией 2010 года, ОАЭ 2011 года, Мальтой 2013 года, в протоколе 2015 года о внесении изменений в СИДН с Сингапуром 2002 года, в СИДН с Японией 2017 года и в СИДН с Бельгией 2015 года.

Наконец, ратифицированная Российской Федерацией многосторонняя Конвенция по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения (далее – MLI) вводит PPT в оставшиеся СИДН с российским

участием, на которые распространяется MLI. И теперь в рамках трансграничных налоговых отношений деловой оборот сталкивается с несколькими видами рисков, из которых мы, для примера, коротко рассмотрим три.

В-первых, риск конкуренции внутренних целевых антиуклонительных правил (правил деловой цели Постановления Пленума ВАС РФ № 53 и основной цели статьи 54.1 НК РФ) с договорным PPT. Этот риск компенсируется следующим механизмом. Итоговый отчет по действию 6 плана BEPS, предложивший включить в СИДН договорной PPT, исходит из принципа, что при злоупотреблении СИДН содержащийся в нем PPT используется для отказа в предоставлении налоговых преференций, предусмотренных СИДН. Если злоупотребление СИДН связано с доступом к преференциям, предусмотренным внутренним налоговым законодательством, то применяются внутренние антиуклонительные правила [2, с. 119]. То есть, если государство акцептовало PPT, располагая внутренним антиуклонительным целевым правилом, то PPT используется для отказа в доступе к налоговым преференциям, предусмотренным СИДН, в котором содержится PPT. Внутреннее правило используется для отказа предоставить налоговые преференции, предусмотренные налоговым законодательством государства, акцептовавшего PPT.

Другой риск для делового оборота – опасность, что отдельные страны через практику своих фискальных служб и своих судов разойдутся в разных направлениях, создав индивидуально-ориентированные толкования PPT. Риск весом, существует множество причин, по которым согласованное значение может не возникнуть. Если фискальные власти и суды станут придерживаться индивидуальных и разносторонних подходов к толкованию договорного PPT, то одна и та же сделка будет считаться надлежащей в одной юрисдикции и ненадлежащей в другой. И это в условиях, когда PPT можно будет найти в тысячах СИДН, когда подразумевается, что в каждом налоговом соглашении это точно такой же тест, как и во всех остальных.

Международное договорное значение PPT возникнет только в случае реализации государствами последовательного подхода к единообразному его толкованию. Минимальным условием, позволяющим надеяться на последовательность и единообразие толкования, является требование к судам и фискальным властям государств пользоваться общим источником правил о договорном PPT. Таковыми являются пункты 1-5 статьи 7 MLI, пункт 9 статьи 29 Модельной конвенции ОЭСР в отношении налогов на доходы и капитал 2017 года (далее – МК ОЭСР) и пункты 169-187 Комментариев к статье 29 МК ОЭСР 2017 года.

Документы Организации экономического сотрудничества и развития и так называемой «Большой двадцатки» (G20) о разработке, реализации и имплементации мер совместного проекта по противодействию размыванию налоговой базы и вывод прибыли из-под налогообложения (BEPS) имеют вспомогательное значение, хотя ряда правоведов допускает, что их универсальную легитимность можно оспорить, а подход, продвигаемый в них ведущими государствами, невозможно легко согласовать с другими странами за пределами этих групп [9, р. 1604–1605, 1607–1609; 10; 12, р. 4; 15].

Последний риск для хозяйственной деятельности из кратко нами рассматриваемых связан с опасностью ухудшения положения налогоплательщика из-за возложения на него чрезмерного бремени доказывания. Кому надлежит устанавливать основную цель схемы или сделки, в отношении которой налогоплательщику предоставляется преференция? Положения статьи 7 MLI а также статьи 29 МК ОЭСР 2017 года с Комментариями к ней не регулируют распределение бремени доказывания при применении PPT.

Прочитанное бизнес-сообществом и правоведами в рабочих вариантах итогового отчета по действию 6 плана BEPS распределение бремени доказывания оценивалось как не сбалансированное, явно предвзятое в пользу фискальных служб. Суждение аргументировалось тем, что фискальные службы должны прийти всего лишь к «разумному» выводу, было ли получение договорной льготы главной или одной из главных целей схемы или сделки, в то время как налогоплательщик, которому отказано в договорной льготе, должен убедительно показать соответствие предоставления льготы объекту и цели применимого положения СИДН. Окончательная версия договорного PPT не избавилась от обвинений в этом [5, р. 132; 6, р. 487–488; 7, р. 197; 8, р. 21; 11, р. 659–660; 14, р. 25–26.; 2, с. 127].

Однако, как следует из буквального прочтения положений о PPT в MLI и МК ОЭСР 2017 года, доказывание связано со сбором фактов и анализом обстоятельств с последующей их интерпретацией для установления основной цели схемы или сделки, осуществленной налогоплательщиком. С этой позиции бремя доказывания не возлагается ни на фискальную службу, ни на налогоплательщика, оно распределяется между ними. Первым ход делает фискальная служба, собрав и продемонстрировав доказательства, что одной из основных целей схемы или сделки было получение договорной льготы вопреки предмету и цели применимого положения СИДН. Лишь затем налогоплательщик либо опровергает доводы фискальной службы о налоговой мотивированности цели схемы или сделки, либо доказывает свое право на получение преференции

даже при налоговой мотивированности цели схемы или сделки в силу объекта и цели применимого положения СИДН.

Таким образом, пока у фискальной службы нет разумного основания применить РРТ, налогоплательщику нет необходимости себя защищать, в этом смысле бремя доказывания лежит в основном на фискальных властях. С другой стороны, как продемонстрировано выше, защита налогоплательщика может быть двоякой. В первом случае речь идет о фактах и в отношении вопроса фактов достаточно разумности. Во втором случае поднимается вопрос права – о праве налогоплательщика на договорную льготу – что подразумевает доказывание правомочности притязаний лицом, их заявившим.

Итак, целевое антиуклонительное правило обнаруживается во внутреннем налоговом праве множества государств, а после вступления в силу MLI оно становится и широко распространенным договорным GAAR. У фискальных властей всегда присутствуют основания предпочесть общие формулировки GAAR, учитывающие мотивы налогоплательщика, специальным антиуклонительным правилам – техническим, строгим и более формальным. Свойства целевого антиуклонительного правила являются как его преимуществом (например, оно гибче и быстрее реагирует на изменения практики избежания налогов) так и критикуемым недостатком (меньшая определенность для налогоплательщиков). И хотя, как показывает проделанное краткое исследование, эти свойства целевого антиуклонительного правила таят в себе риски для делового оборота, взвешенный подход к применению правила позволяет найти действенный и реализуемые механизмы компенсации рисков.

Список использованных источников:

1. Брук, Б.Я. Предотвращение неправомерного использования льгот, предусмотренных соглашениями (договорами, конвенциями) об избежании двойного налогообложения: настоящее и будущее / Б.Я. Брук // Закон. 2016. № 5. С. 122–136.
2. Николаев, А.В. Противодействие злоупотреблению налоговым соглашением в плане BEPS: монография. – М.: Проспект, 2021. – 208 с.
3. Тимофеев, Е.В. Налоговое право России – практическое и увлекательное. Полутом I: От основ к источникам и основным принципам: монография. – М.: АРТ-РЕСУРС, 2017. – 350 с.
4. Фатхутдинов, Р.С. Доктрина деловой цели в налоговых отношениях / Р.С. Фатхутдинов // Закон. 2011. № 5. С. 39–40.

5. Broe, L. De, BEPS Action 6: Tax Treaty Abuse / L. De Broe, J. Luts // *Intertax*. 2015. Vol. 43. № 2. P. 122–146.
6. Chand, V. The Guiding Principle and the Principal Purpose Test / V. Chand // *International Taxation*. 2015. Vol. 12. June. P. 484–490.
7. Chand, V. The Interaction of Domestic Anti-Avoidance Rules with Tax Treaties (with special references to the BEPS project): Monograph. –Schulthess, 2018. – 614 p.
8. Chand, V. The Principal Purpose Test in the Multilateral Convention: An in-depth Analysis / V. Chand // *Intertax*. 2018. Vol. 46. № 1. P. 18–44.
9. Christians, A. BEPS and the New International Tax Order / A. Christians // *Brigham Young University Law Review*. 2016. № 6. P. 1604–1647.
10. Hattingh, J. The Impact of the BEPS Multilateral Instrument on International Tax Policies / J. Hattingh // *Bulletin for International Taxation*. 2018. Vol. 72. № 4/5.
11. Lang, M. BEPS Action 6: Introducing an Antiabuse Rule in Tax Treaties / M. Lang // *Tax Notes International*. 2014. Vol. 74. № 7. P. 655–664.
12. Pistone, P. Coordinating the Action of Regional and Global Players during the Shift from Bilateralism to Multilateralism in International Tax Law / P. Pistone // *World Tax Journal*. 2014. Vol. 6. № 1. P. 3–9.
13. Schwarz, J. Schwarz on Tax Treaties, 3rd Ed.: Monograph. – London: Wolters Kluwer, 2013. – 843 p.
14. Theodosopoulos, A. The Principal Purpose Test of the OECD Multilateral Agreement and the General Anti-Avoidance Rule of the Anti-Avoidance Directive. Effectiveness of the Principal Purpose Test and comparison with the General Anti-Avoidance Rule of the European Union. Master thesis International Business Taxation. – Tilburg School of Law, Tilburg University. Tilburg, 2018. – 58 p.
15. Valderrama, I. Legitimacy and the Making of International Tax Law: The Challenges of Multilateralism / I. Valderrama // *World Tax Journal*. 2015. Vol. 7. № 3.

УДК 343.1

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВА
СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ХОДЕ ПРОВЕРКИ ЗАЯВЛЕНИЙ И СООБЩЕНИЙ О
ПРЕСТУПЛЕНИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ**

© Ю.В. Овсянников

*Сибирский федеральный университет,
Сибирский юридический институт МВД России*

Следственные действия могут производиться только по возбужденному уголовному делу. Исключение составляют те следственные действия, которые законодатель разрешает выполнять до возбуждения уголовного дела с целью проверки заявления или сообщения о преступлении, а также по закреплению следов преступления и установлению лица его совершившего.

В каждом случае обнаружения признаков преступления в соответствии с ч. 2 ст. 21 УПК РФ прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные УПК РФ меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления.

При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Если в законе исчерпывающе перечислены следственные действия, производство которых допустимо до возбуждения уголовного дела, то расширительному толкованию их перечень, установленный в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, не подлежит. По мнению В. Исаенко в число этих действий было бы целесообразно включить допрос потерпевшего или иного лица, сообщившего о преступлении. Тем более, что при принятии от них заявлений они предупреждаются об уголовной ответственности за заведомо ложный донос в

соответствие со ст. 306 УК РФ [1, с. 20-27]. Допрос таких лиц с применением технических средств фиксации его хода и результатов в последующем может удерживать их от возможных в будущем изменения показаний.

Из анализа текста ч. 1 ст. 144 УПК РФ можно сделать вывод, что следственные действия, осуществляемые до возбуждения уголовного дела, направлены на закрепление доказательств. Включение в перечень освидетельствования оправдано, поскольку позволяет не только обнаружить и изъять следы преступления, но и в отдельных случаях установить лицо, его совершившее.

Однако порядок их производства законодатель сформулировал не четко и тем самым ограничил полномочия субъектов уголовного преследования на этапе проверки сообщения о преступлении.

Следует обратить внимание на то, что законодатель не одинаково подошел к условиям, позволяющим их производить до возбуждения уголовного дела. Освидетельствование до возбуждения уголовного дела он позволяет производить лишь «в случаях, не терпящих отлагательства» (ч. 1 ст. 179 УПК РФ). До введения в действие Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ осмотр места происшествия до возбуждения уголовного дела мог быть произведен также только «в случаях, не терпящих отлагательства», а осмотр трупа – «при необходимости». Сейчас же эти обязательные условия производства данных следственных действий в ходе проверки сообщения о преступлении законодателем исключены из содержания соответствующих статей УПК РФ [2].

Выходит, в настоящее время законодатель позволяет производство до возбуждения уголовного дела осмотра места происшествия, трупа, документов, предметов, получение образцов для сравнительного исследования, а равно освидетельствование, назначение (производство) судебной экспертизы и в ситуации, когда эти следственные действия не являются неотложными. Вполне уместно заключение, что таковые могут быть произведены и при отсутствии в этом необходимости.

Освидетельствование в соответствии с ч. 1 ст. 179 УПК РФ производится в отношении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, а также свидетеля с его согласия. Данные положения уголовно-процессуального закона фактически блокируют возможность производства освидетельствования до возбуждения уголовного дела, так как на стадии возбуждения уголовного дела указанных участников уголовного судопроизводства еще нет. Допуская производить освидетельствование до возбуждения уголовного дела, законодатель позволяет правоприменителю нарушать конституционные права граждан. Полагаем, что

сложившаяся коллизия может быть разрешена только путем внесения изменений в действующий уголовно-процессуальный закон о придании процессуального статуса заявителю, пострадавшему, очевидцу.

Осмотр места происшествия – важное и главное первоначальное следственное действие, которое тоже поможет обнаружить основную часть следов преступления, а в отдельных случаях, как и при освидетельствовании, указать на лицо, его совершившее.

Вызывает сомнение включение в перечень следственных действий, такого следственного действия, как назначение судебной экспертизы. В судебной практике часто результаты экспертизы, назначенной на стадии возбуждения уголовного дела, сторона защиты просит исключить из числа доказательств по делу на том основании, что в соответствии со ст. 195 УПК РФ с постановлением о назначении судебной экспертизы должен быть ознакомлен подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, а в стадии возбуждения уголовного дела еще нет указанных участников уголовного судопроизводства, которые вправе при назначении экспертизы реализовать права, предусмотренные ст. 198 УПК РФ. По нашему мнению, права участников уголовного судопроизводства при назначении судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела нарушаются именно потому, что еще нет лиц, обладающих данным процессуальным статусом. Реализовать свои права относительно назначения и производства экспертизы участники уголовного судопроизводства могут сразу после принятия решения о возбуждении уголовного дела и признания их участниками уголовного процесса в установленном законом порядке.

Стремление законодателя к расширению числа следственных действий, производство которых в стадии возбуждения уголовного дела допустимо, вполне объяснимо, поскольку на практике часто возникают ситуации, когда по поступившему заявлению или иному сообщению о преступлении в установленном законом срок и с помощью имеющихся процессуальных средств проверки не удавалось правильно установить наличие или отсутствие основания для возбуждения уголовного дела [3, с. 42].

Вместе с тем, очевидно, что производство отдельных следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела необходимо для проверки законности повода, установления наличия или отсутствия основания к возбуждению уголовного дела, а также отсутствия обстоятельств, исключающих производство по нему.

Для того, чтобы возбудить уголовное дело необходимо наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Для того чтобы

установить такие данные требуется осуществить ряд действий, направленных на получение необходимых сведений об этих данных.

Содержание такой деятельности включает комплекс мероприятий следователя либо дознавателя по производству процессуальных и следственных действий.

На этапе проверки сообщения о преступлении нередко возникает необходимость проведения осмотра места происшествия, имевшего место в жилом помещении, с целью установления признаков криминального события, отыскания и изъятия следов и вещественных доказательств. Закон не предусматривает обязанности получения судебного решения на осмотр на данном этапе правоохранительной деятельности. Здесь необходима оперативность действий по выявлению признаков преступления, в то время как обращение в суд за разрешением на осмотр в вечернее и ночное время, в нерабочий день, при значительном удалении места происшествия от места нахождения суда повлечет, безусловно, неоправданные задержки во времени, не говоря уже об утрате следственно-оперативной инициативы. Чтобы исключить это негативное последствие, осмотр места происшествия, в нашем случае в жилище, можно провести по правилам неотложности следственного действия (ч. 5 ст. 165 УПК РФ).

Неприкосновенность жилища гарантирована ст. 25 Конституцией РФ, а также нормами международного права. Она должна соблюдаться субъектами расследования. В связи с этим при отказе лиц, проживающих в жилом помещении, являющемся полностью или частично местом происшествия, следователь или иное должностное лицо, проводящее проверку сообщения о преступлении, должны вынести постановление о производстве осмотра данного помещения с последующим уведомлением суда и прокурора о его проведении. Это не будет противоречить закону.

Принимая решение о производстве осмотра места происшествия необходимо строго учитывать условия, которые должны удовлетворять этому следственному действию, а также четко и правильно фиксировать порядок его проведения. Если указанные условия не учитываются, а процессуальный порядок нарушается, то это приводит к различным ошибкам и упущениям. В практике правоохранительных органов имеют место ситуации, когда осмотр места происшествия, как следственное действие используется в качестве универсального способа получения необходимых материалов в стадии возбуждения уголовного дела без учета его назначения в уголовном судопроизводстве. [4, с. 44]

Искажение правоприменителем под воздействием различных мотивов требований правовых предписаний ст. 144 и ч. 2 ст. 176 УПК приводит к тому, что под видом осмотра места происшествия проводятся иные следственные действия, например обыск, выемка. Нельзя сказать, что такие явления остаются незамеченными в науке уголовного процесса. Так, В.В. Григорьев отмечал: «Пользуясь тем, что осмотр места происшествия допущен до возбуждения уголовного дела, работники органов внутренних дел порой под его видом проводят форменный обыск». [5, с. 35]

Негативной следует признать практику, когда в отдельных регионах издаются рекомендации по организации расследования экономических преступлений, преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, которыми предписывается прибегать к осмотру места происшествия для обнаружения и изъятия наркотиков, иных предметов, применяемых для их изготовления и потребления. [2]

Указанные нарушения, по нашему мнению, происходят из-за неправильного понимания правоприменителем оснований принятия решения о производстве осмотра места происшествия до возбуждения уголовного дела.

Имеющиеся процессуальные средства проверки, в том числе следственные действия, которые возможно проводить до возбуждения уголовного дела, не всегда позволяют принять обоснованное решение по материалам проверки, и это, пожалуй, исключительные случаи, когда без достаточных данных, указывающих на признаки преступления, возбуждается уголовное дело.

В этой связи, на наш взгляд, возникает необходимость введения в институт предварительной проверки элементов дифференциации процессуальной формы. Деятельность начального этапа уголовного судопроизводства могла бы выглядеть следующим образом: во-первых, институт предварительной проверки должен подчиняться правилам подследственности, предусмотренным ст. 151 УПК, т.е. проводить проверку должен тот орган, которому, исходя из первичных материалов, подследственно преступление; во-вторых, если речь в поводе идет о преступлении, подследственном органу дознания, то проверку должны проводить сотрудники органа дознания из числа начальствующего состава, обладающие соответствующей подготовкой; в-третьих, на ведомственном уровне необходимо закрепить положение, запрещающее самостоятельное производство предварительной проверки лицам, не обладающим достаточной профессиональной подготовкой (стажерами, практикантами, инспекторами ПДН, лицами, переведенными в подразделения уголовного розыска, участковых уполномоченных полиции из служб не связанных с процессуальной деятельностью, до прохождения ими специальной подготовки).

Предложенный порядок производства процессуальных действий представляется целесообразным уже в силу того, что это позволит более эффективно регулировать деятельность субъектов при производстве предварительной проверки в стадии возбуждения уголовного дела.

Кроме этого, необходимо скорректировать ч. 1 ст.144 УПК РФ или расширить перечень предлагаемых следственных действий либо ввести такое обобщающее понятие как «производство неотложных следственных действий». Согласно п. 19 ст. 5 УПК РФ неотложные следственные действия – это как раз те действия, которые выполняются в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования до возбуждения уголовного дела.

Список использованных источников:

1. Исаенко В. Следственные действия и полномочия прокурора по надзору за ними // Законность. – 2003. – № 2. – С. 20-27.
2. Рыжак А. П. Новые средства проверки сообщения о преступлении // КонсультантПлюс.
3. Семенов В. А. О допустимости производства отдельных следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела // Российский следователь. - 2010. - № 12. - С. 42.
4. Предварительная проверка заявлений и сообщений о преступлениях: Учебное пособие / Н.Г. Шурухов – М., 1985.
5. Григорьев, В.Н. Задержание подозреваемого органами внутренних дел / В.Н. Григорьев. – Ташкент, 1989. – С. 35, Чеботарев, Р.А. Объективизация доказывания при производстве следственных осмотров и обысков при расследовании убийств / Р.А. Чеботарев, О.В. Челышева // Криминалистъ. – 2011. № 1(8).

УДК 342

**ОПЫТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОГО И
МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
ПО ПРАВОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ В СПОРАХ С КОНТРОЛЬНО-
НАДЗОРНЫМИ ОРГАНАМИ**

© М.В. Пенизев

Сибирский федеральный университет

В практике деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления особое место занимают вопросы взаимодействия с контрольно-надзорными органами в различных сферах в ходе проверок. По результатам проверок в отношении органов и должностных лиц нередко выдаются предписания об устранении нарушений, а также выносятся решения о привлечении к административной ответственности.

Вместе с тем, не во всех случаях такие предписания и решения являются законными и(или) обоснованными, что порождает возникновение споров между муниципальными образованиями и контрольно-надзорными органами.

Существование подобного рода споров является тем более удивительным в контексте закрепленного в Конституции РФ, после принятия поправок в 2020 году, принципа единства публичной власти, который во всяком случае предполагает согласованное действие различных уровней публичной власти как единого целого во благо граждан (п. 7 Заключения Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3) [4].

Таким образом, идеальная схема взаимоотношений между муниципальными образованиями и органами контроля (надзора) не должна предполагать возникновение между ними противоречий и споров.

Вместе с тем, для возникновения таких споров имеются предпосылки, обусловленные рядом существенных проблем, существующих как в сфере местного самоуправления, так и контрольно-надзорной деятельности.

Одной из первоочередных в данном перечне является проблема «кадрового голода» в муниципальных образованиях, которая стала предметом рассмотрения обсуждения «Актуальные вопросы развития кадрового потенциала органов местного самоуправления» в Совете по местному самоуправлению при Совете Федерации, состоявшегося в январе 2022 года. Первый заместитель Председателя Совета Федерации Андрей Турчак отдельно отметил, что наиболее сложной эта проблема является для малых городов и сёл,

по его данным на городское поселение приходится в среднем восемь муниципальных служащих, а на сельское поселение – всего три [1].

К аналогичным выводам по результатам анализа судебной практики приходит А.А. Петроградская, указывая, что только в крупных муниципалитетах имеются эффективно функционирующие юридические службы, которые отстаивают в судах права органов местного самоуправления. В мелких и средних муниципальных образованиях ситуация весьма плачевная, так как нередко у органов местного самоуправления и муниципальных должностных лиц нет необходимых знаний и умений для того, чтобы обеспечивать эффективную защиту в суде своих нарушенных прав [6, с. 48].

Приведенная проблема «эффектом домино» вызывает новые проблемы, так как ввиду «кадрового голода» в большинстве своем муниципальные образования не имеют в штате собственных юристов, а те, кто имеются загружены решением текущих задач и вопросов, и не имеют достаточного свободного времени для полноценного погружения в сложные переплетения правовых норм для выработки позиции по тому или иному вопросу.

Таким образом, органы и должностные лица начинают испытывать дефицит в получении квалифицированной юридической помощи, особенно по сложным и неоднозначным правовым вопросам, что в свою очередь приводит к тому, что, имея шансы защитить интересы муниципального образования в суде, органы и должностные лица вынуждены отказываться от такой возможности.

При очевидной невозможности компенсировать недостаток квалифицированных кадров в Красноярском крае данную проблему решено было сгладить путем создания специализированного учреждения, которое взяло бы на себя, по сути, решение вопросов, связанных с правовым сопровождением деятельности местного самоуправления.

Изначально таким учреждением стал ККГУ «Консультационно-методический центр» [7], который за время своей деятельности существенно расширил сферу своей деятельности в содействии развитию местного самоуправления и в настоящее время именуется ККГБУ ДПО «Институт государственного и муниципального управления при Правительстве Красноярского края» (далее — ИГМУ).

В соответствии с подпунктом 1 пункта 2.4 Устава Института, утвержденного Постановлением Совета администрации края от 4 августа 2003 г. № 227-п, в отдельные направления деятельности института в области права были выделены:

- оказание помощи органам местного самоуправления и должностным лицам местного самоуправления муниципальных образований Красноярского

края, муниципальным учреждениям края в подготовке документов и материалов для участия в судебных разбирательствах;

- представление интересов органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления муниципальных образований Красноярского края, муниципальных учреждений края в федеральных судах общей юрисдикции, федеральных арбитражных судах, Верховном Суде Российской Федерации [7].

В рамках систематизации работы по правовой поддержке муниципальных образований Красноярского края Институтом была проанализирована судебная практика рассмотрения дел с участием муниципальных образований Красноярского края за десять лет. В подавляющем числе случаев представительство интересов в судебных инстанциях занимались специалисты ИГМУ.

Результаты данной работы были представлены в виде учебно-методического пособия «Судебник» [8], в котором с разделением по видам судопроизводств были выделены и проанализированы различные категории дел, даны экспертные комментарии и советы для муниципальных служащих и лиц, замещающих муниципальные должности, о том, как действовать при возникновении той или иной ситуации, какие юридически значимые действия следует предпринять в первую очередь, а от каких следует воздержаться.

Опыт Красноярского края на данном поприще оказался востребован и на федеральном уровне. Уже в 2021 году Всероссийской ассоциацией развития местного самоуправления при участии специалистов ИГМУ, а также доктора юридических наук, профессора Е.С. Шугриной. был подготовлен в двух томах «Федеральный судебник» [3]. И в рамках данного издания был проанализирован опыт судебной защиты муниципальных образований из практически всех субъектов Российской Федерации.

Подобная практика обобщения судебной практики из совершенно разных муниципальных образований является полезной, помимо своего содержания и наполнения советами и анализом ситуаций, также и тем, что позволяет выявлять наиболее часто встречающиеся, типовые юридические проблемы, с которыми сталкиваются муниципальные образования.

И в данном контексте отдельное внимание в проанализированной судебной практике заслуживают споры, которые возникают именно между муниципальными образованиями (в лице органов и должностных лиц местного самоуправления) с одной стороны и контрольно-надзорными органами с другой.

И качество контрольно-надзорной деятельности за деятельностью органов местного самоуправления, это следующая проблема, которая обуславливает возникновение конфликтов между местным самоуправлением и контрольно-надзорными органами. На данную проблему также было обращено внимание на федеральном уровне, и она становилась предметом анализа комитета Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления, который отмечал существенные противоречия во взаимоотношениях между местным самоуправлением и контрольно-надзорными органами.

Так, Комитетом выделялось восемь проблем, начиная от неучета контрольно-надзорными органами финансовых ресурсов, а также фактическое ограничение муниципальных образований в самостоятельном планировании расходов местных бюджетов и заканчивая разрозненность и неполнота правового регулирования порядка проведения контрольно-надзорных мероприятий в отношении органов местного самоуправления [2].

Аналогичные негативные тенденции в контрольно-надзорной деятельности за органами местного самоуправления не стали исключением и для муниципальных образований Красноярского края.

Только за прошедший 2021 год с участием специалистов Института, были разрешены в пользу муниципальных образований 10 судебных дел, в рамках производства по Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации, в рамках которых контрольно-надзорные органы требовали исполнения различных предписаний, представлений. Также в указанный период успешно оспорены 15 постановлений по делам об административных правонарушениях. Во всех этих случаях муниципальным образованиям противостояли должностные лица контрольно-надзорных органов.

Таблица 1 – Опыт ИГМУ по правовой поддержке муниципальных образований в судебных делах, рассматриваемых по КАС РФ

№	Муниципальное образование	Контрольно-надзорный орган	Суть спора	Судебная инстанция, номер дела
1.	Малиновский сельсовет Ачинского района	Ачинский городской прокурор	Возложение на муниципалитет обязанности по созданию	Красноярский краевой суд, № 33а-13315/2020

2.	Тарутинский сельсовет Ачинского района		специализированной службы по вопросам похоронного дела	Красноярский краевой суд, № 33а-2040/2021
3.	Ястребовский сельсовет Ачинского района			Красноярский краевой суд, № 33а-3969/2021
4.	Орловский сельсовет Дзержинского района	Прокурор Дзержинского района Красноярского края	Возложение на муниципалитет обязанности по созданию маневренного жилищного фонда	Дзержинский районный суд Красноярского края, № 2а-28/2021 (2а-402/2020;) ~ М-348/2020
5.	Курайский сельсовет Дзержинского района		Возложение на муниципалитет обязанности по созданию маневренного жилищного фонда	Дзержинский районный суд Красноярского края, № 2а-42/2021 (2а-416/2020;) ~ М-360/2020
6.			Возложение на муниципалитет обязанности по определению гарантирующей организации для централизованной системы водоснабжения [см. 5]	Красноярский краевой суд, № 33а-5444/2021
7.	Уярский район	Прокурор Уярского района	Возложение обязанности по организации места (площадки) накопления ТКО на	Уярский районный суд Красноярского края, № 2а-36/2021 (2а-

			земельном участке	609/2020;) ~ М-554/2020
8.	Город Назарово	Назаровский межрайонный прокурор Красноярского края	Возложение обязанности принять в муниципальную собственность тепловую сеть	Красноярский краевой суд, № 33а-11939/2021
9.	Субботинский сельсовет Шушенского района	РЭО ГИБДД МО МВД России Шушенский	Возложение обязанности	Предписание отозвано должностным лицом после направления административного искового заявления
10.	Козульский район и поселок Новочернореченский Козульского района	Управление Роспотребнадзора по Красноярскому краю	Возложение на муниципалитет обязанности по обеспечению надлежащего качества питьевой воды	Козульский районный суд Красноярского края, № 2а-127/2019

Среди дел, которые рассматривались по правилам Кодекса административного судопроизводства РФ и в которых был достигнут положительный результат для муниципальных образований, наиболее активными являются органы прокуратуры, из 10 дел, в 8 именно они были инициаторами обращения в суды. В двух других делах органы местного самоуправления были несогласны, соответственно, с позицией Управления Роспотребнадзора по Красноярскому краю о несоответствии качества питьевой воды в муниципальном образовании, а также с предписанием должностного лица районного отдела ГИБДД о необходимости обустройства тротуаров на улицах населенных пунктов муниципального образования.

В свою очередь по делам об административных правонарушениях, перечень контрольно-надзорных органов, постановления которых о привлечении к административной ответственности оказался гораздо шире.

Таблица 2 – Опыт ИГМУ по правовой поддержке муниципальных образований по делам об оспаривании постановлений об административных правонарушениях

№	Должностное лицо, орган привлекаемые к ответственности	Контрольно-надзорный орган	Состав правонарушения – размер штрафа (руб.), результат обжалования	Судебная инстанция, номер дела
1.	Администрация Михайловского сельсовета Дзержинского района Красноярского края	Управление Роспотребнадзора по Красноярскому краю	ч. 1 ст. 19.5 КоАП РФ – 20 000, отменено с прекращением производства по делу	Дзержинский районный суд, № 12-25/2020
2.	Специалист Администрации Троицкого сельсовета Тасеевского района Красноярского края	Отделение надзорной деятельности и профилактической работы по Тасеевскому и Дзержинскому районам	ч. 2 ст. 20.4 КоАП РФ – 15 000, отменено с возвращением на новое рассмотрение	Тасеевский районный суд Красноярского края, № 12-20/2020
3.	Глава Веселовского сельсовета Тасеевского района Красноярского края	Управления надзорной деятельности и профилактической работы Главного управления МЧС России по Красноярскому краю	ч. 2 ст. 20.4 КоАП РФ – 15 000, отменено с возвращением на новое рассмотрение	Тасеевский районный суд Красноярского края, № 12-22/2020
4.	Глава Вознесенского	Управление Роспотребнадзора	ч. 4 ст. 8.42 КоАП РФ – 50 000,	Красноярский краевой

	сельсовета Абанского района Красноярского края	по Красноярскому краю	отменено с прекращением производства по делу	суд, № №7р- 28/21
5.	Глава Белякинского сельсовета Богучанского района Красноярского края	Управление Федеральной антимонопольной службы по Красноярскому краю	ч. 11 ст. 7.30 КоАП РФ – 50 000, отменено с прекращением производства по делу	Богучански й рай12- 23/2021онн ый суд, №
6.	Администрация Прилужского сельсовета Ужурского района Красноярского края	Управление Роспотребнадзора по Красноярскому краю лицо	ч. 1 ст. 6.3 КоАП РФ – 10 000, отменено с прекращением производства по делу	Ужурский районный суд Красноярск ого края, № 12-18/2021
7.	Администрация поселка Новочернореченс кий Козульского района Красноярского края	Отделение надзорной деятельности и профилактической работы по Козульскому району Управления надзорной деятельности и профилактической работы Главного управления МЧС России по Красноярскому краю	ч. 12 ст. 19.5 КоАП РФ – штраф снижен с 70 000 до 50 000	Козульский районный суд Красноярск ого края, № 12-8/2021
8.	Глава Михайловского сельсовета Ужурского района	Управление Роспотребнадзора	ч. 4 ст. 8.42 КоАП РФ – штраф снижен с 50 000 до 25 000	Ужурский районный суд Красноярск

				ого края, № 12-15/2021
9.	Администрация Михайловского сельсовета Ужурского района		ч. 4 ст. 8.42 КоАП РФ – 300 000, отменено с прекращением производства по делу	Ужурский районный суд Красноярского края, 12-10/2021
10.	Администрация Прилужского сельсовета Красноярского края	Главный государственный санитарный врач по городам Шарыпово, Ужур, Шарыповскому, Ужурскому районам, ЗАТО поселок Солнечный	ч. 1 ст. 6.3 КоАП РФ – 10 000, отменено с прекращением производства по делу	Красноярский краевой суд, № 7р-435/2021
11.	Администрация Новочернореченского сельсовета Козульского района Красноярского края	Отделение судебных приставов по Козульскому району Красноярского края	ч. 1 ст. 17.15 КоАП РФ – 30 000, отменено с прекращением производства по делу	Козульский районный суд Красноярского края, № 12-73/2021
12.	Администрация Тесинского сельсовета Минусинского района Красноярского края	КГКУ «Лесная охрана»	ч. 3 ст. 8.32 КоАП РФ – 300 000, отменено с прекращением производства по делу	Красноярский краевой суд, 7р – 227/2021
13.	Глава Ильичевского сельсовета Шушенского	Енисейское управление Ростехнадзора	ст. 9.2 КоАП РФ – 2000, отменено с прекращением производства по	Шушенский районный суд Красноярск

	района Красноярского края		делу	ого края, № 12-52/2021
14.	Администрация Васильевского сельсовета Ужурского района Красноярского края	Главный государственный санитарный врач по Ужурскому району	ст. 6.5 КоАП РФ – 20 000, отменено с прекращением производства по делу	Красноярский краевой суд, № 7р-1119/2021
15.	Глава Сизинского сельсовета Шушенского района Красноярского края	Енисейское управление Ростехнадзора	ч. 1 ст. 9.22 КоАП РФ – 10 000, отменено с прекращением производства по делу	Шушенский районный суд, № 12-73/2021

Анализ приведенных в таблицах судебных решений, свидетельствует о том, что так или иначе контрольно-надзорными органами при выдвижении требований, привлечении к ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления органами контроля (надзора) допускаются ошибки, разрешение которых требует судебного разбирательства.

Эти ошибки, в случае отказа от обжалования, могли стоить бюджетам муниципальных образований, а также личным бюджетам должностных лиц местного самоуправления, в совокупности чуть менее чем 1,3 миллиона рублей. И это только первичная финансовая оценка, без учета иных возможных затрат, связанных с реализацией предписаний и представлений контрольно-надзорных органов.

Таким образом, можно констатировать наличие потребности в формировании комплексной системы правовой поддержки муниципальных образований, к которой могут присоединиться образовательные учреждения, а в целях решения проблемы «кадрового голода» к оказанию правовой помощи муниципальным образованиям могут привлекаться студенты в рамках существующей системы юридических клиник, а также путем расширения программ производственной практики для студентов в органах местного самоуправления.

Список использованных источников:

1. А. Турчак провел Совет по местному самоуправлению при Совете Федерации [Электронный ресурс] // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [сайт] URL: <http://council.gov.ru/events/news/132801/>.
2. Аналитическая записка по проблемам взаимоотношений органов местного самоуправления с контрольно-надзорными государственными органами [Электронный ресурс] // комитет Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления [сайт] URL: http://komitet4.km.duma.gov.ru/upload/site28/document_news/NKFqрBVSWB.pdf (дата обращения: 15.09.2022).
3. ВАРМСУ выпустила сборник муниципальных правовых практик «Федеральный судебник» [Электронный ресурс] // Всероссийская ассоциация местного самоуправления: 2021. URL: <https://www.varmsu.ru/novosti/varmsu-vypustila-sobranik-munitsipalnykh-pravovykh-praktik-federalnyy-sudebnik/> (дата обращения: 15.09.2022).
4. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 // Вестник Конституционного Суда РФ. – № 2. – 2020.
5. Пенизев, М. В. Судебная практика муниципальных образований в связи с созданием специализированных служб в сфере похоронного дела / М. В. Пенизев // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 5. – С. 58-61. – DOI 10.18572/1812-3767-2022-5-58-61. – EDN EPUTDL.
6. Петроградская, А. А. К вопросу об обеспечении судебной защиты органов местного самоуправления / А. А. Петроградская // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 11(191). – С. 47-49. – DOI 10.47643/1815-1337_2020_11_47.
7. Постановление Совета администрации Красноярского края от 04.08.2003 № 227-п «О создании Красноярского краевого государственного учреждения «Консультационно-методический центр» [Электронный ресурс] // официальный сайт Красноярского края единый краевой портал «Красноярский край» [сайт] URL: <http://www.krskstate.ru/docs/0/doc/2644/> (дата обращения: 15.09.2022).
8. Судебник / под ред. М.А. Новгородцевой. – ККГБУ ДПО «Институт государственного и муниципального управления при Правительстве Красноярского края». – Красноярск, 2020. – 323 с.

УДК-349.2

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

© Е.И. Петрова

Сибирский федеральный университет

Сложившаяся в постсоветский период российского государства модель регулирования общественно-трудовых отношений, основанная на так называемом формационном подходе и рассчитанная на рыночные отношения, исходит из ограничения пределов государственного вмешательства в регулирование трудовых отношений. Так, в ст. 9 ТК РФ указывается, что в соответствии с трудовым законодательством регулирование трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений может осуществляться путем заключения, изменения, дополнения работниками и работодателями коллективных договоров, соглашений, трудовых договоров. В статье 2 ТК РФ среди основных принципов правового регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений называется сочетание государственного и договорного регулирования, а коллективно-договорный и индивидуально-договорный порядок установления прав и обязанностей субъектов трудовых отношений выделяется как одна из основных особенностей метода трудового права [4, с. 404].

Подобная модель регулирования общественно-трудовых отношений сформировала соответствующую ей социально-партнерскую модель реализации прав работников, при которой предполагается, что государство, работодатели и работники стремятся к поиску баланса прав, обязанностей и интересов в сфере труда, используя предусмотренные законодательством правовые инструменты. И хотя, как показывает научный анализ и свидетельствует практика правоприменения, такая модель реализации трудовых прав не лишена серьезных проблем и далека от совершенства, в постсоветский период она стала играть определяющую роль в обеспечении прав работников. На уровне организации выраженная в нормах права традиционная модель реализации трудовых прав (в силу декларативности права представителей работников участвовать в управлении организацией) предполагает доминирующую роль работодателя, подчинение работника правилам внутреннего трудового распорядка, стабильность личной коммуникации сторон трудового правоотношения.

При обычном порядке вещей факторами, которые оказывают влияние на существующие общественные отношения, включая трудовые, являются стабильность экономики, политическая нейтральность, поступательная деятельность законодательной, правоохранительной и судебной систем, соблюдение правовой и экологической культуры в обществе, другие обстоятельства, лишённые экстраординарного характера.

Однако в современном обществе проходят трансформационные процессы, которые отличаются от обычной социальной динамики, во-первых, большей глубиной и, во-вторых, системностью: они меняют не частные, а самые общие, главнейшие характеристики, определяющие природу общества. Ученые предпочитают рассматривать отечественную трансформацию как отражение общемировых тенденций и полагают, что объективный анализ социальных процессов без учета фактора глобализации становится весьма затруднительным. Мировые субъекты (ТНК, политические структуры) все активнее вмешиваются в политическую, экономическую, культурно-духовную жизнь государств и общностей, главным образом с целью устранения препятствий для свободного движения транснационального капитала [2].

Первым примером влияния чрезвычайных ситуаций на модель регулирования трудовых отношений может служить заболеваемость в связи с коронавирусной инфекцией COVID - 19. Стремительное распространение заболевания в мире привело к глобальным вызовам, масштабы которых являются беспрецедентными для новейшей истории. Происходящее неизбежно привело к значительным преобразованиям в различных областях человеческой деятельности, в том числе на рынке труда, и вызвало необходимость государственного управления в чрезвычайных условиях, когда приходит понимание того, что «сегодня окружающая нас действительность развивается не линейно, а с неожиданными поворотами и скачками. Наряду с нормальным и потому с предсказуемым течением некоторого социального процесса он, под воздействием внешних сил или внутренних противоречий, может быстро переходить в критическую фазу, когда время для принятия решений и мобилизации ресурсов исчисляется минутами» [5, с. 21].

На этом фоне государство столкнулось с необходимостью оперативного принятия нормативных правовых актов различного уровня, направленных на противодействие распространению коронавирусной инфекции и оказавших существенное влияние на экономическую деятельность организаций, индивидуальных предпринимателей и регулирование социально-трудовых отношений. Так, Указом Президента Российской Федерации от 02.04.2020 г. № 239. «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия

населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» были установлены нерабочие дни в период с 4 по 30 апреля 2020 г. с сохранением за работниками заработной платы. Этим Указом был продлен объявленный Президентом ранее период нерабочих дней с 30 марта по 3 апреля 2020 года. При этом следует отметить, что трудовое законодательство не содержит определения такого понятия, как «нерабочие дни». В ТК РФ закреплены понятия «выходной день» и «нерабочий праздничный день». В Указе сформулировано требование о сохранении за работниками заработной платы в период нерабочих дней, а работников, на которых распространяется Указ, нельзя отправить в простой, либо установить для неполное рабочее время в течение срока действия Указа.

Кроме того, Председатель Правительства РФ М. Мишустин заявил 21 марта 2020 г., что работодатель может лишиться дополнительных мер государственной поддержки, предоставляемых в связи с эпидемией коронавируса, если будет использовать такое основание расторжения трудового договора как сокращение численности или штата работников без достаточных на то причин. Другими словами, в период пандемии был объявлен курс на сохранение индивидуальных трудовых отношений и мораторий на увольнение по инициативе работодателя.

Другой пример, более трагичный, разворачивается у нас на глазах. В конце февраля 2022 года кардинально изменилась внешняя политика России. 21 февраля 2022 г. Президент Российской Федерации подписал Указы о признании Донецкой и Луганской народных республик, а 22 февраля 2022 г. - Закон о ратификации договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между Российской Федерацией и этими республиками, в соответствии с которым поручил Министру обороны Российской Федерации обеспечить поддержание мира на Донбассе Вооруженными Силами Российской Федерации. 24 февраля началась специальная военная операция. До настоящего времени законодатель не применяет термины «война», «военное положение». В своих обращениях к гражданам России В.В. Путин обосновал вынужденность принятия указанных мер (защита не только населения Донбасса, но и безопасности Российской Федерации) и их цели - демилитаризация и денацификация правительственного режима на Украине. В условиях осложнения геополитической обстановки в связи с проведением спецоперации на территориях ДНР, ЛНР и Украины государство было вынуждено прибегнуть к адекватным мерам реагирования на внешние угрозы, и 21 сентября 2022 года был издан Указ Президента РФ от 21.09.2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации».

В связи с указанными событиями в трудовое законодательство были внесены нормы о дополнительных гарантии для работников, призванных на военную службу по мобилизации, а также пребывающих в запасе и заключивших контракт о прохождении военной службы. Если работника призвали на военную службу по мобилизации или он заключил контракт на службу в соответствии с пунктом 7 статьи 38 Федерального закона от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» либо ушёл служить добровольцем, действие трудового договора, заключенного между работником и работодателем, приостанавливается на весь период. Это предусмотрено Постановлением Правительства РФ от 30.03.2022 г. № 511 «Об особенностях правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений в 2022 и 2023 годах».

Наряду с этим планируется еще ряд мер: в стаж работы, который дает право на отпуск, засчитывают время приостановки трудового договора из-за мобилизации; работник, у которого есть ребенок в возрасте до 18 лет, имеет преимущество при сокращении, если второго родителя призвали на военную службу. Кроме того, хотят разрешить увольнять сотрудника, если он не выйдет на работу по истечении 3 месяцев после окончания им военной службы по мобилизации, по контракту или завершения добровольного выполнения задач ВС РФ.

Таким образом, мы видим, что в чрезвычайных условиях законодатель, регулируя сферу наемного труда, действует исходя из двух позиций.

Первая заключается в установлении новых предписаний для субъектов трудовых отношений согласно интересам и нуждам общества. В этом случае, по образному выражению С.С. Алексеева, проявляется одно из назначений права, - «определив условия и границы свободы человека, отсесть от нее «явления зла и несчастья», создать надлежащие, цивилизованные условия и возможности для профилактической и карательной деятельности государственных органов» [1, с. 262].

Вторая позиция законодателя проявляется в ограничении самостоятельного усмотрения сторон трудовых отношений, а порой и в стремлении изъять из него решение вопросов, которые классическое трудовое право позволяет регламентировать на основе соглашения между работником и работодателем. Установленный на территории всей страны особый режим (режим повышенной готовности при пандемии, режим мобилизации) значительно меняет круг прав и обязанностей участников трудовых правоотношений. В результате складывается ситуация, сходная с той, о

которой Г. Еллинека писал так: «даже при самом развитом правопорядке ... создается – либо вопреки действующим юридическим нормам, либо независимо от этих правил – «новая организация». И к ней может затем примкнуть дальнейшее развитие правопорядка» [3, с. 52].

Такая модель регулирования общественных отношений в сфере труда имеет ярко выраженный публично-правовой характер, что существенно влияет на изменение модели правового регулирования трудовых отношений как для работодателей, так и для работников. Публичные интересы, направленные на обеспечение и защиту наиболее важных и значимых сторон жизни общества, с одной стороны определяют высокую степень вмешательства государства в частные интересы работодателей, а с другой стороны, жестко обозначают рамки защиты и реализации прав работников.

Список использованных источников:

1. Алексеев С.С. Избранное. – М.: «Статут», 2003. – 478 с.
2. Гомцяня О.А. Трансформация российского общества: ретроспекция проблем современной России: // Человек. Сообщество. Управление. 2015. Т. 16. № 1. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/2015-Gomtsyan.pdf>. (Дата обращения: 16.09.2022).
3. Дробышевский С.А. Из классических учений о политике и праве XX века: актуальные идеи Г. Еллинека и Д. Истона: монография / С.А Дробышевский. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 111 с.
4. Лушникова М.В., Лушников А.М. Очерки теории трудового права. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 940 с.;
5. Яницкий О.Н. Социология критических состояний общества: теоретические и методические проблемы // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4 (8). С. 5–24.

УДК 343.14

АМНИСТИЯ КАПИТАЛОВ: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

© И.И. Писаревский

Сибирский федеральный университет

Ни для кого ни секрет, что уже относительно длительное время в российском законодательстве наметилась очевидная тенденция либерализации ответственности за так называемые экономические преступления или точнее, как их именует гл. 22 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), преступления в сфере экономической деятельности, которая по количеству предусмотренных составов занимает одно из первых мест. Обозначенная тенденция проявляет себя на фоне призывов прекратить избыточное давление на бизнес и предпринимательское сообщество и не использовать механизм уголовной репрессии в качестве средства разрешения экономических споров.

Частным проявлением этой общей тенденции является провозглашенная и оформленная в 2015 году Федеральным законом «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 140-ФЗ амнистия капиталов, очередной этап которой стартовал 09.03.2022 с принятием федерального закона № 48-ФЗ, продляющего её действие до 2023 года.

Особенностью данной амнистии выступает цель – репатриация капиталов в обмен на различного рода послабления для их владельцев, ключевым из которых, конечно же, является иммунитет от уголовного преследования за те нарушения, наиболее значимые последствиях которых (по мнению государства) данная амнистия призвана устранить.

В частности, по общему правилу, лицо, вернувшее соответствующий капитал в российскую юрисдикцию, освобождается от уголовной ответственности, предусмотренной ст. 193, ч. 1 и 2 ст. 194, ст. 198, 199, 199.1, 199.2 УК РФ.

Оставив в стороне споры о том, на сколько в целом подобного рода амнистии справедливы и имеются ли в них дискриминационные основания, на что обращают внимание отдельные ученые [1, с. 75], рассмотрим их процессуальный аспект, который также таит в себе ряд проблемных вопросов.

На первый взгляд, с точки зрения процессуальной реализации, что может быть проще – внести в материальный закон соответствующее основание для

освобождения от уголовной ответственности или наказания, предусмотреть корреспондирующее основание для прекращения дела в уголовно-процессуальном кодексе и всё, процессуальный механизм создан и обеспечивает достижение поставленных целей амнистии.

Полагается, что изначально в похожей парадигме рассуждал законодатель. В частности, Федеральный закон от 08.06.2015 № 140-ФЗ внес изменения в ст. 76.1 УК РФ, предусмотрев декларирование и возврат в российскую юрисдикцию выведенных капиталов в качестве основания для освобождения от уголовной ответственности за их сокрытие и все иные, связанные с этим противоправные деяния, в виде неуплаты налогов и так далее. В свою очередь в ст. 28.1 УПК РФ появилась норма, согласно которой суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа прекращает уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении рассматриваемых нами преступлений.

Но для чего-то этим же федеральным законом были внесены изменения и в п. 5 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, запрещающие допрос в качестве свидетеля должностного лица налогового органа об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с раскрытием информации о подлежащих репатриации капиталах? Иными словами – для чего соответствующим показаниям был придан статус недопустимых доказательств?

Данное дополнение несколько выбивается из ранее описанной логики, так как бессмысленно придавать статус недопустимых каким-либо доказательствам, если в любом случае уголовное дело, с которыми они могут быть связаны, подлежит прекращению по специальным основаниям. Вместе с тем, это может быть объяснено, например, ч. 13 ст. 3 Федерального закона от 08.06.2015 № 140-ФЗ, указывающей на необходимость обеспечения конфиденциальности сведений, раскрытых декларантом.

Однако здесь возникает другая проблема. Как отражено в п. 1 ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 08.06.2015 № 140-ФЗ декларант освобождается от уголовной ответственности только за конкретные составы преступлений в сфере экономической деятельности, связанные с выводом капиталов за рубеж. При это не исключается ответственность за иные преступления, установленные УК РФ, и не включенные в данный закрытый перечень. В то же время наделение должностных лиц налогового органа свидетельским иммунитетом и придание их показаниям статуса недопустимых, влечет невозможность их использования в доказывании в отношении и всех иных преступлений, не подпадающих под установленный Федеральным законом от 08.06.2015 № 140-ФЗ для декларанта иммунитет.

Приведенная логика получила дальнейшее развитие с опубликованием ответа Президиума Верховного Суда РФ от 30.10.2019.

Так перед высшей судебной инстанцией был поставлен прямой вопрос:

«Распространяются ли гарантии, предусмотренные частями 3, 4 и 6 статьи 4 Федерального закона от 8 июня 2015 года № 140-ФЗ ..., исключительно на лиц, совершивших деяния, содержащие признаки составов преступлений, предусмотренных статьей 193, частями 1 и 2 статьи 194, статьями 198, 199, 199¹, 199² Уголовного кодекса Российской Федерации, либо они распространяются и на лиц, совершивших любое иное деяние, предусмотренное Уголовным кодексом Российской Федерации?» [2, с. 1].

Кто выступал инициатором данного вопроса мы не знаем, но ответ Верховного Суда РФ оказался предельно конкретным:

«Коллизии между соответствующими нормами Уголовно процессуального кодекса Российской Федерации, Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и Федеральным законом от 8 июня 2015 года № 140-ФЗ должны разрешаться в пользу последнего, исходя из того, что Федеральный закон от 8 июня 2015 года № 140-ФЗ предусматривает в отношении отдельных категорий лиц дополнительные гарантии их прав и свобод как участников уголовного судопроизводства» [2, с. 2].

В развитие данного вывода Федеральным законом от 27.12.2019 № 498-ФЗ часть 2 ст. 75 УПК РФ дополнена пунктом 2.2, согласно которому к недопустимым доказательствам относятся полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий сведения о факте представления подозреваемым, обвиняемым специальной декларации в соответствии с Федеральным законом «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и (или) указанная декларация и сведения, содержащиеся в указанной декларации и документах и (или) сведениях, прилагаемых к указанной декларации, за исключением случаев представления декларантом копий указанных декларации и документов и (или) сведений для приобщения к уголовному делу.

Таким образом, был установлен, на первый взгляд, безусловный запрет использования в доказывании по любым уголовным делам любой раскрытой в рамках декларационной компании информации и в этом значении ранее рассмотренное положение п. 5 ч. 3 ст. 56 УПК РФ обретает свой смысл.

Вместе с тем, если согласно разъяснениям ВС РФ положения п. 2.2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ с одной стороны распространяются на все составы преступлений в части установленных уголовно-процессуальных запретов на использование сведений

и доказательств без согласия декларанта, то, полагается, что с другой, при условии раскрытия последних декларантом, они также могут использоваться по любым уголовным делам в качестве допустимых доказательств, но при соблюдении ряда условий.

Во-первых, данные сведения должны быть раскрыты декларантом применительно к каждому уголовному делу, в котором предполагается их использование, что прямо вытекает из ч.ч. 4, 5 ст. 4 Федерального закона № 140-ФЗ.

Во-вторых, из системного толкования ч.ч. 3, 4, 5 ст. 4 Федерального закона № 140-ФЗ следует, что данные доказательства не должны использоваться стороной обвинения в качестве подтверждения виновности декларанта в любом уголовно-запрещенном деянии, точно также, как они не могут выступать основанием для возбуждения любого уголовного дела. В то же время будет являться неоправданным ограничением прав стороны защиты запрет на использование декларации, наравне с любым другим документом, если она считает это необходимым и отвечающим собственным интересам при избранной линии защиты.

Аналогичные выводы, полагается, следует применять и к запрету допрашивать в качестве свидетеля сотрудника налогового органа, в частности, если о таком допросе ходатайствует сам декларант.

Следует заключить, что институты п. 5 ч. 3 ст. 56 УПК РФ и п. 2.2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ являются очень своеобразной вариацией теории асимметрии доказательств, когда в зависимости от признаков, несвязанных, в сущности, со свойствами относимости, допустимости и достоверности одних и тех же доказательств, по разному решается вопрос о возможности их использования в доказывании. В данном случае таким признаком является субъект представления доказательств и их природа, порожденная типом связи с обвинением.

Данный подход с точки зрения классических взглядов на доказывание, является небесспорным, и вызывает серьезные вопросы порядок его технической реализации. Однако, с учетом рассмотренной позиции ВС РФ, полагается, что обратное толкование рассматриваемых норм существенным образом снижает привлекательность самой идеи амнистии капиталов, коль скоро сохраняются любые риски привлечения декларанта к уголовной ответственности на основании раскрытых сведений.

Эта же позиция следует из анализа пояснительной записки к Федеральному закону № 140-ФЗ, в которой указано, что предлагаемые изменения в п. 2.2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ направлены на устранение возможностей правоприменения,

концептуально противоречащего государственной политике в вопросе репатриации капитала и на недопущение отказа в предоставлении гарантий, предусмотренных Федеральным законом № 140-ФЗ, со стороны отдельных «правоприменителей и правоохранителей».

Иными словами, целью института п. 2.2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, по смыслу законодателя, является именно устранение любой гипотетической возможности использования раскрытой информации во вред декларанту, что не исключает полной возможности использования раскрытых сведений в доказывании тогда, когда это выгодно самому декларанту.

Список использованных источников:

1. Капинус Н. И. Уголовно-процессуальные и экономические аспекты амнистии капиталов / Н. И. Капинус, Т. В. Телегина // Законы России : опыт, анализ, практика. – 2015. – № 11. – С. 70–75.

2. Ответ Верховного Суда РФ, утв. Президиумом ВС РФ от 30.10.2019 [Электронный ресурс] // Сайт Верховного Суда РФ. – Электрон. дан. – Систем. Требования : Adobe Acrobat Reader. – URL: <https://www.vsr.ru/documents/all/28357/> (дата обращения: 22.09.2022).

УДК 349.2

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ДИСТАНЦИОННЫХ РАБОТНИКОВ

© Н.Г. Плотникова

Сибирский федеральный университет

За последние десятилетия дистанционная занятость по всему миру получила широкое распространение. Дистанционная работа - форма занятости, при которой работодатель и работник находятся на расстоянии друг от друга, при котором работодатель передает техническое задание, работник его получает, результаты труда и оплату осуществляют между собой при помощи современных средств связи [1].

В Российском законодательстве закреплено легальное определение понятия «дистанционная работа». Согласно статье 312.1 Трудового кодекса РФ дистанционной работой является выполнение определенной трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя, его филиала,

представительства, иного обособленного структурного подразделения (включая расположенные в другой местности), вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя, при условии использования для выполнения данной трудовой функции и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником по вопросам, связанным с ее выполнением, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе сети «Интернет».

Таким образом, дистанционный труд представляет собой форму организации трудового процесса, при которой сотрудники исполняют свою трудовую функцию за пределами рабочего места, при помощи цифровых технологий, которые помогают поддерживать взаимосвязь и коммуникацию с руководством.

Активное развитие и внедрение в нашу жизнь информационных технологий, а также пандемия COVID-19 в своём симбиозе позволили на практике испытать действенность положений отечественного законодательства относительно правового урегулирования вопросов о дистанционном труде.

Актуальность исследования выбранной темы обусловлена тем, что на практике, механизм правового регулирования дистанционного труда населения несовершенно, в частности, ряд статей главы 49.1 Трудового кодекса РФ, «Особенности регулирования труда дистанционных работников», нуждается в доработке. Это порождает весьма серьёзную проблему, выраженную, во-первых, в полной или частичной невозможности удовлетворения имеющейся у общества потребности в труде, а во-вторых, влекущих за этим последствий.

Технический прогресс способствуют появлению новых отношений, требующих правового регулирования. Одной из таких категорий можно назвать дистанционных работников, закрепленных в главе 49.1 Трудового кодекса РФ только с 2013 года. Однако, проблемы в регулировании трудовых отношений с такими работниками эти положения не решили. Многие вопросы оставались открытыми, ввиду очень малого количества работников, осуществляющих свою трудовую функцию дистанционно. Однако активное развитие и внедрение в нашу жизнь информационных технологий в совокупности с пандемией увеличили число дистанционных работников на территории, как Российской Федерации, так и мира в целом.

С развитием новых технологий правоотношения между людьми терпят изменения, вследствие чего и появляются новые формы занятости, которые в литературе получили название «нетипичные». На сегодняшний день существует множество подходов к пониманию нетипичной занятости и определению

критериев, по которым можно классифицировать ее по видам. Это, в свою очередь, можно назвать проблемой, поскольку возникает сложность в понимании, что считать под новой формой занятости.

На наш взгляд, необходимо выработать единое понимание определения нетипичной занятости. Под «нетипичной занятостью» предлагается понимать деятельность граждан, регулируемая нормами трудового законодательства и основанная на трудовых правоотношениях, при которой отсутствует один из признаков, названных в статье 15 ТК РФ, а именно: любую деятельность, за которую работник получает денежное вознаграждение за свой труд следует признавать занятостью, поскольку в рамках сегодняшних реалий, изменения жизни людей и потребности в нетрадиционных видах труда, трудовые правоотношения изменяются и требуют расширения границ к пониманию данного вопроса.

Несмотря на внесение изменений в главу 49.1 ТК РФ для повышения гибкости занятости населения путем применений информационных и коммуникационных технологий, на сегодняшний день до сих пор встречаются пробелы уже в нынешней редакции главы 49.1 ТК РФ, которые порождают различную судебную практику по одним и тем же вопросам.

Проанализировав новые статьи главы 49.1 ТК РФ, регулирующие правовое положение дистанционных работников, необходимо отметить, что неясным остается вопрос заключения трудового договора о дистанционной работе с иностранным гражданином, который проживает не в Российской Федерации, а за рубежом. С одной стороны, Трудовой кодекс РФ не закрепляет возможности заключения трудового договора с таким лицом, а с другой - не содержит прямого запрета. Следует закрепить в статье 312.2 ТК РФ четкую позицию по данному вопросу, а именно: дать возможность прописывать в содержании трудового договора с таким работником условие о применении законодательства РФ на возникающие трудовые правоотношения с иностранным работником.

В статье 312.4 Трудового кодекса РФ представляется важным определение обязанности работодателя прописывать место работы дистанционного работника в случаях, когда это влияет на исчисление заработной платы и социальных выплат, как например, для расчета районного коэффициента в районах Крайнего Севера и приравненных к не местностей.

На наш взгляд, необходимо изменить положения п.6 ст.312.2 ТК РФ, связанные с добровольностью внесения записей в трудовую книжку для дистанционных работников. Ведение трудовой книжки должно носить обязательный характер для работника и работодателя. Отсутствие записи в

трудовой книжке о дистанционной работе в будущем может негативно сказаться на правах дистанционных работников, а также привести к неопределенности и трудностям с исчислением трудового стажа работника.

Следует также внести изменения в ст. 312.4 ТК РФ в части регулирования режима рабочего дня и отдыха дистанционных работников. В частности, необходимо определить право работника на частную жизнь, которое будет в себя включать возможность не быть круглосуточно доступным для работодателя, «время взаимодействия дистанционного работника с работодателем не должно превышать пределов, установленных действующим законодательством», «работник не обязан отвечать работодателю в ночное время, если это не предусмотрено локальным нормативным актом, принятым с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации, трудовым договором о дистанционной работе».

Прежняя редакция главы 49.1 ТК РФ предусматривала возможность расторжения трудового договора с дистанционным работником по основаниям, предусмотренным в трудовом договоре, что приводило к злоупотреблению работодателями этого права. Положительным следует считать введение в ТК РФ оснований для расторжения трудового договора с дистанционным работником, которые стали более конкретными, что на сегодняшний день, может решить ряд существующих разногласий и споров, вызванных нечетким правовым регулированием дистанционной формы занятости.

Дистанционная работа привлекательна и для самих работников, поскольку дает возможность сотруднику самостоятельно организовывать свое рабочее время, так как место работы не привязано к рабочему месту у работодателя, поэтому появляется возможность выполнять свои трудовые обязанности в любом месте, где есть выход в сеть «Интернет» [1].

Такая форма занятости дает возможность особым категориям граждан, таким как инвалиды, женщины, имеющие детей до трех лет и др., закрывать свою потребность в труде, иметь доход, обеспечивать себя самостоятельно.

Из этого мы можем сделать вывод, что дистанционная форма занятости способствует расширению возможностей заключению трудовых договоров о выполнении работы дистанционно (удаленно) или перевода на такую работу для особых категорий граждан, что повышает уровень занятости среди них, который положительно сказывается на уровне жизни этих категорий и повышает степень их социальной защищенности.

На сегодняшний день, нехватка технической оснащенности в регионах не позволит в ближайшем будущем прийти к дистанционной занятости на более высокий темп ее развития [2].

Однако многие работодатели боятся вводить дистанционную занятость, поскольку считают, если работник находится вне места нахождения офиса - своего рабочего места, то отсутствует постоянный контроль, который в будущем может привести к снижению эффективности выполнения работником его трудовой функции [2]. Таким образом, страх работодателей потерять контроль над дистанционными работниками, а вследствие понести убытки, ввиду их неэффективности, в том числе повлияли на слабое развитие дистанционной занятости в России.

Но тенденции привлечения и перевода сотрудников на дистанционный режим работы за последние три года возрастает, поскольку у такой формы занятости есть множество преимуществ как для работников, так и для работодателей. К их числу можно отнести:

1. снижение затрат на оплату обслуживания офиса
2. снижение арендной платы, электроэнергии, проезда сотрудникам до места работы и др.
3. возможность привлечения новых и более профессиональных кадров из других городов и стран.
4. отсутствие необходимости постоянно контролировать работу сотрудников [2].

Такая форма занятости дает возможность особым категориям граждан, таким как инвалиды, женщины, имеющие детей до трех лет и др., закрывать свою потребность в труде, иметь доход, обеспечивать себя самостоятельно[1].

Из этого мы можем сделать вывод, что дистанционная форма занятости способствует расширению возможностей заключению трудовых договоров о выполнении работы дистанционно (удаленно) или перевода на такую работу для особых категорий граждан, что повышает уровень занятости среди них, который положительно сказывается на уровне жизни этих категорий и повышает степень их социальной защищенности.

На сегодняшний день, нехватка технической оснащенности в регионах не позволит в ближайшем будущем прийти к дистанционной занятости на более высокий темп ее развития [2]. В опросе компаний по практике применения законодательства о дистанционной (удалённой) работе от Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) было отмечено, что 6,1% компаний заявили, что в их организациях нет работников, работающих удалённо более половины компаний - 53% - сообщили, что доля сотрудников, трудящихся в настоящее время в режиме дистанционной (удалённой) работы, составляет менее 5%. Соответственно, 40,9% компаний перевели на дистанционный режим значительную долю своих работников [5].

Данная статистика подтверждает, что к настоящему времени большинство компаний используют дистанционную форму занятости для своих работников, но не в значительных размерах. Компании, которые отказываются от дистанционного труда, чаще всего связаны с промышленностью, где рабочее место работника влияет существенную роль для выполнения его трудовой функции, а компании, которые перевели своих сотрудников в большей части на дистанционный формат, занятые в отрасли «деятельность профессиональная, научная, техническая».

Список использованных источников:

1. Гусов К. Н., Циндяйкина Е. П., Цыпкина И. С. Особенности трудового договора с отдельными категориями работников: Научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2018.

2. Закалюжная Н. В. Нетипичные трудовые отношения: видоизменение классических признаков [Электронный ресурс] // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право.* 2014. № 16. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/netipichnye-trudovye-otnosheniya-vidoizmenenie-klassicheskikh-priznakov>.

3. Коршунова Т.Ю. Договор о дистанционной работе как способ оформления нетипичных трудовых отношений // *Журнал российского права.* 2020. № 2

4. Моцная О.В. Нетипичная трудовая занятость: некоторые проблемы теории и права. М.: Ин-т государства и права РАН, 2009.

5. Результаты опроса компаний по практике применения законодательства о дистанционной (удалённой) работе [Электронный ресурс] // *Российский союз промышленников и предпринимателей. Аналитика.* - Режим доступа https://www.rspp.ru/activity/analytics/rezultaty-oprosa-kompaniy-po-praktike-primeneniya-zakonodatelstva-o-distantsionnoy-udalyennoy-rabote/?sphrase_id=215241.

УДК 342.84 + 351.87

**ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО МЕЖДУ ФОРМАЛЬНЫМ И
СОДЕРЖАТЕЛЬНЫМ ПОДХОДАМИ (В СВЕТЕ ДВУХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ)**

© С.А. Подъяпольский

Юридическое агентство «Антикризисный центр»

10-15 лет назад в судебных решениях часто подчеркивалось, что избирательное законодательство носит строго формальный характер. Эта фраза встречается и в современной практике [9], но уже не считается общепринятой аксиомой. В частности, возникла судебная доктрина технической описки, согласно которой, к примеру, неверное указание в подписном листе даты выдачи паспорта сборщика не влечет признания подписей избирателей недействительными [8].

Подход, противоположный формальному, логично назвать содержательным. Речь идет об учете контекста, значимости нарушения, а также таких общеправовых критериев как соразмерность, виновность и т.д. Следует учитывать, что содержательный подход в своих крайних проявлениях ведет к формированию противоречивой судебной практики, когда одни и те же нарушения то влекут, то не влекут отстранения кандидатов и избирательных объединений от участия в выборах. Между тем, закон призван быть не дышлом, а единообразным лекалом. К принципу правовой определенности, к которому часто обращается Конституционный Суд РФ. Можно согласиться с Э.Е. Бершицким, что это основное начало обеспечивает ясность, стабильность и предсказуемость правового положения личности [7, с. 15].

На наш взгляд, колебания законодательства и судебной практики можно отобразить в виде борьбы формального и содержательного подходов. Проиллюстрируем этот тезис на примере двух Постановлений Конституционного Суда РФ, принятых в 2021 году.

Начнём с Постановления Конституционного Суда РФ от 20.01.2021 № 2-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 46, частей 1 и 3 статьи 62, части 4 статьи 240 и части 1 статьи 308 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.В. Тухты» [19].

В 2019 г. проводились выборы депутатов Думы городского округа «Город Чита» седьмого созыва. Кандидат по одномандатному избирательному округу

№ 1 Л.В. Тухта подала административное исковое заявление об отмене решения о регистрации И.С. Кибалиной. Юристы указали в нем лишь одно из выявленных ими нарушений, причем не самое существенное. Обычно три обстоятельства побуждают действовать именно таким образом:

1. ограниченность возможностей по собиранию доказательств;
2. легкость подмены документов;
3. право административного ответчика предоставлять документы не в оригинале, а в форме надлежащим образом заверенной копии.

На тот момент в избирательном законодательстве в полном объеме сохранялся институт члена комиссии с правом совещательного голоса. Последний наделялся правом знакомиться с документами оппонентов, однако эти возможности были ограничены. Закон не указывал точного срока ознакомления, препятствовал получению копий ряда документов и при этом не устанавливал порядка ознакомления. Принимались подзаконные акты, затягивающие сроки предоставления документов, запрещающие делать заметки в ходе ознакомления и даже одновременно просматривать два документа, сравнивая их содержимое. В результате на момент предъявления административного искового заявления об отмене решения о регистрации кандидата сторона истца нередко по объективным причинам не располагала полной информацией о содержании документов, представленных этим кандидатом.

В судебном заседании представитель Л.В. Тухты дополнил основания искового заявления, указав ещё на два нарушения. Речь шла о недостоверности сведений о роде занятий и неуказании даты снятия или погашения судимости. Центральный районный суд г. Читы отменил решение о регистрации И.С. Кибалиной. Однако Забайкальский краевой суд кандидата восстановил, с чем согласились и обе кассационные инстанции.

Суды руководствовались расширительным толкованием ч. 4 ст. 240 КАС РФ. Речь идёт о норме, согласно которой административное исковое заявление об отмене решения о регистрации кандидата может быть подано в суд не позднее чем через десять дней со дня принятия такого решения. Согласно подходу, получившему распространение в судебной практике, дополнение оснований административного иска приравнивалось к подаче нового административного искового заявления. А значит, на это процессуальное действие также распространялся десятидневный срок со дня принятия оспариваемого решения. Его нарушение суды считали самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении требований [3].

Почему же суды не применили часть 3 статьи 62 Кодекса административного судопроизводства РФ [10], согласно которым по административным делам о защите избирательных прав они не связаны основаниями и доводами заявленных требований? По этому вопросу сформировалась позиция, согласно которой эта норма применима лишь при оспаривании решений избирательных комиссий об отказе в регистрации кандидата. Напротив, если зарегистрированный кандидат «фактически оспаривает право другого кандидата, обладающего таким же объемом прав и обязанностей, принять участие в выборах, преследуя цель исключить его из избирательного процесса», то «суд первой инстанции разрешает спор между равными субъектами избирательных правоотношений» [1].

Не согласившись с подобной судебной практикой, представители Л.В. Тухты обратились в Конституционный Суд РФ. В обращении мы указали, что практика, якобы направленная на защиту прав кандидатов, фактически приводит к двойному неравенству. В материально-правовых отношениях: при одних и тех же нарушениях комиссии отказывают в регистрации одним кандидатам и регистрируют других. В процессуально-правовых отношениях: если кандидат был зарегистрирован комиссией с нарушением закона, а член комиссии с правом совещательного голоса был ограничен в праве ознакомиться с документами, то суд должен закрыть глаза на очевидные и документально подтвержденные нарушения.

Расширительное толкование части 4 статьи 240 КАС РФ, не только препятствует истцу реализовывать свое безусловное процессуальное право по изменению оснований своих требований (ч. 1 ст. 46 КАС РФ). Такое толкование ограничивает активную роль суда, препятствует всестороннему и полному установлению всех фактических обстоятельств. Следовательно, такое толкование противоречит конституционно-правовому назначению административного судопроизводства. Фактически оно позволяет при установленном несоответствии акта государственного или иного органа закону принять решение, не соответствующее закону. Эта практика прямо противоречит и части 2 статьи 120 Конституции Российской Федерации.

На обращение поступили отзывы от Правительства РФ, Совета Федерации и Государственной Думы ФС РФ. Авторы отзывов были единодушны в том, что сложившуюся практику нельзя признать правильной. Вместе с тем, примечательная позиция была изложена в отзыве полномочного представителя Государственной Думы ФС РФ. Прежде всего, автор заявила, что зарегистрированный кандидат, обратившийся в суд с административным иском заявлением об отмене решения комиссии о регистрации конкурента на

выборах, не имеет право на предоставление ему процессуальной гарантии, предусмотренной частью 3 статьи 62 КАС РФ. Реализацию права на дополнение оснований административного иска за пределами десятидневного срока она предложила поставить в зависимость от существенности или формальности нарушения, а также обставить дополнительными условиями: «при условии, что истец по независящим от него обстоятельствам не мог получить сведения о дополнительно заявленных им требованиях ранее, неизменности предмета иска (проверка законности решения избирательной комиссии о регистрации кандидата) и мотивированного характера изначально заявленного основания» [14].

В возражениях мы не согласились с ограничением активной роли суда, поскольку последняя обеспечивает публичный интерес в административном судопроизводстве. Этот интерес проявляется и при рассмотрении избирательных дел. Ранее Верховный Суд РФ указывал, что регистрация кандидата на основании документа, представленного с нарушением сроков, незаконна, поскольку нарушает принцип равенства всех кандидатов [15], решение о регистрации кандидата, нарушившего правила оформления подписных листов, нарушает принцип свободных выборов [16].

Теперь возникает вопрос: если нарушения, допущенные при подаче документов для выдвижения и регистрации кандидатов, не имеют публично-правового значения, тогда почему эти нарушения являются основанием для отказа в регистрации кандидата? Иначе говоря, почему кандидат, незаконно зарегистрированный избирательной комиссией несмотря на допущенные им формальные нарушения, может принимать участие в избирательной кампании, – тогда как кандидат, которому по таким же основаниям было отказано в регистрации, не может?

Что касается идущего следом довода о существенности либо формальности дополнительно заявленных оснований, то оценку таким основаниям по существу может дать только суд при вынесении решения (в случае, если дополнения будут приняты). Иное означало бы возможность рассмотрения дополнительного основания по существу при разрешении вопроса о его принятии либо отказе в его принятии. Такой подход несовместим с основами судопроизводства.

Далее мы указали, что введение таких туманных оценочных критериев, как «мотивированный характер изначально заявленного основания» или «по независящим от него обстоятельствам не мог получить сведения» способны направить судебную практику на порочный путь. Как представитель административного истца может заявить мотивированные основания, если до подачи административного заявления ему не предоставили ни одного

документа оппонента? Или дали ознакомиться с ними, не дав сопоставить, к примеру, текст заявления кандидата о согласии баллотироваться и копию трудовой книжки? Или формулировку сведений о судимости в заявлении кандидата о согласии баллотироваться с формулировкой этих сведений, содержащемся в справке ИЦ ГУВД? Фактически такого рода уточнения сужают объем процессуальных гарантий по сравнению с объемом гарантий, прямо предусмотренных КАС РФ.

Конституционный Суд РФ отверг дополнения, любезно предложенные представителем Государственной Думы ФС РФ. Он дал истолкование ч. 1 ст. 46 и ч. 4 ст. 240 КАС РФ, указав, что они не исключают право административного истца после истечения десятидневного срока изменить (дополнить) основания административного иска до принятия решения по делу, а равно и право суда удовлетворить административный иск по новым основаниям [19].

В комментарии «Адвокатской газете» мы указали, что Постановление № 2-П будет способствовать повышению конкурентности избирательного процесса. Вместе с тем, выразили сожаление, что линия рассуждений, касавшаяся активной роли суда по избирательным делам, не нашла отражений в Постановлении Конституционного Суда РФ. [17]

14 марта 2022 г. был принят Федеральный закон № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [12]. Согласно этим поправкам, члены комиссии с правом совещательного голоса остались лишь в ЦИК РФ и в избирательных комиссиях субъектов РФ. Тем самым кандидаты и избирательные объединения лишились легальной возможности знакомиться с документами оппонентов в нижестоящих избирательных комиссиях (прежде всего, территориальных). Теперь электоральных юристов атакующего профиля спасает лишь Постановление № 2-П. Оно позволяет заявить предположительные доводы, а затем дополнить их в суде по результатам ознакомления с документами. Другой вариант — получать статус членов комиссии с правом решающего голоса, что сопряжено с процедурными сложностями.

Если вернуться к предложенному нами разграничению формального и содержательного подходов, то судебная практика, отвергнутая Конституционным Судом РФ, представляла собой неудачный вариант содержательного подхода. Неудачность его состояла в том, что фактически она закрепляла правило «кто контролирует комиссию, тот контролирует суд». Напротив, позиция Конституционного Суда РФ ближе к формальному подходу. Вместе с тем, отмена института члена комиссии с правом совещательного голоса

на уровне территориальных комиссий как раз укрепила особые возможности политических сил, контролирующими такие комиссии.

Теперь обратимся к Постановлению Конституционного Суда РФ от 12.03.2021 № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1.1 статьи 38 и пункта 1 статьи 39 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина С.С. Цукасова» [18]. Оно касается проблемы, давно известной в судебной практике по избирательным делам.

Согласно п. 1.1. ст. 38 Федерального закона № 67-ФЗ при выявлении неполноты сведений о кандидатах, отсутствия каких-либо документов кандидатов или несоблюдения требований закона к оформлению документов избирательная комиссия не позднее чем за три дня до дня своего заседания, на котором должен рассматриваться вопрос о регистрации кандидата, списка кандидатов, извещает об этом кандидата, избирательное объединение. Если же это извещение не было сделано либо в нем не было указано, какие конкретные сведения отсутствуют, конкретно какие документы оформлены с нарушением закона и в чем состоит нарушение, то комиссия не вправе принимать решение об отказе в регистрации списка кандидатов, исключении кандидатов из списка кандидатов. Это правило закреплено во втором абзаце пункта 2.14 Методических рекомендаций ЦИК РФ по вопросам, связанным с выдвижением и регистрацией кандидатов, списков кандидатов на выборах в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления [11].

Не разрешенным на уровне нормативных актов оставался вопрос: как быть, если комиссия зарегистрировала список кандидатов при наличии недостатков, о которых кандидат или избирательное объединение не были извещены, а оппоненты оспорили такое решение в суде? Существовала практика Верховного Суда РФ, согласно которой ссылки кандидатов на то, что они не были уведомлены комиссией о нарушениях, то такие нарушения не могли служить основанием для отмены решения об их регистрации, признавались основанными на неверном толковании норм материального права [2]. Этот подход парадоксальным образом уживался с практикой, когда Верховный Суд РФ восстанавливал кандидатов, которым комиссия отказала в нарушение Методических рекомендаций [4].

Согласно же п. 2 резолютивной части Постановлению № 6-П суд, рассматривая дело об оспаривании решения о регистрации кандидата, обязан учесть факт неизвещения (несвоевременного извещения) избирательной комиссией кандидата об этих нарушениях как обстоятельство, исключающее

отмену решения избирательной комиссии о регистрации кандидата, если эти нарушения должны были быть очевидны для избирательной комиссии при надлежащем исполнении ею своих обязанностей и не являются намеренным представлением кандидатом недостоверных сведений о себе [18].

Обращают на себя внимание дополнительные условия: очевидность для избирательной комиссии и отсутствие намеренного предоставления недостоверных сведений. Кроме того, Федеральный закон от 30.04.2021 № 115-ФЗ, принятый во исполнение Постановления № 6-П и дополнивший статью 76 Федерального закона № 67-ФЗ пунктом 6.1, ввёл ещё одно дополнительное условие. Отныне кандидат может защититься ссылкой на п. 1.1. статьи 38 лишь в том случае, если нарушения не были известны и не могли быть ему известны на момент представления документов в избирательную комиссию [13].

Каким образом эта норма повлияла на судебную практику? Назаровский городской суд Красноярского края 17 августа 2022 г. пришел к выводу: «исходя из пункта 6.1 статьи 76 Федерального закона N 67-ФЗ решение комиссии о регистрации кандидата не может быть отменено судом при одновременном наличии следующих обстоятельств: комиссия не предупредила кандидата о допущенном нарушении, нарушение было очевидным для комиссии, нарушение не могло быть известно кандидату на момент подачи документов. Отсутствие хотя бы одного из этих трех элементов не позволяет применить эту норму. Кроме того, по мнению суда, кандидаты достоверно знали о нарушениях, ведь все требования к оформлению заявления и иных документов изложены в Федеральном законе № 67-ФЗ и Законе Красноярского края № 8-1411, которые доступны для изучения. Доказательств, что указанные нарушения не были известны и не могли быть известны кандидатам, суду не представлено [21].

Таким образом, знание кандидатов о нарушениях презюмируется, и эта презумпция почти неопровержима. В этом контексте вполне обоснована точка зрения Н.А. Арапова и В.А. Савиных, полагающих, что полисемию права необходимо признать как объективную реальность, бремя несения которой государство должно разделить с гражданином [6, с. 187].

Красноярский краевой суд согласился с позицией Назаровского горсуда, указав, что сведения об объеме информации, подлежащей указанию в заявлении о согласии баллотироваться, находятся в открытом доступе, в связи с чем кандидаты не лишены возможности ознакомления с ними. Более того, «кандидаты в депутаты обязаны уметь использовать нормы права, в том числе регулирующие их деятельность как кандидатов» [5].

Таким образом, новелла законодателя перевернула смысл разъяснения Конституционного Суда РФ. Вместо содержательного подхода вновь утвердился формальный.

Список использованных источников:

1. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 14 сентября 2018 г. № 66-АПГ18-53 // СПС «Консультант Плюс».
2. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 5 сентября 2016 г. № 31-АПГ16-13 // СПС «Консультант Плюс».
3. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.08.2019 № 5-АПА19-92 // СПС «Консультант Плюс».
4. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 22 августа 2019 г. № 55-АПА19-9 // СПС «Консультант Плюс».
5. Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 01 сентября 2022 года по делу № 33а-10650/2022 // СПС «Консультант Плюс».
6. Арапов Н. А. О гарантиях правомерных интересов частных лиц в условиях полисемии права / Н. А. Арапов, В. А. Савиных // Вестник экономического правосудия. — 2022. — № 5. — С. 150-192.
7. Бершицкий Э. Е. Правовая определенность и оценочные категории: краткий очерк на примере составов правонарушений в различных отраслях права / Э. Е. Бершицкий. — М. : Статут, 2021. — 152 с.
8. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30.08.2022 № 88А-18174/2022 // СПС «Консультант Плюс».
9. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 24.09.2020 по делу № 88а-24181/2020 // СПС «Консультант Плюс».
10. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: от 08.03.2015 № 21-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
11. Методические рекомендации по вопросам, связанным с выдвижением и регистрацией кандидатов, списков кандидатов на выборах в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления. Утверждены Постановлением ЦИК России от 11.06.2014 № 235/1486-6 // СПС «Консультант Плюс».

12. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 14.03.2022 № 60-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 21.03.2022. — № 12. — Ст. 1787.

13. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

14. Отзыв полномочного представителя Государственной Думы Федерального Собрания в Конституционном Суде РФ, к.ю.н. М.П. Беспаловой. Иск. № БЧП-4/167 от 22 октября 2020 г.

15. Определение Верховного Суда РФ от 29.11.2004 № 80-Г04-10 // СПС «Консультант Плюс».

16. Определение Верховного Суда РФ от 11.02.2008 № 45-Г08-1 // СПС «Консультант Плюс».

17. Павлова З. КС разъяснил сроки уточнения оснований иска об оспаривании акта избиркома о регистрации кандидата // Адвокатская газета. — URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-razyasnil-sroki-utochneniya-osnovaniy-iska-ob-osparivanii-akta-izbirkoma-o-registratsii-kandidata/> (дата обращения 22.09.2022)

18. По делу о проверке конституционности пункта 1.1 статьи 38 и пункта 1 статьи 39 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С.С. Цукасова: Постановление Конституционного Суда РФ от 12.03.2021 N 6-П // СПС «Консультант Плюс».

19. По делу о проверке конституционности части 1 статьи 46, частей 1 и 3 статьи 62, части 4 статьи 240 и части 1 статьи 308 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.В. Тухты: Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2021 № 2-П // СПС «Консультант Плюс».

20. Подъяпольский С.А. Активная роль суда в административном судопроизводстве по делам о защите избирательных прав // Избирательное законодательство и практика. — 2020. — № 2. — С. 31-37

21. Решение Назаровского городского суда Красноярского края от 17 августа 2022 года № 2а-1530/2022.

УДК 342

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА ЗА ЛИЦАМИ, ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

© **З.Р. Рахматулин**

Сибирский федеральный университет

© **П.В. Сорокун**

*Ачинский филиал Красноярского государственного аграрного
университета*

Административный надзор в России стал вновь применяться и введен Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». В юридической литературе отмечается, что это комплексный правовой институт, который включает в себя уголовно-правовые, уголовно-исполнительные и административные элементы [1, С.13], поэтому подходить к порядку оптимизации этой меры следует с учетом знаний различных юридических наук.

Так, при анализе мер, имеющих аналогичное содержание, в уголовном и уголовно-исполнительном праве ведется речь о режиме условного [4, С. 57] и условно-досрочного освобождения [8, С. 33.34], а также о непенитенциарном режиме мер, не связанных с изоляцией осужденных от общества [3, С. 19]. В этой связи вполне разумно говорить о режиме административного надзора, который обладает определенной спецификой. Под ним следует понимать правопорядок, закрепленный в нормах Кодекса административного судопроизводства РФ, федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее – федеральный закон), в ведомственных нормативных актах и конкретизированный в решении суда, выраженный в определенных запретах и обязанностях, применяемых к поднадзорным, а также правилах по их реализации сотрудниками органов внутренних дел, которые призваны предупреждать совершение новых преступлений и административных правонарушений со стороны лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

Отметим, что он должен опираться на определенные принципы, к их числу мы относим: оперативность, гибкость, необходимую достаточность. Впоследствии функционирование режима будет рассмотрено с учетом его соответствия данным принципам.

Содержание режима административного надзора составляют требования, которые закреплены в ст. 4 вышеуказанного федерального закона. Однако конструкцию данной нормы сложно назвать оптимальной, поскольку в юридической литературе высказаны суждения о необходимости расширения перечня ограничений, которые возлагаются на поднадзорных [2, С. 139; 5].

Однако ознакомление с порядком реализации рассматриваемой меры показывает, что судьями факультативные ограничения по собственной инициативе применяются крайне редко. Так, нами было изучено 368 решений судов Красноярского края и Кемеровской области об установлении административного надзора судами в период с 2017-2021 гг., а также аналогичное количество решений об изменении режима административного надзора, что позволило эти выводы подтвердить. Так, 62,5 % виновных применялось не более двух ограничений. Более подробно см. рисунок №. 1.

Также, 12 % требований сотрудников органов внутренних дел о корректировке режима судами не было удовлетворено, в 19 % случаях исковое заявление было удовлетворено частично, в 15 % дел судьи только увеличили число явок на регистрацию. Если полиция обращалась в суд только с требованием об увеличении количества явок в контрольный орган, то в 90 % случаев оно удовлетворялось. Таким образом, установление факультативных

запретов в законе целесообразно предусмотреть, но в случае предоставления таких полномочий судьям они будут применяться крайне редко.

Изучение материалов о применении административного надзора также позволило понять, что с момента совершения последнего административного правонарушения поднадзорными до обращения в суд о дополнении режима проходит достаточно длительное время. Только в 14 % случаях решение было принято в срок до 2-х месяцев. Это означает, что не соблюдается один из принципов режима административного надзора – оперативность. Следовательно, необходимо содержание ст. 4 федерального закона расширить, а также предоставить сотрудникам органов внутренних дел право самостоятельно применять к лицам отдельные ограничения, если судом они не были установлены и в этом имеется необходимость.

Кроме того, применение ограничений и обязанностей должно осуществляться в разном количестве с учетом принципа необходимой достаточности. Согласно нашим данным, 30% поднадзорных не работают, 53 % употребляют спиртные напитки или наркотики. Следовательно, в ч. 1 ст.4 федерального закона необходимо вести речь не только об ограничениях, но и обязанностях, поскольку предлагаемые нами новеллы требуют от лица активной формы поведения. Так, ч. 1 статьи 4 федерального закона необходимо дополнить: п.6) «пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании»; п. 7 «продолжить трудиться, трудоустроиться». Также следует включить в федеральный закон ст. 3¹ и изложить ее следующим образом: «При осуществлении административного надзора органы внутренних дел в зависимости от поведения поднадзорного, характеристики его личности, условий его жизни, отношения к труду имеют право изменять, дополнять или отменять ограничения, установленные судом, в пределах, предусмотренных статьей 4 настоящего Федерального закона». С учетом социально-деликтологических основ функционирования административного надзора эти ограничения следует в большем объеме устанавливать лицам, входящим в «группу риска», то есть наиболее склонным к совершению новых преступлений и административных правонарушений. Они отбывали наказание за преступления против жизни и здоровья (26,5 %), среди них наиболее распространены деяния, предусмотренные ст. 111 УК РФ, хищения, которые представлены ст.ст. 158, 161, 166 УК РФ, незаконный оборот наркотиков – 228 УК РФ (10,2 %). Поскольку вероятность совершения противоправных действий (бездействия) достаточно высока среди этих категорий лиц, то следует усилить контроль в их отношении.

Таким образом, изучение режима административного надзора и особенностей его функционирования позволяет критически отнестись к отдельным положениям текущего законодательства, однако, рассмотрев только эти аспекты, нельзя говорить о полном раскрытии содержания меры, введенной федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ.

Само по себе установление ограничений и обязанностей, в том числе оптимальное, не может способствовать тому, что лицом будут соблюдаться требования режима административного надзора. В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовном кодексе РФ предусмотрены соответствующие средства его обеспечения. Однако варианты их законодательного закрепления не безупречны. Отметим, что в основе применения данных средств должны лежать стимулы. Они могут быть позитивными и негативными. Как показало исследование, картина нарушений поднадзорных выглядит следующим образом. Рецидивоопасные и благонадежные лица, состоящие на учете, часто не являлись на регистрацию в контролирующей орган, но эти нарушения не указывают на их рецидивоопасность. Совершили административные правонарушения, предусмотренные гл. 20 КоАП РФ – 40,4 % поднадзорных, привлечены к ответственности за употребление наркотиков 7,1 %, совершили преступления – 12 % лиц, среди которых преобладают преступления против жизни и здоровья, собственности, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Это свидетельствует о том, что введение ранее предложенных мер является целесообразным.

Отметим, что совершение отдельных нарушений не свидетельствует о том, что лицо относится к «группе риска». В связи с этим ответственность за неявку на регистрацию необходимо исключить. Кроме того, изучение применения средств обеспечения позволяет констатировать, что в законе следует предусмотреть и определенные элементы прогрессивной системы [7, С.35], в основе которой лежит процесс улучшения или ухудшения правового положения лица с учетом его поведения. Думается, что следует делегировать отдельные полномочия сотрудникам полиции по применению средств юридического стимулирования, что будет соответствовать принципу гибкости режима. Шаги в этом направлении законодателем уже предприняты, поскольку федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» от 28 декабря 2013 года № 432-ФЗ закреплено, что сотрудники полиции вправе частично приостанавливать исполнение отдельных ограничений, установленных судом. Работу в этом направлении стоит

продолжить, социально-деликтологические основания это делать позволяют, поскольку в течение года после постановки на учет совершили нарушения 90 % лиц, входящих в группу правонарушителей. Следовательно, если проступки отсутствуют в течение года, то сотрудник полиции вправе применять к лицу определенные послабления в виде отмены отдельных ограничений или уменьшения их интенсивности. Например, уменьшить количество явок на регистрацию, сократить интервал времени нахождения по месту постоянного проживания, пребывания и т.д. В этом видится определенная целесообразность, поскольку, по нашим данным, средний срок административного надзора составляет 4 года 6 мес.

Таким образом, изучение режима административного надзора и средств его обеспечения позволяет выявить его сильные и слабые стороны, а также оптимизировать механизм его реализации с учетом социально-криминологических и деликтологических основ, что впоследствии позволит усилить его превентивный потенциал.

Список использованных источников:

1. Астахова А.О. Уголовно-правовая характеристика уклонения от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений (ст. 314 УК РФ): дис. ...канд.юрид. наук. Омск, 2017. 238 с.
2. Жильцов А. В. К вопросу об особенностях административного надзора за лицами, совершившими преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (административно-правовой и организационный аспекты) / А.В. Жильцов, Н.С. Железняк// Юристь-Правовед. 2018. №2 (85). С.137-145.
3. Мананкова М.А. Международные стандарты применения уголовно-правовых мер, не связанных с лишением свободы, и вопросы их реализации : автореф. дис... канд.юрид. наук. - Томск, 1998. 22 с.
4. Ольховик Н.В. Режим испытания при условном осуждении: дис. канд. юрид. наук. Томск, 2003. 25 с.
5. Правовое регулирование и организация административного надзора за лицами, совершившими преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (Административно-правовой аспект) (Заключительный): отчет о научно-исследовательской работе. Коллектив авторов под руководством А.В.Жильцова / Красноярск: СибЮИ МВД России, 2017. 46 с.

6. Рахматулин З.Р. Непенитенциарный режим ограничения свободы: эффективность и средства обеспечения: автореф. дис. канд. юрид. наук. Томск, 2018. 28 с.

7. Ткачевский Ю.М. Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. Городец, 2007. 240 с.

8. Чуприна Л.В. Режим испытания при условно - досрочном освобождении : автореф. дис... канд. юрид. наук. Томск, 2012. 23 с.

УДК 342

ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ОТКАЗА ИЛИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ КОМИССИЕЙ ПО КОНФЛИКТУ ИНТЕРЕСОВ БЫВШЕМУ СЛУЖАЩЕМУ СОГЛАСИЯ НА ТРУДОУСТРОЙСТВО

© О.В. Роньжина

Сибирский федеральный университет

Государство можно рассматривать как работодателя, имеющего возможность создавать себе привилегированный статус в трудовых отношениях. Для служащих, в отличие от работников частного сектора, законодатель установил значительно более «обширный комплекс запретов и ограничений» [7, с. 43]. Многие из них нацелены на формирование безупречного облика представителя государства, который должен беспристрастно и объективно осуществлять публичные полномочия в интересах всего общества. Так, запрет служащему заниматься предпринимательской деятельностью устраняет возможность появления его личной заинтересованности при выполнении им должностных обязанностей. Но из большинства отношений чиновник не может быть исключен введением такого рода абсолютных запретов. Неприемлемым с конституционно-правовой точки зрения будет, например, установление требований не принимать участие в управление своей собственностью в многоквартирном доме, СНТ или не представлять интересы детей при получении государственных или муниципальных услуг.

Одним из ограничений, направленных на особую защиту интересов государства как работодателя, является включение в статус служащего обязанности после расторжения контракта получить согласие соответствующей комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных или муниципальных служащих и урегулированию конфликта

интересов (далее – комиссия по конфликту интересов) на трудоустройство у нового работодателя. В частном секторе экономики работодатель лишен возможности предотвратить уход сотрудников к конкурентам, передачу инсайдерской информации. Отметим, что законодательство ряда зарубежных стран устанавливает право и для частных компаний включать в трудовой договор «пакт о неконкуренции», предусматривающий «запрет бывшему работнику в течение определенного времени после увольнения наниматься на аналогичное предприятие, создавать аналогичное предприятие, иметь деловые отношения с клиентами бывшего нанимателя и разглашать информацию, касающуюся бывшей работы» [2, с. 106].

Цель введения рассматриваемого ограничения состоит в предотвращении возникновения конфликта публичных и личных интересов уже после окончания служебных отношений. Установленное ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее - ФЗ-273) положение, с одной стороны, позволяет не допустить использования служащим перед увольнением своего должностного положения в интересах будущего работодателя и получения таким образом материальной или иной выгоды, например, высокой заработной платы, премий и т.п. С другой стороны, государство пресекает возможность использования бывшим чиновником служебной информации и других ресурсов в интересах нового работодателя с той же целью получения материальной или иной выгоды.

Для работодателя, который принимает на работу бывшего служащего (заключает с ним гражданско-правовой договор стоимостью более ста тысяч рублей) установлена обязанность уведомить государственный (муниципальный) орган о заключении трудового или гражданско-правового договора. Показательно, что рассматриваемые процедуры распространяются и на «избрание госслужащего членом совета директоров ООО или ОАО, поскольку отношения между обществом и членом совета директоров являются гражданско-правовыми (п. 4 ст. 53 ГК РФ)» [4, с. 1].

Отметим, что положения ч. 1 ст. 12 ФЗ-273 не отличаются необходимой четкостью правового предписания. Формулировка «имеет право замещать.... с согласия соответствующей комиссии по конфликту интересов» не исключает ее неоднозначного толкования. Часть практиков считают, что согласие комиссией может быть дано по результатам рассмотрения обращения или служащего или нового работодателя. Встречается и позиция, согласно которой обращение должно поступить и от работника и от работодателя.

В судебной практике преобладает правовая позиция, согласно которой соблюдение работодателем требования по уведомлению соответствующего

публичного органа не освобождает служащего от выполнения им своей обязанности получить согласие этой же комиссии по конфликту интересов (См., напр. Решение Центрального районного суда города Воронежа от 06.04.2022 № 2а-1668/2022; Апелляционное определение Московского городского суда от 12.12.2017 по делу № 33-50600/2017). Наличие таких споров свидетельствует о необходимости изменения правового регулирования данных отношений. Представляется, что при наличии положительного решения комиссии по конфликту интересов, принятого на основании обращения работодателя, требование непрямого исполнения самим служащим обязанности обратиться за получением согласия является не более чем формальностью, лишенной содержательной цели.

Пределы ограничения права бывшего служащего на трудоустройство, заключение гражданско-правовых договоров определены в ч. 1 ст. 12 ФЗ-273. Во-первых, ограничение не является бессрочным, и действует в течение в течение двух лет после увольнения с государственной или муниципальной службы. Во-вторых, запрет без согласия комиссии по конфликту интересов вступать в новые трудовые отношения распространяется не на всех публичных служащих, а только на тех, что замещали должность государственной или муниципальной службы, включенную в перечень, установленный нормативными правовыми актами Российской Федерации. При этом согласие комиссии по конфликту интересов требуется, если отдельные функции государственного, муниципального (административного) управления данной организацией входили в должностные (служебные) обязанности государственного или муниципального служащего.

Вместе с тем, в правоприменительной практике встречаются решения, отступающие от буквального толкования данных положений. Бывшим служащим отказывают в даче согласия на заключение трудового договора с коммерческой или некоммерческой организацией либо в выполнении работы на условиях гражданско-правового договора в коммерческой или некоммерческой организации исключительно на том основании, что отдельные функции по государственному управлению этой организацией входили в его должностные (служебные) обязанности. Мотивировкой такого отказа рассматривается наличие собственно данных, свидетельствующих о том, что служащий выполнял такие функции (См., например, Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 26.01.2021 № 88А-1892/2021 Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 26.01.2021 № 88А-1892/2021).

Нередкими являются решения комиссий по конфликту интересов и судов, принимаемые без достаточного обоснования мотива отказа. Приведем несколько примеров: «Трудоустройство Т. создает предпосылки для возникновения конфликта интересов, поскольку истец, являясь государственным инспектором, осуществляла функции государственного управления в отношении вышеназванного юридического лица, что будет являться нарушением положений ст. 12 ФЗ «О противодействии коррупции» (Решение Советского районного суда города Уфы от 01.03.2021 № 2-384/202).

«Деятельность Н. напрямую была связана с деятельностью отдела, в котором он ранее замещал руководящую должность и при трудоустройстве Н. в ООО "<.....>" возможно присутствие личностных и имущественных факторов, способствующих возникновению конфликта интересов и, как следствие, проявлению действий, имеющих коррупционную направленность, что может привести к ситуации, связанной с причинением вреда законным интересам граждан, организаций, общества или государства» (Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 25.02.2021 по делу № 2а-5351/2020, 33а-2192/2021).

«Учитывая, что должностные обязанности Б. включали отдельные функции государственного управления юридическим лицом филиал "Астрахань бурение" ООО "Газпром бурение", тем самым создаются предпосылки о присутствии личностных и имущественных факторов, способствовавших возникновению конфликта интересов и, как следствие, проявлению действий, составляющих коррупционную направленность, что привело к ситуации, связанной с причинением вреда законным интересам Управления» (Решение Советского районного суда города Астрахани от 16.12.2021 № 2а-4223/2021).

«А. провела в отношении Дирекции ПАО проверку, составлен протокол об административном правонарушении, также осуществляла контроль своевременного и качественного исполнения, оформления инспекторским составом ТП Службы результатов контрольных мероприятий в отношении ПАО Н. Трудоустройство А. может повлечь конфликт интересов и нанести ущерб репутации Службы в глазах общественности и умаления ее авторитета, как органа исполнительной власти края. Впоследствии она сможет использовать свои знания и опыт работы для того, чтобы создать для Дирекции какие-либо привилегии» (Представление прокуратуры К. края в Службу "<.....>". Из архива автора).

Из толкования ч. 1 ст. 12 ФЗ-273 между тем следует, что необходимость получения согласия комиссии по конфликту интересов возникает только в тех случаях, когда отдельные функции государственного, муниципального

(административного) управления организацией входили в должностные (служебные) обязанности государственного или муниципального служащего. Если такие функции управления будущим работодателем не входили в обязанности служащего, то служащий должен обратиться за согласием (работодатель уведомить) соответствующую комиссию по конфликту интересов, но оснований для рассмотрения этих обращений комиссией по конфликту интересов не имеется.

При получении обращения от служащего или работодателя кадровая служба должна определить, входили ли указанные функции в должностные обязанности лица, занимавшего государственную (муниципальную) должность. Если такие функции не входили в обязанности служащего, то кадровая служба составляет соответствующее заключение, которым подтверждается, что ситуация не совпадает с гипотезой нормы, установленной в ч. 1 ст. 12 ФЗ-273, а именно отсутствует необходимое условия проведения заседания комиссии по конфликту интересов. Такое толкование совпадает с правовой позицией Минтруда [6, с. 2].

И только в случае, если отдельные функции государственного, муниципального (административного) управления организацией входили в должностные (служебные) обязанности государственного или муниципального служащего, кадровая служба государственного (муниципального) органа назначает заседание комиссии по конфликту интересов. При этом возможно принятие комиссией по конфликту интересов одного из двух решений:

- 1) дать согласие на заключение трудового договора (гражданско-правового договора);
- 2) отказать в даче согласия на заключение трудового договора (гражданско-правового договора);

Отказ служащему в даче согласия на заключение трудового договора не может быть признан мотивированным и обоснованным только ссылкой на данные, подтверждающие, что отдельные функции государственного, муниципального (административного) управления организацией входили в должностные (служебные) обязанности государственного или муниципального служащего.

Обоснованными являются позиции судов, указывающих, что «само по себе то обстоятельство, что отдельные функции по государственному управлению организацией входили в должностные (служебные) обязанности бывшего государственного служащего, не является основанием для отказа гражданину в замещении должности в коммерческой или некоммерческой организации, данное обстоятельство является основанием для рассмотрения этого вопроса

соответствующей комиссией, при условии, что не истекли два года со дня увольнения гражданина с государственной гражданской службы, а в случае отказа гражданину в замещении должности отказ должен быть мотивированным» (Апелляционное определение Верховного суда Республики Коми от 12.10.2015 по делу № 33-5522/2015; Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 17.11.2020 по делу № 88а-26926/2020).

Минтруд России разъясняет, что комиссии по конфликту интересов необходимо, во-первых, проанализировать функции государственного, муниципального (административного) управления, входившие в должностные (служебные) обязанности гражданина - бывшего государственного (муниципального) служащего, а также реально принятые им решения в отношении организации на предмет возможного использования должностного положения в целях оказания организации, в которую трудоустраивается гражданин, выгод и преимуществ. Рекомендуются подробно проанализировать, в чем заключались данные функции, уточнив при необходимости, по каким вопросам деятельности данной организации были приняты решения государственным (муниципальным) служащим. Во-вторых, следует установить наличие либо отсутствие информации или каких-либо признаков, свидетельствующих о выгодах, преимуществах, преференциях, полученных организацией по сравнению с другими юридическими лицами при замещении гражданином должности государственной (муниципальной) службы. При этом необходимо разграничить такие решения, принятые государственным (муниципальным) служащим самостоятельно и в порядке исполнения поручений вышестоящего органа или должностного лица.

Должным образом мотивированное и обоснованное решение комиссии является гарантией реализации трудовых прав бывшего государственного или муниципального служащего [1, с. 5]. На наш взгляд, при толковании ч. 1 ст. 12 ФЗ-273 необходимо прибегнуть к телеологическому способу выяснения и разъяснения ее положений. Цели, которые преследовал законодатель, при установлении данной нормы связаны с предотвращением конфликта интересов как непосредственно перед прекращением служебных отношений, так и в течение двух лет после. Комиссия по конфликту интересов определяет, получит (получил уже) служащий имущественную или иную личную выгоду, будет ли причинен вред общественным интересам в связи с его трудоустройством к новому работодателю.

Надлежащим обоснованием решения комиссии о даче согласия служащему на заключение трудового договора с новым работодателем или

отказе в даче такого согласия является изложение фактов, позволяющих ответить на следующие вопросы:

Получит ли (получил) служащий незаконную выгоду?

Будет ли причинен публичным интересам? Если да, то в чем заключается такой вред?

Примерами обстоятельств, свидетельствующих о том, что имеются основания для отказа в даче согласия на заключение трудового договора, можно назвать при ответе на первый из указанных выше вопросов следующие: должность вводится специально под служащего, о чем может свидетельствовать время появления вакансии; заработная плата, несоразмерно большая, чем средняя на рынке труда; результаты анализа деятельности служащего позволяют предположить, что при проведении проверок созданы условия для освобождения нового работодателя от ответственности («служащий организовал какие-либо преимущества подконтрольной организации с расчетом получить теплое местечко в этой организации после увольнения» [8, с. 54] и т.п. Примерами обстоятельств, свидетельствующих о том, что имеются основания для отказа в даче согласия на заключение трудового договора, можно назвать при ответе на второй из указанных выше вопросов, в том числе: служащий имеет доступ к информации ДСП, которая может быть использована против интересов публичного органа в интересах нового работодателя; в суде не завершено рассмотрения дела, или не завершено административное производство с участием нового работодателя, где увольняющийся служащий представлял интересы государственного или муниципального органа и т.п.

Следует согласиться с мнением С.Д. Красноусова о том, что «законодатель при конструировании данной нормы хотел избежать возможности легализовать полученное на государственной или муниципальной службе незаконное вознаграждение, полученное в результате незаконного использования ресурсов государственной и муниципальной службы» [3, с. 105].

Безосновательными представляются при обосновании отказа такие доводы комиссий по конфликту интересов, когда отсутствуют данные, подтверждающие получение или возможность получения какой-либо выгоды, причинение вреда публичным интересам. Так, в одном из судебных решений указывалось, что «наличие большого профессионального опыта в данном разделе работы, позволит свести к минимуму замечания при проведении проверочных мероприятий контролирующих надзорных органов» (Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 27.05.2021 № 33-10581/2021 по делу № 2-5811/202).

Между тем, вводя положения ч. 1 ст. 12 ФЗ-273, вряд ли законодатель основывался на опасениях, что бывший служащий, уходя к другому работодателю, обеспечит с учетом своего опыта такую работу новой организации, которая будет соответствовать всем правовым нормам и правилам. Отметим, что ротация работников из частной сферы в публичную и наоборот способствует включению опытных сотрудников в коммерческие и некоммерческие организации, формированию законности в деятельности участников негосударственного сектора, привнесению в эту среду новых мотиваций и внедрению комплаенсов, защищающих, в том числе и общественные интересы. «Ротация кадров между частным сектором и государственной службой предполагает освоение госслужащими компетенций и навыков и по другим актуальным направлениям: управление изменениями, развитие рыночной ориентации, проектный менеджмент» [5, с. 21]. Привнесение в коммерческие и некоммерческие организации сформированного на публичной службе правосознания будет способствовать внедрению в частных компаниях, в том числе антикоррупционного комплаенса.

Список использованных источников:

1. Брежнев О.В. Особенности применения мер по противодействию коррупции в свете решений Конституционного Суда Российской Федерации // Российская юстиция. 2019. № 7. С. 6 - 8.
2. Избиенова Т.А. Трудоправовые аспекты предотвращения коррупции на государственной гражданской службе // Административное право. 2010. № 2. С. 105 - 110.
3. Красноусов С.Д. К вопросу о формировании в целях противодействия коррупции системы запретов, ограничений и обязанностей // Административное и муниципальное право. 2015. № 1. С. 103 - 106.
4. Может ли государственный служащий быть членом совета директоров в организации // СПС КонсультантПлюс. 2022.
5. Ноздрачев А.Ф. Институт ротации в системе государственной гражданской службы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 5. С. 5 - 22.
6. Письмо Минтруда России от 12.09.2018 № 18-3/В-545.
7. Уманская В.П., Малеванова Ю.В. Государственное управление и государственная служба в современной России: монография. Москва: Норма, 2020. 176 с.

8. Чаннов С.Е. Уведомление о приеме на работу бывшего государственного (муниципального) служащего // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 52 - 59.

УДК 342

**ОТКАЗ ОТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВЫБОРНЫХ ПРОЦЕДУР ДЛЯ НАДЕЛЕНИЯ
ПОЛНОМОЧИЯМИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В АСПЕКТЕ
КОНСТИТУЦИОННОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ**

© **Д.С. Рымарев**

Сибирский федеральный университет

Конституционные конфликты являются неизбежным следствием динамично развивающихся общественных отношений в сфере публичного управления любого государства в современном мире.

Данная предметная область является междисциплинарной, находящейся на стыке правовой науки, конфликтологии, социологии и психологии.

В этом отношении проводимые в отечественной науке конституционного права в последние годы исследования конституционных конфликтов, направленные на формирования системного научного знания в данной сфере, приобретают особую ценность и значимость [11; 12].

Выработанные в них подходы позволяют обстоятельно подойти к анализу конституционного конфликта в той или иной сфере общественных отношений.

Разработанная в них юридическая конструкция с выделением объекта, предмета, участников конституционного конфликта дает необходимую основу исследователям для дальнейшего их анализа.

Использование данной юридической конструкции можно рассмотреть на примере общего конституционного конфликта, выраженного в противодействии различных политических сил по поводу реализации принципа народовластия, закрепленного в статье 3 Конституции Российской Федерации [1].

Наиболее интересными аспектами его проявления являются реализация положений следующих нормативных правовых актов:

Федеральный закон от 11 декабря 2004 г. № 159-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и в Федеральный

закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [4]. Данным Федеральным законом в 2004 г. были отменены прямые выборы высших должностных лиц субъектов Российской Федерации. Гражданин Российской Федерации до 2012 г. мог быть наделен полномочиями высшего должностного лица субъекта Российской Федерации по представлению Президента Российской Федерации законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации.

Федеральный закон от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3]. Данным Федеральным законом были внесены изменения в Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [6], которые позволили законом субъекта Российской Федерации устанавливать только *один вариант* формирования представительных органов муниципальных районов, городских округов с внутригородским делением, а также *один вариант* избрания главы муниципального образования при наличии нескольких альтернатив (части 4, 5 статьи 35, часть 2 статьи 36 Федерального закона № 131-ФЗ).

Реализация данных поправок привела к тому, что прямые выборы глав были отменены в большинстве крупных муниципальных образований (прежде всего в административных центрах субъектов Российской Федерации) [2]. В качестве наиболее распространенного варианта наделения полномочиями выборного должностного лица, теперь, как правило, используется способ избрания главы муниципального образования представительным органом из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса.

Объектом данного конституционного конфликта является конституционная ценность в виде принципа народовластия. Помимо положений статьи 3 Конституции РФ, для раскрытия содержания указанной основы конституционного строя необходимо, на наш взгляд, привести особое мнение судьи Конституционного Суда РФ В.Г. Ярославцева, выраженного при принятии постановления Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2005 г. № 13-П [8].

По его мнению, данный принцип предполагает, что по смыслу положений Основного закона народ является именно активным субъектом (а не

бессловесным объектом) конституционных правоотношений, обязанной стороной в которых выступают государство, его органы и должностные лица, включая Президента Российской Федерации. При этом государственная власть – это власть, учреждаемая народом, действующая от имени и в интересах народа.

Предметом рассматриваемого конституционного конфликта является проблема централизации публичного управления в Российской Федерации. Представляется, что отказ от формирования органов публичной власти прямыми выборами на определенном этапе развития российского государства связан с необходимостью исключить непредсказуемость результата выборных процедур.

Участники конституционного конфликта. Помимо большого количества субъектов конституционных правоотношений, вовлеченных в конституционно-правовые споры, возникшие на основе данного конфликта (Федеральное Собрание Российской Федерации, отдельные депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, законодательные органы субъектов Российской Федерации, политические партии и граждане Российской Федерации), следует выделить основного актора конституционного конфликта (участник конституционного конфликта, способный применить меры для его разрешения [12, с. 136]) – Конституционный Суд Российской Федерации.

Способ разрешения конституционного конфликта. Конституционный Суд Российской Федерации при рассмотрении дела об оспаривании положений Федерального закона от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (в редакции Федерального закона от 11 декабря 2004 г. № 159-ФЗ) [5], установивших порядок наделения полномочиями высшего должностного лица субъекта РФ по представлению Президента РФ, сформулировал следующие правовые позиции (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2005 г. № 13-П [8]):

«...порядок формирования органов государственной власти субъектов Российской Федерации Конституция Российской Федерации непосредственно не регламентирует. Провозглашая свободные выборы наряду с референдумом высшим выражением власти многонационального народа Российской Федерации и закрепляя избирательные права граждан и право на участие в референдуме (статья 3, часть 3; статья 32, части 1 и 2), она в то же время не рассматривает выборы в качестве единственно допустимого механизма формирования всех органов публичной власти на каждом из уровней ее организации».

«...федеральный законодатель вправе избирать наиболее эффективные и соразмерные конституционным целям механизмы организации государственной власти, в том числе при наделении полномочиями органы государственной власти и должностных лиц, *в отношении которых соответствующий порядок прямо не предусмотрен в Конституции Российской Федерации*, соблюдая при этом конституционные принципы и нормы и обеспечивая сбалансированное сочетание полномочий и интересов Российской Федерации, с одной стороны, и субъектов Российской Федерации – с другой».

При рассмотрении конституционно-правового спора о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в редакции Федерального закона от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ) Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 1 декабря 2015 г. № 30-П [10] сформулировал следующие правовые позиции:

«Местное самоуправление, по смыслу определяющих его конституционно-правовой статус статей 3 (часть 2), 12, 32 (части 1 и 2) и 130 - 133 Конституции Российской Федерации, выступает обязательной на всей территории Российской Федерации формой публично-территориальной самоорганизации населения, обеспечивающей участие граждан в самостоятельном и под свою ответственность решении населением непосредственно и через представительство в выборных и других органах местного самоуправления вопросов местного значения, и одновременно является неотъемлемой частью единого механизма управления делами федеративного государства, в рамках которого органы местного самоуправления на началах взаимодействия и согласованного функционирования с федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации участвуют в конституционно установленных пределах в решении вытекающих из статей 2 и 7 (часть 1) Конституции Российской Федерации задач по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, созданию условий для достойной жизни и свободного развития человека. Соответственно, органы местного самоуправления, будучи организационно-правовым выражением власти местного сообщества как первичного субъекта права на местное самоуправление, призваны обеспечивать в рамках полномочий, возложенных на местное самоуправление в соответствии с Конституцией Российской Федерации, реализацию воли населения городских, сельских поселений и других территорий, на которых оно осуществляется.

При этом Конституционный Суд Российской Федерации не признал противоречащей Конституции Российской Федерации соответствующую возможность законом субъекта Российской Федерации установить только один вариант наделения полномочиями органа местного самоуправления.

Как указано в пункте 1 постановляющей (резолютивной) части, оспариваемые нормы как направленные на обеспечение сбалансированной реализации государственных и местных интересов в условиях сложившихся территориальной организации местного самоуправления и разграничения связанных с социально-экономическим развитием соответствующих территорий полномочий органов публичной власти не противоречат Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования содержащиеся в них положения:

предполагают возможность воспроизведения законами субъектов РФ как альтернативных вариантов, так и единственно возможного варианта порядка формирования представительных органов муниципальных районов, городских округов с внутригородским делением, порядка избрания и места в структуре органов местного самоуправления глав муниципальных образований – муниципальных районов, городских округов, внутригородских районов, а также тех городских поселений, которые по степени концентрации возложенных на них публичных функций и задач, *по своему характеру имеющих государственное значение, сопоставимы с городскими округами.*

При этом данные нормы *не допускают воспроизведение законами субъектов РФ единственно возможного варианта порядка избрания и места в системе органов местного самоуправления главы муниципального образования сельских поселений*, а также тех городских поселений, которые не относятся к указанным выше, и не могут ограничивать возможность предусмотреть в уставах этих муниципальных образований избрание главы поселения на муниципальных выборах, а также самостоятельно определить место главы муниципального образования в структуре органов местного самоуправления соответствующего поселения.

При воспроизведении законами субъектов РФ конкретного варианта порядка формирования представительного органа, порядка избрания и места в структуре органов местного самоуправления главы муниципального образования как единственно возможного применительно к отдельным муниципальным образованиям, относящимся к одному и тому же виду муниципальных образований, предполагают применение нормативно закрепленных критериев определения состава таких муниципальных

образований, отражающих объективные особенности осуществления местного самоуправления, включая степень концентрации возложенных на них публичных функций и задач, по своему характеру имеющих государственное значение. *Во всяком случае данные нормы допускают возможность такого воспроизведения как единственно возможного варианта применительно к муниципальному образованию, которому непосредственно или в составе определенной категории муниципальных образований федеральным законом придан специальный (особый) правовой статус, влияющий на осуществление местного самоуправления на данной территории, а также применительно к административному центру (столице) субъекта Российской Федерации.*

Таким образом, анализ соответствующих правовых позиций Конституционного Суда РФ позволяет сделать вывод о том, что рассмотренные конституционно-правовые споры были решены не пользу сторонников реализации выборных процедур при формировании органов публичной власти. При этом факт того, что Конституционный Суд РФ неоднократно обращался к данным правовым позициям в дальнейших своих решениях, свидетельствует о том, что сам конституционный конфликт так и не был разрешен [7; 9].

Список использованных источников:

1. Конституции Российской Федерации. – Режим доступа: Официальный интернет-портал правовой информации (<http://pravo.gov.ru>). – 2022. – 6 окт.
2. Конституционный суд оправдал отмену выборов мэров государственными функциями городов. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2867352>. Дата обращения: 09.10.2022.
3. О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» : Федеральный закон от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 22. – Ст. 2770.
4. О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» : Федеральный закон от 11 декабря 2004 г. № 159-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 50. – Ст. 4950.

5. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» : Федеральный закон от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.

6. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.

7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Виноградова Олега Игоревича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 статьи 12 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2019 г. № 276-О. – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс». Дата обращения: 09.10.2022.

8. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2005 № 13-П // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 3. – Ст. 336.

9. По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2012 г. № 32-П // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53 (ч. 2). – Ст. 8062.

10. По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституционного Суда РФ от 1 декабря 2015 г. № 30-П // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 50. – Ст. 7226.

11. Тетерин, А.В. Конституционно-правовой конфликт: теоретические проблемы и пути преодоления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / А.В. Тетерин. – Москва, 2018. – 19 с.

12. Третьяк, И.А. Конституционная конфликтология : дис. ... д-ра. юрид. наук : 5.1.2 / И.А. Третьяк. – Омск, 2022. – 391 с.

УДК 347.191.11

**НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНТЕГРАЦИИ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ**

© **Н.Ю. Рычкова**

Сибирский федеральный университет

С учетом современных глобальных вызовов, в том числе обусловленных вступлением человечества в эпоху цифровизации, нашей стране и обществу необходим серьезный научный прорыв, достижимый при условии эффективного правового регулирования вопросов объединения имущественно-технологической инфраструктуры, научно-образовательного потенциала вузов и научно-исследовательских организаций.

Тесное взаимодействие федеральных университетов и научно-исследовательских учреждений является ключевым фактором, обеспечивающим инновационное развитие российского государства [4; 21]. В 2024 году необходимо обеспечить... создание не менее 15 научно-образовательных центров мирового уровня на основе интеграции университетов и научных организаций и их кооперации с организациями, действующими в реальном секторе экономики [19; 12], где университеты должны стать центрами развития технологий и кадров, настоящими интеллектуальными локомотивами для отраслей экономики и наших регионов [20]. Эта задача уже успешно решается. Сегодня в РФ создан ряд научно-образовательных центров, в том числе, мирового уровня (НОЦ), а также научно-технологических центров (ТЦ): «Вернадский – Западная Сибирь» [3], НОЦ «Енисейская Сибирь» [18], НОЦ «Кузбасс», Западно-Сибирский межрегиональный научно-образовательный центр мирового уровня, Пермский научно-образовательный центр мирового уровня «Рациональное недропользование», Научно-образовательный центр мирового уровня «Инновационные решения в АПК», Научно-образовательный центр мирового уровня «Техноплатформа 2035» [5], «Инновационный научно-технологический центр МГУ «Воробьевы горы» [15] и некоторые другие.

Каждый из них предназначен для решения своих специальных задач. Так, перед участниками НОЦ «Енисейская Сибирь» поставлены задачи по

содействию реализации масштабных научно-технических, научно-образовательных и инфраструктурных проектов консорциумами ведущих университетов и научных организаций совместно с крупными высокотехнологичными предприятиями при взаимодействии с профильными технологическими платформами, по модернизации российского высшего и профессионального образования и содействию созданию и комплексному развитию совместной научно-образовательной и инновационной инфраструктуры участников, а также по реализации приоритетных национальных проектов (программ) [6]. Деятельность консорциума «Вернадский–Западная Сибирь» нацелена на совместные научные исследования с ориентацией на научно-технологическое и социально-экономическое развитие округа, работу партнерских образовательных программ, создание научно-образовательных кластеров с участием бизнеса и промышленности [3].

При этом важно заметить - научно-образовательный центр именуется консорциумом. Хотя в п. 1.2 ст. 5 Федерального закона от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» [11], в качестве одного из оснований объединения научного и образовательного учреждений называется образование юридического лица - создание объединений научных организаций и образовательных организаций высшего образования в форме ассоциаций или союзов - этот путь был отвергнут.

Объединение в рамках ассоциации (союза) действительно имеет ряд преимуществ: обеспечивает юридическую самостоятельность и экономическую независимость участников; позволяет заявить в уставе цели, достижение которых необходимо для участников; предполагает образование единоличного и коллегиального исполнительных органов; член ассоциации (союза) вправе на равных началах с другими членами ассоциации (союза) безвозмездно, если иное не предусмотрено законом, пользоваться оказываемыми ею услугами (п. 1 ст. 123.11 ГК РФ); разрешает осуществлять приносящую доход деятельность, если это предусмотрено уставом; ассоциация (союз) не отвечает по обязательствам своих членов, если иное не предусмотрено законом; члены ассоциации (союза) не отвечают по ее обязательствам, за исключением случаев, если законом или уставом ассоциации (союза) предусмотрена субсидиарная ответственность ее членов.

Однако при этом данная организационно-правовая форма некоммерческой организации не лишена недостатков, перевешивающих заявленные преимущества и потому препятствующих ее использованию для полной интеграции образовательных и научных учреждений: ассоциация (союз)

является собственником своего имущества (п. 3 ст. 123.8 ГК РФ). Между тем научные и образовательные учреждения серьезно ограничены в отношении закрепленного за ними на праве оперативного управления имущества (ст. 298 ГК РФ); член ассоциации (союза) вправе выйти из нее по своему усмотрению в любое время (п. 1 ст. 123.11 ГК РФ). Ограничение этого права в уставе невозможно, поэтому ассоциация может прекратить свое существование в любой момент; не позволяет вести взаимный учет научных показателей, так как это будут либо показатели участника, либо показатели ассоциации. Показатели ассоциации не считаются показателями участника с точки зрения действующего законодательства, так как это разные юридические лица; не обеспечивает надлежащее финансирование участников ассоциации. Если даже ассоциацию сделать субъектом финансирования, возникает вопрос о законности последующего перераспределения полученных средств между ее участниками.

Негибкость современного корпоративного законодательства не позволяет использовать существующие организационно-правовые формы некоммерческих корпоративных лиц для полной интеграции образовательных и научных учреждений с образованием единого юридического лица. Цели, для которых привычно используются такие формы – обеспечение имущественной самостоятельности и участие в гражданском обороте – отличаются от целей, стоящих перед образовательными и научными учреждениями при реализации инновационных проектов.

Неслучайно сегодня избрано иное решение проблемы: в рамках национального проекта «Наука» научно-образовательные центры объявлены региональными или межрегиональными консорциумами [20]. Научно-образовательный центр мирового уровня (НОЦ) определяется как поддерживаемое субъектом Российской Федерации объединение без образования юридического лица федеральных государственных образовательных организаций высшего образования и (или) научных организаций с организациями, действующими в реальном секторе экономики, и осуществляющий деятельность в соответствии с программой деятельности центра [5]. Э.Ю. Витоль и Г.С. Тюляев, настаивая на ревизии существующих форм отношений в научно-технической и инновационной деятельности, полагают, что консорциумы обладают *sui generis* характером и требуют подробного регулирования в национальном законодательстве на основе модели договора простого товарищества [2]. В таком случае интеграция фактически сводится не к объединению юридических лиц, а к хозяйственному их взаимодействию, к «интеграции деятельности».

Наряду с позитивными моментами «стандартного» договорного варианта объединения вузов и научных учреждений существуют и проблемы, вызванные отсутствием между ними организационного единства: недостаточно тесная взаимосвязь сторон договора, невозможность обеспечивать прямое совместное бюджетное финансирование, отсутствие координирующих органов. А.О. Четвериков, разделяя мнение о том, что современный уровень развития науки нуждается в пересмотре классических представлений о правовых формах реализации крупных научных проектов, предлагает иное решение: закрепить новую организационно-правовую форму евразийских научно-инфраструктурных юридических лиц: евразийский консорциум исследовательской инфраструктуры [22]. Данное предложение заслуживает внимания.

На сегодняшний день законодатель в деталях урегулировал порядок и формы интеграции деятельности научных и образовательных организаций в консорциуме. Федеральный закон «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.07.2017 г. № 216-ФЗ предусмотрел основные положения, касающиеся взаимодействия всех участников данного центра [7]. Инновационный научно-технологический центр представляет собой совокупность организаций, основной целью деятельности которых является осуществление научно-технологической деятельности, и иных лиц, деятельность которых направлена на обеспечение функционирования такого центра, действующих на определенной Правительством Российской Федерации территории. Основными субъектами являются: инициатор проекта - образовательная или научная организация, соответствующие критериям, установленным Правительством РФ, или национальный исследовательский центр, по инициативе которых создается инновационный научно-технологический центр; участник проекта - российское юридическое лицо, основной целью деятельности которого является осуществление научно-технологической деятельности и получившее статус участника проекта; фонд осуществляющий имущественное, организационное, научно-методическое и экспертно-аналитическое обеспечение деятельности центра, и управляющая компания - акционерное общество, обеспечивающая собственно управление инновационным научно-технологическим центром.

Включение данных лиц в число участников центра достаточно типично [13; 14], хотя распределение функций для каждого конкретного центра может несколько отличаться. Так, например, в правилах проекта по созданию и обеспечению функционирования инновационного научно-технологического центра «Квантовая» долина» разграничены полномочия по оценке заявки

соискателя на участие в проекте: управляющая компания проводит проверку заявки на предмет соответствия формальным критериям, далее фонд проводит экспертизу заявки по существу, по результатам оценки соответствия инновационного проекта и прикладного исследования заданным критериям, он готовит заключение о соответствии или несоответствии инновационного проекта и прикладного исследования указанным требованиям, тогда как решение о предоставлении соискателю статуса участника проекта и о его включении в реестр (в случае положительного заключения фонда) или об отказе в предоставлении статуса участника проекта и отказе во включении в реестр (в случае выдачи фондом отрицательного заключения) принимает вновь управляющая компания [13]. В центре «Балтийская долина - Хьюмантек» все эти вопросы отнесены к компетенции управляющей компании [14].

Отношения, возникающие при реализации проекта создания и обеспечения функционирования территориально обособленного комплекса (инновационного центра «Сколково»), урегулированы Федеральным законом от 28.09.2010 N 244-ФЗ "Об инновационном центре «Сколково» [8]. Функционирование инновационного центра «Сколково» обеспечивается управляющей компанией по реализации проекта - некоммерческой организации «Фонд развития центра разработки и коммерциализации новых технологий». Общее организационное руководство и координация деятельности хозяйствующих субъектов по реализации проекта возложено на управляющую компанию, функционирующую в виде фонда. Аналогичный способ координации участников проекта, осуществляющих исследовательскую или образовательную деятельность, предусмотрен федеральным законом «О международном медицинском кластере и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [9].

Несмотря на то, что организация взаимодействия участников научно-технологического центра во многом обеспечивается посредством различных гражданско-правовых договоров: инвестиционных соглашений [16], доверительного управления, аренды, оказания услуг и пр., широко применяются и иные механизмы интеграции деятельности образовательных и научных учреждений.

Так, приобретение юридическим лицом статуса участника проекта допускается при условии соответствия его определенным критериям отбора, подачи заявки на участие в проекте, вынесения положительного решения о включении в реестр лиц, участвующих в реализации проекта.

Деятельность всех участников проекта подчиняется правилам проекта. Правилами проекта, в частности, устанавливаются: правила осуществления

отдельных видов деятельности; правила обращения юридических лиц в управляющую компанию для получения статуса участника проекта, правила отказа участника проекта от участия в проекте; порядок принятия решений о предоставлении юридическому лицу статуса участника проекта и его включении в реестр лиц, участвующих в реализации проекта, а также о лишении юридического лица статуса участника проекта и его исключении из реестра лиц, участвующих в реализации проекта; правила обращения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в управляющую компанию для включения в реестр лиц, участвующих в реализации проекта, без получения статуса участника проекта, а также случаи и порядок их исключения из указанного реестра; критерии определения лиц, участвующих в реализации проекта, которым объекты инфраструктуры инновационного научно-технологического центра могут предоставляться на льготных условиях (ст. 4 ФЗ № 216-ФЗ). Правила проекта утверждаются постановлением Правительства РФ. Очевидно, что данные правила во многом выполняют ту же цементирующую роль, что свойственна уставу (иным учредительным документам) юридического лица. Кроме того, в консорциуме действует стратегия развития центра, обязательная к исполнению управляющей компанией при планировании и осуществлении своей деятельности и рекомендованная к исполнению фондом [17].

Распределение между фондом и управляющей компаний функций по организации деятельности центра позволяет провести аналогию с распределением прав и обязанностей между органами юридического лица.

В научно-образовательных центрах мирового уровня действуют совещательные и иные органы. Так, наблюдательный совет центра – это коллегиальный совещательный орган управления центром, образованный по решению высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, на территориях которых осуществляют деятельность участники центра для осуществления общего руководства деятельностью центра и определения программы его деятельности. Состав наблюдательного совета центра формируется из числа представителей федеральных органов исполнительной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих деятельность на территории субъекта Российской Федерации, в котором создан центр, организаций реального сектора экономики, организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования и дополнительным профессиональным программам, и научных организаций. Руководство наблюдательным советом центра осуществляет высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации - инициатора создания центра. Текущее

руководство и координацию участников центра осуществляет управляющий совет центра - коллегиальный орган управления центром, образованный наблюдательным советом центра из числа представителей всех участников центра для организационного руководства и координации его деятельности по реализации программы деятельности центра [10].

Очевидно, способ объединения юридических лиц в консорциуме сочетает в себе положительные характеристики, свойственные как ассоциации (союзу), так и сотрудничеству на основании договора. Хотя научно-образовательные, научно-технологические центры признаются объединениями без образования юридического лица, присущие им признаки существенно сближают консорциум с «традиционным» юридическим лицом. Не случайно В.В. Долинская полагает: «Юридические лица не исчерпывают статутные формы предпринимательской деятельности» [1], по-видимому, перечень организационно-правовых форм юридических лиц, осуществляющих инновационную деятельность в сфере образования и науки, предполагает их дальнейшую ревизию.

Список использованных источников:

1. Долинская В.В. Организационно-правовые формы хозяйствования: система и новеллы // Журнал российского права. 2016. № 1 // СПС «КонсультантПлюс».

2. Витоль Э.Ю., Тюляев Г.С. Актуальность конструкции консорциумов для российского права // Вестник гражданского права. 2018. № 1 // СПС «КонсультантПлюс».

3. В Югре появится научно-образовательный консорциум «Вернадский – Западная Сибирь» // <https://www.kommersant.ru/doc/3923415>

4. Мошкова Д.М., Лозовский Д.Л., Сакалинская Е.В. Инновационная деятельность образовательных организаций высшего образования в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Научно-образовательные центры мирового уровня // <https://www.ноц.рф>

6. Научно-образовательный центр «Енисейская Сибирь» // <http://www.sfu-kras.ru/projects/noc#goals>

7. Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29.07.2017 г. № 216-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2017. N 31 (Часть I). Ст. 4765.

8. Об инновационном центре «Сколково»: Федеральный закон от 28.09.2010 N 244-ФЗ (ред. от 02.07.2021) //Собрание законодательства РФ. 2010. N 40. Ст. 4970.

9. О международном медицинском кластере и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29.06.2015 N 160-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 2015. N 27 (Часть I). Ст. 3951.

10. О мерах государственной поддержки научно-образовательных центров мирового уровня на основе интеграции образовательных организаций высшего образования и научных организаций и их кооперации с организациями, действующими в реальном секторе экономики: Постановление Правительства РФ от 30.04.2019 № 537 (в ред. от 09.04.2022 № 634) // // Собрание законодательства РФ. 2019. N 19. Ст. 2294.

11. О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон от 23.08.1996 г. N 127-ФЗ (в ред. от 07.10.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. N 35. Ст. 4137.

12. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 07.05.2018 N 204 (ред. от 21.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2018. N 20. Ст. 2817.

13. О создании инновационного научно-технологического центра «Квантовая» долина» (вместе с «Правилами проекта по созданию и обеспечению функционирования инновационного научно-технологического центра «Квантовая» долина»): Постановление Правительства РФ от 30.11.2021 N 2133 // Собрание законодательства РФ. 2021. N 49 (Часть II). Ст. 8318.

14. О создании инновационного научно-технологического центра «Балтийская долина - Хьюмантек» (вместе с «Правилами проекта по созданию и обеспечению функционирования инновационного научно-технологического центра «Балтийская долина - Хьюмантек»): Постановление Правительства РФ от 17.02.2022 N 185 // Собрание законодательства РФ. 2022. N 9 (Часть I). Ст. 1309.

15. О создании инновационного научно-технологического центра "Инновационный научно-технологический центр МГУ "Воробьевы горы": Постановление Правительства РФ от 28.03.2019 N 332 (ред. от 09.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 2019. N 14 (Часть I). Ст. 1526.

16. Об утверждении методических рекомендаций по заполнению форм предложения о создании инновационного научно-технологического центра и информации субъекта Российской Федерации о создании инновационного научно-технологического центра: Приказ Минэкономразвития от 02.09. 2022 № 472 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Об утверждении правил разработки стратегии развития инновационного научно-технологического центра: Постановление Правительства РФ от 06.06.2022 № 1037 // Собрание законодательства РФ. 2022. N 24. Ст. 4062.

18. Подписано распоряжение о создании в крае Научно-образовательного центра // <http://news.sfu-kras.ru/node/22591>

19. Путин поручил создать 15 научно-образовательных центров мирового уровня // <https://ria.ru/20180507/1520071738.html>

20. Сергеев А. Стенографический отчёт о заседании Совета по науке и образованию от 27.11.2018г. // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59203>

21. Степаненко Ю.В. Перспективы административно-правового регулирования научной деятельности в свете разрабатываемой Стратегии научно-технологического развития России на долгосрочный период // Административное право и процесс. 2016. № 9 // СПС «КонсультантПлюс».

22. Четвериков А.О. Европейские консорциумы исследовательской инфраструктуры: международные организации по европейскому праву или юридические лица sui generis? // Lex russica. 2019. № 7 // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 340.1

ПРОБЛЕМА ПРАВОПОНИМАНИЯ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА

© Д.А. Садакова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

© Я.А. Рымкевич

Северо-западный филиал Российского государственного университета правосудия

Проблема правопонимания относится к одной из центральных и смыслообразующих проблем как юриспруденции так и ряда других теоретико-правовых наук — философия права, истории политических и правовых учений, теории государства и права и других.

Возникновение, развитие и конкуренция различных типов правопонимания отражает глубинные методологические, онтологические и гносеологические

вопросы теории права, а именно что составляет сущность права, в чем состоит смысл права, способы познания права и каков вектор развития правовой науки.

Исторически сформировались два основных взгляда на природу и сущность права: естественно-правовой и позитивистский.

Вопрос о содержании естественного права был поставлен софистами Древней Греции, а по новому эти идеи зазвучали в Западной Европе в период Нового времени и раннебуржуазных революций, когда возникла идеологическая необходимость обоснования неотъемлемых прав человека и уничтожение феодального производства.

Однако уже в античную эпоху ставился вопрос о том, что и естественное и волеустановленное (позитивное) право одинаково наличествует в человеческом обществе, с той лишь разницей, что одно право (естественное) есть продукт божественного разума, мирового разума и представляет собой универсальность всего сущего, а другое право (волеустановленное, позитивистское) отражает разумную природу человека, как существа социального, стремящегося к согласованности, упорядоченности, организованности публичного и частного пространства волеизъявления.

Сторонникам юснатурализма отводили естественному праву общественного идеала и морального императива, по отношению к которому право позитивное имеет подсиненное положение и в своих принципах и нормах должно подтягиваться до естественного права. Естественное право — это тот императив, который не имеет своей выраженной письменной формы, а значит растворен в божественной природе и разуме человека, как существа созидающего и подчиненного телеологическим началам общественного и индивидуального сознания и бытия.

Основания естественного права немного шире оснований позитивного права, так как они обнаруживаются в человеческом сообществе еще задолго до становления общества цивилизационного, если рассматривать под цивилизацией государственное образование. Естественное право возникает в культуре мифа через определенные виды табу и обычаи, тем самым обеспечивая волеустановленному праву инкубационный период.

«В естественно-правовой норме универсальная императивность сфокусирована таким образом, что она не рассредоточивается по всему социальному пространству, а устремляется своим энергетическим вектором в конкретную социальную точку, где пребывает субъект индивидуального естественно- правового сознания» [4, с. 75].

Для человеческого существа, неустойчивого в своих пристрастиях, абсолютные требования и запреты являются надежным подспорьем в борьбе с тем худшим, что в нем есть» [1].

Таким образом, можно сказать, что сущность естественного права заключает в себе единство природного и социального миропорядка.

Мир как целое представляет собой идеальное и современное устройство, а общество как часть целого должна встроиться в это разумное начало и подчиняться ему в решении вопросов построения социальной реальности с позиции справедливости, свободы и равенства.

Следовательно, правильной и справедливо устроенной может быть только жизнь, которая следует предназначению человека.

А это предназначения указывают императивы естественного права.

В период рассвета средневекового схоластического мышления идеи естественного права направлены на обоснование приоритета власти церковной над властью светской. Доказывается взаимозависимость божественного и естественного закона и вытекающего отсюда обоснования феодального права. Естественный закон открывается через божественный разум, а уже потом дается человеческому обществу в виде необходимых и незыблемых предписаний.

Новое время придает естественному праву характер нормативности. Закрепляется принцип соответствия позитивного права естественному. В случае игнорирования естественного права со стороны позитивного права, то последнее перестают иметь законную силу. Диалектика естественного и позитивного права в этот период заложила основы будущего либерализма как идеологии и практики политического устройства европейских государств.

Позитивное право, которое неоднократно подвергалось нападкам со стороны юснатуралистов, провозглашает принципы государственного порядка, исходящие от законодателя. Позитивное право строится на цивилизационном подходе и историческом развитии, ставя во главу угла социальный характер функционирования права относительно времени и пространства. Право полностью зависимо от государства в лице его властного законодателя. Условность права подчеркивается его утилитарным предназначением. Усложнение и дифференциация общественных отношений, разветвление государственного механизма требует развития нормотворчества, которое бы эффективно регулировало подчас разнонаправленные интересы различных социальных групп.

Развитие теории позитивного права приходится на XVIII-XIX века, а именно в творчестве его основоположников - Дж. Бенгтама и Дж. Остина позитивное нормотворчество предает как противопоставление цивилизованности

варварству. Ставится задача не просто насадить правовые нормы обществу извне, а побудить сознание человека к рациональному восприятию сложившегося государственного порядка, тем самым выполняются важная воспитательная и правовая задача. Причем внутренняя мотивация человека законодателя мало волнует. Отсюда известный принцип минимализма моральности в позитивном праве.

Если естественное право набрало свой потенциал в предшествующих ему видах социального контроля (мораль, религия), то позитивное право что-то заимствовало из предшествующих видов (в основном из обычая, отчасти из морали) имеет выраженный светский характер. На это часто указывают практики данного подхода к пониманию права, говоря о том, что у человека по сути выбита почва из-под ног, он оставлен один на один с государством, у него нет возможности опереться на другие регулятивы.

Сторонники естественного права высказывают мысль о том, что оно ставит перед человеком возвышенные цели, так как через органично наработанные регулятивы религии и этики поднимает его до микрокосма в структуре общего макрокосма как упорядоченного целого. У позитивного права цели иначе — подчинение человеческой воли действующему законодательству и тем самым государственной воле, отдавая человека от его естественной культурной почвы.

«Наметившаяся во второй половине XX века тенденция возрождения естественного права как нормативно-ценностной парадигмы поставила новые цели для юснатуралистического подхода. Это объясняется логикой реагирования культуры на такие факторы как а) сохранение социальных противоречий в государственном обществе, обусловленных огромным разрывом в благосостоянии высших и низших социальных слоев населения; б) повсеместное возникновение... ситуаций, нередко являющихся результатом утрат людьми представлений о существовании абсолютных нравственно-правовых ценностей; в) экспансионистское влияние юридического позитивизма, представитель которого, не склонны занимать возвышенно компромиссную позицию по отношению к естественно-правовой парадигме, выступают в роли ее антогонистов; г) процесс ремифологизации культуры, как стремление различных культур к универсальному синтезу, к всеединству» [4, с. 78].

Естественное и позитивное право целесообразно рассматривать, не проводя между ними демаркационную линию, а в соотношении и дополнении друг друга. Оба эти вида права, и как следствие правопонимания, исходя из универсальных принципов человеческого общежития: понимания необходимости социального порядка, уважения к государственной власти, выражения меры свободы и справедливости в условия равенства.

Будучи продуктом конкретного государства на определенной ступеньки его развития, позитивное право по своему объему уже естественного, которое, сформировалось как ценность метафизического порядка при условии человек-цель, а не средство.

Сторонники позитивизма и юснатурализма, говоря о соотношении естественного и позитивного права, указывает на специфику этих феноменов. Естественное право - продукт мирового порядка, где правовая регуляция является производной вселенского порядка.

Позитивное право как продукт социальной среды конкретного государства имеет свою культурную и политическую окраску, что может приводить к противоречию между естественным и позитивным правом, подчас даже к конфликтам.

Естественное право связано с прогрессом становления человека как разумного существа и является результатом антропосоциогенеза. А позитивное право связывает человека с системой права в государстве. Естественное право дается человеку в интуитивном восприятии, ощущениях, на уровне здравого смысла и общественной полезности, на уровне наработанных ранее нормативов морали, нравственности, традиций, обычаев, религиозных норм, обрядов. Позитивное право закреплено в писанных нормативно - правовых документах.

Естественное право отстаивает точку зрения о первичности происхождения права и государства в пользу первого, так как наличие естественных прав человека заявляет о себе уже фактом появления на свет самого человека, в то время как позитивная право идет вслед за государством, поскольку им же и санкционированию. Отсюда следует, что естественное право намного больше по содержанию позитивного, так как основывается на ретроспективном опыте человечества, а позитивное право реализуется в виде действующего законодательства, а посему предельно конкретно. Естественное право выступает как цель и само по себе является благом, а позитивное право может выступать как средство по достижению других целей, главными среди которых являются поддержание порядка и удовлетворение интересов.

Естественное право остается для законодателя идеальной моделью справедливой организации человеческого общества как микромоделю космоса.

Позитивное право, выполняя утилитарные задачи, основывается на определенных принципах.

Принцип социальной обусловленности права, где под социальностью понимается государственно-волевой характер права. Человек как носитель определенных общественных отношений встроен в матрицу общественных связей.

Принцип светскости подразумевает, что позитивное право исключительно детерминировано волей законодателя и не связано с другими формами социального контроля.

Принцип минимума моральности означает, что государство не волнует внутренняя мотивация человека при принятии того или иного решения. Государство интересуется внешней сторона, выраженная в поведении, которое должно согласовываться с действующим законодательством.

Все больше высказывается мысль о том, что будущее в понимании права будет строиться на так называемом интегративном подходе. Естественное право, как проявление внутренней природы и внутренней потребности человека является важной частью позитивного права как внешней необходимости и внешнего атрибута человека как существа рационального и законопослушного, обладающего высоким правосознанием и развитой правовой культурой.

Список использованных источников:

1. Гегель. Г. В. Ф. Философия права / Гегель ; [пер. с нем. Б.Г. Столпнера вступ. ст. В.С. Соловьева примеч. В.С. Нерсесянца]. - Москва : Мир книги : Литература, 2009. - 462 с.

2. Кант, И. Основы метафизики нравственности = Grundlegung zur metaphysik ; Критика практического разума = Kritik der praktischen vernunft ; Метафизика нравов = Die metaphysik der sitten / Иммануил Кант; [ст.: Я.А. Слинин]. - Изд. 3-е, стер. - Санкт-Петербург : Наука, 2007. - 528 с.

3. Нерсесянц. В. С. Философия права : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности "Юриспруденция" / В.С. Нерсесянц ; Ин-т государства и права Российской акад. наук, Акад. правовой ун-т. - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва : Норма : ИНФРА-М, 2011. - XII, 835 с.

4. Палазян, А.С. Функциональная характеристика права в контексте естественно-правового понимания / А.С. Палазян // Образование и право. – 2009. - №7. – С. 73 – 84.

УДК 347.94

ОЦЕНКА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОКАЗАНИЙ ЛИЦ, С УЧЕТОМ СВЕДЕНИЙ ОБ ИХ АЛКОГОЛЬНОЙ ИНТОКСИКАЦИИ

© А.И. Семеновский

Сибирский федеральный университет

Анализ судебной практики по уголовным делам демонстрирует неоднозначный подход к оценке показаний, данных в состоянии опьянения, а также в отношении показаний, сообщенных участниками уголовного судопроизводства, которые находились в состоянии опьянения в момент совершения расследуемого события. Важным моментом, на который обращено внимание далее, также будет то обстоятельство, что наибольшее число насильственных преступлений совершается лицами в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, при этом не только сам преступник или потерпевший находится в состоянии того или иного вида опьянения, но и свидетели [10, с. 5].

Разные психоактивные вещества имеют неодинаковые симптоматики, различающееся влияние на организм человека, как следствие, различное воздействие на психические процессы и состояния, участвующие в формировании показаний. На основании изложенного, в данной работе объектом исследования будет выступать преимущественно алкогольное опьянение (алкогольная интоксикация) в контексте правоотношений в сфере уголовно-процессуальной оценки достоверности показаний. Однако автор считает, что сформированные в работе основные моменты оценки показаний при алкогольной интоксикации могут быть применимы и к оценке показаний при наркотической интоксикации.

Автор дифференцирует алкогольное и наркотическое опьянение, по большей части в значении интоксикации, в силу такого их дифференцированного изучения в науках медицины [12, с. 160]. А также в силу такой дифференциации в правоприменительной практике.

В первую очередь, необходимо обратить внимание на оценку показаний субъектами доказывания, данных лицом в состоянии опьянения, а также на оценку показаний лиц, находившихся в момент совершения преступления в состоянии опьянения. В данном случае интересен именно сам информационно-доказательственный аспект показаний, без учета процессуального статуса лица,

так как нужно понимать, что проявление симптоматики опьянения (интоксикации), само по себе, не зависит от юридического статуса лица.

В ходе анализа правоприменительной практики было изучено 665 судебных актов Верховного суда РФ (период принятия: апрель 2002 по февраль 2022) по уголовным делам, в которых судом подвергалась анализу достоверность показаний, рассматривался вопрос о возможности положить те или иные показания, после оценки их достоверности, в основу судебного решения. 7 % от обозначенного числа судебных актов содержали информацию об оценке судом показаний, данных в состоянии опьянения, или показаний, данных лицом, бывшим в момент совершения расследуемого деяния в состоянии опьянения [13]. По результатам проведенного анализа, был установлен только один случай, в апелляционном определении Судебной коллегии по делам военнослужащих ВС РФ от 28.08.2017 № 205-АПУ18-21, в котором высшая судебная инстанция признала правильным тот факт, что нижестоящий суд отверг в обосновании своего решения показания свидетеля, который в момент совершения расследуемого деяния был в состоянии наркотического опьянения (к сожалению, судом не отмечено, на каком основании – в силу недопустимости или в силу недостоверности, или же в силу обеих причин суд отверг данное доказательство). В остальных случаях высшая судебная инстанция обращала внимание на следующие обстоятельства: вело ли допрашиваемое лицо себя адекватно в день дачи показаний и в день расследуемого события, подробно ли изложило обстоятельства расследуемого события, согласуются ли его показания с информацией из иных доказательств по уголовному делу. Если можно дать положительный ответ по указанным моментам, то показания будут признаны допустимыми, а суд может на них основывать свои выводы. В целом, не было найдено ни одного судебного акта, кроме рассмотренного выше, в котором бы суд признал отмеченные показания недопустимым доказательством. В подавляющем большинстве случаев само по себе состояние лица на учете у нарколога, исходя из судебной практики, нахождение его в состоянии опьянения в момент совершения преступления, допрос лица в состоянии опьянения – не может считаться обстоятельством, не допускающим к использованию такого доказательства. Для развития авторской позиции по данному вопросу, необходимо обратить внимание на то, что по одному из уголовных дел высшая судебная инстанция отметила, что факт состояния лица на учете у врача-нарколога в силу хронического алкоголизма не является и основанием проведения комплексной психолого-психиатрической экспертизы свидетеля на предмет выяснения способности правильно воспринимать обстоятельства дела и давать о них достоверные показания

(Определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 27.10.2021 № 64-УД21-11-А5).

У подобного подхода есть свои изъяны. Анализ судебной практики не дает ответа на вопрос, как суды должны понимать адекватность или неадекватность поведения, в чем она должна выражаться, исходя из какой «нормы адекватности поведения».

На это обращают внимание практики среди адвокатов. При оценке показаний, полученных от лица, бывшего в состоянии алкогольного опьянения, адвокаты предлагают допрашивать свидетелей, которые в своих показаниях могли бы пояснить суду, что лицо, давшее показания в состоянии алкогольного опьянения, не могло самостоятельно подписать протоколы допроса, так как в день допроса находилась в абсолютно невменяемом состоянии (была явно шатающаяся походка, человек испытывал явную сонливость и т.д.) [14].

Данные лица отмечают с позиции своего практического опыта, что подобное поведение будет свидетельствовать о том, что допрашиваемый не мог давать объективные показания, следствие вело допрос недопустимыми методами, а значит, субъект доказывания в обосновании своей позиции такие показания уже использовать не будет. Исходя из такой позиции, следует отметить, что подобные практики фактически отмечают симптоматику алкогольного опьянения средней степени [12, с. 147]. При этом говорят, что следствие уже не будет использовать такие доказательства по уголовному делу.

Криминалисты, рассуждая о тактике допроса, отмечали наличие алкогольного опьянения в качестве одного из субъективных факторов, осложняющих процесс формирования показаний, но не исключающих показания, данные лицом, воспринявшим расследуемое событие в состоянии опьянения, из допустимых или достоверных доказательств по делу [9, с. 352]. В ст. 72 УПК РСФСР 1960 г. запрещалось, например, допрашивать свидетеля, если он не способен правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела и давать о них правильные показания [1]. Данная норма ранее действовавшего уголовно-процессуального закона еще бы могла, на наш взгляд, быть основанием признания показаний недопустимыми, если они даны лицом в состоянии алкогольного опьянения или же если лицо в момент происшествия находилось в таком состоянии. Сейчас закон не предусматривает запрета на использование таких показаний в процессе доказывания. Как представляется, в отказе от признания таких показаний недопустимыми у практических работников есть утилитарная необходимость – при совершении насильственных преступлений достаточно часто участники процесса, дающие показания, или в

процессе события были в состоянии алкогольного опьянения, или допрашиваются в состоянии разной степени алкогольной интоксикации.

Однако надо понимать сущность влияния алкогольного опьянения (этиловым спиртом, как наиболее часто встречающейся на практике) на психические процессы, участвующие в формировании показаний. Этиловый алкоголь является токсином, основной мишенью которого является нервная система. Соответственно, алкогольное опьянение не может не влиять на психические процессы, участвующие в формировании показаний, так как проявляет свое влияние на мозг человека. Уже в состоянии легкого алкогольного опьянения у лица ухудшаются процессы ощущения, ухудшаются процессы мышления, эмоциональной регуляции [12, с. 147]. Соответственно, на момент восприятия расследуемого события, воспринимаемые образы могут содержать ошибки, искажаться в ходе осмысления воспринятой информации, содержать ложные воспоминания, во всяком случае, пробелы в памяти о воспринятом событии. Мышление выступает основным видом деятельности в ходе допроса, на процессах мышления строятся логические приемы допроса, даже приемы преимущественно психологического характера (исключая приемы полностью основанные на сугубо эмоциональных реакциях допрашиваемого, которые представляются недопустимыми в силу фактического отсутствия возможности регулировать свое поведение с осознанием его), задействуют процессы мышления, на основании которых лицо осмысленно анализирует и синтезирует поступающую информацию, принимает волевое решение тем или иным образом вести себя в ходе допроса [7, с. 308]. В описываемом же состоянии лица, некоторые методики получения показаний, тактические приемы, направленные на преодоление ложных показаний, отказа от дачи показаний, получение правдивых показаний – имеют повышенное внушающее (суггестивное) воздействие, в силу снижения уровня критичности воспринимаемой информации, как следствие влекут ложные показания, как отмечают исследователи.

Хронический алкоголизм (этап хронической алкогольной интоксикации и сама зависимость от приема алкоголя) влечет разнообразные когнитивные дисфункции, сопровождающиеся сопутствующими болезнями и расстройствами ментального плана, то есть снижение функций мышления, памяти, речи и восприятия [5].

Исследователи вопроса о критериях правосудности судебных решений в большинстве своем приходят к выводу о взаимосвязи обоснованности судебного решения, как обязательного критерия его правосудности, с достоверностью доказательств [2, с. 7; 4, с. 579]. Решение в том случае будет

обосновано, если оно основывается на достоверном знании о фактических обстоятельствах расследуемого события, которые выводимы из достоверных доказательств по уголовному делу. Достоверность в уголовно-процессуальной науке трактуется авторами как обоснованное убеждение в истинности (с позиции корреспондентской теории истины) знания [3, с. 143; 11, с. 53]. Интересно определение достоверности как отсутствие у познающего субъекта объективных данных сомневаться в истинности установленных знаний [4, с. 579].

Свойство достоверности доказательства формируется с момента начала криминалистического исследования источника доказательственной информации. В отношении допроса, это означает установление лишь только тех сохранившихся в их сознании образов, которые отражают обстоятельства преступления, при этом сам объект (расследуемое событие) должно отделяться от сформированного образа события [8, с. 24].

Так, если в процессе расследования источником показаний выступает лицо, страдающее алкоголизмом, имеются сведения об этом, несомненно необходимо проводить судебно-психиатрическую (если есть сведения о патологических нарушениях психики) или судебно-психологическую экспертизу для установления способности такого лица правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания. В силу того, что когнитивные дисфункции таких лиц разнообразны, данная сфера относится к специальным познаниям психологии и психиатрии, лицо, ведущее расследование по уголовному делу не может, в силу отсутствия в этом компетенции, достоверно самостоятельно установить способность такого лица правильно воспринимать событие и давать о нем показания. Таким образом, в данной ситуации субъект уголовно-процессуального доказывания сам не определит, насколько субъективный образ допрашиваемого соответствует или не соответствует действительности. Даже если в ходе дальнейшего расследования такой образ случайно совпадет с достоверно установленными обстоятельствами произошедшего, методологической ошибкой будет само использование источника информации, который не способен адекватно отражать и передавать расследуемое событие [8, с. 131]. В силу изложенного, видится обязательным назначать соответствующую судебную экспертизу в отношении указанных лиц для установления способности их правильно воспринимать преступное событие и давать о нем показания. Конечно, закон предусматривает в п. 4 ст. 196 УПК РФ обязанность проводить судебную экспертизу при необходимости установить психическое (физическое) состояние потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значения для уголовного дела, давать

показания. Однако данная норма напрямую не устанавливает обязанность проводить экспертизу в отношении иных участников, что уже может вызвать трудности на практике ее применения к другим участникам, так как в отношении к ним эта норма не может считаться, строго говоря, юридическим основанием проведения экспертизы. Кроме того, хотя практика и свидетельствует о применении данной нормы по аналогии к свидетелям, это не решает вопрос относительно показаний лиц, страдающих хроническим алкоголизмом. Несмотря на отмеченные психолого-психиатрические особенности лиц с хроническим алкоголизмом, фактическую необходимость проводить в отношении них отмеченные экспертные исследования, практика свидетельствует о том, что высшие судебные инстанции не видят нарушений в непроведении в отношении указанных лиц соответствующих экспертиз. Такая позиция, если исключить какие-либо утилитарные цели в сохранении показаний этих лиц в системе доказательств по делу, может объясняться непониманием субъектами доказывания ошибочности без экспертных проверок основывать свои выводы на показаниях лиц, страдающих хроническим алкоголизмом. Оговоренные экспертные исследования необходимы для установления достоверности даваемых показаний, исключения субъективной оценки «адекватности» лица, страдающего алкоголизмом, соответственно, его способности давать показания. В целом, именно способность давать показания наиболее соответствующие действительности в свое время указывалась отечественными правоведами в качестве критерия использования показаний, как доказательств по уголовному делу [6, с. 188].

Как было показано, влияние состояния опьянения на полноту и объективность даваемых показаний отмечается авторами давно, однако исследователи не исключают данные доказательства, как недопустимые или недостоверные. Практика расследования некоторых уголовных дел, например, по насильственным преступлениям не может подчас отказаться от использования таких доказательств. Между тем, следует признавать недостоверными доказательства, полученные от лица при алкогольной интоксикации уже в состоянии легкого опьянения, так как именно в этот момент у лица нарушаются процессы мышления, нарушаются процессы эмоциональной регуляции. Отмечается с тактической точки зрения невозможность точного определения ложности даваемых показаний психологическим путем у лиц в стадиях алкогольного опьянения, лицо становится невосприимчиво к некоторым тактическим приемам допроса, направленным на преодоление установки на дачу ложных показаний, другие приемы допроса, решающие эту же задачу, вызывают ложные воспоминания [16]. С точки зрения криминалистического

анализа, получение информации от такого источника становится недопустимым по причине невозможности получить объективно воспринятую информацию. Следовательно, получение информации из такого источника нарушает правила работы с источником информации, что влечет получение из него априори недостоверной информации. Прямого указания на запрет использования информации из показаний, данных лицом в состоянии алкогольного опьянения, нет в законе, что осложняет доказывание недопустимости таких показаний, требует коррекции норм о недопустимых доказательствах, внесения в закон дополнения об обязательном признании недопустимыми доказательствами показания, полученные от лица в состоянии опьянения. В целом, на практике также возникает потребность установить такое состояние алкогольного опьянения, при котором бы показания допрашиваемого в состоянии опьянения признавались бы недопустимыми. В силу того, что Верховный суд РФ употребляет слово «адекватное состояние» в отношении допрашиваемого в состоянии опьянения, практики предлагают с помощью свидетелей, записей видеонаблюдения, освидетельствования доказывать «явную неадекватность» допрашиваемого, в качестве примера приводят обстоятельства: неспособность держаться на ногах, сильный запах алкоголя, алкогольное опьянение (если есть возможность провести освидетельствование) [14]. С учетом признаков легкого опьянения, как стадии алкогольной интоксикации, в описываемом случае достаточно будет устанавливать: или само наличие хотя бы легкого опьянения, как стадии алкогольной интоксикации, при которой возникают проблемы мышления, если есть возможность провести освидетельствование, или наличие наблюдаемых признаков слабого алкогольного опьянения (путем допросов, осмотра видеозаписи и т.д.), а именно запах алкоголя, исходящий от человека, утомленный внешний вид, перепады настроения, покраснение лица, нарушение логичности высказываний и действий. Наличие уже этих признаков говорит об алкогольной интоксикации, при которых допрос следует считать невозможным. Хотя возможны и другие обстоятельства, подтверждающие более тяжелую стадию алкогольной интоксикации, как следствие, усиливающие вывод о недопустимости допроса в силу понижения способности к адекватным мыслительным действиям и эмоциональным реакциям: шатающаяся походка, заплетаящаяся речь, состояние сонливости, синюшная окраска лица, отсутствие реакции на внешние раздражители.

По окончании действия алкогольного опьянения, лицо может не помнить некоторые моменты воспринимаемого события именно в силу нарушений процессов, участвующих в формировании показаний, под действием опьянения [12, с. 147]. Практика свидетельствует о том, что много жалоб идет в высшую

судебную инстанцию по причине использования в доказывании результатов допроса лиц, бывших в момент совершения расследуемого события в состоянии алкогольного опьянения Судебная инстанция принимает данные доказательства в качестве достоверных и допустимых по причине их непротиворечия иным доказательствам, отсутствием как-либо заявлений от допрашиваемых в ходе допроса, по причине подписания протокола допрашиваемым, отсутствия сведений о неадекватном поведении допрашиваемого в ходе следственного действия. Между тем, даже если лицо дает показания в трезвом виде, а воспринято событие было в состоянии алкогольного опьянения, вероятны пробелы памяти. Допрос такого лица должен исключать внушающее воздействие как самих тактических приемов, так и задаваемых вопросов. Так, в отношении лиц, подверженных алкоголизму, хронической алкогольной интоксикации, которые могут давать показания, а также в отношении лиц, воспринявших расследуемое событие в состоянии алкогольного опьянения, в силу всегда имеющегося в отношении них внушающего воздействия, недопустимым являются тактические приемы, направленные на прямое обращение к положительным сторонам допрашиваемого, выражение симпатий его личным качествам (правдивость, честность и др.), прямое обращение внимания на негативные стороны тех, о ком ведется допрос, констатация в утвердительной форме фактических обстоятельств расследуемого события, высказывание допрашиваемым суждений о причинах провалов памяти, высказывание сомнений в искренности допрашиваемого; следует избегать вопросов по внушающему воздействию сильнее разделительных вопросов [15; 17]. В силу того, что психологические исследования свидетельствуют о недопустимости применения данных приемов в отношении указанных лиц, в ходе исследования их показаний следует особенно тщательно проверять, не применялись ли данные недопустимые вопросы и приемы в отношении указанных лиц. Поэтому при допросе данных лиц протокол обязательно должен содержать описание вопросно-ответной стадии допроса с указанием содержания задаваемых вопросов, чтобы исключить указанные недопустимые методы ведения допроса. Оценка указанных показаний должна заключаться не только в изучении абстрактной адекватности поведения указанных лиц, полноты и последовательности показаний, но и в установлении наличия или отсутствия сведений о применении отмеченных недопустимых методов ведения допроса, применение которых ведет к даче ложных показаний.

Таким образом, по результатам проведенного исследования, можно сделать несколько следующих выводов. В отношении лиц, страдающих хроническим алкоголизмом в любом случае необходимо проведение

экспертизы (психологической или психиатрической в зависимости от имеющихся данных о психическом состоянии лица) на возможность правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания. В любом случае недопустимо допрашивать лицо, находящееся в состоянии алкогольной интоксикации, начиная со стадии легкого опьянения, при исследовании показаний, данных лицом в состоянии алкогольной интоксикации, для признания их достоверными доказательствами, на которых суд может основывать свое решение, необходимо установить отсутствие признаков алкогольной интоксикации, начиная с легкого опьянения. При исследовании показаний, данных лицами, подверженными алкоголизму, хронической алкогольной интоксикации, могущими давать показания, а также в отношении лиц, воспринявших расследуемое событие в состоянии алкогольного опьянения, необходимо установить отсутствие применения в отношении данных лиц приемов, однозначно внушающего воздействия. Установив отсутствие применения таких приемов при допросе данных лиц, их показания могут быть признаны достоверными и положены в основу судебного решения.

Список использованных источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (утв. указом Президиума ВС РСФСР от 27.10.1960) (первоначальная редакция) // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.
2. Азаров, В.А. Объективная истина – единственный верный путь вынесения правосудного акта / В.А. Азаров, Т.А. Беккер // Бюллетень международной ассоциации содействия правосудию. – 2015. – № 1. – С. 7-14.
3. Арсеньев, В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств / В.Д. Арсеньев. – М.: Юридическая литература, 1964. – 179 с.
4. Бурмагин, С.В. Судебные производства и решения в системе уголовного правосудия: монография / С.В. Бурмагин. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 720 с.
5. Вторушина, Ю.С. Когнитивные дисфункции при алкоголизме / Ю.С. Вторушина, Е.Н. Власова, С.В. Митрухина // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – 2022. – № 1. – С. 156-160.
6. Вышинский, А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве / А.Я. Вышинский. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941. – 219 с.
7. Дулов, А.В. Судебная психология: учеб. пособие / А.В. Дулов. – Мн.: Вышэйш. шк., 1975. – 464 с.
8. Колдин, В.Я. Криминалистический анализ: монография / В.Я. Колдин. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 528 с.

9. Криминалистика: учебник / Б.Е. Богданов, А.Н. Васильев, В.А. Притузова [и др.]; отв. ред. А.Н. Васильев. – М.: Издательство Московского университета, 1971. – 591 с.
10. Лонщакова, А.Р. Тактика допроса обвиняемого по делам о насильственных преступлениях: монография / А.Р. Лонщакова. – М.: Юрлитинформ, 2022. – 168 с.
11. Орлов, Ю.К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам): учеб. пособие / Ю.К. Орлов. – М.: Юрист, 1995. – 64 с.
12. Хохлов, В.В. Судебная медицина. Руководство: практ. пособие. В 3 т. Т. 3 / В.В. Хохлов. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 499 с.
13. Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации [электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.vsrp.ru/> (дата обращения: 28.02.2022).
14. Правовой портал «Все об уголовных делах» [электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.xn--80acb5ajmep8k.xn--p1ai/305-ugolovnye-dela-advokat.html> (дата обращения: 09.09.2022).
15. Kassin, S.M. The psychology of confession evidence / S.M. Kassin // *American Psychologist*. – 1997. – No. 52. – P. 221-233.
16. Kozinski, W. The Reid interrogation technique and false confessions: a time for change / W. Kozinski // *Seattle Journal for Social Justice*. – 2017. – No. 16. – P. 300-345.
17. Shaw, J. Constructing rich false memories of committing crime / J. Shaw, S. Porter // *Psychological Science*. – 2015. – No. 26. – P. 291-301.

УДК 343.34

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ КАК НОВЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ РЕАБИЛИТАЦИОННЫХ ПРОЦЕДУР

© **А.Е. Сеньшин**

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина

Как будто бы предвидя современный тренд на развитие реабилитационной направленности института несостоятельности (банкротства), известный дореволюционный российский учёный Г.Ф. Шершеневич писал, что «полное расстройство частного хозяйства, к которому приводит открытие над ним конкурсного производства, возбуждает стремление предотвратить эти

печальные последствия, дать ему возможность отправиться и выйти из критического положения» [2, с. 136].

Данная мысль как никогда актуальна в настоящее время. По мере развития и усложнения экономического оборота происходила трансформация приоритетов в правовом регулировании института несостоятельности (банкротства). Стигматизация несостоятельных должников и повсеместное применение ликвидационных процедур постепенно сменяется идеями о необходимости выработки эффективного комплекса мер по восстановлению платежеспособности хозяйствующих субъектов, оказавшихся в тяжелом финансовом положении. Главным катализатором такого процесса стали глобальные экономические кризисы, затронувшие хозяйственное благополучие почти каждого предприятия и показавшие всю непрактичность господствовавшего до настоящего времени «ликвидационного подхода». В результате, развитие реабилитационной составляющей института несостоятельности (банкротства) стало своего рода общемировым трендом и ознаменовало собой новый этап в его развитии.

Одной из ключевых особенностей обозначенной тенденции стало создание новых правовых режимов для отдельных категорий должников, ведущих предпринимательскую деятельность. Одной из таких категорий стала предпринимательская группа как наиболее часто используемая модель для организации и ведения бизнеса. Помимо очевидной экономической причины, которая выражается в широкой распространенности данной формы ведения бизнеса, имеется ещё и другая, а именно желание преодолеть «принцип домино». В условиях тесной корпоративной и финансовой взаимосвязанности, несостоятельность одного члена группы может повлечь за собой несостоятельность всей группы в целом, в связи с чем и требуется создание специальных норм, регулирующих групповую несостоятельность компаний.

Примечательно, что пик спроса на создание специального правового режима несостоятельности членов предпринимательских групп как раз приходится на кризисный этап в развитии экономики. Так, в результате глобального кризиса 2008 года, который ясно показал непригодность существовавшей в то время системы урегулирования несостоятельности хозяйствующих субъектов, Рабочей группой V (Законодательство о несостоятельности) Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) было разработано Руководство для законодательных органов по вопросу правового режима несостоятельности предпринимательских групп [5]. Примерно в это же время в России был разработан законопроект [4], предусматривающий консолидированное рассмотрение дел в отношении

неплатежеспособных членов предпринимательской группы. Помимо процессуальных аспектов ведения дел в отношении такой категории должников, законопроект также выдвигал само понятие предпринимательской группы, которое было основано на отношениях контроля – зависимости её участников. Однако на тот момент к данной идее отнеслись крайне осторожно, а законопроект так и не был внесён на рассмотрение в Государственную Думу РФ, ввиду чего он может являться предметом исключительно доктринальных дискуссий. Принятые в то время изменения правил по оспаривания сделок и последовавшие затем нормы о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности не изменили ситуацию, в связи с чем в условиях отсутствия полноценного правового режима несостоятельности членов предпринимательской группы судебным органам все сложнее разрешать соответствующую категорию споров.

Таким образом, традиционный принцип института несостоятельности «один должник – одно производство – один арбитражный управляющий – один суд – одна конкурсная масса» [1, с. 526], основанный на самостоятельной правосубъектности и автономности каждого юридического лица, стал постепенно трансформироваться под давлением новой экономической реальности. Более того, очевидным также является и тот факт, что для некоторых субъектов предпринимательской деятельности сложная интегрированные корпоративная структура зачастую используется в недобросовестных целях в качестве прикрытия для действий, направленных на перераспределения ответственности перед кредиторами и на сохранение наиболее ликвидного имущества в рамках предпринимательской группы. Учитывая данные тенденции, всё чаще стали высказываться идеи о необходимости создания унифицированной системы урегулирования групповой несостоятельности. В этом отношении наиболее отличительным является пример Европейского союза, который в Регламенте EIR (2015) (вступил в силу 26.06.2017) [7] закрепил отдельную главу, посвященную вопросам несостоятельности группы компаний. Несмотря на то, что содержащиеся в нем правила по большей части носят обобщенный характер и касаются лишь вопросов сотрудничества между ключевыми участниками производства, данный документ стал прообразом последующих законодательных изменений в данном вопросе.

Более того, вопросы групповой несостоятельности были органично вплетены европейским законодателем в развивающуюся систему реабилитации проблемных предприятий. Директива о превентивной реструктуризации [3] содержит ряд положений (пункты 15 и 24 Преамбулы),

прямо указывающих на то, что эффективная и, главное, результативная реструктуризации неплатежеспособного предприятия немислима без развитой системы регулирования несостоятельности членов группы компаний.

В преддверии пандемии 2020 года, которая стала настоящей катастрофой для крупных, средних и малых предприятий, международному сообществу был представлен ключевой документ по вопросу групповой несостоятельности – Типовой закон о несостоятельности предпринимательских групп [6], рекомендованный для имплементации в национальные законодательства о несостоятельности. Особенностью данного модельного документа является то, что он задает общий вектор на сотрудничество и координацию в рамках ведения производств в отношении несостоятельных членов предпринимательской группы. Гибкость и эластичность его норм, не содержащих какой-либо конкретики, что неоднократно становилось предметом нападков со стороны юридического сообщества, позволяют национальным законодателям видоизменять их в соответствии с особенностями их правовой системы. Однако потенциал данного документа так и не был раскрыт ввиду разразившейся мировой эпидемии. Только сейчас, предпринимаются робкие попытки по применению положений Типового закона на практике в рамках реабилитационных процедур.

Прямая зависимость между вопросами групповой несостоятельности и реабилитации неплатежеспособного должника не является случайной или надуманной. В условиях тесной экономической и юридической взаимозависимости финансовое состояние членов предпринимательской группы поставлено в зависимость от функционирования общего бизнеса. Сепаратное рассмотрение этих участников не соответствует экономической действительности и приводит к искусственной ограниченности при рассмотрении вопроса об их несостоятельности. В большинстве своем предпринимательская группа выступает на рынке товаров, работ и услуг в качестве единой бизнес-структуры, которая практически во всех случаях будет стремиться к сохранению своих активов и бизнеса в целом. В связи с этим, законодателю попросту необходимо было дать в руки правоприменителей правовой режим, предусматривающий возможность совместной и скоординированной реструктуризации при использовании совместного потенциала всех членов группы. Более того, нельзя забывать про интересы работников, огромное число которых занято на таких крупных предприятиях, что приносит в проблему групповой несостоятельности элемент социальности.

Необходимо учитывать, что правовой режим групповой несостоятельности может также использоваться в рамках ликвидационных процедур в виде материальной консолидации, которая предусматривает объединение имущественной массы и кредиторов всех участников предпринимательской группы. Однако вопреки устоявшемуся мнению, такой вариант развития событий является скорее исключением, нежели правилом, и, как правило, применяется в исключительных случаях. К таким, в частности, относят невозможность скоординированного рассмотрения производств ввиду высокой степени смешения активов и обязательств, членов группы, а также явное злоупотребления корпоративной структурой. Вместе с тем, такое исключение не аннулирует основополагающую идею регулирования групповой несостоятельности – скоординированное рассмотрение дел в отношении членов предпринимательской группы с целью выработки комплексных решений по восстановлению их платежеспособности.

В России в настоящее время также обозначилась тенденция к созданию и внедрению эффективных реабилитационных механизмов и её результатом стал внесённый на рассмотрение Государственной Думы законопроект № 1172553-1, коренным образом меняющий модель всего правового регулирования отечественного института несостоятельности (банкротства). Однако к его существенным недостаткам можно отнести отсутствие норм о несостоятельности участников предпринимательской группы, необходимость в принятии которых, как показывает актуальная судебная практика, давно назрела.

Такое упущение не является случайным и в первую очередь связано с отсутствием единого понимания правовой природы предпринимательских групп в целом, причём это характерно как для юридической доктрины, так и для области практической юриспруденции. Признание предпринимательской группы в качестве субъекта правоотношений несостоятельности наталкивается на традиционную для права идею об автономности и обособленности каждого юридического лица вне зависимости от его экономического положения. Тем не менее, те немногие фрагментарные нормы, которые предусматривают некоторые особенности участия взаимосвязанных субъектов в отдельных видах правоотношений (группа лиц в антимонопольном законодательстве, взаимозависимые лица в налоговом праве, аффилированные лица в корпоративном праве), не удовлетворяют требованиям современного имущественного оборота, что особенно ярко проявляется в делах о несостоятельности (банкротстве).

Следует отметить, что специальный правовой режим несостоятельности членов предпринимательской группы не обозначает появления нового полноправного субъекта права. Напротив, при внедрении правил об исключительно процедурных аспектах ведения соответствующей категории дел, предусматривающих координацию и сотрудничество, члены предпринимательской группы по-прежнему рассматриваются в качестве самостоятельных правосубъектных образований. Создание такого специального режима объясняется необходимостью создания благоприятной среды для рассмотрения дел о несостоятельности членов группы в условиях их тесной экономической связанности. Учитывая тот факт, что институт несостоятельности (банкротства) в первую очередь связан с необходимостью урегулирования финансовых проблем и является одним из средств оздоровления экономики, такой подход представляется вполне целесообразным проработка и внедрения специального правового режима несостоятельности членов интеграционных предпринимательских образований, ставших неотъемлемой частью практически любой хозяйственной системы мира. Обратный же подход, который существовал до настоящего времени, означает попытку решения новых экономических проблем посредством старых методов. Таким образом, реабилитационный тренд, получивший широкую популярность, диктует необходимость правового урегулирования финансового кризиса групп компаний.

В таких условиях ещё более актуальной становится проблема групповой несостоятельности. В целях повышения эффективности той глобальной реформы законодательства о несостоятельности, которая инициирована в настоящее время, необходимо включить в нее правила о несостоятельности членов предпринимательской группы. При этом, учитывая национальные особенности выстраивания имущественного оборота, основывающегося на строгом соблюдении самостоятельной правосубъектности каждого юридического лица, такие нормы должны предусматривать исключительно процессуальные аспекты скоординированного ведения отдельных производств по аналогии с теми модельными законами, которые были выработаны в результате деятельности международного сообщества.

Внедрение специального правового режима несостоятельности предпринимательской группы потребует внесения некоторых изменений в процессуальные нормы, регулирующие порядок ведения дел о несостоятельности членов такой группы. В этом отношении немаловажной является проблема по повышению квалификации судей, рассматривающий соответствующую категорию споров. В частности, сложная экономическая

структура и высокая степень переплетения хозяйственных операций членов предпринимательской группы требуют от судью полноценного, детального и корректного анализа фактических обстоятельств для принятия правильного решения. Более того, успешная реализация реабилитационных процедур, в том числе в рамках предпринимательской группы, зависит от квалификации рассматривающего дело судьи, который должен, помимо юридического образования, обладать также экономическим и финансовым образованием, а также иметь опыт управления или участия в таком управлении в крупных бизнес-структурах. Это необходимо ввиду того, что формальный юридический подход может полностью не соответствовать экономической и финансовой необходимости, ввиду чего под угрозой окажется платежеспособность остальных членов группы. Также следует предусмотреть право судей и финансовых управляющих на привлечение финансовых экспертов с целью получения подробного отчёта об экономической ситуации внутри группы, а также для выработки правильного и адекватного решения по урегулированию спора.

Список использованных источников:

1. Спасение бизнеса в банкротном праве: отчет Института европейского права: [пер. с англ.] – Москва: Статут, 2021. – 604 с.

2. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. В 4 томах. Т. IV. Торговый процесс. Конкурсный процесс / Г.Ф. Шершеневич. – Москва: Издательство Юрайт, 2022 – 453 с.

3. Директива № 2019/1023 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «Об основах превентивной реструктуризации, погашении задолженности и дисквалификациях, о мерах по повышению эффективности процедур, касающихся реструктуризации, несостоятельности и погашения задолженности, а также об изменении Директивы (ЕС) 2017/1132 (Директива о реструктуризации и несостоятельности)» [рус., англ.] (Принята в г. Брюсселе 20.06.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления особенностей банкротства предпринимательских групп» (подготовлен Минэкономразвития России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 04.04.2011) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Руководство ЮНСИТРАЛ для законодательных органов по вопросам законодательства о несостоятельности. Часть третья: Режим

предпринимательских групп при несостоятельности // URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/leg-guide-insol-part3-ebook-r.pdf> (дата обращения: 21.09.2022).

6. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о несостоятельности предпринимательских групп и Руководство по его принятию. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/19_11348_mloegi_ru.pdf (дата обращения: 21.09.2022).

7. Regulation (EU) 2015/848 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2015 on insolvency proceedings // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A32015R0848> (дата обращения: 21.09.2022).

УДК 343.3/7

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННУЮ РУБКУ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ НА КАРБОНОВЫХ ПОЛИГОНАХ И В ЛЕСАХ ИНЫХ КАТЕГОРИЙ

© С.В. Староватова

Сибирский федеральный университет

В соответствии со ст. 9 Конституции Российской Федерации лес и иные природные ресурсы используются и охраняются как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории [1]. Этот постулат заложен в тексте Конституции и имеет основополагающее значение в формировании российского законодательства, в том числе и уголовного. Лес ценен для человека во многих аспектах: экономическом, экологическом, географическом, эстетическом, культурном, рекреационном и иных. Но, в первую очередь, лес – основа жизни всего живого, он обеспечивает экологическую безопасность на Планете Земля, имеет глобальное экологическое значение и нуждается в уголовно-правовой охране. Уголовный кодекс РФ (далее - УК) в Особенной части содержит ряд статей, предусматривающих уголовную ответственность за приобретение, хранение, перевозку, переработку в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины (ст. 191.1), за контрабанду стратегически важных ресурсов, в том числе (леса) [6] (ст. 226.1), за причинение существенного вреда лесному хозяйству загрязнением вод (ст. 250), незаконную рубку лесных насаждений (ст. 260), уничтожение или повреждение лесных насаждений (ст. 261), нарушение режима особо охраняемых природных

территорий и природных объектов (ст. 262) [2]. Часть указанных статей отнесены законодателем к преступлениям против общественной безопасности и общественного порядка, часть к преступлениям в сфере экономической деятельности, но большую их часть составляют экологические преступления.

В феврале 2021 года Президентом РФ был подписан Указ «О мерах по реализации государственной научно-технической политики в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений» [4]. Президент поручил Правительству РФ разработать и утвердить Федеральную научно-техническую программу в области экологического развития РФ и климатических изменений на 2021 – 2030 гг. по созданию наукоемких технологических решений, направленных на:

- обеспечение экологической безопасности, улучшение состояния окружающей среды;
- изучение климата, механизмов адаптации к климатическим изменениям и их последствиям [5].

Анализ Указа Президента позволяет сделать выводы, что, во-первых, коренным образом изменяется представление о ценности природных объектов и ресурсов, участвующих в обеспечении экологической безопасности. К ним отнесены, в первую очередь, лесные ресурсы государства. Во-вторых, изменяются и методы исследований, и расчеты причиняемого вреда экологии.

Изучать климат, механизмы адаптации к климатическим изменениям и их последствиям в соответствии с указанными нормативными правовыми актами планируется на карбоновых полигонах. Карбоновые полигоны – «это участки, где ученые отработывают технологии контроля за производством и поглощением парниковых газов» [8]. В соответствии с приказом Министерства науки и образования РФ от 05.02.2021 г. № 74 «О полигонах для разработки и испытаний технологий контроля углеродного баланса» [8] утвержден перечень территорий, на которых создаются пилотные карбоновые полигоны: Свердловская область; Калужская область; Тюменская область; Калининградская область; Новосибирская область; Красноярский край; Чеченская республика и др..

Теперь обратимся к части 1 статьи 260 УК и примечанию к этой статье. «Незаконная рубка, а равно повреждение до степени прекращения роста лесных насаждений или не отнесенных к лесным насаждениям деревьев, кустарников, лиан, если эти деяния совершены в значительном размере...» (ч. 1 ст. 260 УК); «...значительный, крупный и особо крупный размер ущерба, причиненного незаконной рубкой лесным насаждениям или не отнесенным к лесным насаждениям деревьям, кустарникам и лианам, исчисляется по утвержденным

Правительством Российской Федерации таксам и методике» [7] (примечание к ст. 260 УК).

В части 1 статьи 260 УК не содержится указаний на места произрастания лесных насаждений, и для уяснения этого вопроса необходимо обратиться к лесному и земельному законодательству. Так, согласно ст. 6 Лесного кодекса РФ леса располагаются на землях лесного фонда и землях иных категорий. Согласно же статье 7 Земельного кодекса РФ к землям иных категорий (кроме земель лесного фонда) относятся: земли сельскохозяйственного назначения; земли населенных пунктов; земли промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики, земли для обеспечения космической деятельности, земли обороны, безопасности и земли иного специального назначения; земли особо охраняемых территорий и объектов; земли водного фонда и земли запаса. В перечне категорий земли, на которых располагаются карбоновые полигоны, не указаны. Можно предположить, что их правовое положение (статус) зависит от категории земель, на которых они расположены. Между тем, возникает вопрос – не относятся ли карбоновые полигоны к особо охраняемым природным территориям?

В Федеральном законе от 14.03.1995 г. № 33-ФЗ закреплено понятие особо охраняемых территорий – это «...участки земли и воздушного пространства над ними, где располагаются природные комплексы и объекты, имеющие особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение...», «...для них установлен режим особой охраны», их «...относят к объектам общенационального достояния» [3].

В части 2 статьи 2 Федерального закона от 14.03.1995 г. № 33-ФЗ (ред. от 01.05.2022 г.) «Об особо охраняемых природных территориях» перечислены следующие категории особо охраняемых природных территорий: государственные природные заповедники, в том числе биосферные заповедники; национальные парки; природные парки; государственные природные заказники; памятники природы; дендрологические парки и ботанические сады.

Так, карбоновые полигоны созданы: в Свердловской области на базе биостанции Уральского федерального университета, в республике Чечня – на землях Чеченского государственного университета и Грозненского нефтяного технического университета, в Новосибирской области – в Новосибирском государственном университете, в Калужской области – в Калужском национальном парке «Угра», в Свердловской области – на базе Уральского отделения Российской академии наук – Ботанический сад УрО РАН и Уральского государственного лесотехнического университета, в Красноярском крае – не

базе научно-образовательного центра мирового уровня «Енисейская Сибирь». Только часть указанных карбоновых полигонов можно отнести к особо охраняемым природным территориям – национальный парк «Угра» и ботанический сад Уральского отделения Российской академии наук. Все остальные перечисленные карбоновые полигоны расположены на землях иных категорий и дополнительные меры по их уголовно-правовой охране законодательством не предусмотрены.

Минобрнауки России открывает карбоновые полигоны по всей стране на базе университетов и научных организаций на землях лесного и не лесного фонда, сельскохозяйственных землях и пр. И, на наш взгляд, статус таких полигонов должен быть единым, поскольку все карбоновые полигоны представляют собой участки земли и воздушного пространства над ними, где расположены природные комплексы (леса и иная растительность), безусловно, имеющие особое научное значение. Отвечая всем признакам особо охраняемых природных территорий, карбоновые полигоны должны быть включены в реестр таких территорий. Признание этих полигонов особо охраняемыми природными территориями будет соответствовать и ч. 4 ст. 2 и ч. 7 ст. 28 закона «Об особо охраняемых природных территориях», устанавливающим, что: «...особо охраняемые природные территории могут ... находиться в ведении государственных научных организаций и государственных образовательных организаций высшего образования» и иметь статус «...дендрологического парка и ботанического сада...» [3]. В п. 11 Приложения 2 «Плана мероприятий по реализации пилотного проекта по созданию полигонов для разработки и испытаний технологий контроля углеродного баланса (карбоновый полигон)» к названному приказу Министерства науки и высшего образования РФ от 05.02.2021 г. № 74 заложено положение о необходимости представления в Министерство предложений по территориальному расположению карбонового полигона с указанием земельных участков, в границах которых будет находиться карбоновый полигон, и правовых оснований пользования данными земельными участками [8]. Анализ этого пункта приказа позволяет утверждать, что правовое положение земель, на которых располагаются карбоновые полигоны, и правовые основания пользования ими законодателем четко не определены.

Незаконная рубка лесных насаждений на территориях, не отнесенным к особо охраняемым, квалифицируется только по соответствующей части статьи 260 УК. В случае отнесения карбоновых полигонов к особо охраняемым природным территориям они получают дополнительную уголовно-правовую охрану, поскольку незаконная рубка лесных насаждений на них будет квалифицироваться по совокупности статей 260 и 262 УК.

То, что незаконная рубка на особо охраняемых территориях квалифицируется именно так, подтверждает и судебная практика. Так, не имея разрешительных документов на заготовку древесины, гражданин Р. незаконно спилил, то есть осуществил незаконную порубку сырораствующих деревьев породы «можжевельник колючий» в количестве 27 деревьев на территории ландшафтно-рекреационного парка «Бахчисарай», расположенного в границах Государственного казенного учреждения республики Крым «Северо-западное объединённое лесничество». В соответствии с Постановлением Верховного Совета АРК от 21.12.2011 г. № 643-6/11 Государственное казенное учреждение республики Крым «Северо-западное объединённое лесничество» является региональным ландшафтным парком местного значения, созданным с целью охраны, сохранения природных комплексов и достопримечательностей средневековой истории, характеризуется высокой природоохранной, историко-культурной, рекреационной, научной и эстетической ценностью, уникальным ландшафтным и биологическим разнообразием [10], а ландшафтно-рекреационный парк «Бахчисарай», согласно распоряжению Совета Министров Республики Крым от 05.02.2015 г. № 69-р – особо охраняемая природная территория регионального значения Республики Крым [11]. В нарушение ст. 27 Федерального Закона № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» на территориях памятников природы и в границах их охранных зон запрещается всякая деятельность, влекущая за собой нарушение сохранности памятников природы [3]. Срубив деревья в ландшафтно-рекреационном парке «Бахчисарай», гражданин Р. причинил материальный ущерб Государственному казенному учреждению республики Крым «Северо-западное объединённое лесничество» на сумму <данные изъяты> рубля, который в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 08.05.2007 г. № 273 «Об исчислении вреда, причинённого лесам вследствие нарушения лесного законодательства», является крупным ущербом [7]. Таким образом, гражданин Р. совершил преступления, предусмотренные п. «г» ч. 2 ст. 260 УК – незаконная рубка лесных насаждений, совершенная в крупном размере, и ст. 262 УК – нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов, повлекшее причинение значительного ущерба [13]. При расчете причиненного гражданином Р. ущерба судом применялись методики и таксы, учитывающие экономические показатели, а не экологические.

В примечании к статье 260 УК содержится отсылка к постановлению Правительства Российской Федерации, утверждающему таксы и методики расчета размера ущерба [7]. Так, в соответствии с Методикой определения размера возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них

природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства, объем уничтоженных, поврежденных или срубленных деревьев, кустарников и лиан определяется путем сплошного перечета вырубленных насаждений по породам на основании сортиментных таблиц (утвержденных субъектами Российской Федерации), измеряется диаметр срубленного дерева на высоте 1,3 метра от шейки корня, учитывается высота дерева в коре (по первому разряду) [7]. Анализ показателей, указанных в Методике, позволяет сделать вывод, что методика определения ущерба основана на экономических показателях – высоте, диаметре породе и стоимости древесины по сортиментным таблицам. На экономический показатель указывают и официальные данные о причиненном ущербе от незаконной рубки лесных насаждений, так как он исчисляется в кубометрах срубленной древесины и миллиардах рублей. Так, в Российской Федерации ежегодно объем ущерба равен 40–50 млн куб. м древесины, что оценивается в 11–12 млрд. рублей [14]. Указанные показатели, в первую очередь, имеют экономическую составляющую.

Итак, преступления, предусмотренные ст. 260 УК, являются экологическими, но методики расчета ущерба экологии не применяются. Между тем при совершении незаконной рубки лесных насаждений изменяется состав атмосферного воздуха, а статья 260 УК вовсе не отражает той степени общественной опасности, которая причиняется окружающей среде.

Проводимая учеными работа на карбоновых полигонах позволит получать информацию о запасах углерода в экосистемах и его обмене между лесами и атмосферой, оценить климатические изменения и предложить технологии по повышению способности лесных экосистем поглощать парниковые газы, осуществлять расчеты депонирования CO₂ эквивалента в лесах, расположенных в различных климатических зонах, учитывая места их произрастания, породы деревьев, кустарников и лиан [15]. Полученный опыт в дальнейшем должен быть использован при квалификации преступных деяний, определении вреда, причиненного экологической безопасности и расчете вреда окружающей среде.

Незаконная рубка лесных и нелесных насаждений причиняет государству не только экономический, но и экологический вред, изменяя состояние окружающей среды, состав атмосферного воздуха. И, по нашему мнению, необходимо при расчете ущерба, причиненного незаконной рубкой, дополнительно применять методики измерения качества атмосферного воздуха. Имеющиеся методики, разработанные Федеральной службой по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, и утвержденные приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 06.06.2017 г. № 273 [9], в настоящее время для этого не могут быть

использованы, при расчете ущерба от незаконной рубки лесных насаждений, так как в основу этих методик положено загрязнение атмосферного воздуха в городах Российской Федерации. По нашему мнению, на основе имеющихся методик могут быть разработаны и методики измерения качества атмосферного воздуха (напомним, что оно при незаконной рубке лесных насаждений изменяется).

Сложившаяся экологическая обстановка и изменившееся представление о ценности леса требуют, по нашему мнению, применения при расчете ущерба, причиненного незаконной рубкой, методики расчета не только экономического, но и экологического вреда.

Учитывая изложенное выше, считаем необходимым:

- карбовым полигонам присвоить статус особо охраняемых природных территорий, и незаконную рубку на этих территориях квалифицировать по совокупности статей 260 и 262 УК;

- разработать методику расчета экологического вреда для последующего применения ее вместе с методикой и таксами расчета экономического вреда, причиненного незаконной рубкой.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]: //Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. Об особо охраняемых природных территориях [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ (ред. от 01.05.2022) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. О мерах по реализации государственной научно-технической политики в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 08.02.2021 № 76 (ред. от 06.06.2022) //Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

5. Об утверждении Федеральной научно-технической программы в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений на 2021 - 2030 годы [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 08.02.2022 № 133 //Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

6. Об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об определении видов стратегически важных товаров и ресурсов, для которых крупным размером признается стоимость, превышающая 100 тыс. рублей [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 13.09.2012 № 923 (ред. от 26.04.2022) //Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

7. Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 29.12.2018 № 1730 (ред. от 18.12.2020) //Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

8. О полигонах для разработки и испытаний технологий контроля углеродного баланса [Электронный ресурс]: Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 05.02.2021 № 74 //Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

9. Об утверждении методов расчетов рассеивания выбросов вредных (загрязняющих) веществ в атмосферном воздухе [Электронный ресурс]: Приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 06.06.2017 № 273 //Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

10. О расширении и упорядочении сети территорий и объектов природно-заповедного фонда местного значения в Автономной Республике Крым [Электронный ресурс]: Постановление верховной Рады автономной республики Крым от 21.12.2011 № 643-6/11 //Официальный сайт верховной Рады автономной республики Крым. – Режим доступа: <http://oort.aari.ru/doc>.

11. Об утверждении Перечня особо охраняемых природных территорий регионального значения Республики Крым [Электронный ресурс]: Распоряжение Совета министров республики Крым от 05.02.2015 № 69-р (с изм. на 08.06.2022) //Официальный сайт Электронного фонда правовых и технических документов. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/>.

12. О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования

[Электронный ресурс]: Постановление Пленума ВС РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 30.11.2017) //Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

13. Приговор Бахчисарайского районного суда (Республика Крым) от 20.06.2017 № 1-121/2017 по делу № 1-121/2017 [Электронный ресурс] //Официальный сайт Бахчисарайского районного суда республики Крым – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/LwRE0Vrhomla/>.

14. Отчет о результатах совместного экспертно-аналитического мероприятия «Анализ эффективности использования лесных ресурсов Российской Федерации в 2016–2018 годах» (совместно с контрольно-счетными органами субъектов Российской Федерации) [Электронный ресурс] //Официальный Счетной палаты РФ. – Режим доступа: https://ach.gov.ru/upload/medialibrary/news/%D81_2020-01-15_%5B1%5D.pdf

15. Первый климатический. Чем будет заниматься НОЦ «Енисейская Сибирь» [Электронный ресурс] //АиФ на Енисее. №28 (2121). 14/07/2021 – Режим доступа: <https://krsk.aif.ru/gazeta/number/46934>.

УДК 343.9

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ РЕАЛИЗАЦИИ МЕР ПРОФИЛАКТИКИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИДЕОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА ЦИФРОВЫМИ МЕТОДАМИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

© М.А. Стародубцева

Алтайский государственный университет

Согласно п. 12 Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации, противодействие терроризму в Российской Федерации осуществляется по определенным направлениям [5, с. 4].

Согласно п. 13 Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации, предупреждение (профилактика) терроризма осуществляется по трем основным направлениям, наиболее важным из которых для проводимого исследования является создание системы противодействия террористической идеологии [5, с. 6]. В дальнейшем, во избежание путаницы, предлагается обращаться к термину «профилактика», так как именно он определяет рассматриваемый комплекс социально–психологических мер.

Система профилактики терроризма нашла свое отражение в Комплексном плане противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019 – 2023 гг. (далее – Комплексный план). Целью реализации его мероприятий особенно актуальна в условиях ведущегося в мировом сообществе гибридно – информационного противостояния, поскольку напрямую указывает на необходимость разработки механизма защиты населения от методов информационно – психологического воздействия, внедряющих в общественное сознание террористические идеологемы [4, с. 5]. Эти же тезисы фигурировали и в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации [19, с. 4].

Думается, что наиболее перспективными из задач, указанными в Комплексном плане, являются деятельность по совершенствованию информационно–пропагандистского характера и защита информационного пространства России от идеологии терроризма, а также меры по формированию у населения РФ антитеррористического сознания.

Из общей массы населения именно молодежь является потенциальной «группой риска», так как она выступает активнейшим пользователем информационно–телекоммуникационных сетей, в том числе и сети «Интернет», где в настоящий момент как раз и транслируются многочисленные информационные вбросы, несущие пользователям террористические идеи [7, с. 119].

Среди несилowych ведомств важные задачи в области профилактики терроризма и экстремизма в молодежной среде выполняет Министерство науки и высшего образования Российской Федерации [3, с. 75].

Именно система высшего образования, вместе с образованными при ВУЗах колледжами, как видится, может стать флагманом формирования антитеррористической идеологии и навыков противодействия цифровому терроризму как форме социальной инженерии, как социальный институт, напрямую работающий с молодежью [2, с. 49].

В целях конкретизации сферы проводимого исследования, основной эмпирический материал был собран на базе ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», так как именно в рассматриваемом ВУЗе, в том числе с помощью автора, сформирован достаточно яркий комплекс мер профилактики распространения идеологии терроризма.

Тем не менее, при анализе мер профилактики терроризма в сфере образования необходимо сразу выделить основную проблему: система профилактики терроризма и его идеологии в образовательных учреждениях не закреплена на законодательном уровне.

В частности, в ст. 2 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182 – ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» дается определение только общей профилактики правонарушений [8, с. 2].

В ст. 17 указанный закон выделяет общие формы профилактического воздействия [12, с. 21].

Из вышеперечисленных форм профилактического воздействия наиболее востребованы и относительно легко реализуемы на базе образовательных учреждений, в частности, посредством сети «Интернет», как думается, правовое просвещение и правовое информирование.

Определение термина «правовое просвещение» давалось в приказе Генерального прокурора РФ от 10.09.2008 № 182 [15, с. 2], в п. 3 [1, с. 34].

В дальнейшем Генеральным прокурором Российской Федерации издан приказ от 02.08.2018 № 471, согласно которому формы правового просвещения расширены, в частности, добавлены информационно–разъяснительные материалы, возможности социальной рекламы [16, с. 2]. Думается, что указанные формы правового просвещения вполне доступны для реализации образовательным учреждениям.

Итак, определено, что общая система профилактики идеологии терроризма в образовательных учреждениях не закреплена законодателем в нормативно–правовых актах. При рассмотрении имеющихся ее элементов обращает на себя внимание комплекс дополнительно выделяемых проблем:

1. отсутствие четко закрепленного на законодательном уровне субъекта профилактики;
2. отсутствие единой концепции профилактики распространения идеологии терроризма;
3. отсутствие системного информационного сопровождения профилактических мер и наполнения информационно – телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» позитивным антитеррористическим контентом.

Для решения вопроса определения субъекта профилактики распространения идеологии терроризма в образовательных организациях, в том числе и в сети «Интернет» при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации создан Координационный совет, включающий в себя ряд рабочих групп, из которых наибольший интерес представляют направления профилактики идеологии терроризма и информационное сопровождение данной деятельности [17, с. 3]. В субъектах РФ указанной работой занимается сеть созданных в 2021 – 2022 гг. координационных центров по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения

межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма.

Указанные координационные центры, таким образом, становятся основными субъектами профилактики распространения идеологии терроризма в оффлайн и онлайн – пространствах образовательных учреждений. Подобный координационный центр в 2021 г. открыт и на базе ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет».

К координационным центрам примыкают иные организации, такие как Региональный антитеррористический научно-методический центр (далее – РАНМЦ) Юридического института ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», на базе которого проводилась научно-исследовательская работа автора. Всю совокупность указанных организаций предлагается объединить в общий термин «координационные центры по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма» (далее – координационный центр).

Но статус подобных подразделений не закреплен на законодательном уровне, что препятствует осуществлению ими своих полномочий на местах, в частности, препятствует реализации непосредственно профилактики распространения идеологии терроризма.

Базовым нормативно-правовым актом в сфере образования выступает Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273 – ФЗ (далее – Федеральный закон № 273 – ФЗ) [9]. В статье 10 данного закона определена структура системы образования. Из совокупности представленных учреждений представляет интерес п. 5 ч. 1 ст. 10. Однако, при сопоставлении данной нормы с выявленной практикой организации координационных центров в образовательных учреждениях, отмечается, что подобные центры не являются юридическими лицами [6, с. 308].

При обращении к законодательству об общественных объединениях, в ст. 5 Федерального закона от 19.05.1995 № 82 – ФЗ (ред. от 30.12.2020) «Об общественных объединениях» (далее – Федеральный закон №82 – ФЗ) отмечается, что законодатель понимает под общественным объединением добровольное, самоуправляемое некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан для решения указанных в программных документах объединения целей [10]. Если взять в качестве практического примера РАНМЦ, функционирующий на базе ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», то выяснится, что он создан на основании решения Антитеррористической комиссии Алтайского края (протокол №73 от 02.03.2020

года). То есть, под смысл общественного объединения подобная организация не подпадает.

Еще одним нормативным актом в смежной области выступает Федеральный закон от 23.08.1996 №127 – ФЗ «О науке и государственной научно – технической политике» (далее – Федеральный закон №127 – ФЗ) [11, с. 3]. Он определяет правовое положение научных организаций, государственных академий наук и высшей аттестационной комиссии. Но, при углубленном изучении текста данного закона, выявляется, что в случае с научной организацией речь снова идет о юридическом лице, причем обладающем, в случае с научным центром, специальным оборудованием и условиями для осуществления научной деятельности. То есть, и в этом случае координационный центр остается «не у дел» [6, с. 308].

В Положении о Региональном антитеррористическом научно–методическом центре АлтГУ отмечено, что данная организация функционирует в качестве опорного центра по методической, научно – исследовательской работе и проведению региональных профилактических мероприятий антитеррористической направленности. Подобное определение дают и учредительные документы аналогичных организаций. С этой позиции координационные центры могут быть причислены к организациям, осуществляющим научно–методическое и ресурсное обеспечение системы образования (ч. 1 ст. 19 Федерального закона № 273 – ФЗ). Однако перечень научно – методических организаций законодатель не дает и полномочия их не раскрывает.

В ч. 1 ст. 27 Федерального закона № 273 – ФЗ указано, что образовательные организации самостоятельно принимают решения об изменении своей структуры [9, с. 4]. И в пункте 1.2. Положения о Региональном антитеррористическом научно–методическом центре АлтГУ указано, что упомянутый центр является структурным подразделением университета, без права юридического лица, функционирующим на основании локальных нормативных актов университета и анализируемого положения. Аналогичное указание зафиксировано в п. 1.2 Типового положения о координационном центре, разработанного Департаментом государственной молодежной политики и воспитательной деятельности Минобрнауки РФ. Однако это Положение также не зафиксировано в нормативно–правовой базе, хотя на его основе на базе нескольких десятков ВУЗов были открыты соответствующие центры.

Далее в ст. 27 Федерального закона № 273 – ФЗ законодатель указывает примерный перечень структурных подразделений в образовательных учреждениях, где снова не фигурирует координационный центр. Как видится,

образовательная организация вольна внутри себя создавать любые структурные подразделения. Но эта же ситуация демонстрирует и отсутствие системы в формировании при образовательных учреждениях подобных антитеррористических структур, и отсутствие координации и взаимодействия между ними. Даже обратившись к локальным нормативным актам ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», единственные акты об антитеррористическом центре, которые можно найти – это Положение об антитеррористическом центре и Положение о координационном центре.

Отдельно следует сказать о специфической форме добровольчества, которую предлагается определить термином «молодежный антитеррористический отряд». Он также выступает субъектом профилактики идеологии терроризма в образовательных организациях.

Федеральные законы от 19.05.1995 № 82 – ФЗ (ред. от 30.12.2020) «Об общественных объединениях» и «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273 – ФЗ не содержат термин «молодежный антитеррористический отряд» и никак не определяют эту форму самоорганизации обучающихся [18, с. 295].

Еще одним важным законом в анализируемой сфере выступает Федеральный закон от 28 июня 1995 г. № 98 – ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» [20]. Там, в п. 2 ст. 4 отражены условия, при которых молодежное объединение станет объектом государственной поддержки, и основным из них является статус юридического лица, что вновь исключает из этой сферы молодежные антитеррористические отряды.

Если взять в качестве практического примера волонтерский отряд «Антиэкстремизм», функционирующий на базе ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», то выяснится, что он является общественным органом самоуправления и создается из числа студенческого актива института на добровольной основе без статуса юридического лица. То есть, государственная поддержка на него и подобные организации не распространяется.

Федеральный закон № 273 – ФЗ в п. 7 ст. 34 указывает право обучающихся на создание студенческих отрядов, представляющих собой общественные объединения обучающихся, целью деятельности которых является организация временной занятости таких обучающихся, изъявивших желание в свободное от учебы время работать в различных отраслях экономики [9, с. 8]. При буквальном толковании данной нормы получается, что отряды антитеррористической направленности снова остаются «за бортом».

Еще одним нормативным актом в анализируемой области является Федеральный закон от 11.08.1995 N 135 – ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)». В ст. 5 данного закона дается определение добровольческой (волонтерской) организации [21]. В нем снова не фигурируют студенческие отряды вообще и антитеррористические отряды в частности.

Итак, автором рассмотрены проблемы определения системы профилактики распространения идеологии терроризма в образовательных организациях в цифровую эпоху на федеральном уровне. Теперь необходимо проанализировать ситуацию, сложившуюся на уровне регионов, и указанную работу предлагается проводить на основе нормативно – правовой базы Алтайского края, где осуществляются исследования автора.

Базовым документом предлагается считать государственную программу Алтайского края «Противодействие экстремизму и идеологии терроризма в Алтайском крае», утвержденную Постановлением Правительства Алтайского края № 546 от 31.12.2019 г (далее – Программа) [14]. Из задач, реализуемых Программой наиболее значимыми в рамках осуществляемого исследования являются:

1. реализация информационной политики антиэкстремистской направленности;
2. формирование в молодежной среде неприятия экстремизма и радикальных идеологий, в том числе идеологии терроризма;
3. методическое обеспечение субъектов, реализующих мероприятия в области противодействия экстремизму и идеологии терроризма.

Ответственным за исполнение Программы назначено управление молодежной политики и реализации программ общественного развития Алтайского края, а среди участников фигурируют Министерство образования и науки Алтайского края и Совет ректоров вузов Алтайского края и Республики Алтай, то есть, образовательный сегмент представлен. Однако, как можно сразу отметить, образованный в 2021 г. на базе ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» Координационный центр среди субъектов реализации региональной Программы не указан.

Среди самих мероприятий региональной Программы названы научно – практические конференции и семинары – совещания по вопросам организации профилактики идеологии экстремизма и терроризма, в том числе, в сфере образования, а также проведение соответствующих курсов повышения квалификации. Необходимо отметить, что рассматриваемый нами документ не фокусируется отдельно на профилактике распространения именно

террористической идеологии, он, как следует из названия и цели, направлен на профилактику популяризации «радикальных идеологий». Также он не сосредотачивает внимание непосредственно на образовательных учреждениях, а если и говорит о них, то в контексте работы с иностранными учащимися и организации курсов повышения квалификации, чего, думается, недостаточно.

Важным ведомственным документом является План по реализации мероприятий Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019 – 2023 годы на территории Алтайского края в 2022 году, утвержденный 13.01.2022 г (далее – План) [13]. В указанном Плате отдельный раздел посвящен мерам по формированию у населения антитеррористического сознания, в соответствии с уже рассмотренными нами задачами федерального Комплексного плана. Значительная часть мероприятий реализуется Министерством образования и науки Алтайского края и ВУЗами региона, в некоторых пунктах ответственными фигурируют молодежные антитеррористические отряды, что, безусловно, важно для формирования правового статуса указанных организаций. Однако, упомянутые отряды функционируют отдельно, на базе своих ВУЗов, не согласовывают действия между собой и не объединены единой концепцией. Необходимо отметить, что в рассматриваемом Плате фигурирует как один из исполнителей Региональный антитеррористический научно – методический центр Юридического института ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», отвечающий за проведение научных исследований по вопросам профилактики идеологии терроризма и организацию научно – практических конкурсов и конференций. Однако, Координационный центр ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» здесь снова не фигурирует.

Безусловно важным является то, что указанный План непосредственно направлен на формирование перечня мероприятий по профилактике распространения идеологии терроризма и затрагивает в значительной мере образовательные учреждения. Однако, опять же, определяя перечень мероприятий, План не раскрывает концепцию их осуществления ВУЗами края под единым контролем. Указанные мероприятия реализуются внутри каждого ВУЗа и колледжей при них, без внешней координации, что, как видится, является серьезным упущением. Также упущением можно считать и то, что План практически не заостряет внимание на профилактике распространения идеологии терроризма в сети «Интернет».

Таким образом, утверждается, что на всех уровнях нормативно – правового регулирования в Российской Федерации нет четкого закрепления концепции

профилактики распространения идеологии терроризма в образовательных организациях в цифровую эпоху.

Проведенное исследование позволило сделать ряд предложений, не претендующих на исключительность:

1. Требуется принятие отдельной концепции профилактики распространения идеологии терроризма в образовательных организациях, в том числе в сети «Интернет», где следует указать определение и статус субъектов профилактики: координационных центров по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма и молодежных антитеррористических отрядов.

2. Необходимо закрепление в указанной концепции методов информационного сопровождения проводимых профилактических мероприятий и наполнения информационно – телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» позитивным антитеррористическим контентом.

Список использованных источников:

1. Гладких, В. И. Новые правовые механизмы противодействия терроризму: критический анализ / В. И. Гладких // Российский следователь. 2014. № 5. С. 34–38.

2. Джамалугев, И. А. Защита граждан от террористической угрозы: актуальные административно-правовые аспекты / И. А. Джамалугев // Право и политика. 2013. № 1(157). С. 49–52.

3. Кашапов М. М. Акмеология: учебное пособие для академического бакалавриата. Москва: Издательство Юрайт. 2019. 106 с.

4. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019 – 2023 годы (утв. Президентом Российской Федерации от 28.12.2018 № Пр – 2665) [Электронный ресурс] // МЧС Российской Федерации. URL: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/2632>.

5. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г.) [Электронный ресурс] // Справ. – правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru>.

6. Мазуров В.А., Стародубцева М.А. Некоторые проблемы определения правового статуса центров профилактики экстремизма и терроризма в образовательных организациях на примере Регионального антитеррористического научно – методического центра ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет // Современный ученый. 2022. № 1. С. 308.

7. Нардина, О. В. Формирование общегосударственной антитеррористической системы / О. В. Нардина. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс. 2011. 277 с.

8. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182 – ФЗ // Консультант Плюс: справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru>.

9. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2012 г. №273 – ФЗ // СПС Консультант – Плюс. Версия Проф.

10. Об общественных объединениях: федеральный закон от 19 мая 1995 г. №82 – ФЗ // СПС Консультант – Плюс. Версия Проф.

11. О науке и государственной научно – технической политике: федеральный закон от 23 августа 1996 г. №127 – ФЗ // СПС Консультант – Плюс. Версия Проф.

12. Организация системы антитеррористической защиты библиотек : практ. пособие для работников б-к. Москва : Альтекс. 2004. 44 с.

13. План по реализации мероприятий Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019 – 2023 годы на территории Алтайского края в 2022 году [Электронный ресурс] // Справ. – правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru>.

14. Постановление Правительства Алтайского края от 31.12.2019 № 546 «Об утверждении государственной программы Алтайского края «Противодействие экстремизму и идеологии терроризма в Алтайском крае» [Электронный ресурс] // Справ. – правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru>.

15. Приказ Генпрокуратуры РФ от 10.09.2008 N 182 (ред. от 22.04.2011, с изм. от 17.05.2018) «Об организации работы по взаимодействию с общественностью, разъяснению законодательства и правовому просвещению» [Электронный ресурс] // Справ. – правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru>.

16. Приказ Генпрокуратуры РФ от 02.08.2018 N 471 Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию» [Электронный ресурс] // Справ. – правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru>.

17. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 25 апреля 2019 г. N 247 «Об организации работы в Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации по обеспечению условий для формирования у молодежи гражданской позиции, противодействия идеологии терроризма и экстремизма» [Электронный ресурс] // Справ. – правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru>.

18. Стародубцева М.А. Закрепление на законодательном уровне правового статуса студенческих антитеррористических отрядов как мера противодействия распространению идеологии терроризма в цифровую эпоху // Современный ученый. 2022. № 1. С. 294 – 298.

19. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справ. – правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru>.

20. Федеральный закон от 28 июня 1995 г. N 98 – ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» [Электронный ресурс] // Справ. – правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru>.

21. Федеральный закон от 11.08.1995 N 135 – ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» [Электронный ресурс] // Справ. – правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru>.

УДК 343.34

ЛИКВИДАЦИЯ СВАЛОК В ЛЕСАХ: ПРАВОВЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И СУДЕБНЫЕ РЕШЕНИЯ

© **О.А. Стрикс**

*Экспертно-правовое управление Законодательного Собрания
Красноярского края*

1. О понятии «свалка»

Легального определения понятия «свалка» в законах не дано, однако в постановлении Правительства РФ от 03.04.2021 № 542 [9] в целях оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации под несанкционированной свалкой отходов понимаются территория, на которой расположены отходы производства и потребления, в том числе твердые коммунальные отходы, и которая не предназначена для накопления и (или) размещения отходов, и (или) объект размещения отходов, не обустроенный в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации.

Федерации в области охраны окружающей среды и законодательства Российской Федерации в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения и не включенный в государственный реестр объектов размещения отходов и (или) в государственный реестр объектов накопленного вреда окружающей среде, для которых выполняется одно из следующих условий:

- площадь территории и (или) объекта составляет более 10 кв. метров;
- объем размещения отходов производства и потребления на территории и (или) объекте составляет более 5 куб. метров.

Кроме того, в пункте 4.13 ГОСТа 30772-2001. Межгосударственный стандарт. Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Термины и определения [12] дано определение несанкционированных свалок отходов как территорий, используемых, но не предназначенных для размещения на них отходов.

С 1 января 2017 года Федеральным законом от 03.07.2016 № 254-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» Федеральный закон № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» дополнен новыми понятиями: «накопленный вред окружающей среде - вред окружающей среде, возникший в результате прошлой экономической и иной деятельности, обязанности по устранению которого не были выполнены либо были выполнены не в полном объеме» и «объекты накопленного вреда окружающей среде - территории и акватории, на которых выявлен накопленный вред окружающей среде, объекты капитального строительства и объекты размещения отходов, являющиеся источником накопленного вреда окружающей среде», а также новой главой XIV.1, регламентирующей вопросы ликвидации накопленного вреда (статьи 80.1, 80.2).

Определение объекта накопленного вреда окружающей среде, данное в Федеральном законе № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», является максимально широким по своему содержанию, под него подпадают в том числе и несанкционированные свалки отходов.

Однако подзаконное регулирование, осуществленное на основании Федерального закона № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», сужает круг территорий, которые могут быть отнесены к объектам накопленного вреда окружающей среде.

Пунктом 1 статьи 80.2 Федерального закона № 7-ФЗ предусмотрено, что ликвидация накопленного вреда окружающей среде осуществляется на объектах накопленного вреда окружающей среде (ОНВОС), включенных в государственный реестр ОНВОС. Тем самым ключевое значение для отнесения объекта к числу ОНВОС имеет его включение в государственный реестр, которое

осуществляется в свою очередь на основании материалов выявления и оценки объекта, содержащие сведения в соответствии с пунктом 2 статьи 80.1 Федерального закона «Об охране окружающей среды».

Оценка объекта накопленного вреда окружающей среде включает в себя установление:

- объема или массы загрязняющих веществ, отходов и их классов опасности;
- площади территорий и акваторий, на которых расположен объект накопленного вреда окружающей среде, категории и видов разрешенного использования земель;
- уровня и объема негативного воздействия на окружающую среду, включая способность загрязняющих веществ к миграции в иные компоненты природной среды, возможность загрязнения водных объектов, в том числе являющихся источниками питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения, возможность возникновения экологических рисков;
- наличия на объектах накопленного вреда окружающей среде опасных веществ, указанных в международных договорах, стороной которых является Российская Федерация;
- количества населения, проживающего на территории, окружающая среда на которой испытывает негативное воздействие вследствие расположения объекта накопленного вреда окружающей среде;
- количества населения, проживающего на территории, окружающая среда на которой находится под угрозой негативного воздействия вследствие расположения объекта накопленного вреда окружающей среде.

В Федеральном законе от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» используется близкое по своему содержанию понятие - места несанкционированного размещения отходов. Однако оно упоминается исключительно в контексте требований к содержанию региональной программы в области обращения с отходами, которая должна содержать перечень мероприятий, направленных в том числе на выявление мест несанкционированного размещения отходов. Понятие «накопленный вред» не применяется.

В федеральном проекте «Чистая страна» [10] в качестве самостоятельных показателей, на достижение которых он направлен, указаны:

- ликвидация наиболее опасных объектов накопленного вреда окружающей среде,
- ликвидация несанкционированных свалок в границах городов.

То есть подразумевается разное смысловое наполнение указанных понятий. Однако правового подкрепления данный тезис пока не имеет.

В настоящее время в государственный реестр объектов накопленного вреда окружающей среде [11] не включен ни один объект, расположенный на территории Красноярского края. Легального перечня объектов накопленного вреда окружающей среде, расположенных на территории края, также нет. В рамках ведения регионального кадастра отходов в соответствии с постановлением Правительства Красноярского края от 09.07.2015 № 353-п[13] в отдельном разделе кадастра указываются объекты размещения отходов (включая сведения о нахождении отходов вне объектов размещения отходов). В итоге в электронной базе данных, размещенной по адресу: <http://krassecology.ru/Waste2016/ObjGridView>, в объединенном формате указаны как санкционированные, так и несанкционированные объекты размещения отходов.

Примечательно, что суды, рассматривая дела, оперируют понятием «свалка», не акцентируя внимания на понятийном аппарате.

2. О полномочиях

Если обратиться к вопросу о том, кто же обязан убрать свалку, то однозначного ответа ни в законодательстве, ни в судебной практике, мы не обнаружим.

Какие же варианты могут быть предложены в решении такой не замысловатой задачи?

1) Свалку должен убрать собственник отходов.

В силу ст. 4 Федерального закона от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» право собственности на отходы определяется в соответствии с гражданским законодательством. Однако, как правило, собственника отходов на свалках установить затруднительно или невозможно.

2) Свалку должен убрать правообладатель земельного участка.

Согласно части 2 статьи 226 ГК РФ лицо, в собственности, владении или пользовании которого находится земельный участок, водный объект или иной объект, где находится брошенная вещь, стоимость которой явно ниже трех тысяч рублей, либо брошенные лом металлов, бракованная продукция, топляк от сплава, отвалы и сливы, образуемые при добыче полезных ископаемых, отходы производства и другие отходы, имеет право обратить эти вещи в свою собственность, приступив к их использованию или совершив иные действия, свидетельствующие об обращении вещи в собственность.

Уже названный выше ГОСТ 30772-2001 в пункте 7.8. определяет собственника отходов следующим образом: юридическое лицо,

индивидуальный предприниматель, производящие отходы, в собственности которых они находятся, которые намерены осуществлять заготовку, переработку отходов и другие работы по обращению с отходами, включая их отчуждение. Данное определение сопровождается примечанием, в котором уточняется, что «если это лицо не установлено, собственником отходов являются органы местного самоуправления, юридические лица или индивидуальные предприниматели, ответственные за территории, на которых эти отходы находятся».

В 2015 году Конституционный Суд РФ [1], оценивая лесное законодательство в контексте обязанностей по очистке леса от производственных и бытовых отходов (ликвидации свалок), пришел к выводу об отнесении этих обязанностей к числу переданных федеральных полномочий на уровень субъектов РФ, что означало осуществление данных полномочий за счёт средств субвенций из федерального бюджета.

Также Конституционный Суд РФ [2] исследовал полномочия органов местного самоуправления в данной сфере и пришел к выводу об отсутствии обязанности органов местного самоуправления муниципальных районов по ликвидации за счет средств местного бюджета несанкционированного складирования отходов, размещенных неустановленными лицами на лесных участках в составе земель лесного фонда, расположенных на территории этих муниципальных районов, если органы местного самоуправления таких муниципальных районов не были наделены соответствующими государственными полномочиями.

С 1 марта 2017 года федеральный законодатель, приняв Федеральный закон от 23.06.2016 № 218-ФЗ «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования регулирования лесных отношений», отнес вопрос охраны лесов от загрязнения и иного негативного воздействия к сфере охраны окружающей среды.

Согласно части 3 статьи 60.12 Лесного кодекса РФ охрана лесов от загрязнения и иного негативного воздействия осуществляется физическими и юридическими лицами, органами государственной власти, органами местного самоуправления в пределах их полномочий, определенных в соответствии с Лесным кодексом РФ и Федеральным законом от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». Одновременно на федеральном уровне принята диспозитивная норма (пункт 3 статьи 80.1 Федерального закона «Об охране окружающей среды»), согласно которой выявление и оценку объектов накопленного вреда окружающей среде вправе проводить органы

государственной власти субъектов Российской Федерации или органы местного самоуправления. А органы исполнительной власти федерального уровня осуществляют выявление и оценку объектов накопленного вреда окружающей среде только в случаях, определенных Правительством Российской Федерации. В настоящее время эти случаи указаны в постановлении Правительства РФ от 25.12.2019 № 1834 [8], согласно которому Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации проводит выявление и оценку объектов накопленного вреда окружающей среде в случаях выявления и оценки таких объектов на континентальном шельфе Российской Федерации, во внутренних морских водах, в территориальном море или прилегающей зоне Российской Федерации, на земельных участках, находящихся в собственности Российской Федерации, а также на иных земельных участках, на которых в прошлом осуществлялась экономическая деятельность, связанная с производством химических веществ и химических продуктов на территории городского округа г. Усолье-Сибирское Иркутской области, и экономическая деятельность открытого акционерного общества «Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат». Казалось бы, поскольку лесные участки в составе земель лесного фонда находятся в федеральной собственности (часть 1 статьи 8 Лесного кодекса Российской Федерации), постольку обязанность по выявлению и оценке объектов накопленного вреда окружающей среде в лесах лежит на Министерстве природных ресурсов и экологии Российской Федерации, а это означает и несение расходов на данную деятельность. Однако фактически эта деятельность осуществляется субъектами РФ, как интересантами включения конкретных объектов в государственный реестр в силу Правил ведения государственного реестра объектов накопленного вреда окружающей среде [6].

Использование диспозитивного регулирования по вопросу полномочий посредством формулировки «вправе» в пункте 3 статьи 80.1 Федерального закона № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» в реальности приводит к обязанности субъектов РФ осуществлять эту деятельность. Однако выявление и оценка ещё не означает обязанностей по ликвидации выявленных и оцененных свалок. На этот раз диспозитивная норма пункта 2 статьи 80.2 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» о том, что организацию работ по ликвидации накопленного вреда окружающей среде вправе осуществлять органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления, в Правилах организации работ по ликвидации накопленного вреда окружающей среде [7] трансформируется в императив, согласно которому организацию работ по ликвидации накопленного вреда на объектах накопленного вреда, включенных в государственный реестр

объектов накопленного вреда окружающей среде, осуществляют органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления. Упоминания о федеральном финансировании данной деятельности в указанных правилах нет.

Разъяснение Рослесхоза [14] по вопросу ликвидации несанкционированных свалок мусора с учетом постановлений Конституционного Суда Российской Федерации констатирует, что расходы по ликвидации свалок в лесах не могут быть осуществлены за счет федеральных субвенций в рамках осуществления переданных полномочий в соответствии со статьей 83 Лесного кодекса РФ.

Таким образом, императивного определения полномочий в законе в данной сфере не осуществлено. В результате возникают ситуации, когда поиск ответственных за ликвидацию свалок завершается в судах. Суды, рассматривая дела данной категории, также сталкиваются с трудностями в определении существенных обстоятельств, влияющих на правильное разрешение спора. Зачастую рассмотрение дела завершается только на уровне Верховного Суда РФ и сопровождается отменами состоявшихся решений.

По мнению Президиума Верховного Суда Российской Федерации [3] к административной ответственности по части 2 статьи 8.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях может быть привлечен орган публичной власти, к компетенции которого отнесено управление земельным участком (в рассматривавшемся деле – земли сельскохозяйственного назначения) за невыполнение установленных требований и обязательных мероприятий по улучшению, защите земель и охране почв от ветровой, водной эрозии и предотвращению других процессов и иного негативного воздействия на окружающую среду, ухудшающих качественное состояние земель. На земельном участке присутствовал многочисленный мусор (обломки шифера, старые покрышки, ветошь и т.д.), а также обильная сорная растительность. Комитету по управлению имуществом субъекта РФ было назначено наказание в виде штрафа. Данная позиция приведена в Обзоре судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ. Вынося решение, суд опирался на статью 42 Земельного кодекса РФ, в которой установлены обязанности собственников земельных участков и лиц, не являющихся собственниками земельных участков. Тезис представителя субъекта РФ о том, что орган исполнительной власти субъекта РФ не является землепользователем и хозяйствующим субъектом, не осуществляет предпринимательскую деятельность по использованию земель сельскохозяйственного назначения, наделен полномочиями властно-

распорядительного характера, не послужил аргументом к отмене состоявшихся решений. В данном случае инициативу в привлечении к административной ответственности проявил Россельхознадзор, который осуществляет надзор за землями сельскохозяйственного назначения.

В поиске ответственных за свалки в лесах актуальный тезис высказан в особом мнении судьи Конституционного Суда Российской Федерации А.Н. Кокотова [2], согласно которому обязанность по очистке лесных участков от несанкционированных свалок лежит, в частности, и на их собственниках (в рассматриваемом случае - на Российской Федерации).

Однако данная позиция не поддержана при рассмотрении дела А75-12975/2019, когда земли лесного фонда, находящиеся в федеральной собственности, подверглись захламлению. Восьмой арбитражный апелляционный суд [4] рассматривая дело по иску администрации города Сургута к Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре о взыскании убытков в виде расходов администрации на ликвидацию несанкционированных свалок твердых бытовых отходов на землях лесного фонда пришел к выводу о том, что выполнение администрацией во исполнение судебного акта работ по устранению несанкционированной свалки на землях лесного фонда имело место в интересах Ханты-Мансийского автономного округа - Югры, в связи с чем автономный округ сберег плату за выполнение работ по устранению несанкционированной свалки на землях лесного фонда. На основании данного судебного решения с субъекта РФ в пользу муниципального образования взысканы средства, затраченные на ликвидацию свалки в лесном фонде. Первоначально по иску прокурора города Сургута к администрации города Сургута суд обязал администрацию устранить нарушения природоохранного законодательства, а именно: произвести сбор, вывоз и утилизацию бытовых и промышленных отходов, расположенных на территории участка лесного фонда.

Необходимо отметить, что государственная программа Российской Федерации «Охрана окружающей среды» [5] указывает следующие задачи государственного управления в данной сфере:

- недопущение образования объектов накопленного вреда окружающей среде;
- ликвидация несанкционированных свалок в границах городов;
- комплекс работ по контролю в области охраны окружающей среды и природопользования, направленных на выявление и ликвидацию несанкционированных свалок;
- ликвидация наиболее опасных объектов накопленного вреда окружающей среде.

Однако действенного механизма, обеспечивающего решение этих задач, на мой взгляд, пока не создано. Фактическое исключение из этой работы уполномоченных органов исполнительной власти в сфере лесных отношений не способствует решению поставленных задач.

Решению проблемы со свалками в лесах, на мой взгляд, может способствовать следующее. Усилия двух ведомств в сфере охраны окружающей среды и в сфере лесных отношений должны быть объединены. Обязанности по выявлению объектов накопленного вреда окружающей среде в лесном фонде должны быть зафиксированы в Лесном кодексе РФ как федеральные, полномочия по их исполнению целесообразно передать субъектам Российской Федерации. Перечень таких объектов должен быть утвержден по каждому субъекту РФ с разбивкой по каждому лесничеству, нанесением данных на картографическую основу. Соответственно расходы на финансирование по ликвидации таких свалок, следуя основному тезису судов об ответственности собственника участка, должны быть предусмотрены федеральным бюджетом.

Список использованных источников:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.10.2015 № 26-П «По делу о проверке конституционности пункта 24 части 1 статьи 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой администрации муниципального образования «Североуральский городской округ».
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2016 № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 18 части 1 статьи 14 и пункта 14 части 1 статьи 15 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой администрации муниципального образования «Нерюнгринский район».
3. Обзор судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды пункт 26 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.06.2022) не опубликован, источник Консультант Плюс дата обращения 09.09.2022.
4. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 26.08.2021 № 08АП-7853/2021 по делу № А75-12975/2019.
5. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 326 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Охрана окружающей среды»».

6. Постановление Правительства РФ от 13.04.2017 № 445 «Об утверждении Правил ведения государственного реестра объектов накопленного вреда окружающей среде».

7. Постановление Правительства РФ от 04.05.2018 № 542 «Об утверждении Правил организации работ по ликвидации накопленного вреда окружающей среде».

8. Постановление Правительства РФ от 25.12.2019 № 1834 «О случаях организации работ по ликвидации накопленного вреда, выявления и оценки объектов накопленного вреда окружающей среде, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»

9. Постановление Правительства РФ от 03.04.2021 № 542 «Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также о признании утратившими силу отдельных положений постановления Правительства Российской Федерации от 17 июля 2019 г. № 915».

10. Паспорт национального проекта «Национальный проект «Экология» (утв. Минприроды России, не опубликован, источник Консультант Плюс дата обращения 08.09.2022).

11. Приказ Минприроды России от 29.08.2017 № 470 «О включении объектов накопленного вреда окружающей среде в государственный реестр объектов накопленного вреда окружающей среде».

12. ГОСТ 30772-2001. Межгосударственный стандарт. Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Термины и определения (введен Постановлением Госстандарта России от 28.12.2001 № 607-ст).

13. Постановление Правительства Красноярского края от 09.07.2015 № 353-п «Об утверждении Порядка ведения кадастра отходов производства и потребления Красноярского края».

14. Разъяснение Рослесхоза «По вопросу ликвидации несанкционированных свалок мусора с учетом постановлений Конституционного Суда Российской Федерации» приведен по данным Консультант Плюс в соответствии с публикацией на сайте <http://rosleshoz.gov.ru> по состоянию на 25.01.2019.

УДК 343;34

К ВОПРОСУ О СТАДИЯХ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ (В СОУЧАСТИИ): СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

© П.Л. Сурихин

Сибирский федеральный университет

1. Оценка представлений в науке уголовного права о стадиях совершения преступления.

Традиционно в теории уголовного права выделяется пять криминологических и три, из них, уголовно-правовых стадии совершения преступления:

- 1) формирование умысла;
- 2) обнаружение умысла;
- 3) приготовление к преступлению;
- 4) покушение на преступление;
- 5) оконченное преступление [9, с. 162; 10, с. 194-195].

Обычно утверждается, что первые две стадии (исключительно криминологические) не имеют уголовно-правового значения, и деятельность на этих стадиях не влечет уголовную ответственность. На этой общепризнанной позиции стоит как уголовно-правовая доктрина, так и правоприменительная практика.

Сказанное в полном объеме подтверждается положениями гл. 6 УК РФ «Неоконченное преступление».

Вместе с тем, рассматриваемый институт всегда был и остается предметом научных дискуссий, исследователи предлагают самые разные уголовно-правовые модели стадийности преступления [3; 6], но в них можно усмотреть общую тенденцию: стадийность совершения преступления объективно значительно сложнее общепринятого в науке представления о ней, законодательная модель неоконченного преступления признается лишь частью уголовно-правовых стадий совершения преступления, практически количество уголовно-правовых стадий совершения преступления больше чем три.

Например, В.Н. Некрасов так описывает, на наш взгляд, весьма убедительные результаты научных исследований А.П. Козлова: «Автор различает следующие стадии совершения преступления с прямым умыслом:

- возникновение замысла;
- обнаружение замысла;

- создание условий;
- исполнение преступления.

К видам неоконченного преступления А.П. Козлов относит приготовление к преступлению, покушение на преступление и добровольный отказ от совершения преступления» [6, с. 19].

Сам В.Н. Некрасов, вполне обоснованно, выделяет следующие «стадии совершения преступления:

- обнаружение умысла;
- создание условий (на данной стадии образуется приготовление к преступлению);
- частичное совершение действия (на данной стадии образуется неоконченное покушение);
- полное совершение действия (на данной стадии образуется оконченное покушение);
- наступление общественно опасных последствий (на данной стадии образуется оконченное преступление)» [6, с. 21].

Данный автор считает, что «имеет смысл признать существование и стадии обнаружения умысла, которая хотя и не имеет самостоятельного уголовно-правового значения, но тем не менее позволяет раскрыть сущность преступления при его формировании, а также определить степень его общественной опасности» [6, с. 22].

Заслуживает внимание исследование О.В. Ермаковой, результаты которого предполагают весьма сложную, тем не менее, достаточно последовательную конструкцию стадий совершения преступления. Кратко ее можно описать так, цитируем в сокращенном варианте: «Процесс совершения любого преступления начинается с мотивации, которая является первой стадией его совершения. Мотивация сменяется второй стадией – планированием, которое предполагает две возможные формы осуществления:

- 1) мысленная, заключающаяся в обдумывании, представлении преступления;
- 2) деятельностная, предполагающая совершение конкретных действий, например, составление планов, схем, осмотр местности и т.д.

Стадия планирования предусматривает принятие решения, что означает постановку цели, на достижение которой направлен будущий поступок, выбор объекта посягательства.

Последней стадией является исполнение преступления, которое состоит из следующих этапов:

- 1) совершение конкретного деяния;

2) наступление преступного результата» [3, с. 90].

Видно, синтезированные модели представляют собой результат обобщения значительного массива эмпирического материала, тем не менее, нами замечено, что стадии совершения преступления обычно исследуются обособленно от института соучастия в преступлении, модели предполагают единоличное совершение преступления. На наш взгляд в силу данного обстоятельства становится заведомо невозможным построение полной модели стадий совершения преступления. Более того, при таком подходе исследователи не обращают внимание на некоторые доказательства полной модели в положениях самого УК РФ.

2. Описание полной модели стадий совершения преступления.

Прежде всего опишем метод, которым мы пользуемся в нашем исследовании – это системный анализ, его суть: описание явления, в нашем случае стадий совершения преступления, на основе функциональной модели системы и последующий анализ, уже системы стадий совершения преступления, исходя из общих закономерностей функционирования характерных для любой системы [2; 8].

Система (ее функциональная модель), как совокупность объединившихся элементов, всегда обладает рядом обязательных признаков: цель, органы управления, органы исполнения, вход, выход, связи между этими элементами [2]. Функциональную модель системы стадий совершения преступления в соучастии, на основе данных признаков системы, а также функций соучастников преступления, описанных в ст. 33 УК РФ «Виды соучастников преступления», можно представить следующим образом:

1. Цель – будущий желаемый результат преступной деятельности, предполагаемый подстрекателем, который формируется им в сознании потенциальных соучастников преступления.

2. Орган управления – организатор, управляет процессом приготовления и непосредственного совершения преступления, а также другими действиями в последующем.

3. Орган исполнения – исполнитель совершает действия, непосредственно направленные на получение преступного результата, а также иную деятельность на последующих этапах.

4. На входе системы будет находиться охраняемое УК РФ общественное отношение.

5. На выходе системы – преступление, предусмотренное соответствующей статьей УК РФ.

Пособник при этом может оказывать содействие практически любому другому соучастнику.

Если данную функциональную модель развернуть в более привычный для нас, юристов, прямолинейный процесс обеспечивающий преступный результат, то, в соответствии со ст. 29 УК РФ «Оконченное и неоконченное преступления», ст. 30 УК РФ «Приготовление к преступлению и покушение на преступление», и опираясь на ст. 33 УК РФ «Виды соучастников преступления», можно выделить следующий ряд стадий совершения преступления (как мы их понимаем – этапов преступной деятельности, которые характеризуются своими активными и пассивными участниками, особым набором действий, специальной задачей, обеспечивающей достижение общей преступной цели):

- 1) формирование цели преступления,
- 2) обнаружение цели преступления,
- 3) приготовление к реализации цели преступления,
- 4) реализация преступного замысла, обеспечивающего достижение преступной цели,
- 5) получение преступного результата,
- 6) сокрытие следов преступления,
- 7) использование результатов преступной деятельности.

Если рассматривать ситуацию совершения преступления в соучастии максимально полно и просто:

- 1) подстрекатель будет осуществлять преступную деятельность на 1-й и 2-й стадиях,
- 2) организатор – на 3-й,
- 3) исполнитель – на 4-й и 5-й,
- 4) пособник совместно с другими соучастниками на 1-й, 2-й, 3-й, 6-й и 7-й.

Процессный подход, как общее свойство систем, наглядно демонстрирует тот факт, что использование положений о соучастии в преступлении при описании стадий совершения преступления объективно увеличивает их общепринятое юридически значимое число. Преступлением, таким образом, по УК РФ в рамках одного состава преступления может быть признана деятельность как до совершения общественно-опасного деяния, так и после наступления общественно опасных последствий, т.е. до 4-й и после 5-й стадий. Судебная практика тому подтверждение, например, по делам об убийстве вся деятельность соучастников организованной группы, независимо от юридической роли, признается деятельностью как бы в рамках объективной стороны (они признаются соисполнителями) [1; 4; 5; 7, с. 17], заметим, что стадии преступления описывают именно признаки объективной стороны.

Обнаруженная стадийность совершения преступлений будет вполне применима, с некоторыми оговорками, и для случаев единоличного совершения преступления. Например, если невозможно привлечь к уголовной ответственности исключительно за мыслительную деятельность, характерную в случае единоличного совершения преступления для 1-й и 2-й стадий, то в судебной практике, в частности кража, признается оконченной только на 7-й стадии, когда появляется у виновного реальная возможность распорядиться похищенным по своему усмотрению [7, с. 38], а не на 5-й, как это обычно принято считать.

Более того, деятельность на 1-й и 2-й стадиях в случае единоличного совершения преступления вполне заслуживает внимание следственно-судебных органов – кто-то же формирует преступнику идею о совершении преступления, помогает ему обнаружить ее в своем сознании. Но обычно эти факты не подвергаются квалификации как подстрекательство к совершению преступления, наверно за исключением случаев совершения преступления несовершеннолетними, когда закон прямо предусматривает их квалификацию, по ст. 150 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления».

И уже совсем необычным, требующим самостоятельного исследования, является тот факт, что в предложенную нами стадийность совершения преступления укладываются и некоторые неосторожные преступления. Тем не менее, доказательства этого находятся в тексте УК РФ, например, преступление, предусмотренное ст. 264 УК РФ, прямо предполагает деятельность на 3-й стадии – предварительное употребление алкоголя, и в этой же норме предполагается деятельность на 6-й стадии – преступник скрывается с места происшествия после причинения вреда здоровью или жизни. Отметим, что наше утверждение не будет столь экстравагантным если ознакомиться с результатами исследований О.В. Ермаковой: «стадии присущи любому механизму совершения деяния (умышленному, неосторожному, совершаемому путем действия или путем бездействия). Однако отдельные стадии в механизме могут отсутствовать (например, в преступлениях, совершаемых по неосторожности, не происходит планирование). Поэтому можно сделать вывод, что каждое преступное деяние обладает различным набором стадий» [3, с. 91].

3. Выводы:

1) доктринальная тенденция расширения числа стадий совершения преступления, имеющих уголовно-правовое значение, по-нашему мнению является верной;

2) стадии совершения преступления объективно обусловлены процессами деятельности человека (соучастников) как системы;

3) максимально полно стадийность преступной деятельности может быть наглядно раскрыта при анализе соучастия в преступлении;

4) процесс совершения преступления заключен в рамки семи юридически значимых стадий: формирование цели преступления; обнаружение цели преступления; приготовление к реализации цели преступления; реализация преступного замысла, обеспечивающего достижение преступной цели; получение преступного результата; сокрытие следов преступления; использование результатов преступной деятельности;

5) все семь стадий прямо или косвенно описаны в положениях УК РФ;

6) практика ВС РФ исподволь придерживается сформулированной стадийности совершения преступления, что подтверждает объективность последней.

Список использованных источников:

1. Алексеев, С.В. Практика квалификации группового преступления и соучастия в преступлении / С.В. Алексеев // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2010. – № 9 (190). – С. 51-56.

2. Гайдес, М.А. Общая теория систем (системы и системный анализ) / М.А. Гайдес – 2005. – Режим доступа: <http://www.хаос.ru>.

3. Ермакова, О. В. Проблемы определения стадий совершения преступления / О.В. Ермакова // Алтайский юридический вестник. – 2017. – № 4(20). – С. 88-92.

4. Иванов, Н.Г. Группа и ее интерпретация в решениях Верховного Суда РФ / Н.Г. Иванов // Уголовное право. – 2014. – № 1. – С. 32-36.

5. Иванов, Н.Г. Категории «соучастие» и «группа» в решениях Верховного Суда РФ (вновь о наболевшем) / Н.Г. Иванов // Уголовное судопроизводство. – 2019. – № 1. – С. 42-48.

6. Некрасов, В. Н. Соотношение понятий «неоконченное преступление» и «стадии совершения преступления» / В.Н. Некрасов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2011. – № 4(16). – С. 18-23.

7. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации / сост. А.Г. Хлебушкин. – М., 2020. – 464 с.

8. Сурмин, Ю. П. Теория систем и системный анализ: учеб. пособие / Ю.П. Сурмин. – Киев: МАУП, 2003. – 368 с.

9. Уголовное право Российской Федерации: Общая часть: учебник / под ред. А.И. Марцева. – М., 2006. – 408 с.

10. Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавров / отв ред. А.Н. Тарбагаев. – М., 2016. – 448 с.

УДК 343.34

ОБ ОБЩИХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ СТАНДАРТАХ ПОВЕДЕНИЯ ДЕПУТАТОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

© К.С. Сухарева

Сибирский федеральный университет

Представительный орган муниципального образования «по своей правовой природе наиболее ярко отражает принцип народовластия и социальное предназначение местного самоуправления» [2]. Обязательность наличия представительного органа в структуре органов местного самоуправления, а также его конституционно-правовое предназначение обусловлены особой ролью выборного (представительного) органа муниципального образования в организационном механизме муниципальной власти [6]. «Являясь выборными, сменяемыми и коллегиальными органами власти, они выполняют функцию народного представительства на уровне местного самоуправления и в соответствии с этим обеспечивают формирование, аккумуляцию и юридическое выражение сбалансированных посредством “парламентской” процедуры интересов различных социальных групп в структуре населения муниципального образования, интегрируют население в единое местное сообщество» [5]. Как представитель граждан в органах местного самоуправления «депутат представительного органа муниципального образования аккумулирует полномочия для решения первичных, наиболее важных вопросов жизнеобеспечения (медицина, образование, жилищно-коммунальное хозяйство и др.), выражая интересы жителей как своего избирательного округа, так и всего муниципального образования» [8, с. 24.].

Рассматривая полномочия представительного органа муниципального образования, в статье 35 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской

Федерации» (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ) законодатель закрепил его исключительную компетенцию:

принятие устава муниципального образования и внесение в него изменений и дополнений;

утверждение местного бюджета и отчета о его исполнении;

установление, изменение и отмена местных налогов и сборов в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах;

утверждение стратегии социально-экономического развития муниципального образования и др.

Представительный орган муниципального образования может осуществлять и иные полномочия, которые установлены федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними конституциями (уставами), законами субъектов Российской Федерации, уставами муниципальных образований.

В целях реализации полномочий представительного органа депутат может осуществлять свою деятельность в различных формах. Например, быть членом постоянных или временных комиссий представительного органа, направлять запросы в различные органы и (или) должностным лицам, выступать на сессиях представительного органа, вносить предложения и др. Несмотря на отсутствие законодательно закреплённого перечня форм деятельности депутата, основные из них, как правило, установлены в нормативных правовых актах муниципального образования.

Широкий спектр полномочий позволяет депутатам оказывать влияние на процесс принятия того или иного решения или на его результат, что создает риски возникновения коррупционного поведения. Для предупреждения коррупционных рисков в отечественном законодательстве активно формируются и совершенствуются антикоррупционные стандарты поведения. Данные стандарты содержат не только нормативные предписания, регламентирующие поведение лиц, замещающих муниципальные должности в коррупциогенных ситуациях, но и служат нормативно-этическим ориентиром при выборе обоснованной антикоррупционной модели поведения [1, с. 89].

В литературе отмечается, что «как научная категория антикоррупционные стандарты еще находятся на стадии научно-практического осмысления» [1, с. 88], поэтому и вопрос о структуре стандартов также является дискуссионным. Вместе с этим важно подчеркнуть, что законодатель, как следует из пункта 5 статьи 7 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Федеральный закон № 273-ФЗ), определяет введение антикоррупционных стандартов как установление для соответствующей области

деятельности единой системы запретов, ограничений и дозволений, обеспечивающих предупреждение коррупции в данной области, и относит к основным направлениям деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции.

Антикоррупционные стандарты поведения депутатов представительных органов муниципальных образований закреплены в части 7 статьи 40 Федерального закона № 131-ФЗ и статье 12.1 Федерального закона № 273-ФЗ.

В соответствии частью 5 статьи 40 Федерального закона № 131-ФЗ депутат может осуществлять свои полномочия как на постоянной, так и на непостоянной основе. В части 7 статьи 40 Федерального закона № 131-ФЗ содержится небольшой перечень антикоррупционных стандартов поведения, которые обязаны соблюдать только депутаты, осуществляющие свои полномочия на постоянной основе. В частности, депутат, осуществляющий свои полномочия на постоянной основе, не вправе:

- заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц;
- участвовать в управлении коммерческой или некоммерческой организацией, за исключением случаев, установленных законом;
- заниматься иной оплачиваемой деятельностью, за исключением преподавательской, научной и иной творческой деятельности;
- входить в состав органов управления, попечительских или наблюдательных советов, иных органов иностранных некоммерческих неправительственных организаций и действующих на территории Российской Федерации их структурных подразделений, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации или законодательством Российской Федерации.

Анализ положений части 7.1 статьи 40 Федерального закона № 131-ФЗ позволяет сделать вывод, что законодатель возлагает на депутатов, осуществляющих свои полномочия как на постоянной, так и на непостоянной основе, обязанность по соблюдению ограничений, запретов, исполнению обязанностей, которые установлены Федеральным законом № 273-ФЗ и другими федеральными законами. В случае несоблюдения указанной обязанности полномочия депутата могут быть прекращены досрочно.

В статье 12.1 Федерального закона № 273-ФЗ закреплены антикоррупционные стандарты поведения для различных групп лиц, замещающих государственные и муниципальные должности. Согласно пункту 19 статьи 2 Федерального закона № 131-ФЗ к лицам, замещающим муниципальные должности, относятся и депутаты.

В научной литературе в структуре антикоррупционных стандартов поведения выделяют общие и специальные (дополнительные) стандарты [4]. Общие антикоррупционные стандарты поведения закреплены для всех категорий лиц, замещающих должности депутатов представительных органов муниципальных образований (части 2, 4 и 5 статьи 12.1 Федерального закона № 273-ФЗ). К ним относятся:

- запрет замещать государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, иные муниципальные должности, должности государственной или муниципальной службы, если иное не установлено федеральными законами;

- обязанность в установленном порядке представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супругов (супругов) и несовершеннолетних детей;

- обязанность сообщать о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов, а также принимать меры по предотвращению или урегулированию такого конфликта.

В свою очередь, специальные антикоррупционные стандарты поведения распространяются только на депутатов, осуществляющих свои полномочия на постоянной основе (часть 3 статьи 12.1 Федерального закона № 273-ФЗ). Помимо тех ограничений, которые указаны в части 7 статьи 40 Федерального закона № 131-ФЗ, лица, замещающие муниципальные должности и осуществляющие свои полномочия на постоянной основе, если федеральными конституционными законами или федеральными законами не установлено иное, не вправе:

- замещать другие должности в органах государственной власти и органах местного самоуправления;

- быть поверенными или иными представителями по делам третьих лиц в органах государственной власти и органах местного самоуправления, если иное не предусмотрено федеральными законами;

- использовать в неслужебных целях информацию, средства материально-технического, финансового и информационного обеспечения, предназначенные только для служебной деятельности;

- получать гонорары за публикации и выступления в качестве лица, замещающего государственную должность Российской Федерации, государственную должность субъекта Российской Федерации, должность главы

муниципального образования, муниципальную должность, замещаемую на постоянной основе;

- получать в связи с выполнением служебных (должностных) обязанностей не предусмотренные законодательством Российской Федерации вознаграждения (ссуды, денежное и иное вознаграждение, услуги, оплату развлечений, отдыха, транспортных расходов) и подарки от физических и юридических лиц;

- принимать вопреки установленному порядку почетные и специальные звания, награды и иные знаки отличия (за исключением научных и спортивных) иностранных государств, международных организаций, политических партий, иных общественных объединений и других организаций;

- выезжать в служебные командировки за пределы Российской Федерации за счет средств физических и юридических лиц, за исключением служебных командировок, осуществляемых в соответствии с законодательством Российской Федерации, по договоренностям государственных органов Российской Федерации, государственных органов субъектов Российской Федерации или муниципальных органов с государственными или муниципальными органами иностранных государств, международными или иностранными организациями;

- разглашать или использовать в целях, не связанных с выполнением служебных обязанностей, сведения, отнесенные в соответствии с федеральным законом к информации ограниченного доступа, ставшие им известными в связи с выполнением служебных обязанностей.

Очевидно, что число антикоррупционных стандартов поведения депутатов, осуществляющих свои полномочия на постоянной основе, значительно больше. Вместе с тем необходимо отметить, что законодатель наделяет полномочиями представительный орган муниципального образования в целом, а не отдельного депутата. Следовательно, объем полномочий и наличие возможности для злоупотребления ими у депутатов равные, вне зависимости от основы замещения муниципальной должности.

Важно отметить и тот факт, что объем полномочий депутата может быть увеличен в случае замещения последним должности в представительном органе муниципального образования. Согласно части 20 статьи 2 Федерального закона № 131-ФЗ к таким должностям относятся: председатель представительного органа муниципального образования, его заместитель (заместители), председатель постоянной и временной комиссии (комитета) и его заместитель (заместители), депутат, замещающий иные должности в представительном органе муниципального образования в соответствии с уставом муниципального образования.

В отличие от сельских поселений, в большинстве городских поселений и округов, муниципальных округов и районов председатель представительного органа и его заместитель осуществляют свои полномочия на постоянной основе.

Правовые и организационные основания осуществления депутатом своих полномочий в постоянных и временных комиссиях (комитетах) закрепляются в локальных актах представительного органа соответствующего муниципального образования. Осуществлять деятельность в рамках комиссий (комитетов) депутаты могут вне зависимости от основы осуществления своих полномочий.

Вместе с этим на депутатов как на членов той или иной комиссии (комитета) возлагаются дополнительные полномочия, при реализации которых могут возникнуть ситуации, способствующие формированию у них коррупционного поведения. В качестве примера таких полномочий приведем некоторые положения статьи 8 Регламента Красноярского городского Совета депутатов, утвержденного решением Красноярского городского Совета депутатов от 25.09.2007 № 14-340 [7], устанавливающие полномочия постоянных комиссий, образуемых городским Советом, с учетом вопросов, отнесенных к их компетенции:

- предварительно рассматривают проекты правовых и иных актов городского Совета и при необходимости, а также в случаях, предусмотренных решениями городского Совета, дают заключения по ним;

- в пределах компетенции городского Совета осуществляют контроль за соблюдением решений городского Совета в соответствии с профилем своей деятельности, в том числе контролируют деятельность администрации города Красноярска (далее – администрация города) по исполнению бюджета города и распоряжению имуществом, находящимся в собственности города;

- дают заключения об эффективности использования администрацией города средств бюджета города и иного имущества, находящегося в собственности города и др.

Составы представительных органов муниципальных образований весьма разнообразны, однако, как правило, большая часть – предприниматели соответствующего муниципального образования или даже субъекта РФ. Замещение муниципальной должности депутата представительного органа на непостоянной основе и осуществление полномочий как члена какой-либо комиссии (комитета) представительного органа позволяет не только получать доступ к информации порой ограниченного характера и использовать ее в личных или корыстных целях, но и лоббировать интересы иных лиц. «Состояние отечественной системы антикоррупционных мер, их законодательное регулирование, правоприменительная и судебная практика, позволяют указать

на недостаточность разработанных и применяемых мер с точки зрения получения социально значимых результатов противодействия коррупции» [3, с. 63].

Представленный анализ антикоррупционных стандартов поведения депутатов представительных органов муниципальных образований позволяет сделать вывод о том, что закрепление настолько разного объема антикоррупционных обязанностей, запретов и ограничений в зависимости от замещаемой основы (штатной или нештатной) является недостаточно обоснованным. По нашему мнению, такие различия должны быть минимальными, поскольку вне зависимости от основы осуществления полномочий при голосовании депутаты имеют равные права, а значит должны иметь и равные антикоррупционные обязанности, запреты и ограничения.

Список использованных источников:

1. Антикоррупционные меры безопасности : монография / под ред. Н. В. Щедрина, И. А. Дамм. М.: Проспект, 2020. 496 с.
2. Багмет, А.М., Бычкова, Е.И. К вопросу о совершенствовании института представительного органа муниципального образования // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 3. С. 69–72.
3. Воронцов, С.А. О совершенствовании мер, направленных на профилактику коррупционных правонарушений // Профессиональное образование и наука. 2019. № 4. С. 61–64.
4. Дамм, И.А. Антикоррупционные стандарты поведения лиц, осуществляющих управленческие функции в образовательной организации // Право и политика. 2017. № 12. С.14-26.
5. Джагарян, А.А. Представительный орган в системе муниципальной представительной демократии: некоторые вопросы правового статуса / А.А. Джагарян, Н.В. Джагарян // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 33. С. 16–26.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.06.2014 № 19-П «По делу о проверке конституционности положений части 18 статьи 35 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации", пункта 4 статьи 10 и пункта 2 статьи 77 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" и пункта 3 статьи 7 Закона Ивановской области "О муниципальных выборах" в связи с

жалобой граждан А.В. Ерина и П.В. Лебедева» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://consultant.ru>.

7. Решение Красноярского городского Совета депутатов от 25.09.2007 № 14-340 «О Регламенте Красноярского городского Совета депутатов» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://consultant.ru>.

8. Упоров, И.В., Грицай, В.В., Звягольский, А.Ю., Эфрикян, Р.А. Полномочия депутата представительного органа муниципального образования: проблемы правового регулирования и реализации : монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 199 с.

УДК 340.1:342.7

ФОРМЫ КОНСТРУКТИВНОГО ДИАЛОГА ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

© И.В. Тепляшин

Сибирский федеральный университет

В современной России осуществляется системное и последовательное развитие демократии. В национальной правовой системе демократические процессы характеризуются определенной динамичностью и апробацией новых форм и средств общественной организации. При этом конструктивный диалог между гражданским обществом и государством выступает определенным залогом развития соответствующих технологий в сфере демократии, актуализации практики публичной деятельности граждан и их объединений, совершенствования законодательства, устанавливающего права граждан на управление делами государства.

В свою очередь конституционная реформа 2020 года послужила основанием для претворения в правовую жизнь востребованных идей и организационно-правовых решений со стороны российского законодателя, исполнительных органов власти и юридической науки. В Конституции Российской Федерации предложены направления формирования и развития правовой политики в сфере защиты исторической правды (ст. 67.1), культуры, как уникального наследия многонационального народа (ст. 68), молодежной политики (ст. 72), взаимного доверия государства и общества, политической и социальной солидарности (ст. 75.1), введены понятия – гражданское общество, добровольческая (волонтерская) деятельность (ст. 114). В силу этого,

необходимо признать существенную роль Конституции России в регулировании демократических отношений и отметить ее преимущественное значение в реформировании публичной власти, укреплении принципов демократии, создании условий для широкого участия граждан и общества в управлении государственными делами. Именно потенциал Конституции России способен обеспечить передовым общественным структурам возможность принимать участие в наиболее важных сферах и направлениях российской государственно-правовой жизни.

При этом конструктивный диалог государства и гражданского общества характеризуется устойчивостью и системностью реализации конституционно-правовых средств, качественной правовой деятельностью государственных и негосударственных структур, обеспечивающих осуществление взаимных социально полезных стремлений и интересов, отвечающих требованиям Конституции Российской Федерации и законодательства, при непосредственном действии принципов законности, правопорядка, основ демократии и соблюдении прав и свобод человека и гражданина. В целом такое взаимодействие осуществляется в самых различных сферах и ориентировано на многосторонние задачи. Основные сферы: политика, идеология, экономика, финансовая и налоговая сферы, миграция, образование, медицина, экология, национально-культурные отношения и пр. Приоритетные задачи: реализация консолидированных интересов общества, поддержание национальной безопасности, снижение уровня преступности и экстремизма, эффективное противодействие коррупции, защита соотечественников за рубежом, формирование государственных и общественных структур с учетом мнения большинства, создание условий для широкого участия граждан в управлении делами государства и др.

Представляется, что формы организационно-правового и политического диалога государства и гражданского общества можно разбить на соответствующие группы.

Основные формы: демократические выборы, референдум, обращения граждан, публичные мероприятия (собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования), создание объединений и профессиональных союзов. При этом в специальной литературе справедливо отмечается, что избирательное право и выборы, со одной стороны, являются наиболее динамично развивающимися институтами, и с другой стороны, не всегда демонстрируют обоснованность с точки зрения адекватного соответствия политическим процессам и интересам народа [1, с. 20]. К основной форме рассматриваемого диалога государства и общества также относится местное самоуправление как

форма непосредственной демократии, предусматривающая общие (выборы, референдум) и специальные средства, способы демократии (конференция граждан, отзыв депутатов, правотворческая инициатива). В свою очередь, стоит согласиться с тем, что применительно к местному самоуправлению сегодня важно не снизить демократический потенциал и его функции, связанные с решением вопросов местного значения со стороны народа, особенно в контексте включения этого института в единую систему публичной власти [2, с. 89-91].

Вспомогательные формы: отзыв депутатов представительных органов власти, факультативный референдум (опрос), общественная законодательная инициатива. Указанные формы реализуются в отдельных субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях. При этом в некоторых регионах присутствуют достаточно редкие формы демократии. Например, в Республике Ингушетия конституционно закреплён и действует Съезд народа Ингушетии, который является органом народного представительства, обеспечивающий взаимодействие общества, органов государственной власти и органов местного самоуправления в целях эффективного управления процессами духовного и социально-экономического развития республики и в интересах его населения. Помимо главы республики, депутатского корпуса Съезд включает представителей общественных объединений, религиозных конфессий, творческих союзов деятелей культуры и искусства, а также граждан. Главная задача Съезда – рассмотрение вопросов, затрагивающих интересы населения республики, определение и вынесение на этой основе предложений и рекомендаций. В специальной литературе подчеркивается фактическая уникальность подобного общественного института, хотя и обращается внимание на необходимость совершенствования данного представительного совещательного органа [3, с. 48-49]. Представляется, что юридической науке, общественности, законодателю, правоприменителю следует серьезно отнестись к развитию данного института и в возможном экспериментальном формате, распространить подобную практику на уровне наиболее крупных субъектов Российской Федерации.

Кроме этого, к вспомогательным формам конструктивного диалога государства и гражданского общества можно отнести достаточно активно реализуемый на практике институт общественного контроля [4, с. 3-5], который, тем не менее, нуждается в более интенсивном конституционно-правовом сопровождении.

Перспективными формами выступают: наказания избирателей, обязательные отчеты депутатов перед избирателями, поручительство физических и

юридических лиц. При этом практика реализации представленных демократических инструментов имела место в советской правовой системе, а также реализуется в некоторых субъектах современной России.

Можно говорить о том, что представленные демократические формы взаимодействия государства и общества могут приобрести конструктивный характер при наличии соответствующих факторов, под которыми следует понимать систему общих и специальных условий, обстоятельств, влияющих на качество деятельности участников демократических отношений, обуславливающих системность, последовательность и результативность каждой формы демократии, определяющих их место в системе гражданского общества и функционирования государственного механизма. В свою очередь факторы следует подразделить на общие и специальные.

Общие факторы обусловлены состоянием безопасности и стабильным развитием политических, экономических, идеологических, социально-культурных общественных отношений в стране.

Специальные факторы определяются конкретными мерами и средствами организационно-правового и управленческого характера.

В зависимости от целевого воздействия. Позитивные, способствующие повышению качества и эффективности форм демократии, например, наличие специальных знаний, умений, опыта, высокой правовой активности избирателей; качественное состояние российского законодательства в сфере государственно-частного партнерства; интенсивность законотворческой работы, направленной на устранение пробелов и коллизий в избирательном законодательстве; надлежащее информационное сопровождение новых демократических технологий со стороны как государственных так негосударственных средств массовой информации.

Негативные факторы, соответственно, снижающие результативность, действенность демократических процедур, либо препятствующие их развитию. К таким факторам можно отнести отсутствие должных стимулов и гарантий для граждан, участвующих в соответствующих демократических мероприятиях, высокий уровень коррупционной составляющей в управленческих структурах, излишняя политическая ангажированность субъектов, реализующих свои интересы посредством форм демократии и др.

По степени влияния на состояние демократии: основные (прямые), к числу которых, следует отнести системную реализацию общественных инициатив, сотрудничество общественных формирований с правоохранительными органами, высокий уровень конституционного правопорядка [5, с. 53-57], широкое использование интернет-технологий и информационных инноваций и

пр., и опосредованные факторы, заключающиеся, например, в эффективности государственного управления в целом, что определяется успешным достижением государственными органами социально полезных целей, реализацией принятых ими решений, динамикой конечных результатов, связанных с обеспечением безопасности личности, общества, государства [6, с. 50-51].

По механизму формирования. Объективные, обусловленные системностью научно-исследовательской работы в сфере демократии и конституционного строя, эффективности антикоррупционного законодательства, развитостью форм и средств социальной коммуникации, наличием конструктивных организационно-правовых механизмов взаимодействия общественных структур и государства, материально-техническим оснащением общественных институтов, организационной развитостью общественных структур и др. Субъективные факторы зависят от состояния правосознания и правовой культуры российского общества, солидарности общественных структур, уровня доверия общества и государства.

В заключении важно отметить ключевую роль конституционно-правового сопровождения основных, вспомогательных и перспективных форм демократии, как фундаментальной основы дальнейшего развития конструктивного диалога государства и общества. Стоит надеяться, что сегодня благодаря процессу широкого общественного обсуждения конституционных предложений возникают новые перспективы и формы политико-правового сотрудничества субъектов публичных отношений.

Список использованных источников:

1. Авакьян С.А. Проблемы обеспечения конституционных публично-политических прав и свобод граждан Российской Федерации: новые реальности // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2017. № 1. С. 3-34.
2. Михеева Т.Н. «Обновленная модель» местного самоуправления // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 88-93.
3. Гагиев А.К. Конституционные органы народного представительства в субъектах Российской Федерации (на примере Республики Ингушетия) // Российская юстиция. 2015. № 12. С. 47-49.
4. Гриб В.В. Проблемы и тенденции развития правовых основ общественного контроле: пять лет спустя // Российская юстиция. 2019. № 9. С. 2-6.

5. Безруков А.В., Пунтус С.А. Формирование оптимальной модели сотрудничества общественных формирований с полицией в сфере обеспечения конституционного правопорядка в России // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 51-59.

6. Миронов А.Л. Факторы, влияющие на эффективность государственного управления // Закон и право. 2015. № 11. С. 49-54.

УДК 343.85

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАРКОСИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

© П.В. Тепляшин

Сибирский юридический институт МВД России

Юридический институт Сибирского федерального университета

В связи с продолжающимся формированием более адекватных мер по обеспечению и укреплению национальной, региональной и международной безопасности в регионе ответственно-сти государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ), выработкой и укреплением необходимых ориентиров и исторически апробированных форм союзнических отношений в сфере противодействия транснациональным нарковывозам и угрозам, расширением обмена опытом и информацией между компетентными органами государств – членов ОДКБ и аналогичными органами других стран изучение наркоситуации в государствах, расположенных в Центрально-Азиатском регионе, крайне необходимо.

Изучив наркоситуацию в соответствующем регионе в 2021 году, можно адекватно оценить возможности, правовой потенциал и имеющиеся правоохранительные резервы в противодействии наркопреступности и формировании эффективной стратегии и тактики борьбы с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ на территории этих стран. При этом под наркоситуацией допустимо понимать «состояние общества, социальных групп с точки зрения количественных и качественных характеристик проявлений наркотизма в определенном месте, времени, отражающее закономерности, тенденции, динамику наркотизма и антинаркотизма» [3, с. 173].

В этой связи особый научный интерес представляет криминологическое исследование наркоситуации в Республике Казахстан, которая выступает одним из государств-членов ОДКБ, граничит с территорией Российской Федерации и выступает её активным союзником. Также важно заметить, что территория Республики Казахстан используется для наркотрафика опиоидных наркотиков афганского происхождения в Российскую Федерацию по так называемому «северному» маршруту – через Республику Таджикистан, затем территории республик Кыргызстан и Казахстан. Кроме того, с территории Республики Казахстан осуществляется поставка в Российскую Федерацию марихуаны [1, с. 157], что в том числе должно выступать предметом научного анализа.

Криминологический анализ наркоситуации в Республике Казахстан в 2021 году осуществлен на основе информации, представленной компетентными органами государства (Аналитический обзор о наркоситуации в Республике Казахстан за 2021 год). Данное исследование может способствовать научному осмыслению перспектив реализации мер по обеспечению, оптимизации и укреплению национальной, региональной и международной безопасности в Центрально-Азиатском регионе, укрепления необходимых ориентиров и практически апробированных форм союзнических отношений в сфере противодействия транснациональным нарковывозам и угрозам, расширения обмена опытом и информацией между компетентными органами государств – членов ОДКБ и аналогичными органами других стран. Осмысление данного опыта позволит еще более адекватно подойти к оценке возможностей, правового потенциала и имеющихся правоохранных резервов в противодействии региональной наркопреступности.

Энергичное противодействие наркопроизводству, наркоторговле, наркотрафику, наркопритонам и другим формам незаконного оборота наркотиков относится к числу основных приоритетов внутренней и внешней антинаркотической политики в Республике Казахстан.

В стране проводится последовательная государственная антинаркотическая политика, в основе которой лежат Стратегия долгосрочного развития «Казахстан – 2050», Стратегия национальной безопасности, Государственная программа здравоохранения «Денсаулык» на 2020-2025 годы, а также иные программные документы и широкое международное сотрудничество.

Практически каждый государственный орган продолжает активно принимать непосредственное участие в реализации антинаркотической политики в рамках ведомственных стратегических планов. На региональном уровне эти задачи выполняются в формате программ развития территорий.

На комплексную работу в области противодействия наркоугрозам указывает то обстоятельство, что в антинаркотических мероприятиях задействованы средства массовой информации, представители гражданского общества и государственных органов, которые ведут широкомасштабную работу – начиная от реабилитации наркозависимых лиц и заканчивая пропагандой здорового образа жизни.

В соответствии с международными обязательствами продолжает осуществляться работа по укреплению системы государственного контроля за легальным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров. Уже не первый год лицензирование субъектов, деятельность которых связана с оборотом наркотиков, производится в электронном формате.

Продолжает реализовываться политика широкой интеграции и взаимодействия с международными партнерами и другими государствами в противодействии наркомании и наркобизнесу, осуществляется ряд совместных проектов, направленных на совершенствование антинаркотической деятельности государственных органов.

Основными факторами, влияющими на дальнейшее развитие наркоситуации в стране, являются афганская наркоэкспансия, наличие собственной сырьевой базы, распространение синтетических наркотиков и то, что государство в силу географического расположения является страной – транзитером различных наркотиков в ряд других стран, и в первую очередь в Россию. Так, не являясь конечным пунктом поставок афганского героина, Казахстан рассматривается международными наркоиндикатами в качестве транзитной зоны с неизбежным оседанием части транспортируемых наркотиков. Это, как и прежде, – ключевой фактор, негативно влияющий на наркоситуацию в стране.

Кроме того, специалистами обращается внимание на социально-экономические условия. Так, отмечают, что в Казахстане «нерешенные вопросы социально-экономического развития общества, неудовлетворенность условиями и жизнью порождают благодатную среду для поиска молодежью путей ухода от негативной реальности в порочный мир наркомании. Нестабильная социально-экономическая ситуация в регионах является одной из причин, приводящих к распространению негативных явлений – распространению наркомании» [2, с. 51].

Органами внутренних дел выявлены 6850 уголовных наркоправонарушений, в 2020 году – 7374 (-7,1%), в том числе 2384 (в 2020 году – 2148; +11,0%) наркопреступлений. Значительный объем регистрируемых наркопреступлений объясняется расширением оборота синтетических

наркотиков и немедицинского потребления разнообразных психоактивных веществ, в отношении которых не установлены меры контроля, активным использованием наркокриминалом возможностей информационно-телекоммуникационных и иных виртуальных технологий, новейших финансовых инструментов (в частности, криптовалютных инструментов), услуг почтовой и курьерской доставки бандеролей и посылок.

Количество выявленных фактов сбыта увеличилось на 10,1% – с 1304 до 1436 (+132 факта).

Объем изъятых из незаконного оборота наркотиков снизился на 11,8% и составил 13 тонн 801 килограмм 312 граммов (в 2020 году – 15 тонн 640 килограммов 265 граммов). При этом вес изъятого героина увеличился на 15,5% и составил 5 килограммов 299 граммов (в 2020 году – 4 килограмма 586 граммов), что свидетельствует об усилении мер по противодействию транзитному наркотрафику. Из незаконного оборота изъято 142 килограмма 782 грамма синтетических наркотиков (в 2020 году – 106 килограммов 538 граммов), что указывает на усиление мер по противодействию импортируемых наркотиков. При этом синтетические наркотики в большинстве имеют зарубежное происхождение и поступают из Юго-Восточной Азии, а также Китая, России и Европы. Усиление таких мер подтверждает рост фактов выявления контрабанды наркотиков с 97 случаев в 2020 году до 153 в 2021 году.

Ликвидирована деятельность 8 организованных преступных групп в сфере противодействия наркопреступности (в 2020 году – 6). В отношении организаторов и участников возбуждены 16 (в 2020 году – 11) уголовных дел за создание и руководство организованными преступными группами, в рамках которых к уголовной ответственности привлечены 8 лидеров и 45 участников.

Выявлены 407 (в 2020 году – 342) фактов хранения в особо крупном размере наркотических средств, 233 (в 2020 году – 268) фактов культивирования наркосодержащих растений. Ликвидированы 17 (в 2020 году – 8) нарколабораторий.

Пресечены 8 (в 2020 году – 7) фактов организации и содержания притонов для употребления наркотических средств.

Возбуждены 2 (в 2020 году – 2) уголовных дела по факту легализации наркодоходов на сумму свыше 14 миллионов тенге.

Проведены 5 (в 2020 году – 3) внутренних контролируемых поставок наркотических средств. Зарегистрированы 117 (в 2020 году – 106) досудебных производств по ст. 299-1 УК РК («Реклама наркотиков») и 133 – по ст. 297 ч.3 п.5 УК РК («Сбыт наркотиков через Интернет»).

Выявлены более 1600 сайтов, аккаунтов и других ресурсов с контентом, содержащим информацию о распространении наркотических средств и психотропных веществ, информация для принятия решения по их блокированию направлена в компетентные органы.

С участием населения и неправительственных организаций удалены 10121 граффити, содержащих ссылки на интернет-ресурсы по продаже наркотиков.

Выявлены 4466 уголовных проступков (в 2020 году – 5226, -14,5%).

Выявлены 2146 административных наркоправонарушений, что на 28,4% больше по сравнению с 2020 годом. При совершении данных правонарушений осуществляется интенсивное задействование кибертехнологий для удовлетворения спроса на наркотики путем налаживания защищенных способов удаленного предложения на них и реализацию многообразных электронных расчетно-финансовых инструментов, оптимизацию механизмов транснациональной наркопреступности.

С 2019 года Список наркотиков и Сводная таблица дополнялись трижды в общей сложности 115-ю наименованиями веществ. При этом последними поправками (постановление Правительства Республики Казахстан от 27 сентября 2021 года № 677) снижены «криминальные» размеры наиболее опасных видов наркотиков (мефедрона, пировалерона и их аналогов – с 3 до 1 грамма, синтетических каннабинодов – с 50 до 1 грамма и т.д.).

Продолжает реализовываться ряд совместных проектов, направленных на совершенствование антинаркотической деятельности государственных органов. Такое сотрудничество налажено с Управлением ООН по наркотикам и преступности, Организацией Договора о коллективной безопасности, Шанхайской организацией сотрудничества, Организацией экономического сотрудничества, Содружеством Независимых Государств, ОБСЕ, а также Центральноеазиатским региональным информационным координационным центром по борьбе с незаконным оборотом наркотиков (ЦАРИКЦ).

В Казахстане пациентам с зависимостью от психоактивных веществ медико-социальная помощь, в том числе реабилитация, оказывается на стационарном уровне в Центрах психического здоровья, которые функционируют в 14 областных центрах и городах Нур-Султан, Алматы и Шымкент, всего 3782 койкомест. В 2021 году стационарное лечение прошли около 22 тысяч пациентов, из них более 3000 – пациенты с зависимостью от наркотических средств и психотропных веществ.

Комплексную программу медико-социальной реабилитации (далее – МСР) пациенты с зависимостью от психоактивных веществ проходят в рамках гарантированного объема бесплатной медицинской помощи. На начало 2022

года отделения МСР функционируют в Акмолинской, Костанайской, Павлодарской (при филиале Республиканского научно-практического центра психического здоровья), Туркестанской областях и в городах Нур-Султан, Шымкент. В филиале Республиканского научно-практического центра психического здоровья (г. Павлодар) в 2021 году лечение прошли 521 пациент с наркотической зависимостью.

Таким образом, в результате проводимой антинаркотической политики в Казахстане в 2021 году наркоситуация продолжала оставаться позитивной по таким важнейшим показателям, как сокращение количества зарегистрированных уголовных наркоправонарушений и уголовных наркопроступков, числа наркозависимых граждан, объемов наркотических средств, изъятых из незаконного оборота, а также подрыв внутренней сырьевой базы наркотиков и усиление мер по противодействию транзитному наркотрафику.

Список использованных источников:

1. Искалиев Р.Г., Стукалов А.А. Современные каналы контрабанды наркотических средств в Российскую Федерацию // Выявление и раскрытие преступлений коррупционной и экономической направленности: передовой опыт, проблемы и пути их решения: материалы Всероссийской научно-практической конференции / сост.: М.Л. Родичев. Санкт-Петербург: Академия управления МВД России, 2021. С. 156-159.

2. Муратова Р.А., Жугралина Б.М. Социально-экономические и правовые вопросы наркомании в молодежной среде // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: Право. 2019. № 2 (127). С. 48-61.

3. Шинкевич В.Е., Маслодудова Н.В. Противодействие наркоугрозе: социологический аспект: учебное пособие. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2017. 180 с.

УДК 342.5

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ М. ВЕБЕРА, Л. ДЮГИ, В. ПАРЕТО И Г. МОСКА
ОБ ОСНОВАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ**

© О.Ю. Тушко

Сибирский федеральный университет

Политические процессы, происходящие в современном мире, подчеркивают актуальность и востребованность передовых идей начала 20 века, сформировавшихся под воздействием глобальных изменений и социальных потрясений. Так, профессором Графским В.Г. отмечается начавшаяся во второй половине 19 века критическая переоценка опыта представительного правления и других либерально-демократических ценностей и одновременное усиление полемики с идеями марксизма и иных версий социализма [3, с. 455].

Концепция Дж. Остина о необходимости добровольного подчинения большинства подданных суверенной власти находит свое развитие в указанный исторический период, поскольку без упомянутого подчинения политически организованное общество невозможно.

Большое значение для развития теоретических представлений о государственной и политической власти имели идеи Макса Вебера, согласно которым, в основе политики должны лежать национальные интересы, предполагающие межклассовое сотрудничество. Классовая борьба им не поддерживалась, а в революциях и иных радикальных переменах виделась опасность. Не случайно, М.Вебера в западных странах называют «великим буржуазным антиподом Маркса» [1, с. 20].

Политика, по М. Веберу, «означает стремление к участию во власти либо к оказанию влияния на распределение власти...» [1, с. 17], где власть является как самоцелью, так и средством достижения других целей.

При раскрытии сущности понятия «государство» ключевая роль отдается «насилию», как главному фактору в определении понятия «власть», а не содержанию деятельности государства и выполняемых им задач, в связи с отсутствием их исключительности [4, с. 263]. Государство, по М. Веберу, есть «отношение господства людей над другими, опирающееся на легитимное насилие как средство» [1, с. 17]. При этом мыслитель подчеркивает, что власть на одном насилии долго держаться не может, и чтобы успешно функционировать, она должна формировать в обществе убеждение, что существующие институты лучше всего ему подходят [7, с. 25].

Легитимность власти – признание ее народом и готовность ей подчиняться, по мнению ученого, достигается тремя способами (как по отдельности, так и в различных сочетаниях):

1) в силу традиции, веры, обычая (традиционная легитимность);

2) в силу личного авторитета правителя (харизматическая легитимность, обычно присущая диктаторам и основателям государств, держится не только на силе, но и способности лидера-вождя влиять на людей);

3) в силу системы легальных правил (рационально-правовая легитимность, характерная для демократических государств).

В качестве необходимого элемента властных отношений при рационально-правовой легитимности называется бюрократия, характеризующаяся иерархичностью, профессионализмом, регламентированностью и объективностью (беспристрастностью, нейтральностью). По мнению М. Вебера, бюрократии ограничивают дискреционную власть правителей и всякого рода коалиций [8, с. 256]. Для ее эффективного функционирования необходимо постоянное обильное вознаграждение, под которым понимается не только доход, но и «утоление ненависти и жажды мести», а также «победа и власть» [4, с. 266].

Идеи, выдвинутые М. Вебером, широко обсуждались и получили признание политологами и юристами 20 века. Поднятые им проблемы, не потеряли своей актуальности и в наши дни. Более того, выдвинутые тезисы применимы и в современных условиях.

Интерес представляют теоретические рассуждения Леона Дюги, согласно которым, в основе любой политической власти лежит сила - материальная, моральная, религиозная, умственная, экономическая или даже сила числа (численность при демократии). Правящими становятся наиболее сильные фактически, которые стараются узаконить эту силу одним из двух искусственных объяснений — теократической идеей в глубоко религиозных странах и «фикцией социальной воли», при которой «...правители, большинство парламента или народного собрания являются будто бы лишь органами коллективной воли, которая подчиняет себе индивидуальные воли именно потому, что она есть коллективная воля» [4, с. 268]. Таким образом в обществе обозначается разделение на правящих и управляемых. Сила в большинстве случаев принимается добровольно и за счет этого увеличивается. Л. Дюги особо отмечал, что власть «тем крепче будет держать управляемых в повиновении, чем более охотно она принимается ими» [4, с. 268], а, следовательно, ее задача найти такие формы и приемы управления, чтобы подданные были убеждены, что правители правят в их интересах, а не в своих.

Л.Дюги, опираясь в научной деятельности на идеи своего современника Э. Дюркгейма, считал, что все люди в обществе объединяются на основе взаимопомощи и взаимозависимости, благодаря чему образуются отношения солидарности. Для современного общества характерна экономическая солидарность на основе разделения труда и солидарность на основе интересов. Солидарность заменит классовые противоречия благодаря политическому плюрализму и «диффузии власти». «Следует, чтобы власть осуществлялась в сотрудничестве представителями всех социальных сил, существующих в стране», которые «будут ограничивать друг друга самим своим существованием и своим сотрудничеством» [1, с. 224]. Поэтому в качестве «единственно надежной гарантии против всемогущества правящих лиц» [4, с. 277] (класса или партии, или большинства, монополизировавших силу) Л.Дюги называет синдикализм, под которым понимается движение по юридическому объединению индивидов, занимающихся тождественной работой и имеющих общий профессиональный интерес, в синдикаты.

Руководствуясь своими идеями, Л.Дюги предлагал внести изменения в политическое устройство Франции, в частности в порядок избрания в высший законодательный орган с целью пропорционального представительства в нем всех политических партий, синдикатов и классов. Некоторые предложенные им положения вошли в французскую Конституцию. Разработанный мыслителем принцип солидарности, учитывающий интересы большинства, можно рассматривать как предложенный правящим кругам способ смягчения и преодоления социальных противоречий, имевших место во Франции в начале 20 века.

Не остался без внимания в работах ученого вопрос о сопротивлении граждан государственной власти. Пассивное (невыполнение закона или акта власти), оборонительное (противопоставление силы силе, принуждающей к исполнению) и наступательное (восстание, мятеж с целью низвергнуть правительство) сопротивление допускается и оправдывается в случае принятия и применения незаконного и несправедливого властного акта. «Закон в силу одного того, что он закон, не является абсолютной истиной. Требовать от всех пассивного повиновения закону — значит желать сделать народ рабами. Повиновение закону есть общественная необходимость» [4, с. 282]. Однако, Л. Дюги отмечал, что наступательное сопротивление (право на восстание) фактически «лишено действительности». Его реализация чрезвычайно опасна для всех. «Конституционный закон страны не может его признать, не бросив в страну семян анархии» [4, с. 283].

Л.Дюги осуждал коммунистов, пришедших к власти в России, и революционное движение в Европе, а также не поддерживал фашизм, утверждавшийся в Италии, отвергал любое классовое господство (и пролетариата, и буржуазии), был сторонником реформ и сплочения общества на основе норм солидарности. В марксистской литературе его критиковали за отрицание классовой борьбы и революционных преобразований в интересах господства пролетариата, а в буржуазной - за посягательство «на священное право собственности и права индивида» [6, с. 747].

В конце 19 - начале 20 века в научных кругах возникла потребность объективно разобраться в проблеме властвующих элит [2, с. 114]. Вильфредо Парето и Гаэтано Моска обозначили новое течение в политической науке - «теорию элит». Их вклад главным образом связан с определением структуры власти и сосредоточением внимания на групповом характере реализации власти в различных формах. В результате, «в противовес марксистским убеждениям история стала восприниматься не как история борьбы классов, а как история борьбы элит» [2, с. 8].

Теория элит — это теория разделения людей в любом обществе на элиты и массы. Правящая элита господствует при любой форме государства и завоевав свое положение в обществе, всегда пытается избежать контроля со стороны большинства, используя законы и выборы в своих целях, в том числе в демократических государствах. Элита обладает внутренним корпоративным сознанием, с одной стороны, скрепляющим ее, а, с другой, отсеивающим чуждые элементы.

В. Парето как основоположник «теории элит» отмечает, что общество состоит из многообразия социальных слоев, сформированных из людей, обладающих различными уровнями способностей, под которыми понимаются не только физические, но и психологические, интеллектуальные и другие. Группы людей с превосходящими и исключительными качествами составляют элиту, остальные — класс чуждый элите, который всегда инертен и является объектом властного воздействия. На вершине общественной пирамиды стоят самые одаренные представители — вожди. Общественное равновесие достигается путем парализации антагонистических интересов различных классов и слоев.

Элита периодически обновляется. В хорошо организованном обществе данный процесс происходит постепенно посредством замены старой — традиционной элиты на выходцев из других, в том числе низших слоев населения. История общества — это постоянная борьба и смены элит. История - это «кладбище аристократий» и «феномен новых элит, которые в ходе

непрерывной циркуляции возникают из низших слоев общества, достигают высших слоев, расцветают, а затем приходят в упадок, разрушаются и исчезают» [1, с. 25]. Возрождение отжившей элиты несостоятельно.

Г. Моска в работе «Правящий класс» формулирует следующие положения. Над неорганизованным большинством общества всегда возвышается сплоченное организованное меньшинство, которое опираясь на наиболее важные для данной исторической эпохи качества, вносит организующие начала. Элиты приходят к власти тремя способами: наследование, выборы и кооптация. Для сохранения власти используются как законные, так и незаконные средства.

Правящий класс не довольствуется фактическим обладанием властью, а пытается найти правовые и моральные основания своего господства. Тем самым, в сознании людей формируется необходимое убеждение, что они управляются «не на основе простой материальной или интеллектуальной силы, а на базе некоего морального принципа», что также способствует консолидации населения вокруг правящего класса [4, с. 350]. Степень народного согласия подчиняться прямо зависит от уровня веры в предложенные оправдания - политические формулы, которые отличаются и зависят от уровня развития страны и общества. Где-то основанием является божественное решение, где-то - выбор народа или даже правовая фикция.

Борьба двух тенденций во взаимоотношениях правящего класса и управляемого - монополизация власти и передача ее по наследству, с одной стороны, и «расстройство» старых правящих групп и появление новых, с другой стороны, - приводит к вымыванию и пополнению первых за счет вторых. При чем полезным для элиты, по мнению Г. Моска, считается проникновение новых элементов в определенной пропорции и с «усвоением», свойственных ей, качеств.

Элиты бывают «закрытые», т.е. исключают доступ новых членов (аристократические), и «открытые» (демократические), т.е. регулярно обновляемые. Мыслитель отмечает прочность «закрытой элиты» в краткосрочной перспективе и большую жизнеспособность «открытой» в долгосрочной [1, с. 27]. Элиты сменяются как постепенно (при ротации), так и резко (при революциях, которые «происходят, когда открывается широкая брешь между официальной политической организацией народа и его обычаями, идеями и чувствами, а также когда много элементов, которые компетентны участвовать в управлении государством, искусственно удерживаются в подчиненном состоянии» [4, с. 361]).

Первую часть своей жизни Г. Моска посвятил критике представительных демократических режимов, которые он называл плутодемократиями. Но во

второй половине жизни, когда имел возможность познакомиться с жесткими тоталитарными режимами советского или фашистского типа, он предпочитал говорить, что, несмотря на свои изъяны, плутодемократические олигархии - демократические элиты - наименее опасны для индивидуальной свободы [5, с. 457].

Политико-правовая мысль, основанная на анализе процессов, происходящих в обществе, позволяет объяснить их закономерности, а также выдвинуть передовые идеи, не теряющие свою востребованность на протяжении сотен лет.

Список использованных источников:

1. Бирюков, С. В. История политических и правовых учений XX века: учебное пособие / С. В. Бирюков, Е. В. Мороз. — Кемерово : КемГУ, 2011. — 531 с. — ISBN 978-5-8353-1212-2. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/30125>

2. Булдакова, Л. В. Политическая элита: основные понятия, базовые концепции : учебное пособие / Л. В. Булдакова. — Кемерово : КемГУ, 2010. — 299 с. — ISBN 978-5-8353-1012-8. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/30037>.

3. Графский, В. Г. История политических и правовых учений: Учебник / Графский В. Г., 3-е изд., доп. - М.: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019. - 736 с. - ISBN 978-5-91768-037-8. - Текст : электронный. - URL: <https://libproxy.bik.sfu-kras.ru:2083/catalog/product/991816e>.

4. Дробышевский, С.А. История политических и правовых учений: основные классические идеи / С.А.Дробышевский.-М.:Юристъ, 2003.-412 с.

5. Зотов, В. Д. История политических учений : учебник / В. Д. Зотов, Л. В. Зотова. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2020. — 672 с. - ISBN 978-5-91768-360-7. - Текст : электронный. - URL: <https://libproxy.bik.sfu-kras.ru:2083/catalog/product/1072653>.

6. История политических и правовых учений: Учебник / Отв. ред. В.В. Лазарев - 3-е изд., испр. и доп. - М.: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019. - 800 с. - ISBN 978-5-91768-725-4. - Текст : электронный. - URL: <https://libproxy.bik.sfu-kras.ru:2083/catalog/product/989952>.

7. Политология: учеб. пособие для студентов вузов / Е. И. Камышев [и др.] ; ред. А. Г. Аникевич ; Сиб. федерал. ун-т. - Красноярск : ИПК СФУ, 2010. - 220 с. - Библиогр.: с. 205-208. - 500 экз. - ISBN 978-5-7638-1965-6. - Текст : электронный.

8. Eric Brousseau, Yves Schemeil, Jérôme Sgard. Bargaining on law and bureaucracies: A constitutional theory of development. *Journal of Comparative Economics* 38 (2010), 253–266.

УДК 343.268

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ
ПРИНУДИТЕЛЬНОГО НАБЛЮДЕНИЯ И ЛЕЧЕНИЯ У ВРАЧА-ПСИХИАТРА
В АМБУЛАТОРНЫХ УСЛОВИЯХ**

© Е.А. Федорова

Сибирский федеральный университет

Дифференциация принудительных мер медицинского характера (далее – ПММХ) нашла свое отражение в уголовном законодательстве с принятием настоящего Уголовного кодекса Российской Федерации, где наряду с принудительным лечением в различных стационарных условиях предусмотрено принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях (ст. 99УК РФ).

Изначально данная принудительная мера в 1997 году называлась как амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра (п. «а» ч. 1 ст. 99 УК РФ). В 2013 году первоначальное ее наименование изменено на «принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях», но основания, содержание и порядок применения таких мер фактически не изменились.

Предложения о введении амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у психиатра высказывались учеными-правоведами за долго до введения нормы в уголовный закон. Обусловлено это было необходимостью сократить применение принудительных мер медицинского характера, связанных с длительным помещением в психиатрический стационар, где неизбежно правоограничения и социальная изоляция нарушают процессы социальной коммуникации и способность жизнедеятельности в обществе. По мнению специалистов в области психиатрии амбулаторное принудительное лечение занимает промежуточное положение между принудительным лечением в условиях стационара и оказанием психиатрической помощи во внебольничных условиях. [1, с. 90-91]

Положительный эффект и основное отличие принудительного наблюдения и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях от других видов ПММХ заключается в возможности избежать психотравмирующего воздействия от нахождения в психиатрическом стационаре и негативного влияния на больного со стороны других лиц, страдающих психическими расстройствами. Однако это возможно только в случае нахождения лица в благоприятной социальной обстановке: продолжение им трудовой деятельности, сохранение полезных социальных контактов, помощь и поддержка семьи, а также отсутствие отрицательного психотравмирующего воздействия на него. [4, с. 123-124]

Принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях является ПММХ, не связанной с изоляцией и единственной мерой, которая может назначаться как самостоятельно в отношении лиц, указанных в пп. «а», «б» ч. 1 ст. 97 УК РФ, так и вместе с наказанием для категорий лиц, предусмотренных в пп. «в», «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ.

Самостоятельно применяется принудительное наблюдение и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях в отношении лиц, совершивших общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом, в состоянии невменяемости (п. «а» ч. 1 ст. 97 УК РФ) и у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания (п. «б» ч. 1 ст. 97 УК РФ):

а) совершивших общественно опасное деяние (преступление) в состоянии временного психического расстройства или психотического обострения (приступа, пароксизма, фазы), хронического психического расстройства, разрешившегося ко времени проведения экспертизы, в случае малой вероятности повторения психоза, а также при сохранности социальной адаптации больного и способности к соблюдению предписанного режима;

б) с явлениями слабоумия, состояния психического дефекта различного происхождения и другими психическими расстройствами, совершивших общественно опасное деяние, спровоцированное неблагоприятной ситуацией, которая к настоящему времени ликвидирована;

в) с хроническими психическими расстройствами или слабоумием после проведения принудительного лечения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях при неустойчивой социальной адаптации и выявляющейся в прошлом склонности к повторным общественно опасным действиям – в качестве этапа перед полным прекращением принудительного лечения (в порядке изменения ПММХ). [2, с. 89-90]

Принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях не применяется, если больной по своему состоянию не сможет в домашних условиях выполнять предписанный ему режим.

Согласно ст. 100 УК РФ принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях назначается при наличии оснований, предусмотренных в ст. 97 УК РФ, если лицо по своему психическому состоянию не нуждается в помещении в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях.

Как самостоятельную меру принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях чаще всего применяют входе «ступенчатого» изменения ПММХ. Например, когда в отношении лиц, находившихся в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа с интенсивным наблюдением, вначале применяется решение об изменении ПММХ на принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа, а затем изменение на принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, общего типа, а в завершение применяют принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях. Постепенное изменение вида ПММХ облегчает адаптацию больных лиц вне стационарных условий и позволяет предупредить рецидив совершения ими новых общественно опасных деяний возможный при одномоментном прекращении принудительного лечения. Важным этапом ступенчатой системы является также последующее диспансерное наблюдение за такими лицами и постановка их на специальный учет в психоневрологическом диспансере с наблюдением в группе общественно опасных больных [1, с. 92].

Принудительное наблюдения и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях назначается вместе с наказанием в отношении лиц:

1) осужденных за преступления, совершенные в состоянии вменяемости, но нуждающихся в лечении психических расстройств, не исключающих вменяемости (п. «в» ч. 1 ст. 97 УК РФ);

2) указанным п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ – совершившим в возрасте старше восемнадцати лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, и страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости.

В этих случаях согласно ч. 1 ст. 104 УК РФ принудительные меры медицинского характера исполняются по месту отбывания наказания в виде лишения свободы на определенный срок, а в отношении осужденных к иным видам наказаний – в медицинских организациях государственной системы здравоохранения, оказывающих психиатрическую помощь в амбулаторных условиях.

Правовое регулирование применения принудительного наблюдения и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях является межотраслевым. Вопросы назначения данных мер определяются уголовным и уголовно-процессуальным законодательством. Вопросы исполнения частично урегулированы уголовно-исполнительным законодательством и законодательством в области здравоохранения. Причем пробелы и коллизии правового регулирования на протяжении последних двух десятилетий фактически не устранялись.

Например, процедура продления принудительного наблюдения и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях обнаруживает межотраслевую коллизионность. В соответствии с положениями ст. 102 УК РФ первое продление ПММХ осуществляется через шесть месяцев после ее назначения, а впоследствии – ежегодно (ч. 2 ст. 102 УК РФ). В то же время в соответствии со ст. 445 УПК РФ суд прекращает, изменяет или продлевает ПММХ каждые шесть месяцев. Коллизия в регламентации сроков продления, изменения, прекращения ПММХ в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве вызывает дискуссии у исследователей данных мер, а у правоприменителей (судов и медицинских учреждений) проблемы. Уверенные заявления некоторых исследователей о том, что вопросы регулирования продления, изменения и прекращения ПММХ являются сферой уголовно-процессуального законодательства [3, с. 237-238] вызывают сомнения, поскольку основания и условия применения наказания и иных мер уголовно-правового характера, в том числе ПММХ, традиционно определяются уголовным законодательством. Вместе с тем, данная правовая коллизия уголовного и уголовно-процессуального законодательства в этой части сохраняется до сих пор, что не способствует унифицированному правоприменению.

Еще на одну проблему указывают исследователи применения ПММХ, связанную с регламентацией медицинских целей в ст. 98 УК РФ: излечение или улучшение психического состояния лиц, к которым применили данные меры. Если состояние не улучшилось, а ухудшилось настолько, что лицо утратило свою общественную опасность, то продолжать применять к нему любые ПММХ уже нецелесообразно. [3, с. 238] В данном случае пробел уголовного

законодательства разрешается на практике путем прекращения применения ПММХ, в том числе принудительного наблюдения и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях, и в соответствии с ч. 4 ст. 97 УК РФ необходимые материалы могут быть переданы в органы здравоохранения для решения вопроса о лечении таких лиц в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь, например, в психоневрологический диспансер, в порядке, установленном законодательством в сфере охраны здоровья. Тем не менее данный пробел в уголовном законе необходимо устранить.

Кроме того, нормативная неопределенность остается при оценке степени общественной опасности лиц, в отношении которых необходимо применить принудительное наблюдение и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях. Как правило, суд полностью полагается на выводы, сделанные экспертом в заключение судебно-психиатрической экспертизы. Однако при выборе вида ПММХ и оценке опасности лица для себя и общества должны учитываться не только психическое состояние лица, но и вероятность повторения им противоправных действий, а также способен ли он по своему состоянию соблюдать в домашних условиях предписанный ему режим и если у него для этого социальные условия. Данные обстоятельства не всегда возможно выяснить в ходе судебно-психиатрической экспертизы. Поэтому принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях не может применяться без установления всех этих обстоятельств. Для этого критерии оценки потенциальной общественной опасности лица, связанной с выбором вида ПММХ, должны быть закреплены в уголовном законодательстве, а процедура их установления в уголовно-процессуальном законодательстве.

К пробелам и коллизиям правового регулирования принудительного наблюдения и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве следует добавить недостаточную нормативную определенность в сфере уголовно-исполнительного законодательства и федерального законодательства в области здравоохранения. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 97 УК РФ порядок исполнения ПММХ определяется уголовно-исполнительным законодательством и иными федеральными законами. Положения ст. 18 УИК РФ применяются только к лицам, указанным в пп. «в», «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ, к которым применяется принудительное наблюдение и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях вместе с наказанием. А в отношении лиц, указанных пп. «а», «б» ч. 1 ст. 97 УК РФ, порядок применения принудительного наблюдения и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях ни в уголовно-исполнительном законодательстве, ни в иных федеральных законах не предусмотрен.

Таким образом, правовое регулирование принудительного наблюдения и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях нуждается в существенной доработке межотраслевого законодательства, что позволит улучшить правоприменительную деятельность и избежать многих негативных последствий.

Список использованных источников:

1. Полубинская, С.В. Организационные и правовые проблемы исполнения принудительного наблюдения и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях / С.В. Полубинская, О.А. Макушкина // Социальная и клиническая психиатрия. – 2014. – №3. – С.90-95. – URL : [https : // cyberleninka.ru/article/n/organizatsionnye-i-pravovye-problemy-ispolneniya-prinuditelnogo-nablyudeniya-i-lecheniya-u-vracha-psihiatra-v-ambulatornyh-usloviyah](https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionnye-i-pravovye-problemy-ispolneniya-prinuditelnogo-nablyudeniya-i-lecheniya-u-vracha-psihiatra-v-ambulatornyh-usloviyah) (дата обращения: 04.09.2022).

2. Огурцов, С.А. Принудительное наблюдение у врача-психиатра в амбулаторных условиях лиц, совершивших общественно опасные деяния в состоянии невменяемости / С.А. Огурцов // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2015. – № 2(10). – С. 86-92.

3. Сафонов, В.Н. Проблемы реализации принудительных мер медицинского характера при амбулаторном принудительном наблюдении и лечении / В.Н. Сафонов, Л.В. Луговская // Ленинградский юридический журнал. – 2021. – № 3 (65). – С. 230–246.

4. Спасенников, Б.А. Принудительные меры медицинского характера : монография / Б.А. Спасенников, Н.Д. Эриашвили, О.В. Кудряшов. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2017. – 175 с. – (Серия «Magister»). – ISBN 978-5-238-02934-4. – Текст : электронный. – URL: [https : // znanium.com/catalog/product/1352918](https://znanium.com/catalog/product/1352918) (дата обращения: 07.09.2022).

УДК 349.6

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

© Д.А. Фицай

Сибирский федеральный университет

Как правило, защита экологических, да и любых прав как правоотношение охранительного характера возникает только лишь в случае ущемления или нарушения этих прав, в то время как охрана прав перманентна, осуществляется систематически на постоянной основе, поскольку все права, принадлежащие гражданам, должны охраняться государством.

Экологические права человека относятся к естественным и неотчуждаемым правам, которые возникают и существуют с момента рождения и прекращаются только лишь с его смертью.

Под экологическими правами человека в Российской Федерации понимаются признанные и закрепленные в статье 42 Конституции Российской Федерации права на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

Право на благоприятную окружающую среду является одним из фундаментальных прав человека, которое затрагивает основы его жизнедеятельности в обществе, связанные с поддержанием нормальных экологических, экономических и социальных условий его жизни. Указанное право трактуется как комплексное право, реализуемое как индивидуально, так и (преимущественно) коллективно [5, с. 23], в большинстве случаев рассматривается как пассивное - непрерывное право пользования (природным и социальным) благом - благоприятным состоянием окружающей среды, что не предусматривает наличия у субъекта каких-либо специальных юридических свойств и качеств [1, с. 55].

Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 года №7-ФЗ (далее также – ФЗ «Об охране окружающей среды») закрепляет легальное определение понятия «благоприятная окружающая среда», под которой понимается окружающая среда, качество которой обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов. Дефектом легального определения понятия «благоприятная окружающая среда» является отсутствие юридических

критериев благоприятного состояния среды, которые, по мнению М.М. Бринчука, могли бы прояснить правовые аспекты обеспечения устойчивого функционирования естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов, включенные в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» без какого-либо пояснения из естественных наук [6, с. 22].

Поэтому при отсутствии конкретных юридических критериев благоприятного состояния окружающей среды человеку сложно сориентироваться в пределах нарушения принадлежащего ему от рождения права. Вместе с тем действующее законодательство и правоприменительная практика позволяют оценивать окружающую среду как благоприятную, если только ее состояние соответствует установленным требованиям в области охраны окружающей среды.

Право на получение достоверной информации о состоянии окружающей среды направлено на возможность получения гражданами правдивой, неискаженной информации, которая отражает ее реальное состояние в определенный временной период.

В ФЗ «Об охране окружающей среды» появилась норма, закрепленная в статье 4.2, определившая состав экологической информации, предоставляемый в форме открытых данных, содержащий в том числе сведения (сообщения, данные) о состоянии и загрязнении окружающей среды, включая состояние и загрязнение атмосферного воздуха, поверхностных вод водных объектов, почв; о радиационной обстановке; о стационарных источниках, об уровне и (или) объеме или о массе выбросов, сбросов загрязняющих веществ; об обращении с отходами производства и потребления; о мероприятиях по снижению негативного воздействия на окружающую среду.

Однако для обеспечения права на получение достоверной информации о состоянии окружающей среды законодательно необходимо также установить и меры защиты указанной информации. Вместе с тем необходимо закрепить условия равного доступа к информации о состоянии окружающей среды, в том числе и документированной.

Право на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу граждан экологическим правонарушением, закрепленное на уровне Конституции РФ, конкретизируется в природоохранном законодательстве. Так, в ФЗ «Об охране окружающей среды» закреплено право на возмещение вреда, причиненного окружающей среде. При этом в названном нормативном правовом акте не упоминается о возмещении вреда здоровью, причиненного человеку. В свое время О.Л. Дубовик указывала, что экологический вред - это родовое понятие, более широкое по значению, которое включает в себя как

вред, причиненный окружающей среде, так и вред, причиненный жизни, здоровью граждан, имуществу организаций и физических лиц [3, с. 307]. Однако, как отмечает А.В. Кодолова, не всякое воздействие на окружающую среду является основанием для возмещения вреда: если негативное воздействие осуществляется с соблюдением установленных экологических требований (допустимый вред), то оно не влечет за собой ответственность, а в случае сверхнормативного загрязнения окружающей среды можно говорить о причинении вреда, подлежащего возмещению [4, с. 32].

Поэтому сложность при обеспечении защиты этого права возникает при доказывании его нарушения, обусловленная как сбором доказательств, так и возмещением не только вреда, причиненного в результате совершения экологического правонарушения, а всякого вреда, причиняемого человеку.

Индивидуумы вправе требовать защиты права на возмещение вреда в добровольном и судебном порядке. Однако отсутствие в действующем законодательстве четко сформулированных понятий не только приводит к произвольному толкованию правовых норм и неоднозначному их применению, но и создает сложность определения законом, в случае судебного разбирательства, пределов заявляемых исковых требований.

Как видим, общность проблем обусловлена несовершенством понятийной определенности используемых законодателем правовых категорий.

Реалии современной действительности показывают, что нынешнее поколение волнуют вопросы реализации экологических прав, посредством которых обеспечивается возможность каждого человека проживать в условиях благоприятной окружающей среды.

Поэтому помимо закрепления за субъектами определенных прав, необходимо обеспечить их надежной правовой охраной, поэтому справедливым видится высказывание: «Если право не защищено, то оно превращается в «декларированное право» и можно рассчитывать только на его добровольное уважение» [2, с. 106]. Более того, в настоящее время, правоприменительная, в том числе судебная, практика, показывает, что для решения проблемы взаимодействия экономики и охраны окружающей среды необходимо соблюдать баланс экономических и экологических интересов субъектов права путем гармонизации материальных и экологических потребностей человека.

Природоохранное законодательство Российской Федерации закрепляет ряд условий и гарантий для реализации проанализированных конституционных экологических прав. Так, Федеральный закон «Об охране окружающей среды» предусматривает, в том числе, систему мер административного и судебного

характера: граждане имеют право, как на обращение в органы власти, иные организации с жалобами по вопросам, касающимся негативного воздействия на окружающую среду, так и право на предъявление в суд исков, в случае нарушения конституционных экологических прав.

Развитие отдельных институтов экологического права, например, таких как, экологическая экспертиза, оценка воздействия на окружающую среду, нормирование, экологическая информация и другие помогают сформировать условия для реализации проанализированных нами конституционных экологических прав.

Инициировать защиту экологических прав могут граждане, чьи права были нарушены, а также органы государственной власти и общественные организации, способные обеспечить их реализацию и восстановление.

Согласно статье 14 Гражданского кодекса РФ от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ допускается самозащита прав. При этом способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения. Поэтому самозащита применяется субъектом права тогда, когда гражданин вынужден прибегать к самостоятельной защите своих прав ввиду невозможности своевременно получить помощь от компетентных государственных органов, но лишь с условием применения мер правомерного воздействия на правонарушителя.

Самозащита осуществляется в случае нарушения права или реальной угрозы его нарушения, в одностороннем порядке (без обращения в компетентные органы), осуществляется только в форме действия, при этом направленность действий при самозащите осуществляется на пресечение нарушения, ликвидацию последствий его нарушения и т.д.

За гражданином, самостоятельно защищающим свои экологические права, сохраняется возможность последующего обжалования совершенных в отношении него правонарушений в соответствующие юрисдикционные органы.

Кроме того, в числе самозащиты граждане могут рассматривать досудебное урегулирование споров, возникающих в случае нарушения экологических прав.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 18 отмечено, что под досудебным урегулированием следует понимать деятельность сторон спора до обращения в суд, осуществляемую ими самостоятельно, например, путем проведения переговоров, либо с привлечением третьих лиц, например, медиаторов. По мнению Верховного Суда РФ такая деятельность способствует реализации таких задач гражданского и

арбитражного судопроизводства, как содействие мирному урегулированию споров, становлению и развитию партнерских и деловых отношений.

Вывод о возможности применения досудебного урегулирования в числе самозащиты экологических прав граждан России подтверждается также тем, что по смыслу положений ст.ст. 78, 79 ФЗ «Об охране окружающей среды» вред, причиненный окружающей среде, а также здоровью и имуществу граждан в результате совершения экологического правонарушения может быть возмещен добровольно и должен быть возмещен в полном объеме. Так, в целях такового граждане имеют право обратиться к причинителю вреда с требованием о возмещении в действительности причиненного вреда.

При этом важно понимать, что потенциал примирительных процедур в разрешении дел о защите экологических прав граждан пока не всегда адекватно воспринимается субъектами права в силу того, что, если виновная сторона добровольно не предпринимает попытки возместить причиненный вред лицу, то вряд ли этот способ защиты экологических прав следует рассматривать в числе эффективных.

В целях обеспечения защиты прав неопределенного круга лиц на благоприятную окружающую среду, равно как и на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью, в суд может обратиться прокурор (статья 45 Гражданско-процессуального кодекса РФ от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ). Как правило, прокурор осуществляет свои полномочия в связи с нарушением требований законодательства в области охраны окружающей среды или природопользования. При этом основной задачей прокурора является не столько защита экологических прав граждан, сколько осуществление надзора за соблюдением и исполнением требований законодательства, следствием несоблюдения которых является нарушение экологических права граждан.

Повышение эффективности работы органов публичной власти в области охраны окружающей среды зависит от активного участия субъектов проведения общественного экологического контроля, которые способны своевременно выявлять и предупреждать совершение природоохранных правонарушений.

В соответствии с пунктом 2 статьи 68 Федерального закона №7-ФЗ общественный контроль в области охраны окружающей среды (далее также – общественный экологический контроль) осуществляется общественными объединениями и иными некоммерческими организациями в соответствии с их уставами, а также гражданами в соответствии с законодательством в целях реализации права каждого на благоприятную окружающую среду и предотвращения нарушения законодательства в области охраны окружающей среды.

Таким образом, природоохранное законодательство Российской Федерации относит к целям проведения общественного экологического контроля – обеспечение реализации права каждого на благоприятную окружающую среду.

Инициатива проведения общественного экологического контроля принадлежит, в том числе специальному субъекту, общественному инспектору по охране окружающей среды, которым может стать любой гражданин Российской Федерации, достигший 18 летнего возраста, изъявивший желание оказывать органам государственного надзора содействие в природоохранной деятельности и взаимодействовать с общественными советами органов государственного лесного и экологического надзора на добровольной и безвозмездной основе.

Общественный экологический инспектор в отличие от граждан, не имеющих таковой статус, обладает правом изымать вещественные доказательства, свидетельствующие о фактах совершения правонарушений в области охраны окружающей среды и принимать меры по обеспечению их сохранности на местах совершения экологических правонарушений.

Таким образом, только общественный экологический инспектор из числа всех уполномоченных субъектов на проведение общественного контроля в области охраны окружающей среды вправе осуществлять изъятие вещественных доказательств с последующей их передачей в органы государственного экологического надзора для принятия решений о привлечении виновных лиц к юридической ответственности.

Важной формой информационного обеспечения общественного экологического контроля является предоставление информации гражданам о работе органов государственной власти. Как правило, оно осуществляется посредством обращения граждан с заявлениями об известных им фактах нарушения природоохранного законодательства.

Так, следует констатировать, что проблематика защиты экологических прав человека и гражданина, сохраняющаяся по настоящее время, продолжает оставаться одной из самых актуальных проблем современности, поскольку от ее решения зависит качество жизни людей, проживающих в мире.

Подводя краткий итог всему вышеизложенному, следует отметить, что решение проблем реализации и защиты конституционно установленных экологических прав представлено не только в науке экологического права, но и в практике его применения. Проведенный нами анализ показал, что многие ключевые проблемы в области защиты экологических прав объективно связаны с несовершенством тех нормативных правовых актов, которые их закрепляют.

Речь идет, в частности, о несовершенстве правовых категорий «благоприятная окружающая среда», «экологическая информация» и других, закрепленных в национальном законодательстве, которые и определяют содержание конституционных экологических прав.

Проводимое в последние годы совершенствование норм природоохранного законодательства является шагом вперед в обеспечении защиты экологических прав граждан. Тем не менее, на фоне роста фактов нарушений экологических прав, существование некоторых, до конца не разрешенных, вопросов значительно ослабляют возможности их защиты. Предлагаемые научно обоснованные изменения в действующее законодательство позволят устранить существующие недоработки природоохранных норм с целью повышения их эффективности.

Список использованных источников:

1. Борисов С.В. Некоторые проблемы реализации экологических прав граждан // Актуальные проблемы правоведения. 2008. № 2.
2. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1972.
3. Дубовик О. Л. Экологическое право. М.: Проспект. 2004.
4. Кодолова А.В. О возмещении (ликвидации) вреда окружающей среде, в том числе связанного с прошлой хозяйственной деятельностью // Хозяйство и право. 2012. № 8.
5. Копылов М.Н., Солнцев А.М. Экологические права в системе международно-признанных прав человека // Государство и право. 2010. № 3.
6. Светличная М.В. К вопросу об определении понятия «благоприятная окружающая среда» // Политика, государство и право. 2012. № 1.

УДК 343.34

УЧАСТИЕ СПЕЦИАЛИСТА ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

© Н.А. Хакимов

Сибирский федеральный университет

Эффективность следственных действий остается не на высоком уровне. Это наиболее остро ощущается при производстве одного из центральных следственных действий - осмотра места происшествия. Качество доказательств, полученных в ходе расследования, выдвигается на первый план и это напрямую связана с регламентацией процесса собирания, фиксации доказательственной информации, особенно с точки зрения их относимости и допустимости. Проблема связано не только с особенностями применения тактических приёмов, но и технико-криминалистических средств, поскольку они позволяют глубже проникнуть в сущность события, собрать более обширную информацию.

И в этой связи наиболее остро стоит вопрос участия специалиста при производстве следственных действий, где эффективное применение новейших технико-криминалистических средств возможно лишь квалифицированными специалистами.

Уголовно-процессуальный закон позволяет привлекать в качестве специалиста для участия в производстве следственных действий любое лицо, обладающее специальным познанием.

В широком понимании «специалист» — это лицо, обладающее познаниями в какой-либо области человеческой деятельности, в узком - лицо, обладающее знаниями в области криминалистики и состоящее на службе в правоохранительных органах или сотрудники экспертно-криминалистических подразделений других ведомств.

Следовательно, обладая специальными знаниями, специалист привлекается к участию в осмотре места происшествия для того, чтобы эффективно использовать возможности технических средств с учетом технических приемов с учетом тактических приемов. Участие специалиста позволяет квалифицированно производить фиксацию и упаковку обнаруженных следов, а также оказывать помощь следователю при назначении экспертизы (правильно сформулировать вопросы экспертных исследований).

Познания специалиста-криминалиста должны охватывать широкую область знаний в науке и технике. Как отмечают некоторые авторы: «По существу, это должны быть специалисты с соответствующей инженерной базовой

подготовкой (в области аудио-, видеотехники, компьютерной техники и в целом - современных информационных технологий)» [1, с. 124].

Исследование проблем реализации информационного потенциала места происшествия, по мнению А.А. Топоркова, следует начать с уяснения природы информации как таковой и сущности информационных процессов, лежащих в основе указанного следственного действия [2, с. 763-775].

Деятельность по осмотру места происшествия требует серьезного совершенствования в организационном и тактическом плане. Все более широкий круг специалистов должны привлекаться следователями для производства данного следственного действия, особенно для исследования обстановки места происшествия, т.к. наиболее сложным в информационном плане объектом познания является обстановка места происшествия, представляющее собой множество объектов, находящихся в разнообразных взаимоотношениях и сохранивших отражение связей с предполагаемым преступным событием.

Прежде всего, необходимо отметить, что окружающий нас мир находится в постоянном движении и изменении. Понятие «пространство» фиксирует момент относительно устойчивого целостного состояния предметов. Факт изменения предмета осуществляется исследованием относительно устойчивого состояния предмета и в начале, и в конце того или иного процесса изменения (движения). Изменение предмета – это, в конечном счете, и есть последовательность чем-то отличающихся друг от друга относительно устойчивых состояний данного предмета независимо от того, на основе каких форм движения (механической, физической, химической, биологической и др.), изменения материи возникли в пространственно-временной структуре. Если исходить из того, что в мире нет ничего, кроме движущейся материи, и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени, то в основе места происшествия лежит пространственно-временная структура. Потому что, любое изменение материальных объектов в пространстве связано с изменением временных параметров и наоборот. Структурная зависимость системы «пространство - движение - время» выступает в качестве структурной связи в процессе постоянно сменяющихся состояний материя.

Необходимо отметить, что вероятность познания обуславливается не только отражательной способностью сознания следователя, то есть гносеологическим отражением, но и отражательной способностью самих материальных объектов, которые находятся на месте происшествия [3, с. 150].

Данное положение применимо и в криминалистике, где исследование места происшествия осуществляется через анализ движения (изменения)

элементов обстановки. При этом выявляются различия между относительно устойчивым состоянием объектов и относительно устойчивым состоянием объектов изменившихся, а также раскрываются те стадии, через которые они прошли в процессе изменения.

Под отражением понимают такое свойство материи, когда способность одних тел в результате их взаимодействия с другими телами воспроизводить некоторые особенности последних в своей собственной природе. Событие преступления как материальный процесс, в котором наглядно проявляется динамика действий преступника в пространственно-временной структуре места происшествия отражается в различных формах и на разных уровнях. В диалектическом материализме различают три формы отражения: в живой природе, в неживой природе и психическая [4, с. 349].

Таким образом, обстановка места происшествия структурно состоит из нескольких взаимосвязанных компонентов:

- пространственное положение места происшествия во взаимосвязи с граничащими его объектами;
- следы, которые возникли в связи с преступным событием;
- следы, которые возникли естественным или иным путем;
- та часть обстановки, которая не подверглась изменениям [5, с. 405-408].

В связи с этим, необходимо выделить следующие задачи осмотра места происшествия:

- получить представление об общем виде места происшествия: его расположении, границах и пространственной протяженности, назначении помещения или участка местности;
- установить, какие объекты находятся на месте происшествия и что они собой представляют, выдвинуть предположения о причинах появления или отсутствия на месте происшествия тех или иных объектов;
- зафиксировать положение объектов на месте происшествия и их взаиморасположение, т.е. установить их пространственные отношения друг с другом и выявить отклонения от обычного для данной ситуации характера этих пространственных отношений;
- установить временные связи и отношения объектов.

Следовательно, материальная обстановка места происшествия представляет собой возникший в связи с преступным событием пространственно-временной объект, где в той или иной степени отражены этапы ее возникновения и развития. Она состоит из пяти элементов.

В первую очередь изучают обстановку, предшествовавшую совершению преступления. Это та обстановка, которая сложилась до начала преступления. Ее

изучение позволяет получить некоторую информацию о подготовке преступления, о взаимоотношениях преступника с потерпевшим, о преступном умысле и времени его возникновения. Ее исследование в процессе осмотра места происшествия имеет особое значение при расследовании неосторожных преступлений, например, автотранспортных происшествий, нарушении правил техники безопасности и т.д.

Далее изучают обстановку совершения преступления. Анализ криминалистической литературы показывает, что она является основным элементом материальной обстановки места происшествия и характеризуется тем, что на данном этапе возникает наибольшая информация о произошедшем событии и, следовательно, ее исследование позволяет получить информацию о механизме события, лице, совершившем преступление, времени и других обстоятельствах, имеющих значение для расследования уголовного дела.

Обстановка, сложившейся после совершения преступления является следующим элементом обстановки места происшествия. Если в предыдущей обстановке отражается процесс преступной деятельности, то здесь - результат этой деятельности, то, каким образом развивались события после совершения преступления. В процессе ее исследования получают информацию: а) о времени окончания преступления; б) о направлении отхода преступника с места происшествия, средстве передвижения; в) о границах места происшествия и т.д.

Надо отметить, что с момента окончания преступной деятельности и до начала осмотра места происшествия проходит определенное время, в течение которого могут произойти значительные изменения предыдущей обстановки, например, на месте происшествия какие-то действия были произведены преступником, посторонними родственниками погибшего или животными. Они могут возникнуть также в силу природно-климатических и иных условий. В процессе исследования данной обстановки могут быть установлены различные обстоятельства, например, время совершения преступления (трупные окоченения, подсохшие следы ног на грунте или они оказались под недавно выпавшим снегом, пути отхода преступника, действия по сокрытию и т.д.).

Обстановку места происшествия нельзя рассматривать как обособленный от окружающего пространства объект. Материальная обстановка места происшествия как сложная система, сложившаяся в определенном пространстве, сама является элементом более сложной структуры - окружающей среды. Ее исследование в процессе осмотра места происшествия позволяет получить некоторую информацию, необходимую для раскрытия сущности предыдущих элементов материальной обстановки. Например: определение мест возможного наблюдения за действиями преступников; вблизи места

происшествия проходит автомобильная дорога (преступники вывезли краденое на автомашине); выяснение возможностей подхода к месту преступления незамеченным и т.д. Надо отметить, что эти обстоятельства не имеют прямого отношения к событию преступления, но они необходимы для полноты исследования материальной обстановки места происшествия, хотя находятся за пределами границы места происшествия.

Изучение обстановки места происшествия с позиции информационного и системно-структурного подхода, каждый предмет, отображение, явление изучаются не сами по себе, а как элементы сложной специфической системы, имеющей свое содержание, развитие и ограниченной во времени и пространстве. Сначала изучаются наиболее простые элементы, затем - более сложные; сначала изучаются сами элементы, затем - связи между ними; при этом сначала изучаются более простые связи, затем - более сложные.

Таким образом, только целенаправленное квалифицированное исследование специалистами элементов материальной обстановки места происшествия позволяет получить наибольшую информацию на первоначальном этапе расследования преступлений.

Надо отметить, что «структура» отражает форму расположения элементов и характер взаимодействия их сторон и свойств. Элементы структуры взаимодействуют друг с другом только определенными сторонами, свойствами. Она также имеет сложную систему горизонтальных и вертикальных структур. Горизонтальная структура отражает специфическую взаимосвязь элементов системы, вертикальная — связь элементов с источником своего существования (вещественным, энергетическим, информационным). Структура является итогом организации, упорядочения, и она существует определенное время в относительно качественно неизменном виде. И обстановка места происшествия также представляет собой целостный, структурно организованный в пространстве и времени материальный объект, имеющий систему сосуществующих объектов, которые обладают присущие им размерами, расстояниями между ними и другими характеризующие их элементами.

Производство осмотра места происшествия с позиции информационного и системно-структурного подхода, каждый предмет, отображение, явление изучаются не сами по себе, а как элементы сложной специфической системы, имеющей свое содержание, развитие и ограниченной во времени и пространстве. Сначала изучаются наиболее простые элементы, затем - более сложные; сначала изучают сами элементы, затем - связи между ними; при этом сначала изучают более простые связи, затем - более сложные. «Каждый предмет — это единство формальной и содержательной сторон. Формальной стороной

предметов являются их структурно-количественные особенности (отношения), а содержательной стороной — их качественные особенности, их изменение и развитие» [6, с. 389].

Необходимо отметить, что любая познавательная деятельность может быть успешной только тогда, когда выбор средств познания осуществляется в соответствии с особенностями объекта, условиями, в которых проводится осмотр места происшествия. Пространственное положение места происшествия в зависимости от вида преступления несет значительную информационную нагрузку о произошедшем событии. В тактическом плане данный компонент изучается в процессе обзорной стадии. Основная цель ее состоит в выявлении пространственной структурной связи не только внутри системы, но и вне. Естественно, что усилия следователя при этом будут направлены, в первую очередь, на обнаружение следов; во вторую - на выявление их взаимосвязи с другими объектами, следами. При этом, последовательно шаг за шагом устанавливаются по возможности все элементы структуры места происшествия в пределах границы, а если возникнет необходимость, то и за его пределами.

В познавательной структуре осмотра места происшествия, по мнению С.А. Шейфера, основным методом является наблюдение, но, кроме того, сюда входят: моделирование, измерение и описание [7, с. 99-119]. Однако в этот комплекс еще входят тактические приемы, которые способствуют реализации познавательной структуры, поскольку тактический прием — это научно обоснованная рекомендация о наиболее оптимальном поведении, способе действия следователя, разработанная с учетом типичных ситуаций производства следственных действий в создании эффективных условий подготовки, организации выявления, собирания и оценки доказательственной информации.

Как показывает практика, познавательные возможности осмотра места происшествия не могут быть реализованы в полной мере лишь посредством тактических приемов. Сюда необходимо включить комплекс технико-криминалистических средств. Основная цель применения технических средств при осмотре места происшествия заключается в том, что: во-первых, в процессе практической деятельности человек реализует посредством техники те функции, которые он не в состоянии реализовать в силу ограниченности своих возможностей или не может выполнить с необходимой эффективностью; во-вторых, в силу особенностей уголовно-процессуального познания информация, полученная при производстве данного следственного действия должна закрепляться так, чтобы другие участники уголовного процесса могли ознакомиться.

Таким образом, применение системно-структурного подхода в процессе осмотра места происшествия существенно повышает его эффективность и целенаправленность.

Список использованных источников:

1. Горячев Э.К., Тишутина И.В. Тактико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений. М.: Юрлитинформ, 2006.
2. Топорков А.А., Гульянц А.Г. Информационный потенциал осмотра места происшествия // Научные труды МГЮА. 2004. № 3.\
3. Алексеев П.В., Панин А.В. Диалектический материализм (Общие теоретические принципы). М.: Высш. шк., 1987.
4. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. -5-е изд. М.: Политиздат, 1986.
5. Хакимов Н.А. Участие специалиста в исследовании обстановки места происшествия. // Енисейские политико-правовые чтения: сборник научных статей по материалам XIII Всероссийской научно-практической конференции (25-26 сентября 2020 г.) / отв. ред. Г.Л. Москалев. Электрон. дан. – Красноярск, 2020.
6. Отражение, познание, логика. «Наука и искусство». София, 1973.
7. Шейфер С.А. Собрание доказательств в советском уголовном процессе. Саратов, 1986.

УДК 340.1

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЕОРИИ ИГР В ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ

© Р.В. Червко

Сибирский федеральный университет

Теория игр - раздел математики, который изучает стратегическое взаимодействие людей. В рамках теоретико-игрового анализа поведения игроков, как участников правоотношений, проводились исследования, так, например, было выявлено, что игроки не могут увидеть долгосрочную выгоду от следования нормам права, а видят только мгновенную выгоду от не соблюдения норм. Связано это с тем, что субъект оценивает выигрыш с его индивидуальной функцией полезности, основанной на его личных предпочтениях, а также

моральных (т.е. таких, которые не связаны с игроком, а воспринимаются с учетом интересов общества в целом) [4].

Так можно рекомендовать законодателю при конструировании норм придерживаться правил, которые можно выделить из выявленных закономерностей теории игр. Например, нормы стоит создавать таким образом, чтобы немедленный выигрыш был менее очевиден для игроков, чем немедленный ущерб. Так как рассчитывать на долгосрочную перспективу не каждый игрок может, в связи с ограниченностью рациональности (ограниченности вычислительных возможностей). А значит вред от несоблюдения нормы права должен быть виден в первую очередь.

Есть два варианта: сообщать игрокам о немедленном вреде в случае не исполнении норм и долгосрочную выгоду или немедленную выгоду от реализации и долгосрочный ущерб в случае, если игрок нормы не исполняет.

Для этого законодателю дополнительно необходимо: определить долгосрочный ущерб, донести для игроков, что это вред является непосредственным для них. Например, неуплата налогов будет означать компенсирование их недостатка другими путями, допустим, увеличение пошлин, что неблагоприятно скажется на всех. Поэтому уплата налога всеми будет означать снижение требований по другим выплатам. Таким образом должна определиться равновесная точка.

В общем понимании, право может устанавливать «правила игры»: нормы могут перераспределить общий выигрыш; ограничить в выборе стратегий (лишить возможности применять некоторые стратегии); изменить параметры игры, например, порядок ходов, распределение информации.

Закон должен быть таким, чтобы минимизировать стоимость казусов для общества и при этом направлять действия сторон в желательное русло путем изменения их выигрышей в конкретной игре. Ниже описан случай как с помощью изменения выигрышей сторон можно влиять на поведение игроков.

Рассмотрим такой следующий пример: движение не в соответствии с правилами дорожного движения. Стараясь сэкономить свое время (получить мгновенную выгоду), субъект нарушает правила дорожного движения, тем самым нанося вред всем участникам дорожного движения. В таком случае, стоит предположить, что если все водители будут руководствоваться такой логикой, то нарушение лишь больше замедлит движение, т.к. возникнут проблемы с трафиком из-за массовых нарушений. В идеале, игроку следует понимать, что избрание стратегии исполнения предписаний является для выгодным, т.к. в таком случае движение будет более стабильным. Поэтому

нарушение правил движения рациональный игрок должен воспринимать как непосредственный вред для себя.

Теория игр позволяет проанализировать конфликтную ситуацию и формализовать ее в виде математической модели, которая называется игрой. Попробуем составить такую модель на конкретном примере.

Изменим вышеописанную ситуацию, представим наезд автомобиля на пешехода [2, с. 141]. Право в данном случае должно создать превентивные меры, т.е. не допустить аварию, а если она произошла, то возместить ущерб. Для начала допустим, что у водителя и у пешехода есть по две стратегии: быть осторожным (соблюдать правила дорожного движения) либо неосторожным (рассчитывать, что все само обойдется). В случае наезда ущерб пешеходу оценивается в 1000, а расходы на осторожность у обоих игроков равны 10, наезд произойдет, если хотя бы одна сторона неосторожна, тогда получаем такую матрицу:

Таблица № 1 – Модель пешехода и водителя

	Пешеход осторожен	Пешеход неосторожен
Водитель осторожен	-10, -10	-10, -1000
Водитель неосторожен	0, -1010	0, -1000

Первое число показывает выигрыш водителя, второе – пешехода. Рассмотрим их подробнее. Вариант первый: и водитель, и пешеход осторожны, в таком случае их выигрыш будет одинаковым, т.е. по -10. Вариант второй: пешеход осторожен, а водитель неосторожен, получаем выигрыш для водителя 0 (поскольку «не тратится», на осторожность), а у пешехода составит -1010 (расходы на осторожность, а также ущерб в 1000). Третий вариант: пешеход неосторожен, а водитель осторожен, в таком варианте выигрыш первого составит -1000, а второго -10. И последний вариант: пешеход неосторожен, водитель тоже неосторожен, именно этот вариант будет чаще всего возникать на практике, поскольку для водителя доминирующей стратегией будет вторая, т.е. не соблюдать осторожность, т.к. он в этом случае ничего не теряет (его выигрыш равен 0, при -10 в случае реализации первой стратегии). Пешеход, зная это, выберет тоже вторую (в таком случае его выигрыш гарантированно будет больше на 10). В итоге получается, что оба игрока будут вести себя неосторожно, т.к. для них это выгодно, а значит аварии будут обычным делом, где действует такое правовое регулирование.

Поэтому нужно изменить выигрыши сторон. Сделать это можно

путем установления правила о возмещении вреда. Его можно сформулировать как абсолютное, т.е. возмещение водителем вреда в любом случае. Но в таком случае изменение итогов игры не произойдет.

Таблица № 2 – Модель пешехода и водителя с абсолютным возмещением вреда

	Пешеход осторожен	Пешеход неосторожен
Водитель осторожен	-10, -10	-1010, 0
Водитель неосторожен	-1000, -10	-1000; 0

При такой формулировке быть неосторожным выгодно уже пешеходу, т.к. он все равно получит компенсацию. Вторая стратегия пешехода (неосторожность) дает ему всегда выигрыш 0, в таком случае водитель также будет неосторожен. Следовательно, необходимо установить зависимость компенсации от вины пешехода.

Если установить правило, что пешеход не получает компенсации, в случае избрания им стратегии быть неосторожным, то получим такую матрицу:

Таблица № 3 – Измененная модель пешехода и водителя

	Пешеход осторожен	Пешеход неосторожен
Водитель осторожен	-10, -10	-10, -1000
Водитель неосторожен	-1000, -10	0, -1000

Здесь доминирующей стратегий для пешехода является быть осторожным, а значит и водитель будет придерживаться осторожности, дабы увеличить свой выигрыш. Такое перераспределение выигрышей будет стимулировать к правомерному поведению субъектов.

Для повышения качества данной модели нужно подойти более дифференцированно к распределению выигрыша, например, учитывать степень вины, увеличивая тем самым размер матрицы.

Идея учета вины при возмещении ущерба проработан в гражданском законодательстве. Этому посвящены три статьи в Гражданском Кодексе, а также разъяснения Пленума Верховного Суда.

Есть общее правило, что вред, причиненный личности или имуществу гражданина, подлежит полному возмещению лицом, причинившим вред, при наличии его вины, о чем говорит ст. 1064 ГК РФ.

Однако существуют исключения из общего правила, так согласно п. 1

ст. 1079 ГК РФ гражданин, деятельность которого связана с повышенной опасностью для окружающих (в т.ч. использование транспортных средств), обязан возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажет, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего.

Владелец источника повышенной опасности может быть освобожден судом от ответственности полностью или частично также по основаниям, предусмотренным пунктами 2 и 3 статьи 1083 настоящего Кодекса. В силу п. 2 ст. 1083 ГК РФ если грубая неосторожность самого потерпевшего содействовала возникновению или увеличению вреда, в зависимости от степени вины потерпевшего и причинителя вреда размер возмещения должен быть уменьшен; при грубой неосторожности потерпевшего и отсутствии вины причинителя вреда в случаях, когда его ответственность наступает независимо от вины, размер возмещения должен быть уменьшен или в возмещении вреда может быть отказано, если законом не предусмотрено иное. При причинении вреда жизни или здоровью гражданина отказ в возмещении вреда не допускается [1].

В п. 23 Постановлении Пленума ВС РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» содержится разъяснение, в соответствии с которым при отсутствии вины владельца источника повышенной опасности и грубой неосторожности потерпевшего суд снижает размер возмещения вреда; при отсутствии вины владельца источника повышенной опасности, при наличии грубой неосторожности лица, жизни или здоровью которого причинен вред, суд не вправе полностью освободить владельца источника повышенной опасности от ответственности (кроме случаев, когда вред причинен вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего). В этом случае размер возмещения вреда, за исключением расходов, предусмотренных абзацем третьим пункта 2 статьи 1083 ГК РФ, подлежит уменьшению [3].

Попробуем на основании данных положений составить модель пешехода и водителя.

Исходя из того, что для ситуации столкновения достаточно лишь неосторожности со стороны одного из игроков, а вред оценивается в 1000, при этом издержки на осторожность 10 (например, потратить время на светофоре). Добавим правило об уменьшении возмещения: суд может уменьшить на половину размер возмещения в случае грубой неосторожности потерпевшего, а если при этом отсутствует вина

причинителя вреда, то возмещение уменьшается еще. Тогда получаем следующую матрицу (для наглядности в скобках указан выигрыш пешехода, который был рассчитан на разнице издержек на осторожность и полученного им возмещения от водителя):

Таблица № 4 – Модель пешехода и водителя по законодательству РФ

	Пешеход осторожен (вина отсутствует)	Пешеход неосторожен (простая неосторож.)	Пешеход неосторожен (грубая неосторож.)	Пешеход неосторожен (умысел)
Водитель осторожен (вина отсутствует)	-10, -10	-1010; 0 (1000)	-310; -700 (300)	-10, -1000
Водитель неосторожен	-1000; -10 (1000)	-1000; 0 (1000)	-500; -500 (500)	0; -1000

Рассмотрим выигрыши подробнее. Результаты в первом и четвертом столбце не отличаются от выигрышей в предыдущей матрице. В первом столбце, если оба осторожны, то столкновения нет, если водитель неосторожен, то он должен полностью компенсировать вред. В четвертом столбце водитель освобождается от ответственности, поскольку у пешехода умышленная форма вины (п. 1 ст. 1079 ГК РФ и п. 23 Постановления Пленума ВС РФ от 26.01.2010 № 1).

В случае с грубой неосторожностью потерпевшего (пешехода) нужно руководствоваться положениями ст. 1083 ГК РФ и абз. 2 п. 23 Постановления Пленума ВС РФ от 26.01.2010 № 1. При грубой неосторожности вред, который должен возместить водитель лишь уменьшается, не зависимо от того, виноват ли водитель или нет.

Однако, в третьем столбце получается, что в случае выбора водителем второй стратегии (быть неосторожным), а пешеходом третьей (грубая неосторожность), пешеход оказывается в минусе (разница между оценкой причиненного вреда и уменьшенной компенсацией от суда), т.к. вред наносится все еще на 1000, но он снижается судом до 500.

Кроме того, если у водителя нет вины, то согласно п. 2 ст. 1083 ГК РФ размер возмещения может быть еще уменьшен, тогда получаем выигрыши -310; -700.

Законодатель не выделяет такую форму вины как «простая неосторожность», но ее наличие подразумевается, поскольку есть «грубая неосторожность». При наличии простой неосторожности правила об уменьшении возмещения отсутствуют. Из этого следует, что пешеход в любом случае получит полное возмещение, не зависимо от наличия вины водителя, а последний обязан возместить в полном размере вред, такой результат будет во втором столбце.

Для пешехода в порядке приоритета стратегии выстраиваются следующим образом: самая выгодная – простая неосторожность, затем осторожность, потом грубая неосторожность, а самая невыгодная – умышленная форма вины.

Вторая стратегия для пешехода здесь является доминирующей, так как на стратегию – «просто неосторожность» правило об уменьшении возмещения вреда уже не распространяется. Водители, которые понимают, что для пешеход будет неосторожен также выберут стратегию неосторожности. Что сложно назвать полезным для правопорядка. Право должно стимулировать к использованию стратегии осторожность у обоих игроков. А в данном случае такого не происходит.

В выигрыш не закладывается административное или уголовное наказание, игра происходит в рамках гражданской ответственности. Такое изменение выигрыша в рамках игры водитель-пешеход не играет роли, т.к. взаимодействие (в случае штрафа, например) уже будет между другими игроками (государством и водителем), поэтому не рассматривались иные виды ответственности, а также умышленную форму вины водителя.

Из представленного выше, можно сделать вывод, что теоретико-игровой подход полезен праву. Он позволяет проанализировать правовые нормы, выявить их уязвимости, изменить подход к правовому регулированию. Показано, что изменяя выигрыши сторон путем изменения положений о степени вины и правилах о возмещения вреда, изменяется поведение участников правоотношений. Именно этим и полезна теория игр, право может использовать закономерности теории игр, чтобы предугадывать поведение сторон и создавать более эффективные правовые нормы.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. В 4 ч. Ч. 2 [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 26.01.1996 N 14-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2. Дегтерев Д.А. Теоретико-игровой подход в праве / Д.А. Дегтерев; изд. стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2016. – 240 с.

3. О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. Borda F. G. Game Theory and the Law: The Legal-Rules-Acceptability Theorem (A Rational for Non-Compliance with Legal Rules). *Derecho & Sociedad* (36), 2011, pp. 301-314.

УДК 343.34

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

© Г.Е. Шалагин

Сибирский федеральный университет

Для того чтобы понимать, что такое современное национальное государство, какие признаки его характеризуют, какова его сущность и на каких принципах оно формируется, необходимо обратиться к истории его возникновения. Именно такой подход на наш взгляд позволит лучше всего подойти к пониманию национального государства и предоставит необходимую возможность для углубленного изучения рассматриваемого феномена.

Традиционным мнением среди ученых является то, что национальное государство (от французского *etat-nation* – государство-нация или английского *nation-state* – нация-государство) сформировалось в эпоху Нового времени.

Возникновение национального государства согласно одному из исследований проходило в два этапа. «Первый этап движения за национальное государство начался с XII века, который сопровождался устранением политического правления сословий и превращением их в подданных государства, централизацией политической власти, созданием бюрократического аппарата, регулярной армии, полиции, централизованного судопроизводства и налоговой системы и продлился до XV века, когда в Европе образовались первые централизованные государства: Франция, Англия, Испания. Второй этап движения за национальное государство начался в эпоху

Реформации и продлился до Вестфальского мира» [3, с. 128]. Резюмируется данное исследование следующим выводом «период национального государства в современной международной системе начался с Вестфальского договора 1648 года» [3, с. 133].

Продолжая данный тезис Ю. Н. Саямов, в свою очередь утверждает, что по итогам Вестфальского договора были сформулированы следующие принципы: «приоритет национального интереса, принцип баланса сил, приоритет государств-наций, обеспечение государственного суверенитета, право государств требовать невмешательства в свои дела, равенство прав государств, обязательство выполнять заключенные договоры, признание международного права и применения дипломатии в международных отношениях» [9, с. 97-98]. И самым главным в образовании современных национальных государств как субъектов международных отношений было: «признание принципа суверенности национальных государств, которое закрепило за государствами роль основных субъектов международного права» [9, с. 98].

Таким образом современные национальные государства появились чуть меньше 400 лет назад как акторы международных отношений (т. е. активно формирующими политические процессы на международном уровне).

Конкретное и ясное определение того или иного понятия позволяет его лучше понять как с теоретической, так и с практической стороны. Данный тезис методологически точно в свое время выразил византийский философ Давид Непобедимый (Анахт) «если кто-либо желает верно мыслить и думать о какой-нибудь вещи, он прежде всего должен знать природу этой вещи, то есть ее определение, ибо, кто не знает определения, тот не замечает и всего того, что вытекает из этой вещи» [4, с. 39-40]. Соответственно неясное и неконкретное определение какого-либо понятия искажает и затрудняет его понимание.

Отталкиваясь от данного тезиса, перейдем непосредственно к различным трактовкам понятия «национальное государство». В учебнике по теории государства и права дано следующее определение «национальное государство – это государство, в рамках которого и власть, и общество объединены единой историей, общими целями и задачами будущего развития» [8, с. 138]. В таком понимании автор отводит решающую роль именно нации, как коллективному носителю государственного суверенитета, которая проживает на единой территории в данный исторический момент и на которой жили их предки. На наш взгляд, данное определение не полностью раскрывает сущность национального государства. Хотя при этом заслуживает особого внимания.

А. С. Блинов предлагает следующее определение, под которым следует понимать национальное государство. «Национальное государство – это

формировавшиеся в индустриальную эпоху политическая организация общества, легитимность которой обеспечивается представлением и защитой интересов, включенных в нее индивидов на основе идей и ценностей социокультурной, духовной, исторической, языковой, территориальной сплоченности и единого уровня экономического развития» [2, с. 33]. В данном определении затронут исторический момент, что вполне справедливо поскольку как мы выяснили, национальные государства возникли в конкретную историческую эпоху.

Анализируя различные определения, Г. В. Лисовская заявляет, что «на сегодняшний день под национальным государством, как правило, понимают политическую организацию общества, обладающую особой публичной властью на основе системообразующей идеи национальной идентичности, включающей ценности культурного, духовного, религиозного, исторического, языкового и территориального единства» [5, с. 28]. При этом данный автор подчеркивает, что определяющим в национальном государстве является идея национальной идентичности поскольку «если таковая отсутствует, то такое государство мы уже не можем назвать национальным» [5, с. 28].

Как мы видим, нет единого подхода к определению понятия «национальное государство». Такого же единства нет и к тому какие признаки относятся национальному государству. Так М. А. Авилова утверждает, что «существование национального государства предполагает наличие следующих признаков: территории с четкими границами, населения, законного правительства и международного признания со стороны других государств» [1, с. 11].

Предлагается выделение и других признаков характерных для национального государства, в котором «во-первых, присутствует централизация государственной власти, осуществляющей контроль над территорией с четко очерченными границами и обладающей монополией на легитимное использование силы внутри общества; во-вторых, имеется политически организованная общность граждан, именуемая «нацией»; и наконец в-третьих необходимо признание мировым сообществом государственного суверенитета» [3, с. 129].

Тем самым мы видим существование различных подходов к рассматриваемой проблеме, на наш взгляд это связано с тем, что авторы пытаются разграничить понятия «национальное государство» и «государство». Таким образом они приносят в свои исследовательские работы научную новизну. При этом стоит отметить, что в мировой практике данные понятия отождествляются между собой и воспринимаются как синонимы при их

употреблении. Это связано с тем, что нации отождествляются с государством и образуют государства-нации. Именно в таком значении они используется в названии международной организации по поддержанию мира ООН – Организация Объединенных Наций, где фактически подразумевается организованный союз государств.

На наш взгляд, в современном мире не все государства являются национальными в том смысле, в котором оно изначально употреблялось хотя бы потому, что не все они обладают международным признанием и суверенитетом и в силу этого отождествление понятий «национальное государство» и «государство» является устаревшим и не отвечающим современным требованиям и вызовам. Поэтому нами предлагается «национальное государство» понимать как модель государства, а не как его синоним, что позволило бы разграничить данные понятия.

«Модель государства – это образ, интеллектуально-волевое отражение сущностной основы, организации и/или процессов функционирования государства, построенное с учетом всей совокупности объективных условий и субъективных факторов, определяющих векторы его развития» [6, с. 104].

В настоящий период можно выделить три основных теоретических модели государства: национальное, правовое, социальное. Следует подчеркнуть, что выделенные модели не следует рассматривать в качестве автономных, противопоставляемых конструкций. На практике не существует национальных, правовых, социальных государств в чистом виде. Предлагаемые модели представляют собой теоретические построения абстрактного характера, в основу создания которых положены определенные факторы организации и функционирования современных государств.

Исходя из проведенного анализа нами предлагается следующее определение понятия «национальное государство» именно как модели государства, а не как его синонима. Национальное государство – это форма политической организации единой нации, которая выступает в качестве коллективного носителя государственного суверенитета, в рамках которого общество объединено на основе национальной идентичности, обладает своей государственной властью, правовой системой, силами и средствами обеспечения территориальной целостности, национально-ориентированной элитой, национальными интересами, целями и задачами своего будущего развития.

Из данного определения можно выделить следующие признаки национального государства:

1. Наличие единой нации, которая выступает в качестве коллективного носителя государственного суверенитета на основе которой формирует свою государственную власть. Нация по своему составу как правило является многоэтническим (полиэтническим) в рамках которого обеспечивается равенство всех этносов.

2. Существование национальной правовой системы.

3. Обладание силами и средствами обеспечения территориальной целостности. В данном направлении создаются вооруженные силы и правоохранительные органы, которые обеспечивают охрану государства. Также в рамках данного признака недопустима сецессия т. е., выхода административно-территориальной единицы из состава национального государства.

4. Сформировавшаяся национально-ориентированная элита.

5. Факт объединения общества на основе национальной идентичности.

6. Имеются свои особенные национальные интересы, которые защищаются всем государственным аппаратом.

7. Свойственный только этому государству особенный путь развития, который проявляется в его историческом прошлом и наличием целей и задач своего будущего развития.

Когда нами дано определение и выявлены основные признаки национального государства необходимо перейти к его сущности.

«Под сущностью любого явления понимается совокупность наиболее важных, устойчивых связей, отношений и внутренних закономерностей, присущих данному явлению и определяющих его главные черты и тенденции развития» [10, с. 32].

М. М. Рассолов утверждает, что «сущность современного государства, очевидно, необходимо связывать с его определением (либо частью определения) и с самыми главными, существенными, глубинными признаками, в том числе и классовыми, общесоциальными и другими» [7, с. 85].

Исходя из такого подхода попробуем сформулировать сущность национального государства. По нашему мнению, сущностью национального государства является обеспечение ее территориальной целостности, формирование национальной идентичности, которая способна объединить всех граждан государства на идеи, что они связаны друг с другом и составляют одну единую нацию, которая обладает национально-ориентированной элитой на плечи которой возлагается задача по формированию и обеспечению защиты национальных интересов, целей и задач развития государства, которое бы в той или иной степени смягчало и преодолевали различные разногласия

существующих внутри общества, что в конечном счете позволило бы удовлетворить всю нацию и гарантировать национальную безопасность Российской Федерации.

На основе этого можно сформулировать основные принципы национального государства, т. е., основных положений, определяющих его сущность.

1. Принцип равенства. Данный принцип предполагает, что все этносы, образующие единую нацию равны между собой. Дискриминация по национальному, этническому или расовому признаку недопустимо.

2. Принцип единства. Указанный принцип предусматривает то, что в национальном государстве существует только одна единая нация, которая состоит из различных этносов. При этом в государстве недопустимо формирование административно-территориальных единиц по этническому (национальному) признаку.

3. Принцип приоритета национальных интересов, целей и задач развития государства. Данный принцип предполагает то, что государство осуществляя свою внутреннюю и внешнюю политику должно проводить ее в соответствии с закрепленными национальными интересами, целями и задачами, которые явились компромиссом между различными структурами общества. При этом данный принцип не противоречит принципу верховенства закона, поскольку национальные интересы, цели и задачи развития закреплены именно в нормативно-правовых актах.

4. Принцип территориальной целостности. В рамках данного принципа недопустима сецессия т. е., выхода административно-территориальной единицы из состава национального государства.

Таким образом, понимание национального государств требует нового подхода, поскольку его классическое отождествление с понятием «государство», является на сегодняшний день устаревшим и не отвечающим современным требованиям и вызовам. Для решения данной проблемы нами предлагается использовать термин «национальное государство» в качестве его модели, наравне с такими теоретическими моделями как правовое и социальное государство.

Список использованных источников:

1. Авилова М. А. Национальное государство как объект политологического анализа / М. А. Авилова // Исторические, философские, политические и

юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 3-1(9). – С. 10-12.

2. Блинов А. С. Национальное государство в условиях глобализации: контуры построения политико-правовой модели формирующегося глобального порядка / А. С. Блинов. – М.: МАКС Пресс, 2003. – 150 с.

3. Босяцкий А. Возникновение национального государства как государства современного типа / А. Босяцкий, В. Я. Любашиц, М. К. Филиппова // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2015. – № 4 (31). – С. 122-135.

4. Д. Анахт. Сочинения / Составление, перевод с древнеармянского, вступительная статья и примечания С. С. Аревшатяна. – М.: Изд-во «Мысль», 1975. – 262 с.

5. Лисовская Г. В. Возникновение и развитие идеи национального государства в политической философии Нового времени / Г. В. Лисовская // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2011. – № 3. – С. 27-31.

6. Плетников В. С. Модель государства: понятие и признаки / В. С. Плетников // Личность, право, государство. – 2019. – № 2. – С. 86-105.

7. Рассолов М. М. Теория государства и права: учебник для вузов / М. М. Рассолов. – М.: 2010. – 635 с.

8. Ромашов Р. А. Теория государства и права: учебник и практикум для академического бакалавриата / Р. А. Ромашов. – М.: Изд-во Юрайт, 2019. – 443 с.

9. Саямов Ю. Н. Вестфальский мир и его принципы вчера и сегодня / Ю. Н. Саямов // Век глобализации. – 2018. – № 3 (27). – С. 95-105.

10. Теория государства и права: учебное пособие / В. А. Чирикин, В. М. Жамбровский, Н. В. Зин, В. В. Шаханов. – Владимир: 2019. – 191 с.

УДК 343.85

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА «ПОСЕЙДОН» КАК НОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

© Э.В. Шамехина

Сибирский федеральный университет

В период технологического прогресса и, в частности, активного развития цифровых технологий, инструменты противодействия коррупции становятся более современными и автоматизированными. Потенциал технологических

решений в сфере противодействия коррупционным проявлениям, несомненно, велик, они могут эффективно применяться при формировании антикоррупционной правовой политики.

Использование цифровых технологий в сфере противодействия преступности сегодня является мировым трендом. В юридической литературе термин «цифровые технологии» встречается крайне редко. Ряд авторов придерживаются узкого, сугубо технологического толкования цифровых технологий, определяя их как методы кодирования и передачи информации, сторонники же более широкого подхода охватывают этим понятием информационно-коммуникативные технологии [9]. Например, профессор А. А. Карцхия относит к цифровым технологиям искусственный интеллект и машинное обучение, высокоскоростной Интернет и Интернет вещей, технологии сбора и аналитической обработки больших данных (Big Data), облачные сервисы и робототехнические комплексы [8]. Следовательно, цифровые технологии повсеместно используются во всех сферах деятельности человека, и сфера противодействия коррупции не стала исключением.

О тенденции использования цифровых технологий для противодействия коррупции свидетельствует Национальный план противодействия коррупции на 2021 – 2024 годы [2]. Впервые в нем появился раздел, посвященный применению цифровых технологий, а также разработке мер по противодействию новым формам проявления коррупции в цифровой среде. Основные мероприятия в рамках данного раздела направлены на сбор и анализ сведений о возможностях искусственного интеллекта способствовать предупреждению коррупционных преступлений, а также обзор типовых способов совершения коррупционных правонарушений, связанных с использованием цифровых технологий.

Использование цифровых инструментов предупреждения коррупции сегодня является необходимой мерой. Глава «Сбербанка» Герман Греф на одном из форумов заявил, что «если будет прозрачная процессная деятельность, положенная в цифру, и с доступом рынка к этой информации, и когда каждое решение любого чиновника может быть проанализировано экспертным сообществом, и выложена оценка этого решения, коррупция начнет исчезать как явление». Он также отметил, что не видит «другого способа борьбы с коррупцией, кроме как цифровизация» [10].

Несмотря на относительную новизну информационных технологий, на сегодняшний день уже существуют некоторые рабочие механизмы, которые можно эффективно использовать для противодействия коррупции. Особое значение в последние годы приобретают большие данные и их аналитика. Big

data представляют собой структурированные или неструктурированные массивы данных чрезвычайно большого объема. Сбор информации осуществляется через массу источников – социальные сети, СМИ, Интернет вещей и подключенные к нему устройства, статистика стран и городов, сведения о перемещениях людей, медицинские записи, камеры видеонаблюдения и метеоспутники. Объем больших данных растет беспрецедентными темпами, миллиарды устройств, подключенных к сети Интернет, обеспечивают постоянный приток новой информации, которая сегодня является самым ценным ресурсом.

Сами по себе большие данные не способны как-либо влиять на уровень коррупции в мире, но их обработка и интеллектуальный анализ, согласно исследованию Программы развития ООН [5], могут способствовать противодействию коррупции по двум основным направлениям:

1) выявление, расследование, мониторинг и аудит подозрительных транзакций и организаций. На данный момент существует позитивный опыт применения аналитики Big data как для расследования уже совершенных коррупционных преступлений (например, в операции «Автомойка», ставшей крупнейшим коррупционным скандалом в Бразилии), так и для оценки коррупционных рисков (например, Европейская комиссия разработала программу «ARACHNE», которая осуществляет перекрестную проверку данных из различных источников и позволяет выявлять проекты, подверженные рискам мошенничества или конфликта интересов);

2) повышение результативности национальной, отраслевой и местной антикоррупционной политики путем прогнозирования и оценки эффективности принятия различных решений.

Способность аналитики больших данных анализировать и сравнивать различные источники информации является одним из ее преимуществ, и эти методы используют в мировой практике в целом ряде областей – налогообложение, закупки, государственные услуги, оценка эффективности и осуществление надзора [5]. Аналитика больших данных обладает внушительным потенциалом для сдерживания коррупции, учитывая ее эффективность в выявлении и анализе случаев коррупционных проявлений путем мониторинга большого количества данных из различных источников информации для выявления закономерностей, которые было бы невозможно установить с помощью регулярных аудитов и государственных проверок.

Новейшим отечественным антикоррупционным проектом, основанным на анализе информации из различных баз данных, стала информационная цифровая система противодействия коррупции «Посейдон», Указ Президента [3]

о которой вступил в силу 25 апреля 2022 года. Основными задачами новой системы являются:

1) автоматизация сбора, учета, хранения и анализа данных, получаемых от поставщиков информации;

2) информационно-аналитическое обеспечение деятельности пользователей системы по проведению анализа и проверок соблюдения антикоррупционных ограничений, запретов и требований;

3) формирование на основании запросов пользователей статистических и информационно-аналитических материалов по вопросам противодействия коррупции;

4) взаимодействие с другими информационными системами с целью получения информации, которая может быть использована в целях противодействия коррупции [3].

Базовыми целями системы, изложенными в Методических рекомендациях Минтруда России [4], являются анализ и проверка соблюдения государственными служащими антикоррупционных стандартов, ограничений, запретов и требований, установленных законом, посредством использования информационно-коммуникационных технологий.

Принцип работы «Посейдона» построен на цифровом взаимодействии с рядом государственных органов и организаций, и аккумуляции сведений имущественного и личного характера о государственных служащих. Иначе говоря, система представляет собой хранилище данных, получаемых из самых разнообразных источников информации, на основании анализа которых будут формироваться цифровые портреты чиновников. На данный момент нормативно-правовые акты не содержат указаний, какие именно государственные органы и организации будут выступать поставщиками информации для системы, но глава Национального антикоррупционного комитета, член Совета по правам человека Кирилл Кабанов в интервью отметил, что «Посейдон» будет работать «сразу с несколькими базами, объединенными в единое целое: база ФНС, база Росфинмониторинга, база Росимущества, а также информация из соцсетей» [11]. Из Указа Президента следует, что также Банк России должен взаимодействовать с новой антикоррупционной системой и будет предоставлять информацию для включения в массив данных. Таким образом, источники будут достаточно разнообразными, чтобы на основании полученной от них информации посредством аналитики данных можно было сделать выводы о возможных нарушениях антикоррупционного законодательства.

Из Указа Президента известно, что система «Посейдон» включает в себя специальное программное обеспечение «Справки БК», используемое для заполнения и хранения сведений доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера государственных служащих и членов их семей. Его интеграция с «Посейдоном» позволит автоматизировать и упростить процесс проверки деклараций – система, хранящая информацию о государственных служащих из различных баз данных, сразу «подсветит» несоответствия задекларированного и фактически имеющегося имущества. что послужит основанием для проведения детальной проверки в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции. Использование искусственного интеллекта при проверке соответствия деклараций действительности позволит значительно ускорить и оптимизировать данный процесс, и внимание проверяющих будет сконцентрировано на тех государственных служащих, которые не пройдут проверку системой.

Также система «Посейдон», по словам главы Национального антикоррупционного комитета Кирилла Кабанова, при проверке государственного служащего позволит узнать, «нет ли у него пересечения интересов, неформального общения с людьми, в котором могут быть скрыты коррупционные отношения» [11]. Система, располагающая в том числе данными личных страниц в социальных сетях, отразит факт близкого знакомства или родства с лицами, получающими государственные заказы или регулярно выигрывающими тендеры, что позволит судить о возможной личной заинтересованности государственного служащего. Таким образом, алгоритмы «Посейдона» могут служить инструментом выявления возможного конфликта интересов или лоббизма. При этом следует помнить, что искусственный интеллект является лишь вспомогательным механизмом, способным на основании аналитики данных зафиксировать определенные факты, окончательное же решение о том, было ли совершено нарушение антикоррупционного законодательства, должно принимать только уполномоченное на то лицо.

При всем многообразии источников информации, к которому имеет доступ платформа «Посейдон», в ее аналитике останутся теневые зоны, главная из которых – криптовалюта. Анонимность владения и относительно слабая правовая урегулированность рынка делает ее идеальным предметом взяточничества или легализации преступных доходов, чем активно пользуются недобросовестные лица [7]. Федеральным законом «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] в 2020 году были внесены

изменения в законодательство в сфере противодействия коррупции. Цифровая валюта была признана имуществом, сведения о котором должны предоставлять граждане, претендующие на замещение должностей государственной службы, а также лица, замещающие эти должности. На данный момент в силу анонимности криптокошельков проверить достоверность задекларированного цифрового имущества не представляется возможным, но, как отмечают специалисты, криптовалюта постепенно начинает выходить из тени, и со временем появятся механизмы ее идентификации. Председатель Ассоциации участников рынка электронных денег и денежных переводов по поводу декларации цифровых активов отметил, что «скорее всего, спрятав что-то сейчас, вы столкнётесь в будущем с трудностями при объяснении, откуда у вас этот актив. Это не вопрос года или двух, но в перспективе пяти лет, скорее всего, так и будет» [12]. Таким образом, «Посейдон» начнет аккумулировать сведения о принадлежности государственным служащим и их родственникам цифровых активов, и в дальнейшем эта информация может стать особенно значимой при проверке причастности лиц к коррупционным правонарушениям.

При этом использование любых цифровых хранилищ данных сопряжено с определенными рисками, поскольку технически сегодня никто не в силах гарантировать полную безопасность информационных систем. Потенциальная опасность системы «Посейдон» выражается в риске утечки конфиденциальных данных, а принимая во внимание тот факт, что база будет содержать информацию о самых высокопоставленных государственных служащих и членах их семей, не приходится сомневаться, что будут предприниматься хакерские атаки и попытки взлома. Обработка информации в рамках единой централизованной платформы существенно повышает эти риски, и при развитии неблагоприятного сценария абсолютно все личные и конфиденциальные данные окажутся на черном рынке. Гарантировать абсолютную безопасность невозможно, но грамотно проработанный и защищенный механизм обращения к данным и их хранения способен минимизировать опасность раскрытия информации, и в данном случае надежность системы зависит от цифровой компетентности государственного аппарата. Для обеспечения устойчивой и надежной работы системы «Посейдон» необходимо предусмотреть серьезные меры защиты, предусматривающие весь спектр потенциальных угроз.

На сегодняшний день остается неясным, будут ли входить в информационную систему сведения о муниципальных служащих. Анализ информации, опубликованной в различных СМИ, позволяет сделать вывод, что «Посейдон» ориентирован на чиновников более высокого уровня. В частности, глава Национального антикоррупционного комитета Кирилл Кабанов отметил,

что система «Посейдон» является закрытой, поскольку «уровень лиц, которые могут подвергнуться проверке, может быть очень высоким» [9]. Оставление без внимания коррупции на муниципальном уровне на данный момент представляется недостатком «Посейдона», поскольку предупреждение преступности является комплексным мероприятием, и должно быть направлено на выявление коррупционных связей на всех уровнях государственного управления.

Таким образом, говоря о перспективах государственной информационной системы «Посейдон» в сфере противодействия коррупции, можно сделать следующие выводы: создание единой базы данных, аккумулирующей и анализирующей информацию из самых разнообразных источников, имеет огромный антикоррупционный потенциал. Новая платформа может стать действенным рабочим механизмом, способным значительно повысить эффективность, точность и надежность анализа больших объемов данных для выявления коррупции, но только при условии комплексности и системности ее использования.

Список использованных источников:

1. Российская Федерация. Законы. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон № 259-ФЗ : [принят Государственной думой 22 июля 2020 года : одобрен Советом Федерации 24 июля 2020 года] // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 17.09.2022).

2. Российская Федерация. Законы. О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 – 2024 годы : Указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 10.09.2022).

3. Российская Федерация. Законы. О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации : Указ Президента РФ от 25 апреля 2022 г. № 232 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 10.09.2022).

4. Методические рекомендации по вопросам использования государственной информационной системы в области противодействия коррупции «Посейдон» // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации : официальный сайт. – 2022. – URL:

<https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorruption/9/20> (дата обращения: 10.09.2022).

5. New Technologies for Sustainable Development: Perspectives on Integrity, Trust and Anti-Corruption // United Nations Development Programme : официальный сайт. – 2022. – URL: <file:///C:/Users/Lenovo/Downloads/UNDP-New-Technologies-for-Sustainable-Development-Perspectives-on-integrity-Trust-and-Anti-Corruption.pdf> (дата обращения: 10.09.2022).

6. Доклад об использовании новых технологий в борьбе с коррупцией // Антикоррупционный портал НИУ ВШЭ : официальный сайт. – 2022. – URL: https://anticor.hse.ru/main/news_page/opublikovan_doklad_ob_ispolzovanii_novyh_tehnologiy_v_borbe_s_korrupsiyey (дата обращения: 10.09.2022).

7. Евсиков, К. С. Цифровая трансформация противодействия коррупции / К. С. Евсиков, А. А. Суворов, Л. Р. Братчикова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2022. – №1. – С. 67–80.

8. Карцхия, А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Карцхия Александр Амиранович ; Российская государственная академия интеллектуальной собственности. – Москва, 2019. – 44 с.

9. Куртяк, И. В. Понятие и сущность цифровых технологий в нормотворческом процессе / И. В. Куртяк // Международная научно-практическая конференция. Под общей редакцией А.И. Каплунова. Санкт-Петербург, 2021.

10. Греф назвал цифровизацию единственным способом борьбы с коррупцией // ТАСС.ru : [сайт]. – 2019. – 16 янв. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/6004202> (дата обращения: 11.09.2022).

11. Как работает кремлевский антикоррупционный проект «Посейдон» // URA.ru : [сайт]. – 2022. – 7 мая. – URL: <https://ura.news/articles/1036284502> (дата обращения: 17.09.2022).

12. Чиновникам объяснили, как отчитаться о криптовалюте // Парламентская газета : [сайт]. – 2022. – 15 янв. – URL: <https://www.pnp.ru/economics/chinovnikam-obyasnili-kak-otchitatsya-0-kriptovalyute.html> (дата обращения: 17.09.2022).

УДК 340

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ СУДЕБНОЙ ДОКТРИНЫ

© Н.В. Шапран

Сибирский федеральный университет

В качестве одного из видов источников права традиционно выделяется правовая доктрина, в самом общем виде представляющая собой положения работ известных ученых, используемых в некоторых странах при наличии пробела в законодательстве или при отсутствии соответствующего прецедента. Однако на страницах периодической печати время от времени встречается словосочетание «судебная доктрина» [см. например, 1, с. 14; 3, с. 173], а также отдельные ее проявления, без слова «судебная» в названии (доктрина снятия корпоративной вуали [2, с. 80], доктрина бенефициарной собственности [4, с. 51], доктрина факультативности налоговых льгот [5, с. 80]) или же с таковым (судебная доктрина верховенства права в России [6, с. 13] и т.д.).

Следует отметить, что при раскрытии содержания понятия «судебная доктрина» все исследователи обращают внимание на зарубежный, прежде всего, американский опыт, поскольку генезис судебных доктрин обнаруживается именно там. В частности, это связывается с большим количеством прецедентов, накопленных в течение нескольких столетий, а также соответствующих разъяснений Верховного суда США.

Между тем, в литературе нет единства мнений по поводу того, что следует понимать под судебной доктриной и каково ее место в механизме правового регулирования.

Для отечественного правопорядка характерен подход, в соответствии с которым судебная доктрина представляет собой некий инструмент, используемый судами при рассмотрении дел. В рамках данного подхода исследователи делают акцент на разных аспектах такого инструмента.

Например, Ю.Э. Ибрагимова указывает, что судебная доктрина предоставляет суду ориентиры при разрешении дел, предполагающих судебное усмотрение и восполнение пробелов в законодательстве [3, с. 174]. Р.М. Мохов отмечает, что судебные доктрины вырабатываются в ходе накопления и последующего обобщения судебной практики [8, с. 26]. Е.В. Тарибо подчеркивает, что суды должны неуклонно следовать судебным доктринам при разрешении дел определенной категории [5, с. 10-12]. Х.И. Гаджиев обращает внимание на то, что судебная доктрина есть испытанный подход к решению

конкретных судебных дел, подтвержденный авторитетом судебной власти [9, с. 14].

Указанные точки зрения сближает то обстоятельство, что каждое из них так или иначе стремится подчеркнуть – квинтэссенция судебной доктрины состоит в том, что это некий инструмент суда, которым он пользуется при разрешении дел. Иными словами, судебная доктрина – это продукт судебной деятельности, представляющий собой определенный алгоритм с перспективным действием, в соответствии с которым суды в дальнейшем будут разрешать дела определенной категории.

Можно выделить также и иной подход к понятию судебной доктрины. В частности, Е.В. Тарибо в своих рассуждениях отмечает, что в процессе разрешения множества сходных судебных дел значение собственно первого прецедента (первоисточника) постепенно утрачивается, и последний, благодаря многократному применению, воспринимается как существующий сам по себе – в виде судебной доктрины. В судебной практике содержание доктрин постоянно обогащается, выявляются и корректируются границы приложения к однородным правовым ситуациям (казусам), поэтому судебная доктрина представляет собой не просто инструмент судебных технологий, но достаточно сложное правовое явление [7, с. 118].

Представляется, что в указанном понимании судебная доктрина есть акт толкования права. Иными словами, суды, раз за разом применяя нормы права, сформулированные в первичном прецеденте, постепенно уточняют и дополняют их, расширяют пределы действия этих норм, обрисовывая новые грани регулируемых правоотношений. В данном контексте нам кажется уместной красивая аллегория Г. Харта о «проблеме полутени» (problems of penumbra) правовой нормы [12, с. 607], которая (применительно уже к судебным доктринам) постепенно сокращается, словно шагреновая кожа, в результате правоприменительной деятельности судов. Белых пятен становится все меньше, а судебная доктрина, в свою очередь, становится все более содержательной с каждым новым правоприменительным процессом.

Помимо понятия судебной доктрины в литературе также выделяются и признаки судебных доктрин [11, с. 56–57]. Кратко разберем каждый из них.

Судебная доктрина формируется на основании принципа *stare decisis*. В переводе с латинского *stare decisis* означает «стоять на решенном» - один из базовых принципов прецедентного права, в соответствии с которым судьи обязаны уважать прецеденты, созданные предшествующими решениями. Данный признак не вызывает сомнений, поскольку само существование судебных доктрин обусловлено наличием базового прецедента, на основе

которого судебная доктрина и сформировалась. В случае возможности игнорирования судами ранее принятых прецедентов не только существование судебных доктрин было бы под вопросом, но, мы полагаем, и всей системы прецедентного права.

Судебная доктрина есть результат обобщения обширной судебной практики. Будучи основанной на первоначальном прецеденте, судебная доктрина формируется не сразу, но в результате многократного применения такого прецедента, рассмотрения большого количества дел, каждое из которых имеет какие-либо особенности. Итогом анализа и обобщения схожих дел в рамках конкретной группы может стать судебная доктрина, описывающая как общие моменты, характерные для всех (или, по крайней мере, большинства) подобных дел, так и некоторые частные моменты.

Признак обязательности судебных доктрин необходимо рассматривать вместе с признаком нормативности и более высокого иерархического статуса по сравнению с единичным прецедентом. Содержание судебной доктрины – норма права, формируется в результате принятия целой серии судебных решений по однотипным делам на основе конкретного прецедента или нескольких прецедентов. Именно обязательность последних предопределяет обязательность и самой судебной доктрины. И если существует возможность преодоления единичного прецедента (*overrule the precedent*), то преодоление судебных доктрин представляется процессом существенно затруднительным, как минимум, потому что судебная доктрина есть более сложное явление, нежели чем отдельный прецедент. Эта сложность выражается в структурном многообразии. Судебная доктрина состоит из некоторого количества прецедентов, каждый из которых является по сути уже самостоятельным источником права [8, с. 10–11]. Это обуславливает более высокий статус доктрины по сравнению с прецедентом.

Признак комплексности судебных доктрин раскрывается через выполняемые судебными доктринами функции. Помимо систематизации судебных решений судебные доктрины также играют роль правового инструментария суда, выступают как средство для наполнения каких-либо положений новым смыслом, для легитимации новых прав, для изменения норм закона [8, с. 20].

Нельзя не упомянуть и о том, что судебные доктрины находятся в постоянном развитии. Суды принимают решения практически ежедневно, в том числе, применяя ими же сформированные судебные доктрины. Очевидно, что при возникновении нестандартного случая судебная доктрина может быть дополнена каким-либо новым аспектом, на который до этого не

акцентировалось внимание судов. Способность судебных доктрин к адаптации, наполнению (и дополнению) их новым содержанием в этом отношении похожа на эволютивное толкование, осуществляемое, например, ЕСПЧ при применении положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Представляется, что все рассмотренные признаки так или иначе являются взаимосвязанными и взаимодополняющими.

Анализ отечественной научной литературы и правоприменительной практики показал, что по большей части судебные доктрины исследуются в отраслях публичного права, а именно в налоговом и конституционном праве. Для частноправовых отраслей судебная доктрина есть не столь характерное явление, однако некоторые отдельные проявления довольно известны. Речь идет, в частности, об упомянутых выше доктрине снятия корпоративной вуали, которая активно используется судами, о доктрине бенефициарной собственности.

На наш взгляд, общетеоретическое изучение понятия судебной доктрины, а также ее преломление в частном праве является перспективным направлением для исследования. Правовая природа рассматриваемой конструкции, ее место в системе правового регулирования – область ли это правоприменения или же область толкования права, или нечто иное – вопрос на данный момент открытый и подлежащий дополнительному изучению.

Список использованных источников:

1. Емелин М.Ю. Правовая доктрина в системе источников общего права: на основе анализа правовой системы США: автореф... дис. кан. юрид. наук. Саратов. 2015. 32 с.
2. Будылин С.Л., Иванец Ю.Л. Срывая покровы. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 7. С. 80–125.
3. Ибрагимов Ю.Э. Роль судебных доктрин в практике арбитражных судов // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 172–185.
4. Подшивалов Т.П. Соотношение доктрины бенефициарной собственности и доктрины снятия корпоративной вуали при оспаривании корпоративных решений // Право и экономика. 2017. № 9. С. 51–55.
5. Тарибо Е.В. Судебно-конституционная доктрина "факультативности налоговых льгот": пределы применения // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 2. С. 10–17.

6. Гаджиев Г.А. О судебной доктрине верховенства права // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 4 (95). С. 12–25.
7. Тарибо Е.В. Судебные доктрины и практика Конституционного Суда Российской Федерации // Право и политика. 2005. № 2. С. 118–122.
8. Мохов Р.М. Судебная доктрина как источник права // Политика, экономика и инновации. 2018. № 4 (21). С. 1-25.
9. Гаджиев Х.И. Судебные доктрины и эффективность правоприменения / Х.И. Гаджиев // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 14–27.
10. Тхабисимова Л.А. Судебные доктрины США: очерк теории и практики // Северо-Кавказский юридический вестник. 2006. № 3. С. 52–56.
11. Романова Е.В. Судебная доктрина как источник (форма) права в налоговом праве США // Налоги и налогообложение. 2012. № 11–12. С. 52–61.
12. Hart H. L. A. Positivism and the Separation of Law and Morals // Harvard Law Review. 1958. Vol. 74, №. 4. PP. 593-629.

УДК 340.12

ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТОИНСТВА НАЦИИ

© **Д.В. Шаркевич**

Сибирский федеральный университет

На самых ранних ступенях развития человеческого общества ценность человека определялась набором присущих ему прав, которые обеспечивали определенный уровень жизни индивидуумам. Развитие государственности и правовое оформление политически организованных обществ обусловили возникновение документов высшей юридической силы, Конституций государств, закрепляющих и гарантирующих права человека.

Помимо всех фундаментальных прав, обеспечивающих общее благосостояние той или иной нации, критически важным является закрепление в Конституциях права человека на образование. Право на образование имеет решающее значение для человеческого, социального и экономического развития и является ключевым элементом для достижения устойчивого развития. Оно является мощным инструментом развития полного потенциала каждого человека и обеспечения человеческого достоинства, а также содействия индивидуальному и коллективному благополучию.

Современные мировые тенденции диктуют свои требования по отношению к каждому человеку, которым он должен следовать, чтобы достичь определенного уровня развития и обеспечить себе достойные условия жизни. Образование в данном контексте играет основополагающую роль в становлении личности и обретения своего рода гарантий благополучия.

Однако зачастую такие требования носят несоизмеримый и неадекватный характер по отношению к физиологическим возможностям человека. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования характеристик социальной среды различных государств и уровня самоубийств.

Показательны тезисы, изложенные в Докладе о человеческом развитии за 2021/2022 гг. Программы развития Организации Объединенных Наций. В нем можно отметить следующее: «люди во всем мире теперь признаются, что чувствуют себя все более незащищенными», «шесть из семи человек во всем мире сообщали о том, что чувствовали себя неуверенно во многих аспектах своей жизни», «когда наши возможности, выбор и надежды на будущее рушатся, это непременно скажется на благополучии наших стран и нашей планеты», «достижения в каких-либо из областей, например, в количестве лет обучения или ожидаемой продолжительности жизни, не компенсируют потери в других, например, в чувстве контроля над своей жизнью» [1]. Все эти умозаключения являются ни чем иным, как подтверждением того, что человек испытывает колоссальные сложности на пути своего развития. Предложенные государствами гарантии не обеспечивают той степени поддержки, которая бы помогла сохранить эмоциональную стабильность, устойчивость к постоянно меняющимся реалиям современности.

Отдельного внимания заслуживают страны, для которых характерен экономический взлет за последние два десятилетия. Азиатский регион представляет особый интерес, в частности, Республика Корея, которая занимает 14-ю строку в списке стран по величине валового внутреннего продукта, рассчитанному по паритету покупательной способности. Такой экономический рывок обусловлен во многом высокой образованностью населения Республике Корея.

Республика Корея имеет многовековую историю развития страны, которая в разные периоды уделяла особое внимание вопросу образования населения. Непосредственное влияние на нее оказывали конфуцианская философия, которая попала в Корею из Китая еще 15 веков назад, японская оккупация с 1910 по 1945 год. От этапа полной закрытости и «отшельничества» во времена правления династии Чосон с 1392 по 1910 год и до военного переворота 1979 года образование находилось в состоянии стагнации. Последующий

исторический этап ознаменовал радикальные изменения в области образования, которые повлекли за собой значительный приток студентов в вузы, рост конкуренции при поступлении и, в то же время, увеличение степени государственного вмешательства и полного контроля данной сферы жизни. И эта система рухнула из-за отрицательной динамики и так небольших сдвигов в данной сфере и, в конечном итоге, давления со стороны университетов, студентов и их родителей. Тем не менее, вся непростая история развития корейской системы образования сформировала в сознании народа этого государства очень серьезное отношение к ней и сделало получение образования важнейшим этапом развития карьеры, без которого она не представляется возможной. Результаты проделанной работы над совершенствованием системы образования выражаются в высоком уровне образованности корейского населения, о чем свидетельствуют многочисленные рейтинги. Республика Корея выдерживает диапазон второй десятки стран мира с наиболее успешной системой образования [3].

Примечателен труд корейских исследователей Со Кеонг Квон, Мунбок Ли и Донгкван Шин Корейского института учебной программы и оценки, которые в своей статье «Educational assessment in the Republic of Korea: lights and shadows of high-stake exam-based education system» описывают уникальный опыт страны в сфере образования. Корейское государство, с одной стороны, выделяет ежегодно около \$ 19 млрд на частное образование и при этом вводит практику «комендантских часов», которые препятствуют посещению учебных заведений и репетиторов после 10 часов вечера, что позволяет регулировать нагрузку студентов. Чрезмерное желание учиться обусловлено известной сложностью поступления в образовательные учреждения Республики Кореи. Важнейшим этапом для поступления в университет является прохождение вступительного экзамена CSAT – College Scholastic Ability Test, который призван определить учебные возможности абитуриентов. Для последних это представляет немалый стресс, ведь существует убежденность, что неуспешное прохождение экзамена сулит крах карьеры [5].

Справедливо заметить, что развитие образования в Республике Корея повлекло за собой так называемую «лихорадку образованности», которая выражается в перегрузках студентов и, как следствие, затяжными депрессиями [2]. С 2003 года Южная Корея показывает самый высокий уровень самоубийств среди стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

В журнале BMC Public Health, который содержит многочисленные статьи, посвященные пониманию всех аспектов общественного здоровья, в частности, социальным детерминантам здоровья, было опубликовано уникальное

исследование [4]. Корейскими исследователями был использован стандартизированный по возрасту уровень самоубийств в каждом выбранном районе, а также 12 ежегодных показателей социальной среды, которые отражали социально-экономические, демографические, городские особенности, общее поведение в отношении здоровья и другие характеристики окружающей среды в 229 административных районах Южной Кореи. Было изучено комплексное воздействие социальной среды на уровень самоубийств в Южной Корее и выявлено, что более высокий уровень самоубийств связан с более низкими значениями социально-экономического статуса, физической нагрузки и религиозной деятельности, а также с более высокой социальной изоляцией и практикой курения. Действительно, более низкий социально-экономический статус был признан одним из основных факторов риска самоубийств. Более высокие показатели самоубийств отмечались среди людей с более низким уровнем дохода и образования.

Из вышеизложенного следует, что право на образование в Южной Корее реализуется комплексно и сопровождается предоставлением каждому возможности обучаться на конкурсной основе, сложным процессом подготовки к основному экзамену и поступлением, дополнительным правовым регулированием нагрузки студентов со стороны государства. Однако статистика уровня самоубийств, где главным фактором является низкий/низкий в перспективе социально-экономический статус гражданина этой страны, вынуждает нас пересмотреть реализацию данного права в контексте права на жизнь, которое обладает несомненным верховенством над всеми остальными группами прав человека. Ведь ни одно человеческое право не может быть реализовано, если фундаментальное и безусловное право на жизнь встает под угрозу.

В этой связи очевидным является вывод о том, что реализация права на образование в Республике Корея встречает сопротивление в самом корне функционирования корейского общества и требует иного правового регулирования, которое бы снизило уровень суицидальной мотивации.

К поиску решению данной проблемы может помочь обращение к базовым философским воззрениям на тему трансцендентальной антропологии прав человека и вытекающей из нее иерархии человеческих прав. Фернандо Суарес Мюллер, доцент кафедры философии и гуманизма Университета гуманистических исследований г. Утрехт, Нидерланды, дает развернутое представление о системе человеческих прав в статье «The Hierarchy of Human Rights and the Transcendental System of Right» [6].

Мюллер утверждает, что система права никогда не является просто произвольным выражением власти, а основывается на более глубоких идеях. С точки зрения дедуктивного трансцендентального подхода, все формы легитимного позитивного (внутреннего и международного) права, будь то гражданское, уголовное или конституционное, зависят от трансцендентальной антропологии, составляющей основу идеи человеческого достоинства.

Мюллер акцентирует внимание на том, что, несмотря на множество различий между существующими позициями в трансцендентальной антропологии, ни одна из них не может уйти от важности трех уровней индивидуальности. Ученый в своем труде представляет таблицу, где он схематически изображает трансцендентальные права, исходящие из философской антропологии, и подразумеваемое ею фундаментальное право на индивидуальность, что означает, что наша человеческая сущность подразумевает набор фундаментальных прав. В таблице 1 представлен перевод на русский язык фундаментальных прав, схематично изображенных Фернандо Суарес Мюллером.

Таблица 1 – Трансцендентальные права человека

Мир Личность	Природа	Предмет	Межпредметность/ Межсубъективность
Чувствующее тело (физические потребности)	1.Питание (жизнь)	2.Жилье (собственность)	3.Здоровье (Забота)
Сознание (ментальные потребности)	4.Свобода	5.Образование	6.Общение/ коммуникации
Самосознание (духовные потребности)	7.Обязанности	8.Самореализация	9.Участие

Три измерения личности также предполагают наличие специфических потребностей. Разделение психических и духовных потребностей может быть на первый взгляд не очевидным. Права первого ряда относятся как самые основные права человека, которые философ Генри Шу назвал «пропитанием» и «безопасностью».

Идея горизонтального прочтения таблицы заключается в том, что если бы эти естественные базовые права личности отсутствовали, в число которых входят право на жизнь, собственность и здоровье, то права из колонок, охватывающих ментальные и духовные потребности человека, не могли бы серьезно развиваться.

Итак, в таблице мы явно видим, что право на жизнь и право на образование отделяют друг от друга еще несколько компонентов, которые должны быть неразрывно и полноценно реализованы. Таковыми являются право на жилье, здоровье и свободу.

Ситуация, сложившаяся в Республике Корея, характеризующаяся высокими показателями депрессивных эпизодов и суицидальных случаев, может иметь свое объяснение отсутствием или существенным недостатком перечисленных компонентов.

С моей точки зрения, важно уделить внимание именно компоненту, предшествующему человеческому праву на образование – свобода человека. Эта компонента в иерархической системе представляет особый интерес, так как может свидетельствовать в условиях функционирования системы образования Республики Кореи о том, что у молодого поколения по всей видимости нет права выбора своей будущей траектории, но есть зацикленность на получении образования. Соответственно, права, относящиеся к физическим потребностям, вообще нивелируются, проявляясь изначально в психическом нездоровье и заканчиваясь самоубийствами.

Требования, сложившиеся в реалиях корейского общества, в критической важности получения образования, являются абсолютно разрушительными в долгосрочной перспективе для нации в целом. Такие требования должны быть ослаблены, путем усиления других компонентов: прав на свободу, здоровье, жилье и жизнь. Это может быть сделано государством путем нормативного регулирования. Политика введения комендантского часа на посещение образовательных учреждений высшего образования и учреждений дополнительного образования является лишь первой ступенью на пути к преобразованиям. Нормативное регулирование данного вопроса должно углубляться и усложняться, учитывая настроения общества. Так, существуют ненормативные варианты введения «гар уеаг» западными странами, что в переводе означает запасной год, предусмотренный для приостановки образовательного процесса и планомерного выбора дальнейшей карьерной траектории. Юридическое закрепление такой нормы в последствии изменило бы сознание общества людей и понизило бы критический уровень суицидальной мотивации, в частности, у жителей Республики Кореи, тем самым

обеспечив достоинство нации путем гарантии исполнения базовых прав человека.

Список использованных источников:

1. Доклад о человеческом развитии за 2021/2022 гг. «Неопределенные времена, неустроенные жизни: формируя наше будущее в меняющемся мире» [Электронный ресурс]. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22overviewrupdf.pdf> [дата обращения: 09.09.2022].

2. Кречетников, К.Г., Семенова, П.Ю. Образование в Южной Корее глазами корейских исследователей / Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. – №21. – С. 37 – 42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-v-yuzhnoy-koree-glazami-koreyskih-issledovateley> [дата обращения: 06.09.2022].

3. Education Rankings by Country 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/education-rankings-by-country> [дата обращения: 12.09.2022].

4. Jang, H., Lee, W., Kim, Yo. Suicide rate and social environment characteristics in South Korea: the roles of socioeconomic, demographic, urbanicity, general health behaviors, and other environmental factors on suicide rate. BMC Public Health. 2022. – № 22, 410. – 10 с. URL: <https://bmcpublihealth.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12889-022-12843-4> [дата обращения: 05.09.2022].

5. Kwon, S.K., Lee, M., Shin, D. Educational assessment in the Republic of Korea: lights and shadows of high-stake exam-based education system / Assessment in Education: Principles, Policy & Practice. 2015. – С. 60-77. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/0969594X.2015.1074540> [дата обращения: 01.09.2022].

6. Suárez Müller, F. The Hierarchy of Human Rights and the Transcendental System of Right / Human Rights Review. 2019. – № 20 (1). – С. 47–66. URL: <https://doi.org/10.1007/s12142-018-0537-z> [дата обращения: 05.09.2022].

УДК 343.2/.7

**РЕШЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ПРОБЛЕМ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ –
ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БИЗНЕСА**

© **И.В. Шишко**

Сибирский федеральный университет

В условиях масштабных экономических санкций перед Россией встала задача ускоренного развития экономики. В этой ситуации одной из наиболее острых проблем стала уголовно-правовая политика в сфере экономики.

По мнению ряда депутатов и представителей общественности, уровень криминализации деятельности в сфере предпринимательства является избыточным, а представление об общественной опасности некоторых преступлений – спорным. В связи с этим появились предложения о полной декриминализации некоторых деяний (например, предусмотренных ст. 185.1 и 193.1 Уголовного кодекса РФ (далее – УК)) или частичной (например, об исключении из ряда норм главы 22 УК «Преступления в сфере экономической деятельности» квалифицирующих признаков «группа лиц по предварительному сговору» и «совершенные с использованием служебного положения»).

Кроме того, отмечается, что одной из тенденций в практике уголовного преследования предпринимателей стало возбуждение против них уголовных дел не только по главе 22 УК, но и по так называемым «общеуголовным» статьям, и прежде всего, по статьям о мошенничестве.

Из экономики якобы уже по этим причинам фактически «исключается» часть предприимчивых лиц, в которых эта экономика в настоящее время особенно нуждается.

Для возвращения многих из них в экономические процессы в текущем году «Деловая Россия» сформулировала предложения об амнистии для предпринимателей, осужденных за экономические преступления, в том числе за хищения в крупном и особо крупном размерах [7], а на платформе «ЗаБизнес.РФ» обсуждалась идея о помиловании предпринимателей, осужденных в том числе и за квалифицированное мошенничество. Однако подобные предложения, особенно в части тяжких преступлений, трудно поддержать. Лица, совершившие такие преступления, как правило, преследуют цели, несовместимые с целью ускорения развития экономики.

Что же касается частичной декриминализации в сфере экономики, то она, без сомнения, необходима: в условиях значительного роста цен должно быть

пересмотрено и законодательное определение крупного и особо крупного ущерба/дохода/размера: их количественные параметры должны быть увеличены. Необходимо исключить и пункт 4 примечания к статье 159 УК с тем, чтобы части 5 – 7 этой статьи распространялись и на мошенничество при исполнении государственных и муниципальных контрактов. К уже приведенным другими авторами аргументам в пользу этого предложения добавим, что в настоящее время пункт 4 противоречит части 2 статьи 8 Конституции о равной защите всех форм собственности, т.к. обеспечивает большую охрану государственной и муниципальной собственности.

Вместе с тем, сокращение числа осужденных предпринимателей далеко не всегда требует декриминализации (полной или частичной) деяний, предусмотренных нормами раздела VIII УК, или амнистии. Нередко необходимо пресечение незаконного применения экономических норм УК руководителями правоохранительных органов. Дело в том, что ст. 159 УК стала вменяться и при наличии обмана, не повлекшего ущерба [9, с. 328-330]. Особенно часто она вменяется руководителям организаций, выполняющим государственные или муниципальные контракты и в силу разных причин (чаще - по просьбе заказчика) подписывающим акты приема-сдачи оказанных услуг до их реального выполнения. На практике их привлекают к ответственности независимо от того, что по истечении 2-5 месяцев (и задолго до того, как эти «факты» стали известны правоохранительным органам) работы в полном объеме были выполнены, и, следовательно, содеянное не содержит всех признаков мошенничества.

Изложенное позволяет в значительной мере согласиться с тем, что практика применения экономического уголовного законодательства способствует бесконтрольному росту уголовных репрессий [11, с.11], а, значит, и снижению экономической активности.

Вместе с тем законную экономическую активность, безусловно, сдерживают незаконные действия должностных лиц не только силовых структур. Именно поэтому главу 22 УК уже при его «рождении» открыла ст. 169, установившая ответственность за воспрепятствование законной предпринимательской деятельности (с 2002 г. - или иной деятельности). Понимая, что большинство должностных лиц в органах власти по инерции применяют методы, характерные для административно-командной системы управления экономикой, законодатель вывел часть злоупотреблений должностными полномочиями (ч. 1 ст. 285 УК) в специальную норму (ч.1 ст. 199 УК), исключив такие криминообразующие признаки, как последствие («существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций ...»), мотив («из корыстной или иной личной заинтересованности»),

и «расширив» способ совершения до «использования своего служебного положения». Таким образом, ч. 1 ст. 169 УК стала, на первый взгляд, несложным инструментом, с помощью которого лица, осуществляющие предпринимательскую или иную экономическую деятельность, могут защищаться от незаконных действий должностных лиц.

Однако число осужденных по ч. 1 ст. 169 УК измеряется единицами. Так, в 2021 г. осуждены всего 4 лица [6], хотя и создание института уполномоченных по защите прав предпринимателей, и платформы для рассмотрения жалоб предпринимателей, и констатация, что «бизнес постоянно просит защиту» [12], свидетельствуют о том, что случаи воспрепятствования законной предпринимательской деятельности распространены.

Почему же «несложный инструмент» так редко применяется? Помимо известного нежелания предпринимателей портить отношения с представителями власти, одной из причин стала формулировка диспозиции части 1 статьи 169 УК. И дело не только в бланкетной диспозиции, хотя для установления незаконности деяния должностного лица в сфере экономики приходится изучить не один федеральный закон.

Проблема заключается в сочетании казуально-абстрактного описания объективной стороны и конструкции состава воспрепятствования как формального. Такое описание объективной стороны обычно встречается при использовании описания признака, помогающего понять абстрактно изложенный признак. Однако конкретно описанные в ст. 169 УК «неправомерный отказ в государственной регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица либо уклонение от их регистрации, неправомерный отказ в выдаче специального разрешения (лицензии) на осуществление определенной деятельности либо уклонение от его выдачи» описанием абстрактно изложенных признаков «незаконное ограничение самостоятельности либо иное незаконное вмешательство в деятельность индивидуального предпринимателя или юридического лица» не являются: первые совершаются, когда законная предпринимательская деятельность или требующий специального разрешения (лицензии) ее вид еще не осуществляются, а последние – в период ее осуществления. Это не позволяет толковать абстрактно описанные деяния как вовсе исключающие осуществление предпринимательской деятельности или ее лицензируемого вида.

Кроме того, из самой диспозиции видно, что воспрепятствованием предпринимательской деятельности признаются деяния (ограничение прав и законных интересов, незаконное вмешательство), не только полностью парализующие ее, но и затрудняющие ее осуществление.

Определение воспрепятствования как исключаящего определенную деятельность полностью или частично, встречается и в других нормативных актах. Так, согласно статье 9.1. Положения Банка России от 25.02.2019 г. акт о воспрепятствовании осуществлению функций временной администрации должен быть составлен «в случае если должностными лицами кредитной организации ...путем совершения неправомерных действий или бездействия, включая неисполнение возложенных федеральными законами обязанностей, создаются условия, при которых временная администрация не может полностью или частично осуществлять функции, возложенные на нее федеральными законами и нормативными актами Банка России...» [4].

Вывод о том, что воспрепятствование не обязательно должно исключать предпринимательскую деятельность вовсе, подтверждает и судебная практика.

К примеру, как воспрепятствование законной предпринимательской деятельности суды расценили нарушение имущественного права организации на продление договоров на право размещения нестационарных торговых объектов по ряду адресов. И для такой квалификации суды не выясняли, всех или части павильонов, принадлежащих организации, коснулся этот отказ (дело было прекращено в связи с тем, что ограничение прав и законных интересов юридического лица не было обусловлено его организационно-правовой формой, а от вменения других деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 169 УК, обвинение отказалось) [5].

Уголовные дела по ст. 169 УК возбуждались за незаконный отказ субъекту малого предпринимательства в заключении договора купли-продажи объектов недвижимости при соблюдении всех условий, предусмотренных Федеральным законом от 22.07.2008 г. № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1], за незаконные действия должностных лиц при предоставлении земельных участков в аренду, за организацию многочисленных проверок и незаконные отказы в предоставлении хозяйствующим субъектам имущественной поддержки или субсидий, а также за нарушения федерального законодательства в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд [8].

Воспрепятствование признается оконченным с момента совершения любого из перечисленных деяний, независимо от того, отстаивали ли индивидуальный предприниматель или юридическое лицо свои законные интересы или права в установленном порядке.

Вместе с тем вменение абстрактно описанных в ч. 1 ст. 169 УК деяний, безусловно, вызывает трудности, обусловленные конструкцией состава. Всегда ли незаконное ограничение самостоятельности либо иное незаконное вмешательство в деятельность индивидуального предпринимателя или юридического лица преступны или достаточно признания их дисциплинарным проступком? Вопрос непростой. Не случайно, в литературе воспрепятствование иногда определяют как существенно ограничивающее предпринимательскую деятельность [13, с.239], или сопровождающееся угрозами наступления вредных последствий [10, с. 155]: так авторы пытаются отграничить преступное воспрепятствование от малозначительного деяния. Однако никакие дополнительные признаки воспрепятствования в части 1 ст. 169 не установлены. Кроме того, терзающимся сомнением в преступности воспрепятствования безотносительно к наступлению каких-либо последствий нужно помнить, что санкция в части 1 ст. 169 намного мягче санкции в части 1 ст. 285 УК, по которой большинство случаев воспрепятствования можно было квалифицировать, указав, что оно повлекло существенное нарушение конституционного права на свободное использование своих способностей и имущества для законной предпринимательской или иной экономической деятельности.

Особого внимания заслуживает незаконное вмешательство в хозяйственную деятельность предпринимателей в рамках уголовно-процессуального законодательства. Не случайно, в 2016 г. в ст. 299 УК была включена часть 3, предусматривающая ответственность за «незаконное возбуждение уголовного дела, если это деяние совершено в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности либо из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло прекращение предпринимательской деятельности либо причинение крупного ущерба». Санкция этой нормы, установившей ответственность, по сути, за наиболее опасное воспрепятствование законной предпринимательской деятельности, повлекшее ее прекращение либо причинение крупного ущерба, предусматривает лишение свободы на срок от пяти до десяти лет.

Известно, что ряд видов предпринимательской деятельности может осуществляться только при наличии специального разрешения (лицензии) и любое незаконное действие – приостановление лицензии, прекращение ее действия или ее аннулирование – должны признаваться воспрепятствованием: предпринимательская деятельность в этих случаях продолжаться не может. Незаконные приостановление и прекращение действия лицензии могут совершаться только представителями лицензирующих органов, и трудности в квалификации таких действий, если они не причинили крупный ущерб, как

правило, не возникают. Что касается аннулирования лицензии, то согласно ст. 12 Федерального закона от 04.05.2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [2] оно осуществляется судом, и если незаконное решение об аннулировании вынесено умышленно, ответственность должна наступать не по части 1 ст. 169, а по части 1 ст. 305 УК «Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта». В этом случае воспрепятствование законной предпринимательской деятельности совершается судом, т.е. органом, который осуществляет судебный контроль, и совершение воспрепятствования им обуславливает значительно большую общественную опасность содеянного.

Вопреки призывам декриминализировать часть деяний, предусмотренных нормами гл. 22 УК, росту экономической активности способствовала бы и докриминализация воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности.

Учитывая, что должностные лица находят самые разнообразные способы незаконного воздействия на бизнес, а также то обстоятельство, что наряду с предпринимательской в России в последние годы развиваются и иные виды экономической деятельности (мы имеем в виду самозанятых и осуществляющих другие виды доходной деятельности [3]), для обеспечения защиты законных интересов и прав всех, кто осуществляет законную экономическую деятельность, считаем необходимым изложить диспозицию части 1 ст. 169 УК в следующей редакции: «1. Неправомерный отказ в государственной регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица либо уклонение от их регистрации, неправомерный отказ в выдаче специального разрешения (лицензии) на осуществление определенной деятельности либо уклонение от его выдачи, ограничение прав и законных интересов индивидуального предпринимателя или юридического лица в зависимости от организационно-правовой формы, а равно незаконное ограничение самостоятельности либо иное незаконное вмешательство в деятельность юридического лица, индивидуального предпринимателя, либо лиц, осуществляющих иные виды экономической деятельности, если эти деяния совершены должностным лицом с использованием своего служебного положения». Предложенная докриминализация позволила бы действительно защитить законные интересы и права лиц, осуществляющих иные виды доходной деятельности, поскольку вопреки названию статьи диспозиция ч.1 ст. 169 УК считать их потерпевшими не позволяет.

В настоящее время при квалификации воспрепятствования необходимо затронуть еще один важный вопрос.

В условиях проведения специальной военной операции на первый план выходит безопасность, и она может потребовать умаления прав и законных интересов, включая право на свободу осуществления экономической деятельности. В связи с этим деяния, обоснованно признаваемые воспрепятствованием (например, дача хозяйствующим субъектам указаний о первоочередных поставках товаров для определенной категории покупателей (заказчиков) или о заключении в приоритетном порядке договоров), не могут признаваться преступными, если они были совершены должностным лицом в целях обеспечения безопасности. Такие действия нужно признавать совершенными в состоянии крайней необходимости (разумеется, при наличии всех условий правомерности).

Список использованных источников:

1. Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Текст]: федеральный закон от 22.07.2008 г. № 159-ФЗ (ред. от 08.06.2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2008. – № 30 (ч. 1). – Ст. 3615.

2. О лицензировании отдельных видов деятельности [Текст]: федеральный закон от 04.05.2011 г. № 99-ФЗ (ред. от 30.12.2021 г.) //Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 19. – Ст. 2716.

3. О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» [Текст]: федеральный закон от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ (ред. от 28.06.2022 г.) //Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2018. – № 49. – Ст. 7494.

4. О порядке назначения, осуществления и прекращения деятельности временной администрации по управлению кредитной организацией, назначаемой до отзыва у кредитной организации лицензии на осуществление банковских операций, а также временной администрации по управлению банком, назначаемой в случае утверждения плана участия Банка России или плана участия государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» в осуществлении мер по предупреждению банкротства банка [Текст]: положение Банка России от 25.02.2019 г. № 675-П //Вестник Банка России. – 2019. – № 35 – 36.

5. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.11.2019 г. № 3-УД19-11 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=B90A1B07BDB5533E84DDB26DBE22566D&SORTTYPE=0&BASENODE=ARB002-3&base=ARB&n=607488&rnd=NTwSw#i1qVyJToiCBVnEx31>

6. Судебная статистика РФ [Электронный ресурс] //Официальный сайт Судебная статистика РФ. - Режим доступа: <https://stat.апипресс.рф/stats/ug/t/14/s/17>.

7. Бизнес попросил амнистии для предпринимателей [Электронный ресурс] //Официальный сайт Газета Известия. 2022. 1 апр. - Режим доступа: <https://iz.ru/1313810/2022-04-01/biznes-poprosil-ob-amnistii-dlia-predprinimatelei>

8. В России стали больше возбуждать дел против чиновников за воспрепятствование бизнесу [Электронный ресурс] //Официальный сайт ТАСС. - Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/6533464>.

9. Клепицкий, И. А. Новое экономическое уголовное право [Текст]: монография. – М.: Проспект, 2021. – 984 с.

10. Ковалев, М.В. О некоторых вопросах квалификации воспрепятствования законной предпринимательской деятельности [Текст] / М.В. Ковалев // Вестник ВЭГУ. – 2018. – № 6 (98). – С. 148-156.

11. Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. – Москва: Фонд «Либеральная миссия», 2010. – 196 с.

12. ПМЭФ-2022. Защита бизнеса: баланс между развитием экономики и обеспечением правопорядка [Электронный ресурс]. //Официальный сайт За бизнес. 15.06.2022 - Режим доступа: <https://забизнес.рф/news/news/148>.

13. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть [Текст]: Учебник. – Изд. второе, исправл. и доп./ под ред. д-ра юр. наук, проф. А.И. Рарога, д-ра юр. наук, проф. А.И. Чучаева. – М.: Юридическая фирма «Контракт»: ИНФРА-М, 2009. – 800 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Арыкова К.А.</i> Приобретение бесхозяйной недвижимости муниципальным образованием: право или обязанность?	3
<i>Бойцова А.Ю.</i> Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 284.1 УК РФ	10
<i>Wang Yufeng</i> Rational use of studies in dyslexia takes the perspective of article 24 of the Copyright act	13
<i>Волков О.Е.</i> Совет Федерации Российской Федерации: совершенствование порядка формирования	24
<i>Волкова М.А.</i> Психологическая характеристика в структуре криминологического портрета личности коррупционного преступника в сфере публичных закупок	31
<i>Воронов Ф.А.</i> Групповой интерес как опровержение презумпции наличия цели причинения вреда при конкурсном оспаривании обеспечительных сделок	37
<i>Габов А.А.</i> Управление в социальных организациях как проявление процессов централизации и децентрализации	43
<i>Грибалева А.А.</i> Научное правопонимание	46
<i>Долголенко Т.В.</i> Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью	55
<i>Домницкий Д.Г.</i> О соотношении государства и общества	63
<i>Дробышевский С.А.</i> Содержание естественного права: об одном из теоретических споров	66
<i>Дубовик Д.М.</i> Цифровизация, как современный способ развития правового регулирования экологических отношений	68
<i>Дубынин Е.А.</i> Некоторые точки зрения по тактике допроса в уголовном судопроизводстве	73
<i>Ефремова Е.С.</i> К дискуссии об изменении судебной доктрины применения расчетного метода при определении налогового обязательства	77
<i>Иванова И.Г.</i> Типовые ошибки специалистов, участвующих в осмотре места происшествия	83

<i>Ивашкевич Е.Ф.</i> Институт гражданства в странах СНГ: основные тенденции развития на современном этапе	90
<i>Казанцев Е.Б.</i> Нарушения национального режима как разновидность злоупотреблений в сфере закупок (ст. 200.4 УК РФ)	98
<i>Качина Н.В.</i> Ключевая проблема разграничения вымогательства с принуждением к сделке	104
<i>Климович Л.П., Логинова Н.Г.</i> О процессуальной форме использования специальных знаний на стадии возбуждения уголовного дела	113
<i>Ковалева А.В.</i> Сведущие свидетели в современном цивилистическом процессе Германии	119
<i>Кожар Е.В.</i> Первые попытки реформирования крестьянского землепользования в Великом Княжестве Литовском в начале XVI в.	126
<i>Кондрашев А.А.</i> Органы публичной власти субъектов Российской Федерации в свете конституционной реформы 2020 года: коллизии и пробелы	133
<i>Космодемьянская Е.Е.</i> Проблемные аспекты расследования преступлений экономической направленности в сфере лесопромышленного комплекса .	142
<i>Кострыкина В.В.</i> Информационная открытость организаций (поставщиков социальных услуг) в предупреждении коррупции	149
<i>Красняков Н.И.</i> О Методологические аспекты исследования характера имперской власти	154
<i>Кратенко М.В.</i> Применение правила <i>estoppel</i> при разрешении споров из договора страхования	162
<i>Кружалова Л.В.</i> Проблемы коммуникации поколений в процессе преподавания истории государства и права	170
<i>Кухаренко А.Ю.</i> Пределы свободы трудового договора	175
<i>Лазуткин В.А.</i> О некоторых теоретических вопросах соотношения источников наднационального права	178
<i>Маслов А.А.</i> Некоторые аспекты состояния преступности на транспорте	184
<i>Мелещук И.А.</i> Некоторые вопросы ответственности работодателя за нарушение требований охраны труда дистанционных работников	189
<i>Мещериков В.А.</i> Сотрудничество государств-членов ЕАЭС в Арктике	195

<i>Мирончик А.С.</i> Разграничение кражи и присвоения найденного имущества	201
<i>Мирошкин П.М.</i> Проблемы правового регулирования проведения предвыборной агитации в социальных сетях	205
<i>Москалев Г.Л.</i> Информационные преступления экстремистской и террористической направленности: изменения числа и возраста осужденных на основе данных судебной статистики	210
<i>Николаев А.В.</i> Целевое антиуклонительное правило в трансграничных налоговых отношениях: риски для делового оборота и механизмы их компенсации	215
<i>Овсянников Ю.В.</i> Правовое регулирование производства следственных действий в ходе проверки заявлений и сообщений о преступлении: проблемы и пути решения	222
<i>Пенизев М.В.</i> Опыт функционирования института государственного и муниципального управления при Правительстве Красноярского края по правовой поддержке муниципалитетов в спорах с контрольно-надзорными органами	228
<i>Петрова Е.И.</i> Трансформация правового регулирования трудовых отношений в современном обществе	239
<i>Писаревский И.И.</i> Амнистия капиталов: уголовно-процессуальный аспект..	244
<i>Плотникова Н.Г.</i> Особенности регулирования труда дистанционных работников.....	248
<i>Подъяпольский С.А.</i> Избирательное право между формальным и содержательным подходами (в свете двух Постановлений Кконституционного Суда РФ).....	254
<i>Рахматулин З.Р., Сорокун П.В.</i> Отдельные аспекты применения административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы	263
<i>Роньжина О.В.</i> Основания для отказа или предоставления комиссией по конфликту интересов бывшему служащему согласия на трудоустройство ..	268
<i>Рымарев Д.С.</i> Отказ от использования выборных процедур для наделения полномочиями органов публичной власти в аспекте конституционной конфликтологии.....	276

<i>Рычкова Н.Ю.</i> Некоторые правовые вопросы обеспечения интеграции образовательных и научно-исследовательских организаций.....	283
<i>Садакова Д.А., Рымкевич Я.А.</i> Проблема правопонимания: история вопроса	291
<i>Семеновский А.И.</i> Оценка и использование показаний лиц, с учетом сведений об их алкогольной интоксикации.....	297
<i>Сеньшин А.Е.</i> Правовой режим несостоятельности предпринимательской группы как новый вектор развития реабилитационных процедур.....	306
<i>Староватова С.В.</i> Некоторые вопросы уголовной ответственности за незаконную рубку лесных насаждений на карбоновых полигонах и в лесах иных категорий	313
<i>Стародубцева М.А.</i> О некоторых проблемных аспектах реализации мер профилактики распространения идеологии терроризма цифровыми методами в образовательных организациях.....	321
<i>Стрикис О.А.</i> Ликвидация свалок в лесах: правовое регулирование и судебные решения.....	331
<i>Сурихин П.Л.</i> К вопросу о стадиях совершения преступления (в соучастии): системный подход.....	341
<i>Сухарева К.С.</i> Об общих и специальных антикоррупционных стандартах поведения депутатов представительных органов муниципальных образований	347
<i>Тепляшин И.В.</i> Формы конструктивного диалога государства и гражданского общества: конституционно-правовые аспекты.....	354
<i>Тепляшин П.В.</i> Криминологическая характеристика наркоситуации в Республике Казахстан	359
<i>Тушко О.Ю.</i> Теоретические представления М. Вебера, Л. Дюги, В. Парето и Г. Моска об основах государственной и политической власти	365
<i>Федорова Е.А.</i> Проблемы правового регулирования применения принудительного наблюдения и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях	371
<i>Фицай Д.А.</i> Правовые проблемы обеспечения защиты экологических прав человека	377

<i>Хакимов Н.А.</i> Участие специалиста при осмотре места происшествия	384
<i>Черевко Р.В.</i> К вопросу об использовании теории игр в правотворчестве ...	390
<i>Шалагин Г.Е.</i> Современные теоретические проблемы понимания национального государства.....	397
<i>Шамехина Э.В.</i> Государственная информационная система «Посейдон» как новый инструмент противодействия коррупции.....	403
<i>Шапран Н.В.</i> К вопросу о понятии судебной доктрины	411
<i>Шаркевич Д.В.</i> Право на образование в Республике Корея в контексте обеспечения достоинства нации.....	415
<i>Шишко И.В.</i> Решение уголовно-правовых проблем в сфере экономики – одно из направлений правового обеспечения бизнеса	422

